

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

8

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

8

МОСКВА НАУКА 2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Т78

Издание основано в 1997 году

Редакционная коллегия:

А.Н. Сахаров (ответственный редактор),
Г.Б. Куликова, Е.Н. Рудая (составитель)

Научно-техническая работа выполнена
И.А. Головань

Рецензенты:

доктор исторических наук *И.Б. Орлов*,
доктор исторических наук *В.М. Лавров*

Труды Института российской истории / Ин-т рос. истории РАН. – М. : Наука, 1997– .

Вып. 8 / [отв. ред. А.Н. Сахаров ; сост. Е.Н. Рудая]. – 2009. – 383 с. – ISBN 978-5-02-036761-6 (в пер.).

Выпуск продолжает традиции серийного издания Института российской истории. Обращают на себя внимание статьи о периодизации всемирной и отечественной истории, о значении Правобережной Украины и Белоруссии во внешней политике России накануне восшествия на престол Екатерины II, о национальном вооруженном сопротивлении в Прибалтике в 1944–1949 гг., о деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Интерес представляют материалы о разнообразной деятельности ИРИ РАН.

Для историков, преподавателей и студентов вузов.

Темплан 2009-І-250

ISBN 978-5-02-036761-6 © Институт российской истории РАН, 2009
© Рудая Е.Н., составление, 2009
© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Труды Института российской истории” (разработка, оформление), 1997 (год основания), 2009
© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

<i>Ю.А. Поляков</i> Еще раз о гражданском обществе (поиск определения и сути)	8
--	---

<i>А.В. Буганов</i> Отечественные подвижники благочестия и формирование русского национального самосознания.....	12
---	----

<i>В.Я. Гросул</i> О периодизации всемирной и отечественной истории	26
--	----

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>М.Е. Бычкова, О.И. Хоруженко</i> Современные принципы издания кириллических документов Литовской метрики	70
--	----

<i>В.С. Румянцева</i> О периодизации и типологии духовной культуры России в XVII в.	87
---	----

ИСТОРИЯ РОССИИ. XVIII ВЕК

<i>М.Ю. Анисимов</i> Правобережная Украина и Белоруссия во внешней политике Российской империи в 50-х–начале 60-х годов XVIII в.	119
--	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ. XX ВЕК

<i>И.С. Рыбаченок</i> Международные отношения в конце XIX–начале XX в. в политической карикатуре	154
---	-----

<i>Г.В. Мелихов</i> Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. (Домыслы и факты)	190
--	-----

<i>Е.Ю. Зубкова</i>	
Национальное вооруженное сопротивление в Прибалтике. 1944–1949 гг.	210
<i>Ф.И. Новик</i>	
Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ (сентябрь 1955 г.)	231
<i>Ю.П. Бокарев</i>	
Технологическая война и ее роль в геополитической конфронтации между США и СССР	252
<i>А.П. Федоровых</i>	
Черноморский флот в российско-украинских отношениях: непростой путь от конфронтации к диалогу (1991–2000 гг.)	298
В.М. Кабузан	
О праве наций на самоопределение и проживание в составе единого государства (на примере русского этноса)	323

КРАЕВЕДЕНИЕ

<i>К.А. Аверьянов</i>	
Из истории переименований московских улиц	337

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ИНСТИТУТА

<i>А.С. Сияевский</i>	
О командировке в Китайскую Народную Республику	355
<i>И.В. Быстрова</i>	
Научная командировка в Париж	361
<i>А.В. Виноградов, В.А. Невежин</i>	
Научная командировка в Республику Беларусь	366

ПО СТРАНИЦАМ НАШИХ КНИГ

<i>С.А. Мезин</i>	
Проблемы взаимовосприятия культур в изданиях Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН	370
Сведения об авторах	381

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институтом российской истории РАН подготовлен восьмой выпуск трудов¹, который продолжает традиции этого издания. Особое внимание при этом обращается на малоизученные и дискуссионные проблемы и темы, отражающие развитие науки или ему способствующие.

Важнейшей проблемой изучения методологии истории является ее периодизация и выработка соответствующих современному этапу исследований определений и терминов. Академик Ю.А. Поляков поднимает проблему гражданского общества в России, его определения, сути и хронологии зарождения. В этом контексте интересна статья А.В. Буганова о подвижниках благочестия как о специфическом российском факторе формирования национального русского самосознания. Большая статья доктора исторических наук В.Я. Гросула о периодизации всемирной и отечественной истории представляет точку зрения автора на проблему, широко дискутируемую в научной среде.

Раздел истории российского средневековья представлен статьями доктора исторических наук М.Е. Бычковой и кандидата исторических наук О.И. Хоруженко о методике и современных принципах изучения и издания кириллических документов Литовской метрики. Эти документы отражают деятельность высшего государственного органа Великого княжества Литовского в XV–XVIII вв. и имеют отношение к обширному региону, включающему как территории современной Литовской Республики, так и территории Восточной Прибалтики, Белоруссии, Украины, России, Польши. С периодизацией и типологией духовной культуры России в XVII в. связана статья кандидата исторических наук В.С. Румянцевой. В статье уделено большое внимание патриарху Никону – одному из деятельных новаторов в церковно-общественной жизни.

Широко представлены в сборнике и новые аспекты проблем, возникших у СССР и России в XX в.

Статья безвременно ушедшего из жизни доктора исторических наук В.М. Кабузана ставит актуальный вопрос о праве народов проживать на своей этнической территории. При этом особое внимание автор уделяет проблемам изменения русской этнической территории и судьбам русских, проживавших за рубежами России.

Доктор исторических наук Е.Ю. Зубкова рассматривает национальное вооруженное сопротивление в Прибалтике 1944–1949 гг. как ответ на политику советизации, особенно на сопровождавшие ее репрессии и террор. Она ставит вопросы о причинах сопротивления политике советизации, масштабах протеста и уровня конфронтации в трех балтийских республиках, вопрос о соотношении активных и пассивных форм сопротивления.

Ряд статей связан с различными аспектами внешней политики СССР. В статье доктора исторических наук Ю.П. Бокарева “Технологическая война и ее роль в геополитической конфронтации между СССР и США” предпринята первая в отечественной историографии попытка проанализировать основные концепции, направления и последствия технологической войны между США и СССР в конце 1940-х–1991 годов, показать роль в ней неправительственных организаций. Статья вносит новый вклад в изучение проблем “холодной войны”, ставшей одним из важнейших факторов международных отношений в XX в.

На основе интересных архивных материалов доктор исторических наук Г.В. Мелихов приводит фактические данные, связанные с исследованием деятельности Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурии, показывает неправомерность негативных оценок деятельности этого Бюро.

Небольшой, но очень важной теме посвящена статья одного из крупнейших специалистов по истории взаимоотношений России с Германией в XX в. доктора исторических наук Ф.И. Новик. Статья посвящена установлению дипломатических отношений между СССР и ФРГ в сентябре 1955 г.

Статья доктора исторических наук К.Е. Черевко связана с практически не исследованной темой международного правового разграничения морских пространств между Россией и США в акватории северо-западной части Тихого океана.

Значительное место в данном сборнике отведено публикациям молодых ученых. К их числу относятся статья кандидата исторических наук М.Ю. Анисимова, посвященная польским землям Украины и Белоруссии в период разделов Речи Посполитой в XVIII в., а также статья аспиранта А.П. Федоровых о Черноморском флоте в последнее десятилетие XX в. В статье отражен

непростой путь от конфронтации к диалогу в российско-украинских отношениях.

В сборнике вновь присутствуют рубрики, позволяющие более полно и многогранно представить научную жизнь Института российской истории.

Доктор исторических наук К.А. Аверьянов в рубрику “Краеведение” поместил интересный материал по истории переименований московских улиц.

В рубрике “По страницам наших книг” С.А. Мезин дает обзор изданий Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН, связанных с проблемами взаимовосприятости культур.

В сборнике появилась новая рубрика “Международные связи Института”. А.С. Сенявский публикует материал о научной командировке в КНР. Это не просто отчет о научной командировке, а глубокий анализ развития исторической науки Китая и перспектив научного сотрудничества между двумя странами. И.В. Быстрова написала о своем пребывании в Париже. Автор не только подвела итоги научной деятельности, но и привела свои впечатления о Париже и его жителях. В.А. Невежин и А.В. Виноградов представили материал о своей научной командировке в Белоруссию.

¹ Предыдущие выпуски: Доклады Института российской истории РАН. 1995–1996. М., 1997. Вып. 1; Труды Института российской истории РАН. 1997–1998. М., 2000. Вып. 2; Труды Института российской истории РАН. 1999–2000. М., 2002. Вып. 3; Труды Института российской истории РАН. М., 2004. Вып. 4; Труды Института российской истории РАН. М., 2005. Вып. 5; Труды Института российской истории РАН. М., 2006. Вып. 6; Труды Института российской истории РАН. М., 2008. Вып. 7.

Ю.А. Поляков

ЕЩЕ РАЗ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

(поиск определения и сути)

Когда 4 ноября было объявлено праздничным днем, потребовалось соответствующее обоснование. Поднимать вопрос “с нуля” трудно. Поэтому российским СМИ пришлось немало потрудиться, чтобы доказать историческое значение дня 4 ноября. Каков Монблан разнообразнейших материалов преподнесли гражданам наши газеты, теле- и радиопередачи. Да, надо было очень стараться. Ведь, по данным опросов, проводимых ВЦИОМ в 2004 г., 73% опрошенных не одобряли появления нового праздника. В 2005 г., по данным “Левада-центра”, меньше трети (27%) поддерживали замену празднования 7 ноября на 4-е.

В кампанию включились ученые, спортсмены, эстрадники, не говоря уже о политиках. Было высказано множество суждений, продемонстрирована готовность значительной части наших граждан оценивать исторические события, что соответствовало современной политической конъюнктуре.

Главным звеном, связующим прошлое и настоящее, стала идея гражданского общества. А ядро гражданского общества виделось в единстве. Увы, преобладало невежественное и упрощенное понимание народного единства в начале XVII в., на деле – единства относительного и временного, не основанного на объективных условиях и вызванного чрезвычайными обстоятельствами – безвластием и засильем интервентов. Делался прямой конъюнктурный вывод: тогда родилось гражданское общество. Отсюда прямой выход на современность, призывы строить гражданское общество, опираясь на опыт XVII в.

Каждый автор волен давать любое определение любому историческому событию. Можно называть гражданским обществом общество Древнего Новгорода, поскольку там было вече. Можно так именовать русское общество времен Киевского Великого князя Владимира, поскольку при нем Русь крестилась.

Можно назвать гражданским обществом общество Римской империи, поскольку римляне были едины в своем требовании “Panem et circenses” (“хлеба и зрелищ”). Можно сказать также, что в Риме была демократия – демократия большого пальца, ибо собравшиеся в Колизее римляне движением большого пальца (дружно и демократично поднимая его вверх или опуская вниз) решали судьбу поверженного гладиатора.

Но авторы, пишущие о гражданском обществе в Средневековой Руси и демократии в Древнем Риме, забывают о существовании такой мелочи, как крепостное право и рабовладение.

А ведь крепостные и рабы, не имевшие никаких прав, составляли значительную часть населения, и непонятно, как можно рассуждать о гражданском обществе, пренебрегая этими фактами.

Как можно совместить утверждения о “народном единении” с тем, что XVII век историки, опираясь на многочисленные и достоверные факты восстаний крестьян и посадских людей, называют “бунташным”.

В высказываниях наших политиков, журналистов, деятелей искусства часто абсолютизируется понятие “Россия” (в смысле тысячелетнего неизменного колосса). Последние не замечают при этом кардинальных трансформаций, которые это понятие претерпело. Когда говорят “тысячелетняя история России”, иногда забывают, что речь идет, по сути, о различных государствах. Я имею в виду не изменения, естественно обусловленные временем, а изменения принципиального характера.

Зыбкая и многолика общность, именуемая Древнерусским государством, – одно; соперничающие княжества – татарские данники XIII–XIV вв. – другое; Московское царство – третье; послепетровская империя – четвертое и т.д. Поэтому стремления вывести особенности, неизменно присущие России, от Вещего Олега до Путина, большей частью не имеют основания. Исторические аналогии заманчивы, но обманчивы. Другое дело, своеобразные черты России можно разделить на те, которые присущи всей ее истории, и те, которые проявлялись (или проявляются) на отдельных этапах.

Конечно, историю надо знать. Надо помнить знаменательные события, ставшие достоянием истории всемирной, события, на которых воспитывается патриотизм, которые понятны и близки подавляющему большинству населения. Но принципы историзма не позволяют понятие, к примеру, гражданского общества с легкостью переносить в XVII век.

В значительной мере подобные суждения появляются потому, что и применительно к современности, существует колоссальная

путаница в понимании сути гражданского общества. Хотя, как сказано выше, каждый ученый, политик, исполнитель популярных песен вправе давать свои определения любому историческому или современному явлению. Однако желательно, чтобы конъюнктуры было меньше, а науки больше.

Исходя из сказанного и не критикуя формулировки, позволю высказать свое понимание гражданского общества, к созданию которого мы стремимся.

Гражданское общество возникает тогда, когда государство, руководствуясь демократическими принципами и обладая необходимыми и действенными структурами для обеспечения и защиты конституционных прав человека, не препятствует существованию и функционированию общественных организаций, за исключением тех, что призывают к насилию.

Общественные организации могут придерживаться различных политических взглядов, использовать различную идеологию, ставить разнообразные конструктивные цели в области экономики, культуры, экологии, религии, демографии и т.д.

Они могут поддерживать президента, правительство, Государственную думу, Федеральное собрание или, наоборот, находиться в оппозиции к ним, критиковать действия чиновников всех рангов, включая министров во главе с премьером и руководителям регионов, во главе с губернатором.

Вместе с тем все эти организации призваны быть едины в постановке и осуществлении общих конструктивных задач, способствующих укреплению и развитию России, как то: обеспечение внешней безопасности государства и стабильности общества, воспитание патриотизма, преодоление сепаратизма. Развитие экономики, культуры, науки, образования, повышение жизненного уровня населения.

Все конфликты и противоречия, возникающие между оппозицией и руководством государства, между политическими партиями и различными организациями, должны решаться мирно, цивилизованно, путем переговоров, митингов, демонстраций, пикетов, газетно-журнальных публикаций, радио- и телематериалов.

В различных государствах в разное время существовали элементы демократии для отдельных групп населения, существовали многочисленные формы выражения народных настроений, были времена народного сплочения. Особенно во время экстремальных событий (чужеземные вторжения, грозившие порабощением или истреблением, эпидемии, опустошавшие города и села, стихийные бедствия вроде засух, наводнений, разрушитель-

ных землетрясений и т.д.) противоречия, существовавшие в той или иной стране, отходили на задний план. Общество сплачивалось, объединяло свои силы для отпора врагу, преодоления последствий буйства стихии.

Но в дальнейшем все возвращалось “на круги своя” и вряд ли можно говорить о гражданском обществе применительно к древности и Средневековью. Изучать исторические формы народного волеизъявления в обычных или чрезвычайных условиях, факты и факторы единства действий различных сословий и страт – необходимо. Но Клио не одобрит перенос в глубь истории нынешних понятий и определений.

Гражданское общество (в современном понимании) присуще исключительно новому и новейшему времени.

Оно не исключает наличия противоречий – прежде всего, социально-политических и национальных. Трудно представить и демократию Запада, и, тем более, российское постсоветское общество идеально благоустроенным садом, где все дорожки ровные, все деревья и кусты подстрижены. История ни для одной страны не заготовила прямых и ровных дорог.

Но суть гражданского общества в том и состоит, что противоречия преодолеваются демократическим путем, цивилизованно.

А.В. Буганов

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ*

Отечественным подвижникам благочестия всегда отводилось огромное место в сознании и исторической памяти русского человека. Трактовку их жизни и деятельности определял конфессиональный фактор, составлявший сущностную основу формирования единого русского национального самосознания.

По смерти великих подвижников прошлого происходило открытие их мощей, явление чудотворных икон. В честь этих новоявленных угодников Божьих устанавливались новые праздники в Русской церкви – сначала, как правило, местные (ведь святые на Руси, как и иконы, большей частью чтились местно), а затем, если границы почитания расширялись, то и общерусские. Уже к XIX в. русский народный календарь упоминал имена более 400 святых, мучеников, лиц духовных и лиц княжеского происхождения. Такая “персонификация” календарных дней не только позволяла малограмотным крестьянам лучше ориентироваться во времени, но и способствовала укреплению памяти о святых и подвижниках. Учитывая, что крестьяне достаточно регулярно присутствовали на церковных службах, порой заучивали на память многократно слышанные церковные тексты, молитвенное поминовение тех или иных святых, безусловно, закрепляло непрерываемость религиозной памяти. Из столетия в столетие помнили о святых Земли Русской. О них помнили, к заступничеству великих праведников призывали в тяжелые для Отечества моменты.

Идеал православного подвижника формировался в течение многих веков. В русских монастырях вплоть до времен Петра I создавался и окружался ореолом благочестивой легенды образ инока, посвятившего себя служению Богу. Вместе с тем, монашескому служению на Руси под воздействием общинных мировоззренческих стереотипов была не свойственна концепция

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-01-00436а.

индивидуального спасения. Уход от мира, в конечном счете, являлся средством совершенствования ради служения миру примером, уединение от мира предполагало возврат к нему через любовь. В.О. Ключевский точно подметил эту характерную особенность русского монашества: «Древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния всего мирского общества: стремление покидать мир усиливалось не от того, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных»¹.

Монастыри в русской истории никогда не могли совершенно обособиться от народной жизни. В раннем Средневековье они были культурными центрами страны, иноческая жизнь в общежительных монастырях и скитах была наполнена единством национальных и религиозных задач. К началу XVI в. многие монастыри настолько прочно вросли в ткань государственной жизни, что неизбежно вовлекались во вполне мирские политические и социальные заботы.

Однако, этот, казалось бы пагубный для монашества, процесс обмирщения вовсе не уничтожил его здоровые силы. Вероятно, прав был историк Русской церкви А.В. Карташев, когда говорил о том, что секуляризационное давление императорских правительств только на опыте проверило необыкновенную живучесть русского монашества и даже повело к новому его расцвету. «Отобрание земельных владений и закрытие части монастырей побудило в монашестве энергию трудового приспособления и даже послужило толчком к духовному его возрождению в форме прославленного старчества. Перефразируя известное изречение «Петр бросил вызов России, и через 100 лет она ответила ему явлением Пушкина», можно сказать: «Петр бросил вызов русскому монашеству, и через 50 лет оно ответило ему явлением святителя Тихона Задонского, старца Паисия Величковского, еще через 50 лет – св. Серафима Саровского, через новые 50 лет – святителей Феофана Затворника, старца Амвросия Оптинского и целого полка оптинцев»².

Необходимо заметить, что и вне сферы духовного влияния старцев было явлено множество форм и примеров подлинного подвижничества. И все же именно старчество стало наиболее целостным явлением. В духовном смысле оно повторило путь русского монашества – уход из мира и возврат к нему через любовь. В XIX в. духовная жизнь не только русского монашества

ва, но и многих мирских людей разных сословий была тесно связана с возрождением и расцветом старчества.

География старчества охватывала всю Россию. К замечательным старцам подвижникам устремлялось множество людей, чтобы получить помощь и духовный совет. Именно эта постоянная взаимосвязь старцев с мирянами позволяют выделить едва ли не главную особенность русского старчества – народность. В тех монастырях, где обретались известные народу подвижники, прием посетителей становился одной из форм монастырского послушания.

Жизнеописания подвижников сохранили многие их высказывания, поучения и наставления, предсказания и пророчества. Чему же учили старцы и что приносили в сознание русских людей? Выше всех остальных человеческих качеств старцы ставили смирение, в котором многие из них самих “преуспели до совершенства”. Белокопытовский подвижник о. Андрей убеждал своих посетителей прежде всего предаваться на Божью волю, молитве и осторожно обдуманному отношению к каждому делу. Особенно практично-жизненными были его наставления о семейной жизни, как устные, так и письменные. Последние он поручал записывать своей дочери, которая и вела его переписку³.

Ко всякому делу, наставляли старцы, следует относиться добросовестно. То, что делаешь, надо стараться делать хорошо, любил повторять оптинский старец Иларион (Пономарев). Любой труд должен опираться на то, что св. отцы в своих писаниях называют “хранением совести”. Св. Антоний Воронежский призывал быть снисходительным к слабостям других: “Кто строг к себе, тот снисходителен к другим, а кто снисходителен к себе, тот строг к ближним”⁴.

Отвечая на вопросы приходивших старцы учили: чтобы быть свободным, надо быть хозяином своим мыслям, своему сердцу, воле и телу. Человек рождается свободным, но остается свободным только благодаря дисциплине и послушанию. При этом, дисциплину следует понимать “не как принуждение извне, а как тренировку человека, как его попытку от своего учителя, наставника познать правильный путь жизни”⁵.

Когда к старцу Адриану, иеромонаху Югской Доросеевой пустыни, обращались люди образованные, он советовал читать слово Божие, Прологи, Четьи-Минеи и приговаривал, что книги эти “хотя не красноречивы по-светски, но многоречивы для устроения нашего благополучия и временного, и вечного”⁶.

В советах и наставлениях праведников были видны и глубокое знание аскетических писаний, и отличное знакомство с жиз-

нюю. Поэтому их наставления были применимы для тех, кто к ним обращался. Часто учение и наставления подвижников-старцев относились к подвижникам же, но они имели большое значение и интерес для всякого мирянина, заботившегося о своем спасении. У монашествующих и мирян при различном внешнем устройении была одна и та же цель – стать истинными христианами; поэтому требования к тем и другим были одинаковы, ибо *един Господь, едина вера, едино крещение (Еф., 4, 5)*.

В христианстве понимание ценности личности связано прежде всего с жизнью духовной, которая у христианина сосредоточена не в человеке, а в Боге. Соответственно и отношения, которые возникают между человеком и Богом, выражают оценку личности с трансцендентных позиций⁷. Своим внимательным отношением к каждому посетителю старцы показывали, что ценность человеческой личности превышает ценность всех прочих предметов. “Человек – больше мира, если под миром понимать все, что вне человека”, – учил, например, митрополит Минский и Слуцкий Филарет⁸.

При этом православный взгляд на личность подчеркивает ценность, а не самоценность человеческой личности. Последняя может предполагать определенное превознесение человеческого его, а церковные люди должны были «принести в жертву собственное “я”, они – народ священный, призванный “все привести к святости”»⁹.

Обращение старцев к миру имело свое основание в евангельской идее: как Христос воплотился для того, чтобы “вернуть мир к Отцу” в восстановленном состоянии чистоты, так и человек, как сороботник Христа, должен посильно трудиться над преобразованием мира, над его очищением от воздействия последствий человеческого грехопадения¹⁰.

Мир, учили старцы, уже в силу того, что он мир Божий, не может остаться вне религиозного мышления и религиозного действия. “Говорить, что мир во зле лежит (1 Ин. 5, 19), что нам не надо быть людьми мирскими, – совсем не значит, что мы не ответственны за все, что составляет Богом сотворенный мир”: «мы в нем, даже если сами “не от мира”». Так как “в мире нет ничего не освященного”, – “христианское сознание должно охватывать все человеческое общество с его проблемами, его вечным и временным становлением”¹¹.

Таким образом, свое “христианское призвание” праведники видели в том, чтобы “вместе с Христом” и подобно Христу преобразить мир. Ценность личности не изолирует ее от общества, в котором она существует, человеческая “уникальность не

тождественна изоляции, обособленности человека, изначально призванного Богом к жертвенному соучастию в жизни других, а точнее – к участию в общей жизни... Ответственность христианина двойная – во-первых, перед Богом, и в силу этого всецелая ответственность по отношению к миру людей и предметов”¹².

Вместе с тем сложность старческого пути заключалась в том, что заботясь о спасении других, они не могли забывать о собственном спасении.

Особенности духовного окормления мирян во многом зависели от личностных особенностей самих старцев. Служение Богу и людям не упраздняет особенностей человеческой личности, ее характера. Очень точно это подметил, в частности, писатель Борис Зайцев: «Монахи все вообще разные. Они исповедуют одну веру, и это объединяет их, но глубокая душевная жизнь в соединении с тем, что никто не “носит” со своей личностью, не “выпячивает” ее, напротив, как будто ее сокращает, – это приводит к тому, что как раз личность-то и расцветает, свободно развивается по заложенным в ней свойствам»¹³. Обращение к жизнеописаниям подвижников благочестия позволяет выделить те индивидуальные черты и качества старцев, которые делали их особенно притягательными для русских людей.

Оптинский старец о. Леонид имел острый ум русского крестьянина, обладал способностью все очень быстро схватывать, и эти природные остроумие и сноровку еще более развил в своей старческой практике. Больше других он отличался своеобразной простотой характера и наставлений. Был строг со своими учениками, но любил также с ними пошутить, употреблял народные поговорки и пословицы в своей речи. В его старчестве было что-то от юродства, и это особенно нравилось народу. Известны немало примеров того, как старец Леонид то строгостью, то кротостью, а часто и глубокомысленной шуткой духовно помогал людям, приходившим к нему из мира¹⁴.

К продолжателю традиции старчества в Оптиной пустыни о. Макарию в ранние часы приходили люди в основном простого сословия – крестьяне, мещане, мастеровые, которые во множестве собирались у “хибарки” старца, ожидая его выхода. В четырнадцать часов он обыкновенно отправлялся из скита в монастырские гостиницы, где его дожидались уже посетители из высших и обеспеченных сословий – помещики, военные и государственные чиновники, купцы, ученые, литераторы и богословы (приезжали братья Иван и Петр Киреевские, Н.В. Гоголь и др.). Среди многих данных ему дарований особое место занимал дар духовного рассуждения.

Не только иноки, но и многие миряне, находили мудрого руководителя в о. Антонии, наставления которого, как устные, так и письменные, “всегда были растворены духовною солью”. О. Иларион свои беседы с посетителями и исповеди строил таким образом, чтобы искусными вопросами пробудить воспоминание о нераскаянном грехе, по невниманию человека обратившемся в порочный навик, уяснить причину душевного недуга, вызвать сокрушение о грехах. Епитимья, которую он накладывал на некоторых, состояла обычно из молитв, покаянного канона, чтения кафизм, поклонов, раздачи милостыни, в прощении обид и оскорблений, примирении с обидевшими, возвращении долгов.

Кроме братии обители и массы приходящего народа духовным руководством старца Илариона и его наставлениями пользовались многие насельницы женских монастырей. Старец вел с ними переписку не только по духовным вопросам, но и вникал в различные житейские обстоятельства.

Еще шире был круг влияния самого, пожалуй, известного оптинского старца – Амвросия. Он стал духовным отцом не только для иноков Оптиной, но и для множества людей, живших далеко за стенами обители. Эпоха его старчества продолжалась два десятилетия, с 1874 по 1891 г. Ежедневно со всех концов России стекались к нему тысячи богомольцев. В отличие от о. Леонида, о. Амвросий преподавал общее благословение, но мужчинам и женщинам по отдельности; для откровения же помыслов принимал поодиночке. Старец часто шутливо говорил: “Как на людях я родился (Перед рождением будущего старца к его деду, священнику этого села, съехалось много гостей. – А.Б.), так все на людях и живу”¹⁵. В письме от 24 апреля 1882 г. он замечает: “Народ меня осаждает и не дает опомниться”¹⁶.

По дорожке, протоптанной мирскими людьми, стали приходить в его келью и “духовные”. Здесь они осознавали, может быть впервые, что без детской простоты нельзя жить по-христиански. Гоголь, Достоевский, Владимир Соловьев, братья Киреевские, Леонтьев были духовными детьми Амвросия Оптинского и Варнавы Гефсиманского, Лев Толстой вышел от Амвросия, по его собственному признанию, значительно поколебавшимся в своих убеждениях.

Историку Русской церкви и монашества И.К. Смоличу приходилось слышать от посетителей Оптиной пустыни, которые видели старца Амвросия или говорили с ним, что они “были совершенно поражены его сердечностью и простотой”. Старец всегда находил время для бесед с простыми людьми на самые обыденные темы. Порой посетители, чаще всего старые крестья-

янки, отягощали старца мелочами своей повседневной жизни, вызывая недовольство других ожидавших. Старец Амвросий как-то ответил: “Как вы не можете понять, что вся их жизнь заключена в этих мелочах, а их душевное спокойствие имеет такую же ценность, как у людей, задающих сложные вопросы”¹⁷.

У кельи оптинского старца Иосифа толпился в основном простой народ, бабы и мужики. Его биограф писал: «Вблизи старца Иосифа не было места “безграничному” горю и безысходному отчаянию. В общении с ним всегда верилось в победимость зла, в его преходящее только бытие¹⁸».

Лиц самых разных сословий ежедневно принимал старец Варсонофий. По воспоминаниям игумена Иннокентия, духовного сына Преподобного, только один раз в неделю, в четверг, старец никого из мирян не принимал, поскольку этот день у него был назначен исключительно для монашествующей братии монастыря и скита. Удавалось ему отвечать и на множество приходивших к нему писем¹⁹.

“Народным старцем” считался преподобный Анатолий (Потапов). Про него говорили, что он имел “сердце милующее”. Православный народ так и называл старца – “утешителем”. Осенью 1916 г. он приезжал в Петроград на закладку Шамординского подворья. Он останавливался в доме известного благотворителя купца Михаила Дмитриевича Усова, бывшего почитателя батюшки. Пребывание Преподобного в Петрограде вызвало настоящее паломничество в дом Усова. Выстроилась огромная очередь людей, которых старец принимал в маленькой комнатке наподобие приемной кельи в Оптиной пустыни²⁰.

Сын крестьянина старец Варнава Меркулов из Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры с 1873 г. до самой своей кончины 17 февраля 1906 г. привлекал к себе множество верующих людей. Характер его обхождения с паломниками напоминал манеру старцев Леонида и Амвросия Оптинских: он любил придавать своим поучениям и советам форму пословиц и шуток. При этом для бесед предпочитал людей более богатых и обеспеченных. Когда некоторые, не только миряне, но и иноки сетовали за это иногда на старца, тот отвечал: “Мне, как духовнику, более известна жизнь и тех, и других. У благородных и богатых больше поводов к соблазнам и греховной жизни, чем у простых... Поэтому-то они больше и нуждаются в духовной поддержке, нежели те...”²¹

Иларион Троекуровский иногда отказывал в приеме достойным людям и вслед за тем принимал потерянного человека. Это старец объяснял так: “Первые идут добрым путем, им не

нужен руководитель, а этим несчастным нужна скорая духовная помощь”²².

Игумен о. Даниил, настоятель Гефсиманского скита и пещер, для каждого посетителя находил особое название, которое он заимствовал из Евангелия или церковно-богослужебных книг. Один у него являлся фарисеем, другой саддукеем, третий благо-разумным разбойником, четвертый мытарем, себя называл “хлопотливой Марфой”. Окружавшие замечали, что, слыша из его уст и не совсем лестные названия, например, “фарисея”, люди нисколько не оскорблялись, а даже были еще ему благодарны за то, что он так метко указал их наклонность к буквализму и одной бездушной внешности. В разговоре он часто смешил своим остроумием и находчивостью²³.

Много мирских лиц, кроме иноков, обращались к архимандриту Феофану, настоятелю Кирилло-Новоезерского монастыря. Замечали, что наставления его как будто служили поучением скорее самому Феофану, чем его собеседнику. Возбуждая в ходе разговора в посетителе душевную теплоту и восприимчивость, старец постепенно добивался того, что посетитель сам высказывал нужную для себя истину. Когда посетитель уходил, о. Феофан каждого провожал до сеней и на крыльцо. По зову приезжих он приходил в гостиницу.

Подвижники-старцы чаще всего поучали народ кратко и просто, речь их была приветлива, убедительна, нередко облекалась в форму притч. Бывало, эти притчи и примеры не сразу были понятны, но впоследствии, как правило, духовная цель достигалась – события жизни вопрошавших разъясняли и подтверждали заложенный в них смысл.

За дальностью российских пространств немалую роль в духовном воздействии на мирян играла переписка со старцами, которая нередко становилась достоянием не только ее участников-корреспондентов.

Большое значение для духовного окормления общества имели письма оптинского старца о. Макария. Эти письма доходили до самых удаленных уголков России. Многих своих духовных сыновей и дочерей он окормлял с помощью писем, ни разу не встретившись с ними лицом к лицу. Кипы посланий на его столе были написаны к разным лицам – мирянам. Некоторые из них, как видно из сопоставления тех же писем, закончили свою жизнь в монашестве. По своему содержанию письма о. Макария разделяются на две группы: в одной старец говорит о созидании своего спасения мирянами, в другой так или иначе отзывается на разные явления общественной жизни своего времени²⁴.

Как великий подвижник и аскет, широко известен в России был иеросхимонах Иоанн Нил-Сорский. С каждой почтой он получал массу писем со всех концов России. Епископ Феофан (в миру Говоров) ежедневно получал от двадцати до сорока писем, и всегда отвечал на них. Довольно обширную переписку с разными лицами, в том числе и с мирянами, вел архимандрит Феофан Новоезерский. В них он указывал пути, которыми и в мирской жизни можно достигнуть спасения. Особенно замечательны его письма к мирским лицам, которые впоследствии стали монахинями Горицкого монастыря.

Быстро расходились в народе и с любовью читались многими книжки, составленные иеросхимонахом Стефаном Вятским. Переписка протоиерея Арзамасского Николаевского женского монастыря о. Авраамия Некрасова с духовными детьми и благодетелями доходила до 400 номеров в год, посланных только по почте. Писем его ожидали на самых окраинах, были даже требования с Сахалина. В 60-е годы XIX в. по просьбе и желанию своих духовных детей он опубликовал свои письма к ним, а позднее дополнил издание. Получилось два отдела: один для монашествующих, другой для мирских. Читались письма легко, так как писались они не для печати, не было в них ни ораторства, ни разных прикрас, а была простая задушевная беседа духовного отца с детьми²⁵.

В представлениях простых людей подвижник был строгий постник, страннолюбив, благочестив, кроток, обходителен. Даже простое перечисление этих качеств не оставляет сомнения в том, что в лице скромного и доброго инока скрывалась великая нравственная сила.

Не могли остаться незамеченными набожность самих подвижников, их хождения на богомолье. Инокня Исидора (Дария-странница), которая обреталась в Горицкой обители, из своих странствий по богомольям чаще всего любила вспоминать о Киеве и Соловецком монастыре, куда она ходила более 20 раз²⁶. Верхо-Харьковская игуменья Емилия ежегодно ездила куда-нибудь помолиться: то в Киев, то в Воронеж, Задонск, Троице-Сергиеву лавру и другие святые места и обители²⁷. Старица Евфросинья из Смоленской губернии, по смерти мужа, когда дом ее продали сыновья, навсегда приняла на себя подвиг странствования по святым местам. Помолившись во всех монастырях своей губернии, в дальнейшем она не раз посещала Киев, Почаевскую лавру, Лубны, Воронеж, Москву, Новгород, Петербург, Коневец и Валаам, Кирилло-Белозерский монастырь. Десять раз она посетила Соловецкую обитель. Потом ей удалось добраться до

Иерусалима, по пути помолиться в Константинополе, Александрии, Каире, Синайском монастыре (первая половина XIX в.)²⁸.

Своей благотворительностью, особенно к бедным, был широко известен Астраханский и Ставропольский епископ Мефодий. Почти каждое утро по пути на работу рабочие заходили в архиерейский дом, где получали хлеб и квас; некоторым давалась и одежда. В дни великих праздников, особенно в день Успения Божией Матери, всех приходящих угощали обедом. Естественно задаться вопросом: откуда же брались средства на такие большие милостыни? Епископ Мефодий, хотя и не был сам богат, действительно умел обогащать других. Когда до Мефодия доходила весть о чьей-либо смерти, то он, не разбирая звания и состояния умершего, посылал сказать, что он будет отпевать усопшего. После этого в признательность за труды архипастыря и на помин души умершего, богатые приносили епископу деньги, а бедные – разные вещи: серьги, кольца, одежду и т.п. Все видели, что пожертвования употребляются на пищу и одяжание бедным, на устройство и украшение храмов. Вскоре архипастырю даже стали завещать свои вещи и капиталы. На эти средства епископом Мефодием были устроены 19 церквей в Астраханской епархии, и еще 3 церкви – в Борковской пустыни, на месте его рождения, в Кизляре и в Петровске²⁹.

Многие люди приносили деньги Троекуровскому затворнику Илариону. Он отдавал их на украшение и постройку храмов, на церковные колокола, ризы и многих склонял к таким жертвованиям. Оставшиеся деньги он раздавал бедным. Некоторые получали от него постоянное пособие. Кроме того он держал трапезу для странников, бедным на дорогу давал хлеб. В праздники посылал в ближайшие города в тюрьмы деньги, сыру, белый хлеб и яйца³⁰.

Еще раз подчеркнем, поведение подвижников было на виду и не давало оснований усомниться в недобросовестном использовании средств. Для того, чтобы понять, откуда подвижники брали средства для неудержимого потока своих милостынь, достаточно даже бегло взглянуть на характер деятельности архипастырей. Покажем это на примере святителя Антония, архиепископа Воронежского и Задонского. Антоний был одним из самых деятельных членов Воронежского попечительного о бедных комитета. Когда в 1834 г. выгорела Ямская слобода, преосвященный призвал к жертвованиям живущих в Воронеже дворян и богатых купцов. По окончании своей речи, в книге, назначенной для сбора пожертвований, собственноручно написал: “От святителя и чудотворца Митрофана на погоревших тысячу рублей”. Воодуше-

вленные словом и примером архипастыря, собравшиеся тут же подписали пятнадцать тысяч рублей. Был составлен комитет по сбору пожертвований, и в том же году к 7-му августа – дню открытия мощей святителя и чудотворца Митрофана – для всех погорельцев были выстроены дома. В этот торжественный день, после литургии в Благовещенском соборе крестный ход отправился в Ямскую слободу. Владыка благословил каждого домохозяйина иконой св. Митрофана, и погорельцы вошли в устроенные для них дома. Безусловно, усилия святителя способствовали не только росту его авторитета, но и укреплению памяти о Митрофании Воронежском³¹.

Тот же прием Антоний использовал, когда через несколько лет в губернии поднялись цены на хлеб. Все суммы на содержание местных арестантов были израсходованы. Владыка, от имени святителя Митрофана, пожертвовал 1500 рублей на их содержание. В большие праздники на счет преосвященного Антония улучшалось питание заключенных, в каждую камеру Антоний пожертвовал икону и лампадку³². Слава о щедрой помощи бедным, благотворительности Антония сделала его имя широко известным, со всей России к нему шли просительные письма о помощи³³.

Труды и послушания подвижников, их усилия по сбору пожертвований пробуждали в народе не только молитвенный дух, но и сочувствие к нуждающимся. В своем рапорте о. Нил, иеромонах Макарьевской пустыни города Свяжска, писал, что “встречал всегда полное сочувствие и готовность к помощи сиротам и сердечное пожелание успеха в трудном деле сбора пожертвований...” Количество отдельных жертвователей с каждым годом увеличивалось, в 1895 г. их число достигло 900 человек. В среде сельских жителей-крестьян о. Нил встретил такое сочувствие и милосердие к нуждам вдов и сирот духовного звания, что из числа их “многие с особенным усердием и готовностью жертвовали по 1 рублю и по три рубля, а некоторые даже и больше, тогда как рубль денег и для городского жителя дорог”³⁴.

Монахиня Дорофея, будучи на послушании у письмоводительницы Сухотинского Знаменского монастыря (60-е годы XIX в.), от имени игуменьи вела обширную переписку с благотворителями Сухотинского монастыря в разных концах России. Она писала письма так увлекательно и душеназидательно, что пожертвования в пользу обители постоянно возрастали³⁵. Благотворительность, помощь бедным происходила среди русского народа и становилась широко известной. Настоятель Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря архимандрит

рит Никодим в храмовые праздники обители устраивал общий стол для нуждавшихся мирян. Временные столы расставляли для 200 человек. Каждому полагалось три блюда и выдавалось по 10 копеек. Кроме того, в праздники в память покровителя обители святителя Николая 9 мая и 6 декабря нищих кормили монастырским обедом и также обделяли деньгами. В 1854 г. стараниями архимандрита Никодима при обители был построен и освящен Павловский странноприимный дом³⁶. Преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский, за свою благотворительность еще при жизни приобрел наименование Филарет-Милостивый. Особенно широкую деятельность он развернул по открытию школ³⁷. Монахиня Ангелина, основательница Свято-Троицкой Творожковской женской общины, по праздникам всегда посылала на лошади к их бедным крестьянам свою келейницу раздавать им муку, крупы, масло, творог и понемногу денег, а к Пасхе готовили куличи и красные яйца для неимущих. В дни памяти своих родных также посылала пособие бедным, а сестер угощала за трапезой праздничным обедом³⁸.

Духовное воздействие праведников, негромкое и внешне малозаметное, давало ощутимые добрые плоды. После беседы со старцем о. Василием, настоятелем Белобережской пустыни, помещик Никанор Степанович Переверзев облегчил быт своим крестьянам, а некоторым из них дал полную свободу³⁹. В любом случае, то количество благодетельств, которые были совершены разными лицами под влиянием духовного окормления у подвижников, не подлежит никакому церковно-историческому измерению, а лишь суду Божию.

Поток русских людей к праведникам при их жизни, а после смерти к их могилам, говорит о том, что отечественные подвижники были достоянием народа. Их труды и подвиги доказывали, что не только в монастыре обретались здоровые силы, но и то, насколько сильны были религиозные устремления во всех слоях народа. Ведь для каждого христианина важнейшее значение имел вопрос о применении высоких истин христианства в жизни. Как ни просты, по-видимому, те или иные истины Евангелия, обычным людям они кажутся недостижимыми, отвлеченными. Это несоответствие, недостаточность связи между великими словами религии и обыденной жизнью многих приводит в уныние. Для людей важно было видеть именно практическое применение в жизни разных христианских добродетелей, ведь без приложения на практике истины Евангелия так бы и оставались отвлеченными. Паломничество к подвижникам давало возможность увидеть, как именно христианские истины применялись

или применяются на деле обыкновенными людьми в обычных условиях нашей жизни. Это были образы святого жития, Богом благословленные и человеком испытанные. Особое значение в этой связи приобретало подвижничество людей своего сословия; “для многих особенно убедительным являлось то, что вышедшие из своей среды, из своей социальной данности люди смогли достичь необычайной духовной силы”⁴⁰. Чувство собственного достоинства у русских крестьян основывалось на том, что человек – это образ Божий.

Обращение к земной и “посмертной” жизни “явленных и не-явленных”, канонизированных и не канонизированных подвижников благочестия дает множество примеров тому, насколько глубоко и органично вошли они в историческое сознание русских людей. Почитание православных подвижников являлось неотъемлемой составляющей народной религиозности. Образ их подвижничества и святости был особенно дорог благочестивому идеалу народа. Святые были понятны и близки крестьянину, ведь, как говорили в народе, были времена, “когда святые по земле ходили”.

Память о праведниках поддерживалась устной традицией, широким бытованием агиографической литературы, непосредственными контактами с подвижниками – почитанием их памяти. В народе всегда чтит личную святость подвижников, их неутомимое служение людям. Предсказания и пророчества подвижников передавались из уст в уста. Иметь живой образ святости было неиссякаемой духовной потребностью народа. Подвиг святого подвижника веры имел первостепенное значение для воспитания народного самосознания.

¹ Цит. по: Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 197.

² *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. II. С. 320.

³ Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков (далее – ОПБ). Введенская Оптина пустынь. 1994. Ноябрь. С. 438.

⁴ Там же. 1994. Дек. Т. I. С. 532.

⁵ *Антоний (Блум), митрополит Сурожский.* Труды. М., 2002. С. 410–411, 703.

⁶ ОПБ. 1994. Авг. С. 133.

⁷ См.: *Симонов В.В.* Церковь–Общество–Хозяйство. М., 2005. С. 432.

⁸ *Филарет (Вахромеев), митрополит Минский и Слуцкий.* Богословие добрососедства. Киев, 2002. С. 17.

⁹ *Антоний (Блум), митрополит Сурожский.* Труды. С. 891.

¹⁰ См.: *Симонов В.В.* Указ. соч. С. 433.

¹¹ См.: *Антоний (Блум), митрополит Сурожский.* Труды. С. 397, 448, 891.

¹² Там же. С. 842.

¹³ *Зайцев Б.* Избранное. М., 2006. С. 75.

¹⁴ *Смолич И.К.* Русское монашество, 980–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997. С. 347–348, 422, 424–425.

- 15 Там же С. 217.
- 16 Собрание писем оптинского старца Амвросия к мирским особам. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2003. С. 86.
- 17 *Смолич И.К.* Указ. соч. С. 437, 438.
- 18 Цит. по: *Зырянов П.П.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002. С. 208.
- 19 Преподобные старцы оптинские. Жития и наставления. Свято-Введенская Оптина пустынь. 2006. С. 355.
- 20 Житие иеросхимонаха Анатолия. М., 1995. С. 117–118; Преподобные старцы оптинские. С. 382–384, 392.
- 21 См.: ОПБ. 1996. Февр. С. 243; *Смолич И.К.* Указ. соч. С. 364.
- 22 *Поселянин Е.* Русские подвижники XIX века. М., 2004. С. 225.
- 23 ОПБ. Февр. С. 165.
- 24 См.: Собрание писем блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Макария – письма к мирским особам. М., 1880. Это издание – по сути введение к остальным пяти томам его писем к монашествующим; ОПБ. 1996. Сент. С. 565.
- 25 См.: ОПБ. 1996. Апр. С. 281, 57; февр. С. 277–288; Авг. С. 281; *Поселянин Е.* Указ. соч. С. 115–116; ОПБ. 1996. Ноябрь. С. 274; Дек. Т. I. С. 123.
- 26 ОПБ. 1994. Июль. С. 22.
- 27 ОПБ. 1997. Май. С. 314.
- 28 Там же. С. 215, 216.
- 29 Там же. С. 287–288
- 30 Там же. Ноябрь. С. 74–75.
- 31 Там же. Дек. Ч. I. С. 542; см. также: *Поселянин Е.* Указ. соч. С. 48.
- 32 ОПБ. 1997. Дек. Ч. I. С. 543; см. также: *Поселянин Е.* Указ. соч. С. 45.
- 33 ОПБ. 1997. Дек. Ч. I. С. 541.
- 34 Там же. 1995. Июнь. С. 47–48.
- 35 Там же. Май. С. 277.
- 36 Там же. Февр. С. 108, 111–112.
- 37 Там же. Дек. Ч. I. С. 44, 86, 87.
- 38 Там же. 1997. Март. С. 195–196.
- 39 Там же. Апр. С. 283.
- 40 См.: *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2007. С. 189.

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ВСЕМИРНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Без обоснованной периодизации история как наука теряет одну из важнейших своих особенностей¹. При всей своей неизбежной условности, закономерной относительности периодизация исторического процесса влечет за собой необходимость выделения наиболее характерных его периодов, хронологических отрезков, призванных отразить наиболее существенные этапы жизни человеческого общества. Периодизация невозможна без четко выделенных критериев и требует предельной объективности, построенной на той или иной методологии. Но обращение к всемирной историографии показывает, как на протяжении тысячелетий менялись исследовательские подходы, как одна периодизация сменяла другую, какие имелись различные зигзаги и повороты, как внедрялись спекулятивные подходы и как, вообще, текущая социально-политическая обстановка влияла на конкретные исторические труды и проводимые в них идеи, в том числе и композиционного характера. И тем не менее без периодизации всемирной истории, без периодизации национальной, региональной, родовой, семейной истории историческая наука существовать не может. Даже при большом желании, избежать встречи с проблемами периодизации не удастся ни одному историку, стремящемуся дать ответ на вопросы далекого или близкого прошлого. Необходимость убедительной периодизации диктуется, порой, произвольно, ибо она органически входит в систему принципа историзма – принципа особого научного мышления, предохраняющего исследователя от субъективизма, пожалуй, главного врага подлинно исторической науки. Более того, избежать проблем периодизации не могут и те историки, которые проповедуют концепции индетерминизма, случайности, хаотичного нагромождения исторического материала.

Геродот с его известными религиозно-этическими воззрениями, с его верой в решающую роль в человеческой жизни неумолимого рока попытался объять в своих изысканиях три с лишним предыдущих столетия. Геродот специально не вырабатывает своих хронологических подходов, но, скорее всего, произвольно-

но выделяет отдельные периоды истории как родной Греции, так и стран Востока, прежде всего Персии. В поле зрения Фукидида, находилась фактически, только Пелопонесская война, то есть его интересовал значительно меньший, чем Геродота период. Но Фукидид дает и периодизацию этой войны. Он, видевший главнейшую задачу историка в “отыскании истины”², в отличие от Геродота, особое внимание уделяет критической оценке источников, выявлению причин и поводов исторических событий, показу объективных факторов. Не отрицая существования божественных сил, он отвергает непосредственное вмешательство богов в исторические события. Являясь современниками, Геродот и Фукидид олицетворяли собой разные методологические подходы, хотя понятия не имели о методологии как таковой.

Особый разговор о Полибии, считавшем историю наставницей жизни и требовавшим от историка хорошего образования и большого личного опыта – государственного и военного. Полибий – автор первой всеобщей истории средиземноморской цивилизации, притом, что само понятие “цивилизация” ему еще неизвестно. В поле его зрения находятся III и II вв. до н.э., но конкретную фактуру он подает последовательно от одной олимпиады до другой. Параллельно он излагает свою концепцию о смене государственных форм, уделяя большое внимание выявлению причинно-следственных связей. Собственно от Полибия и идет понятие “всеобщая история”. Он же стал важнейшим связующим звеном между греческой и римской историографиями, хотя среди своеобразных посредников между ними были и такие крупнейшие сочинители как Плутарх, тоже грек по национальности. Плутарх смотрел на историю как на средство исправления нравов и в своих “Сравнительных жизнеописаниях” подчеркивал, что пишет не историю, а биографии³. Плутарх, как давно заметили исследователи, был глубоко проникнут религиозным чувством. Бог у него – начало всего доброго, материя же в его представлениях основа всего злого. Но, не ставя задачи писать историю, он ее постоянно отражал, делил на этапы, достаточно обратиться к жизнеописанию Фабия Максима, где подробно рассказывается о войне Рима с Карфагеном.

При всей зависимости римской исторической науки от греческой, нельзя не видеть ее определенного прогресса в самом Риме. Даже в письмах Плиния Младшего (отнюдь, не в историческом сочинении, но в прекрасном историческом источнике) их автор предстает как историк. Не случайно Титиний Капитон и другие знакомые Плиния уговаривали его заняться историей⁴. Древнеримские тексты свидетельствуют о глубоком интересе римлян к

историческим знаниям, а исторические исследования, среди прочего, показывают, как их авторы стремились к упорядочению этих знаний, приданию им некой системы. Гай Крисп Саллюстий, живший в I в. до н.э., человек, обладавший большим жизненным опытом и многое повидавший на своем веку, стал историком уже в относительно зрелом возрасте. Автор “Югуртинской войны”, “Истории” в 5-ти книгах (сохранившейся, однако, в нескольких фрагментах), он не ставил перед собой задачи выработки периодизации своих сочинений. Но, описывая эпоху упадка римского общества, которое ему приходилось наблюдать самому, он переходил к сравнениям и, невольно, передавая характеры своих героев, выделял этапы римской истории.

“Римский Геродот” Тит Ливий, живший на стыке старой и новой эры, посвятил написанию “Римской истории от основания города” почти 50 лет. Из 142 книг его главнейшего сочинения сохранилось всего 35. Содержание, хотя и весьма краткое, остальных его книг известно по трудам других авторов, цитировавших или, по крайней мере, упоминавших многотомник Тита Ливия. Особенность периодизации истории этого известного римского автора заключалась в том, что он применил принцип изложения истории Рима по годам от его основания до I в. до н.э. Первые 10 книг были доведены до 3-й Самнитской войны, то есть до 293 г. до н.э., известны также с 21 по 45-ю книги, где изложение римской истории доводится до 168 г. до н.э., до покорения Римом Македонии. Другие книги до нас не дошли и содержание их известно в самых общих чертах. Тем не менее можно с полным основанием отнести Тита Ливия к сторонникам хронологического подхода к периодизации истории, который сочетался с выделением этапов по наиболее значительным датам римской истории. Но не Тит Ливий был основателем чисто хронологического подхода. У него были далекие и близкие предшественники. В Древнем Египте было принято деление по годам правления фараонов, в Афинах – архонтов, в Риме – консулов, а затем и императоров. Сам Тит Ливий во многом заимствовал материал у римских анналистов, но у него имелись и свои, пользуясь современным понятийным аппаратом, методологические подходы, строившиеся на изучении изменений морально-этических устоев римского общества. По его мнению, именно нравственные достоинства древних римлян, их здоровый повседневный быт стали источником возникновения римского могущества⁵.

Тацит, творивший уже на стыке I и II вв. и немало повидавший и переживший на своем веку, в отличие от Тита Ливия, бывшего сторонником республики, хотя, отнюдь, не выступавшего

против императора Августа, стал апологетом Римской империи. Он доказывает неизбежность ее появления, подавая империю как более прогрессивный этап развития римского общества по сравнению с изжившей себя Римской Республикой. Но Тацит видит противоречивость исторического развития вообще и своей страны в частности и, оправдывая новый строй, отражает не только положительные черты римских императоров, но и живописует их как жестоких тиранов, преследующих лучших людей Рима. Для Тацита, таким образом, характерны диалектический подход к истории, понимание закономерностей ее развития, выделение этапов исторического процесса. Все это образует своеобразный новый, не характерный для прошлого, подход к периодизации римской истории.

Аппиан – историк II в. н.э., по происхождению грек, но живший в Риме и ставший римским гражданином, позднее поселившийся в Египте. Аппиан стал автором “Римской истории” в 24-х книгах, написанной на греческом языке⁶. Его масштабное творение, посвященное истории Рима с самого основания до начала II в., интересно, среди прочего, и своими методологическими подходами и своеобразной периодизацией римской истории. В основу периодизации многотомника положены крупнейшие войны Рима на протяжении всей его истории, известной автору. Первая книга была посвящена древнейшему периоду, далее говорилось о завоевании Римом Италии и войне с галлами. Потом следовало описание военных действий в Сицилии, Иберии, против Карфагена и т.д. Последние войны, которые описал Аппиан, были посвящены походам императора Траяна. Им были посвящены 23 и 24 книги его истории. Но особенность той периодизации, которую предложил этот римский историк, заключалась не только в этом его подходе. Хронологический подход, уже внедрившийся в античную литературу, он сочетал с подходом этническим. В ряде томов своей истории он рассказывает об истории тех народов, которые были завоеваны Римом. В начале шел исторический очерк той или иной страны и ее народа, а затем собственно следовало описание их покорения римскими войсками. Таким образом, хотя по названию многотомник Аппиана был посвящен истории Рима, по существу он представлял собой одну из первых всеобщих историй, подчиненных его своеобразной периодизации.

Рим выдвинул и ряд других авторов, заметно обогативших историческую науку, – Катона, Цицерона, Юлия Цезаря, Диодора Сицилийского, Страбона, Светония Транквилла, Апулея, Диона Кассия, Геродиана, Аммиана Марцеллина, Евтропия, Орозия, Зосиму и др. Даже знаменитый римский поэт Публий Ови-

дий Назон внес свой вклад в развитие исторической науки, и его известные “Письма с Понта” относятся к числу важных исторических источников. Исследователь творчества Овидия М.Л. Гаспаров, справедливо подчеркнувший, что “всякая периодизация условна”, обратил внимание на то, что у Овидия без мифологических параллелей “не обходится ни одна тема и почти ни одно стихотворение”⁷. Не обходится Овидий и без исторических параллелей. Не обходятся без них и два других представителя “золотого века римской поэзии”, то есть “века Августа” – Вергилий и Гораций.

Особый разговор о периодизации истории у Блаженного Августина. Августин, с одной стороны, принадлежит к эпохе античности, с другой, как бы органически вписывается в средневековую традицию, на формирование которой оказал сильнейшее влияние. Выходец из рабовладельческой среды, воспитанный на античной литературе, становится одним из крупнейших христианских богословов. Проповедник принципа, что “перед верой меркнут все достижения разума”, он выдвигает свое понимание исторического процесса. В круг его воззрений входит изучение динамики человеческой личности и динамики общечеловеческой истории. По его представлениям, история человечества это – непрерывная борьба божьего царства с царством сатаны, по-другому, – борьба праведников и Церкви с земным государством. Нечто подобное можно встретить и у Плутарха и других античных авторов, но Августин под религией понимает христианство. Он выступал с теократических позиций, за подчинение светской власти Церкви, причем, по его представлениям, Церковь должна владычествовать над миром. В одном из важнейших своих сочинений “О Граде Божьем” он видит источник исторического процесса в акте божественной воли Творца и выдвигает свою теорию мировой эволюции. В его периодизации истории большую роль играет учение о предопределении. Именно он развивает провиденциалистское понимание исторического процесса как пути к божьему царству, оказавшее громадное воздействие на последующую, причем не только средневековую историографию. Он же предлагает и свою периодизацию всемирной истории, которую он разделил на шесть периодов: первый от сотворения мира до всемирного потопа и шестой – с рождения Иисуса Христа⁸.

Мы остановились на наследии античных историков не только потому, что в нем усматривают зарю мировой историографии, но и потому что проблемы с которыми сталкиваются сегодняшние исследователи зародились уже тогда. Уже в греко-римской

историографии к периодизации истории применялись соответствующие методологии, равнодействующая которых заключалась в отделении фактов от вымысла и безусловном требовании достоверности исторического материала, поисках общих черт и, вместе с тем, отличий в истории различных стран и народов, общего, особенного и повторяющегося в истории, необходимости видеть за внешним течением истории внутренние побудительные мотивы, поисках причин исторических событий, последовательной объективности, четком разграничении истории и мифологии, признании исторического прогресса, – вообще, в трезвом, предельно реалистическом взгляде на ход мировой истории⁹. По отношению к периодизации истории, при всех отличиях между различными историческими сочинениями хорошо заметны хронологический, проблемный и даже стадийный подходы.

В нашу задачу не входит подробное рассмотрение сочинений последующих авторов, уделявших внимание периодизации истории. Остановимся на них в самых общих чертах. В Средние века историческая мысль претерпела определенный регресс по сравнению с античной эпохой. Были, однако, тогда и определенные достижения историографии. В Средние века весьма популярной была периодизация истории по четырем монархиям. Она, например, получила отражение в “Хронике” Оттона Фрейзингенского, где изложены события мировой истории до 1146 г., и в других его сочинениях. Оттон Фрейзингенский, продолжатель августиновской традиции борьбы земного и божественного начал, предвещает грядущий конец земного мира¹⁰. Собственно концепция Оттона Фрейзингенского не была оригинальной. Исследователи давно показали, что у истоков концепции четырех мировых монархий был труд греческого историка V–IV вв. до н.э. Ктесия – “Персия”. В этом труде проводится мысль о трех мировых монархиях – Ассирийской, Мидийской и Персидской. Затем к этим трем монархиям была добавлена четвертая – Македонская, и эта концепция четырех монархий получила распространение ко II в. до н.э. У пророка Даниила, в его библейской книге этого периода, то есть в Ветхом Завете, они фигурируют как Халдейское, Мидийское, Персидское и Греко-Македонское царства. Попав в Рим, эта концепция дополнилась положением о Римской монархии. В работе римского историка Помпея Трога, написанной на стыке старой и новой эры отмечены Ассирийская, Персидская, Македонская и Римская империи. Именно эта концепция четырех или даже пяти монархий затем попадает в христианскую историографию и прослеживается в IV и V вв. у Иеронима, а затем у Павла Орозия, ученика Августина, жившего приблизительно

но в 380–420 гг. Среди многих христианских авторов той эпохи распространялись мнения о том, что Римская империя будет последним государством на земле, и его уничтожение приведет к торжеству Царства Божьего¹¹.

Подразделение всемирной истории на эпохи четырех монархий прочно утвердилось затем в средневековой европейской историографии. Здесь к этим монархиям относили ассиро-вавилонскую, мидо-персидскую, греко-македонскую и римскую. Оттон Фрейзингенский, таким образом, действительно не был в этом отношении оригинален. Но он, во-первых, являлся автором всемирной истории, охватывавшей обширный период, а во-вторых, именно его труду преимущественно противопоставили свои воззрения гуманисты XV–XVI вв. При этом, конечно, нельзя закрывать глаза на сочинения других средневековых авторов. Была своя традиция у византийских историков, свои воззрения предлагали и некоторые церковные историки Западной Европы. Там пробивает себе дорогу периодизация по трем “мировым эпохам”, в соответствии с тремя ипостасями Божественной Троицы. Первый этап по этой периодизации занимал период от Адама до рождения Христа и подавался как время Бога-Отца. После этого следовало время Бога-Сына. Третий же период назывался эпохой Святого Духа, в соответствии с которым должна восторжествовать вечная справедливость. Эта концепция не поддерживалась официальными церковными властями, и историки-гуманисты противопоставили свои труды прежде всего концепции четырех монархий.

Гуманистам принадлежит великая заслуга в создании светской науки, в решительном разрыве с феодально-теологической трактовкой исторического процесса. Именно они первыми выдвигают понятие “Средневековье”(medium aevum), противопоставляют его Античности, а также заявляют о начале новой истории. Понятия древней, средней и новой истории, исходящие от гуманистов вошли во всемирную историографию и распространились, хотя и не сразу, почти по всем странам мира. Жан Боден, выдвинувший положение о складывании общества независимо от воли человека, под влиянием естественной среды, отстаивавший идею общественного прогресса, издает в 1566 г. свою знаменитую книгу, где уже фигурирует деление исторического процесса на древнюю, среднюю и новую историю¹². Уже в XVII в. эта периодизация стала широко известной и популярной в западноевропейских университетах. Сложности возникали, однако, при определении конкретных дат, разделяющих эту триаду. В вышедшем в 1685 г. в университете в Галле учебнике Келлера все-

мирная история делилась на древнюю до Константина Великого, средневековую – до 1453 г., то есть до падения Константинополя и новую – после 1453 г. Эта периодизация была довольно распространенной, но впоследствии ей противопоставлялись и другие. Различного рода предложений было великое множество. В историографии США распространилась начальная дата новой истории – 1492 г., то есть так называемое открытие Америки Х. Колумбом. Вообще, в истории Америки эта дата переломная и занимает особое место и в учебниках по истории США¹³.

Гуманисты вкладывали в свою периодизацию всемирной истории особый смысл. Например, исходный момент новой истории они усматривали в зарождении светской науки и культуры в эпоху Возрождения. Нередко за начало новой истории принимается распространение гуманизма и Реформация. Вообще, единой точки зрения не было и среди гуманистов. Но их важный вклад в историческую науку заключался не только в предложении новой периодизации, но, например, в утверждении концепции цикличности, что мы находим в трудах Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини, Ф. Патрици и, особенно, Д. Вико, жившего на стыке XVII–XVIII вв. и основательно разработавшего концепцию исторического круговорота. Вико предложил и свою периодизацию всемирно-исторического процесса. По Вико исходным пунктом развития являлось первобытное звериное состояние, время, когда, собственно, еще не было истории. Далее, один за другим следуют “век богов”, еще до создания государства, “век героев” – эпоха феодализма и жестокой борьбы феодалов и плебейства и “век человечества” – время республик, господства разума и расцвета. Далее, по Вико, за этими тремя стадиями, следует упадок и история начинается сначала. Концепция Д. Вико, однако, предполагает развитие каждого нового круга на более высоком уровне. В целом, Вико – сторонник человеческого прогресса¹⁴.

Вообще, в становлении истории как науки роль мыслителей XVII–XVIII вв. весьма велика, в силу обострившейся борьбы против феодальных порядков, влияния ранних буржуазных революций в Европе, прежде всего Английской и Великой французской. Просветители этой эпохи выдвинули требование написания всеобщей истории человечества исходя из новых принципов, в которые входило сравнительное описание истории, рассмотрение человека как части природы, идея непрерывного прогресса, признания единства судеб всего человечества. Они обратили большое внимание на изучение природно-географической среды, и от преимущественно политической истории, которая обычно находилась в поле зрения их предшественников, призывали обра-

титься и к экономическим проблемам, истории культуры, истории идей. Именно в это время возникает и понятие “цивилизация”. Поначалу, еще в XVII в. появляется термин “цивилизованный”, прослеживаемый, например, в трудах Р. Декарта и Б. Спинозы, затем, уже во второй половине следующего, XVIII в., впервые стало использоваться слово “цивилизация”¹⁵.

Видный представитель этой эпохи, один из идеологов Просвещения – И.Г. Гердер свой главный труд “Идеи к философии истории человечества”, в котором по словам автора тема его – “история человечества, философия истории”¹⁶, предлагает читателю довольно сложную историческую конструкцию. Его книга состоит из четырех частей и двадцати книг плюс план заключительного тома, неосуществленных 21–25 книг. Не периодизация истории интересует в первую очередь немецкого историка. Главное место в ней занимает проблема законов общественного развития. Несомненный сторонник общественного прогресса, Гердер видит и его различные зигзаги и повороты и отнюдь не относится к безбрежным оптимистам. Его периодизацию приходится буквально выискивать, но внимательное прочтение его книги позволяет понять ее и то, что периодизации он уделял далеко не последнее место. Гердер в своем исследовании изучает историю стран Древнего Востока и проявляет себя как убежденный противник европоцентризма. Он последовательно исследует эпоху античности и далее переходит к истории феодализма, которую доводит до XIV в. Интересно, что у него Средневековье рассматривается как закономерный этап в развитии человечества. Здесь он входит в противоречие со взглядами многих мыслителей Просвещения, видевших в Средних веках досадный регресс. По Гердеру феодализм был не только закономерным этапом развития истории, но и этапом прогрессивным. Заголовок одного из разделов его книги звучит следующим образом – “Роду человеческому суждено пройти через несколько ступеней культуры и претерпеть различные перемены, но прочное благосостояние людей основано исключительно на разуме и справедливости”¹⁷.

Младшим современником Гердера был французский мыслитель А. де Сен-Симон. Он вошел в историю больше как социалист-утопист, хотя утопизм его, отнюдь, не намного больше чем у других, поскольку элементы утопизма, большие или меньшие, можно усмотреть у любого даже самого трезвого мыслителя. Да, Сен-Симон был социалистом и очень крупным, оказавшим большое влияние на последующие поколения сторонников этого учения. Но он был и социологом и историком, предложившим и свои методологические подходы к истории, и собственную ее

периодизацию. В поле зрения Сен-Симона как историка присутствуют, прежде всего, древняя, средневековая и новая история. Но он, отнюдь, не закрывал глаза на историю первобытной эпохи. Доказывая прогрессивность рабовладельческого строя по сравнению с первобытным, он подчеркнул, что если раньше пленника просто съедали, тогда, как при рабовладении его заставляли работать на себя. В этом Сен-Симон видел несомненную прогрессивность нового строя. Вообще, каждую новую общественную систему Сен-Симон рассматривает как более прогрессивную, чем предыдущая. Следующим этапом по Сен-Симону должно быть общество построенное на расцвете науки и индустриальных производительных сил, что должно было привести к изобилию и удовлетворению всех основных потребностей личности с торжеством принципа распределения по способности. Это учение Сен-Симона было дополнено его учениками, прежде всего С.-А. Базаром и Б.-П. Анфантенном, известными как сен-симонисты (хотя с учениками Сен-Симона не так все просто и были среди них люди разных ориентаций)¹⁸, выдвинувшими лозунг уничтожения частной собственности и эксплуатации человека человеком и принцип “каждому по способностям, каждой способности – по ее делам”. Одновременно они замену частной собственности видели в торжестве не только права способности, но и права труда. К новому строю они стремились перейти постепенным и мирным путем¹⁹.

Сен-Симон и сен-симонисты создали новую стадиальную концепцию, в которой просматривается пять больших этапов развития человеческой истории: первобытный, рабовладельческий (политеизм), феодально-сословный, промышленный с наемным трудом и будущий этап человеческой истории, который должен был быть построен на полном уничтожении эксплуатации человека человеком. Создавалась, таким образом, пятизвенка или пятичленка всемирного-исторического процесса. Последний этап, который еще должен был наступить, ни у самого Сен-Симона, ни у его учеников социализмом не назывался. Этот термин в их сочинениях не фигурирует. По всей вероятности, его впервые, в 1834 г., использует бывший сен-симонист и в дальнейшем считавший себя продолжателем дела Сен-Симона Пьер Леру²⁰, который ввел этот термин в своей статье “Об индивидуализме и о социализме”. То что такой термин впервые появляется у учеников Сен-Симона не вызывает удивления, удивительно то, что термин “социализм” появился раньше термина “капитализм”, хотя слово “капитал” в соответствующем понимании существовало уже давно, а капитализм насчитывал столетия. По мнению

исследователей, термин “капитализм” раньше всех, по-видимому, применил Луи Блан²¹, первое крупное сочинение которого “Организация труда” было опубликовано в 1839–1840 гг.

Наблюдения Сен-Симона и сен-симонистов строились на учете имевшегося тогда фактического материала. Еще в 1767 г. шотландский исследователь А. Фергюсон публикует свою работу под названием “Опыт истории гражданского общества”, где на основе богатого этнографического материала подробно описал первобытно-общинный строй. Этот строй автор охарактеризовал как первобытнокоммунистический с коллективным производством и потреблением. Параллельно шло исследование рабовладельческой эпохи, получившее особое отражение в трехтомном труде французского историка Анри Валлона под названием “История рабства в античном мире”, вышедшем в 1848 г. Мировая наука в значительной степени “догоняла” наблюдения Сен-Симона и его учеников, и не случайно от этих построений оставался буквально один шаг до созданной К. Марксом и Ф. Энгельсом теории формаций.

Термин “формация” был взят Марксом и Энгельсом из геологии и придавал не только новую форму, но и новое содержание стадияльной теории. Ими был применен материалистический подход к пониманию истории. Есть возможность проследить как развивались эти взгляды еще до “Капитала”, от их известных сочинений “Немецкая идеология”, “Нищета философии”, “Манифест Коммунистической партии” до поворотной работы “К критике политической экономии”, написанной в конце 50-х годов XIX в., где К. Маркс развивает учение о соотношении производительных сил и производственных отношений и подчеркивает, что “ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия для существования в недрах самого старого общества”. Здесь же Маркс говорит о способах производства, упоминая азиатский, античный, феодальный и буржуазный, которые относились им к “прогрессивным эпохам экономической общественной формации”. Положение об азиатском способе производства затем вызвало дискуссии²², но последователи Маркса и Энгельса, опираясь на их наследие, впоследствии выдвинули положение о пяти социально-экономических формациях. В данном случае они отталкивались от наследия классиков марксизма, где говорилось, что “буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества”²³, и ее сменит ком-

мунистическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства и на товарищеском сотрудничестве свободных от эксплуатации трудящихся. Ф. Энгельс в своей работе “Происхождение семьи, частной собственности и государства” не применяет понятия “азиатский способ производства” и вводит понятие “первобытнообщинного строя”. Марксом и Энгельсом было также выдвинуто положение о двух фазах коммунизма.

Наследие классиков марксизма было положено в основу периодизации исторического процесса их последователями в разных странах, особенно в Советском Союзе. Параллельно с марксистской периодизацией появляются и в большей или меньшей степени распространяются другие хронологические и методологические подходы самого различного плана. Количество содержащих их сочинений столь велико, что даже простое перечисление исследовательских подходов как таковых заняло бы значительное место. Упомянем лишь наиболее распространенные направления.

Одним из таких направлений стал так называемый цивилизационный подход. Его название произошло от понятия “цивилизация”. Последняя, по мнению его сторонников, следовала на смену варварству. Затем “цивилизация” стала применяться в совокупности с термином “культура”, и в этом плане следует выделить книги известного французского историка Ф. Гизо “История цивилизации в Европе” и “История цивилизации во Франции”. Из наиболее видных сторонников подхода можно отметить Ж.А. Гобино, выделившего десять цивилизаций, Г. Рюккерта, Н.Я. Данилевского, Ф. Бэгби, исследовавшего девять “главных” цивилизаций и 29 “периферийных”, К. Квингли, выделившего в развитии цивилизаций семь стадий. Среди них следует назвать и работы современного автора С. Хантингтона, находящего (в своей нашумевшей статье “Столкновение цивилизаций?”²⁴) в современном мире до 7 крупных (западно-христианскую, восточно-христианскую, исламскую, буддистско-конфуцианскую, японскую, латиноамериканскую и африканскую) и ряд мелких цивилизаций и предсказавшего конфликт между ними. Особенно следует отметить в этом направлении работы английского историка А. Тойнби не столько поддержанного на Западе, сколько в нашей стране. Тойнби, автор 12-томной книги “Постижение истории”, поначалу был сторонником циклизма, затем от него отходит²⁵. К числу важнейших вопросов его многотомника относятся следующие: почему возникают цивилизации, почему и как они развиваются и почему в итоге погибают. Он предложил две классифи-

кации цивилизаций. В соответствии с первой он насчитал 31, а в соответствии со второй – 34 цивилизации, выделяя в них и так называемые недоразвившиеся и окаменевшие. По представлениям Тойнби, человечество движется от локальных цивилизаций к единой всечеловеческой цивилизации, конечной всеобщности. Вообще Тойнби неоднократно менял свои подходы к цивилизациям, и количество их у него колебалось от 100 до 13. Один из оппонентов Тойнби, английский историк Р.Дж. Коллингвуд, отнюдь, не марксист, более того, идеалист, признавая “невероятную эрудицию” Тойнби, его тонкую историческую интуицию, критикует своего земляка, по его словам, с двух сторон. Во-первых, по мнению Коллингвуда, у Тойнби “сама история, исторический процесс разделена резкими границами на отдельные взаимосключающие части, при этом отрицается непрерывность процесса, та непрерывность, в результате которой каждая часть истории прекращается и входит в другую”. Второе главное замечание заключается в том, что “процесс как целое и историк тоже противопоставлены друг другу”. В результате, по Коллингвуду, “прошлое, вместо того, чтобы жить в настоящем, как это имеет место в истории, мыслится как мертвое прошлое, каким оно является в природе”²⁶.

Замечания Коллингвуда могут быть обращены и ко многим другим сторонникам цивилизационного подхода. Последние испытывали серьезнейшие трудности при отражении исторического процесса по его “горизонтали”, но и в подаче развития цивилизаций по “вертикали” они сталкивались с рядом трудностей. Акцентируя внимание на той или иной цивилизации, они, нередко, отрешались от исторического многообразия и постоянно встречались с различного рода сложностями, подбирая объективные критерии для определения той или иной цивилизации. Они явно проигрывали сторонникам формационной теории при создании четкой схемы исторического процесса, хотя и у тех были свои проблемы. Признавая то, что в чистом виде не может существовать ни одна из формаций прошлого, эти историки не всегда учитывали всю сложность исторического процесса, пытались вычленять главное, порой, пренебрегая особенностями. Тем не менее, отрешаясь от крайностей той или иной теории, следует признать научность и того, и другого подхода. Не случайно именно они стали главными в XX в., наложив свой неизгладимый отпечаток на конструирование и соответствующих периодизаций. В той или иной степени они нашли отражение при написании известных “всемирных историй” В. Онкена, И. Пфлуг-Хартунга и В. Гетца в Германии, Э. Лависса и А. Рамбо, Л. Альфана

и Ф. Саньяка, Г. Глотца, Э. Кавеньяка, Ж. Пиренна во Франции, трех серий так называемой Кембриджской истории в Англии, из которых 12 томов были посвящены древней истории, 8 – средневековой и 14 – новой истории и др.

Но кроме формационного и цивилизационного подхода в исторической науке нового и новейшего времени имеется и ряд других. Свои подходы были у Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, сторонников экономического, биологического или географического детерминизмов, проводников концепции индустриального общества или сторонников многофакторного, по другому плюралистического, а также и других подходов, каждый из которых приводил к конструированию своей собственной периодизации. Не имея возможности остановиться на них, отсылаем читателя к капитальной монографии Ю.И. Семенова “Философия истории”, где многим из них уделяется соответствующее место.

Об отечественной исторической науке в полной мере можно говорить лишь с начала XVIII в. Ни в коей мере не умаляя исторических трудов более раннего периода, начиная с “Повести временных лет” и вплоть до “Скифской истории” А.И. Лызлова, следует признать особую роль в возникновении светской исторической науки именно XVIII в. В это время русские исследователи-историки активно используют достижения иностранных специалистов, уделяют внимание особенностям исторического процесса в самой России. Особый путь России или, по крайней мере, особенности ее истории подчеркивались многими русскими историками. Генерал И.Н. Болтин, вступивший в полемику с французским автором по истории России Леклерком, подходит к созданию особого учения о “месторазвитии” столь понравившегося Екатерине II и где он объяснял силу России особенностями ее географической среды²⁷. В XIX в. свои концепции об особенностях русской истории выдвигают славянофилы, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев и другие русские мыслители. Особенности русской истории видели и исследователи-марксисты. Хорошо известно на этот счет высказывание Г.В. Плеханова, писавшего, что “в историческом развитии России... есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран Европейского Запада и напоминающие процесс развития великих восточных деспотий. Причем, – чем весьма значительно осложняется вопрос, – особенности эти сами переживают довольно своеобразный процесс развития. Они то увеличиваются, то уменьшаются, вследствие чего Россия как бы колеблется между Востоком и Западом”.

Особенности русской истории показываются уже в первых собственно исследовательских трудах ей посвященных. Если зарождение русской гражданской литературы связывают с именем А.Д. Кантемира, то появление первого научного труда обобщающего характера по русской истории тоже относится к той же эпохе, и автором его был В.Н. Татищев. И русская гражданская литература, и история как наука, таким образом, зарождаются в особых условиях, созданных петровскими преобразованиями. Татищев получил по тем временам неплохое образование и имел солидный жизненный опыт, обратив на себя внимание Петра I. В своей “Истории Российской с самых древних времен”, он не только пытается разобраться в закономерностях человеческого общества, но, основываясь на своих методологических подходах, типично рационалистических, выдвигает собственное понимание исторического процесса с позиций “умопросвещения”. Татищев был первым в отечественной исторической науке, кто дал общую периодизацию истории своей страны. Первый этап ее, который Татищев называет господством единовластия, он определяет 862–1132 гг., то есть доводит его до кончины сына Владимира Мономаха – Мстислава, после чего, по Татищеву, наступает новый этап феодальной раздробленности лишь временно и не полностью преодоленный этими великими князьями. Этот новый этап русской истории Татищевым характеризуется как нарушение единовластия и обнимает 1132–1462 гг. Третий этап, охарактеризованный Татищевым как восстановление единовластия, по его мнению, начинается с 1462 г., то есть с начала правления Ивана III²⁸.

Татищев был убежденным сторонником самодержавия, и эта установка не могла не оказать влияния на его периодизацию истории. Сам же труд Татищева оказал заметное воздействие на последующие работы по истории России. Ни в коей мере не умаляя роли исследований М.В. Ломоносова, делившего русскую историю на шесть периодов, М.М. Щербатова и других исследователей истории России, мы усматриваем следующий этап в разработке периодизации русской истории в известном многотомнике Н.М. Карамзина. Его издание было знаменательным событием в отечественной историографии и свидетельствовало о выходе исследования истории России на новый уровень. Уже в предисловии Карамзин показывает особое значение отечественной истории по сравнению со всемирной, подчеркивая: “Если всякая История, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная”. И несколько далее: “...личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо

любим себя... имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем”²⁹.

Там же, еще в Предисловии, Н.М. Карамзин дает свою трактовку периодизации истории России. Сделал он это довольно своеобразно, обратившись к периодизации русской истории, сконструированной А.Л. Шлецером, к которому он относится с большим пиететом. Как пишет Карамзин, в соответствии с этой периодизацией, история России от 862 г. до Святополка должна быть названа *рождающейся*, от Ярослава до монголов (у Карамзина Моголов) – *разделенною*, от Батыея до Ивана III – *угнетенною*, от Ивана III до Петра Великого – *победоносною* и от Петра до Екатерины II – *процветающею*. И далее Карамзин вступает в полемику с немецким историком, называя его периодизацию более остроумной, чем основательной. Карамзин отвечает своему предшественнику по пунктам. Век Владимира он считает веком могущества и славы, а не *рождения*. Государство, по Карамзину, *делилось* и до 1015 г. Переходя к третьему периоду по Шлецеру, Карамзин выступает против включения в один период времени великого князя Дмитрия Александровича (сына Александра Невского) и Дмитрия Донского. При первом из них, по Карамзину, господствовало безмолвное рабство, а при втором – победа и слава. И, касаясь четвертого периода по Шлецеру, Карамзин счел нужным отметить, что век самозванцев “ознаменован был более злосчастьем, нежели победою”. Пятый период Шлецера Карамзин оставил без комментариев.

Отрешаясь от того, насколько карамзинская критика Шлецера была обоснованной, перейдем к той периодизации, которую предложил сам автор “Истории государства Российского”. Он подразделил эту историю на три периода и прямо заявил, что такое деление не только лучше и истиннее, но и скромнее. Первый период по Карамзину называется древнейшим и охватывает он время от Рюрика до Ивана III, второй – средний – от Ивана III до Петра I и третий – новый – от Петра I до Александра I. Каждому из этих периодов, называемых эпохами, автор дает соответствующую характеристику. Первую эпоху он называет системой уделов, вторую характеризует как единовластие, третью подает как изменение гражданских обычаев³⁰. Такова у Карамзина самая общая периодизация российского исторического процесса. Не говоря о подаче им предыстории Древнерусского государства, следует отметить, что далее он предпочитает

периодизацию по правлениям князей, и первый том охватывает время от Рюрика до конца правления Владимира. Последний, 12-й, том истории Карамзина был доведен до 1611 г.

История Карамзина имела уже при жизни автора огромный резонанс, но уже тогда у нее появились критики в лице А.С. Пушкина, декабриста Н.М. Муравьева, Н.А. Полевого, явно противопоставившего свою шеститомную “Историю русского народа” “Истории государства Российского”, и др. Появились затем и иные работы по русской истории, где предлагались свои периодизации. Не закрывая глаза на труды М.П. Погодина, Н.И. Костомарова и других русских историков, особое внимание, конечно, следует уделить периодизации истории в трудах С.М. Соловьева, несомненно, самого крупного отечественного историка XIX в.

Как и Полевой, Соловьев противопоставляет свою историю истории Карамзина, ставшей уже официальной и признанной лично Николаем I. Но что примечательно, первый том истории Соловьева вышел в 1851 г., еще при жизни этого русского императора, и в этом первом томе Соловьев демонстрирует свое, весьма оригинальное, отношение к периодизации отечественной истории. В начале “Предисловия” он следующими словами излагает свое кредо по этому вопросу: “Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснять каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, – вот обязанность историка в настоящее время, как понимает автор предлагаемого труда”³¹. Далее Соловьев, в целом характеризуя русскую историю, выделяет разные ее этапы, отмечая особенности страны со второй половины XII в., обращает внимание на переход родовых отношений между князьями в государственные, останавливается на значении событий конца XVI–начала XVII вв., дает оценку первым Романовым и отмечает тесную связь российского XVII в. с первой половиной XVIII, подчеркивая, что разделять их нельзя. И затем он выделяет период со второй половины XVIII в. и до современных ему событий. Такова общая периодизация русского исторического процесса в “Предисловии” к многотомнику Соловьева. Непосредственное знакомство с каждым из его томов, в целом доведенных до 1775 г. позволяет выявить и детали периодизации в многотомнике. Автор уделяет большое внимание предистории создания государственности и сочетает проблемный подход с хронологическим. Особое место отводится у Соловьева

датам правления князей и царей, но автор не обходит при этом и так называемых переходных периодов. Специальные главы он посвящает событиям, произошедшим при внуках Ярослава Мудрого (1093–1125 гг.), борьбе между сыновьями Александра Невского (1276–1304 гг.), а периоду правления В. Шуйского им посвящены две главы.

Соловьев останавливается на периодизации русской истории не только в своем многотомнике, но и в ряде других работ. Интересно, что в большой статье под названием “Август Людвиг Шлецер” он касается уже упоминавшейся периодизации Шлецера, называя знаменитым “разделение на периоды, которое так долго господствовало и провозглашалось с университетской кафедры, разделение на пять периодов”. Перечисляя их, Соловьев подчеркивает, что “с такого чисто внешнего деления по необходимому закону должна была начаться наука”³². Сам Соловьев выступает против внешнего деления и провозглашает примат внутреннего развития и необходимость изображать характеры действующих лиц в соответствии с той эпохой, в которой они проживают. Он критикует Шлецера за эту периодизацию, но с других позиций нежели Карамзин. Возвращается Соловьев к проблемам периодизации истории России и в “Учебной книге русской истории”, которую в хронологическом плане доводит до 1850 г.

Естественно, никак нельзя миновать подходов к периодизации в трудах В.О. Ключевского, ставших вершиной русской дореволюционной мысли в отечественной истории. Интересно, что в своем известном “Курсе русской истории” Ключевский первую лекцию посвятил методологии истории, а во второй довольно подробно останавливается на периодизации, связывая ее со славянской колонизацией Восточной Европы. По Ключевскому “переселение, колонизация страны были основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты”³³. Он выделяет период с VIII по XIII в. и характеризует его как Русь Днепровскую, городскую, торговую. Далее следует период с XIII до середины XV в., названный историком Русью Верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой. Новый период по Ключевскому – с середины XV до второго десятилетия XVII вв., по его словам, это Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая. И, последний, четвертый период в его курсе датируется началом XVII–половиной XIX в. и называется всероссийским, императорско-дворянским. Вновь перечисляя эти периоды, в которых, по его словам, “отразилась смена исторически вырабатывавших-

ся у нас складов общежития”³⁴, Ключевский выделяет 1) *днепровский*, 2) *верхневолжский*, 3) *великорусский*, 4) *всероссийский*.

Эта была новая периодизация русской истории, заметно отличавшаяся от предыдущих периодизаций А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева. Исследователи наследия Ключевского уже давно обратили на нее внимание и подчеркнули, что в отличие от своих предшественников он решительно порвал с традицией рассматривать историю России по царствованиям, когда в основу периодизации ставилось политическое начало. Ключевский выводит становление государства из жизненной практики народа и его сознания³⁵. Конечно, Ключевский не избегнул истории царствований наиболее видных монархов. Останавливается он и на царствовании Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I, Александра II, но в основе изложения исторического материала все-таки находится его четырехзвенная периодизация, к которой он затем неоднократно возвращается и дает дополнительные характеристики. Оценивая, например, последний, четвертый период своего курса и датируя его более точно – 1613–1855 гг., характеризует его не как один из периодов нашей истории, а как “*всю нашу новую историю*”³⁶. Он, таким образом, выделяет начало царствования Александр II, а не реформу 1861 г.

Как и С.М. Соловьев, В.О. Ключевский останавливался на проблемах периодизации и в других своих работах. Особо следует отметить три момента общего исторического процесса в лекциях по “*Методологии русской истории*”, где он излагает свое представление о всемирно-историческом процессе³⁷. Вообще, говоря о периодизации отечественной истории, нельзя не упомянуть и отечественных специалистов по всемирной истории. Всеобщей историей занимались и Соловьев и, хотя и в меньшей степени, Ключевский. Но была и плеяда историков зарубежья, которую нельзя не принимать во внимание, поскольку они тоже оказывали влияние на историков России. Не имея возможности подробно остановиться на их трудах и их подходах к периодизации истории, мы не можем не остановиться на Т.Н. Грановском, несомненно, крупнейшем русском всеобщнике XIX в.

Открывая курс своих лекций, Грановский, демонстрирует свою периодизацию новой истории и кратко останавливается на основных этапах всемирной истории – древней и средневековой. Он подчеркивает, что будет заниматься в этом курсе лекций историей 3-х последних столетий, называемых новой историей и прямо пишет, что рубежом между новой и средневековой историей принято считать открытие Америки и начало реформацион-

ного движения в Германии. Далее он уточняет, “следовательно, последними годами XV и первыми XVI столетия начинается эпоха, к изучению которой мы приступим”³⁸ и останавливается на характерных особенностях новой истории по сравнению со средней и древней, подчеркивая их глубокое различие. Он, таким образом, последовательно раскрывает существенные различия между средневековой и древней историей и затем между новой и средневековой, приводя соответствующие аргументы в пользу своей концепции³⁹.

Исследования по отечественной истории оказали значительное влияние на учебно-методическую литературу России. Причем, необходимо отметить и появление учебников, где параллельно подавалась как всеобщая, так и русская история. Пожалуй наиболее популярным из этой серии был учебник И.И. Беллярмина, подготовившего также учебные пособия и по древней истории, и по всеобщей, и по русской, выходящими многими изданиями. Больше всего изданий выдержал его “Элементарный курс всеобщей и русской истории”, вышедший в 1911 г. 39-м изданием. Неизменно, уже на обложке сообщалось: “Прежние издания, рассмотренные Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения, рекомендованы для употребления в виде руководства для мужских и женских гимназий, реальных, городских и уездных училищ”. Беллярмин начал свой учебник с древней истории и в последних изданиях доводил изложение исторических событий до начала XX в. Текст по всеобщей и отечественной истории он подавал последовательно: в начале шел материал по Древнему Египту, переселению народов и падению Рима, которые он относил к древней истории. При этом историк подчеркивал: “Падением Западной Римской империи оканчивается древняя история. События, совершившиеся после падения Западной Римской империи до открытия Америки (476–1492), входят в среднюю историю; события же, следовавшие за открытием Америки и до настоящего времени, составляют предмет *новой истории*”⁴⁰.

К русской же истории Беллярмин приступил после подачи материала по Византии, арабам, германцам и южным славянам. Этот раздел у него называется “Начало русского государства – утверждение христианства”. Беллярмин начинает изложение русской истории с восточных славянских племен и доводит его до княжения Юрия Всеволодовича. Далее автор переходит к событиям в Западной Европе и вновь возвращается к истории России уже в XIII–XV вв., подобными чередованиями заполнена вся его книга. В целом материал по истории России по своему

объему преобладал над историей всех других зарубежных стран вместе взятых.

Говоря об учебно-методической литературе дореволюционной России, следует отметить, что авторами учебников были такие крупные российские историки как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, М.М. Богословский, С.Ф. Платонов и др. Но так получилось, что наиболее распространенными учебниками как по всеобщей, так и российской истории стали учебники Д.И. Иловайского, выдержавшие десятки изданий. К Иловайскому еще до 1917 г. сложилось несколько ироничное отношение. Широко был распространен термин “иловайщина”, и имя его еще при жизни стало нарицательным. Даже в дореволюционных справочных изданиях он характеризовался как автор тенденциозный, консервативный и крайне националистический⁴¹. Но Иловайский получил специальное историческое образование в Московском университете, учился у Грановского и Соловьева, сам был историком-исследователем. Известен он трудами по истории Рязанского княжества, своим пятитомником “История России” и другими работами, и его наследие еще в советское время послужило темой специальной диссертации⁴². Еще большее внимание было обращено к нему в последние годы.

Кстати, было обращено внимание и на периодизацию истории по Иловайскому. При этом отмечено, что он нигде не выражал свои взгляды по основным вехам русской истории. Но его наследие позволяет представить его схемы русской истории, в соответствии с которыми I в. до н.э.–IX в. н.э. относились к периоду предыстории Руси. Период начинался с роксоланов, которых Иловайский относил к предкам русских. Он даже проповедовал так называемую роксоланскую теорию. Далее у Иловайского шел киевский период – X–XII вв., владимирский – XII–XIII в., московско-литовский – XIV–XV вв., московско-царский – XVI–конец XVII в. (в него входила Смута, которую он определял 1603–1613 гг.), то есть до царствования Петра I⁴³.

Если обратиться к одному из учебников Иловайского по русской истории, например, к “Кратким очеркам русской истории”, которые в 1875 г. вышли уже пятнадцатым изданием, то он их начинает с древнейшей истории, но началом русской истории называет IX в.⁴⁴ Далее у него идут разделы под названием “Развитие удельно-веческой системы”, охватывающий 1113–1212 гг., “Монгольское иго” с 1224 по 1340 г. и другие разделы с соответствующей периодизацией. Последние разделы этого учебника Иловайский соотносил с царствованиями, пытаясь показать характерные черты правления Павла I, Александра I, Николая I. Ило-

вайского почти не интересовали проблемы методологии, и он практически не учел наработки в этой области таких видных русских методологов как Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, М.М. Хвостов, Л.П. Карсавин и др., без трудов которых уже нельзя было обходиться в исследованиях начала XX в., в том числе и при выделении соответствующей периодизации не только всеобщей, но и отечественной истории.

Учебники и учебные пособия в России того времени носили официальный или официозный характер. Но существовала и литература иного плана, выходившая из среды противников царского режима. Печатались эти издания обычно или нелегально, или за пределами страны. Если и были исключения, то довольно редкие. К таким исключениям относятся, например, известные “Исторические письма” П.Л. Лаврова, изданные легально. В 1917 г. вышло их пятое издание⁴⁵. Эта, в основном, бесцензурная литература также заслуживает внимания. Видный революционер-народник С.М. Степняк-Кравчинский в 1885 г. издает за границей на английском языке свою книгу “Россия под властью царей”, переведенную на русский язык уже позднее. Особое внимание заслуживает ее первая часть под названием “Развитие самодержавия”, где имеется девять проблемных глав. В ней особое внимание уделялось истории общины, вечевому началу, русским республикам, к которым автор относил не только Новгородскую республику, но и республику украинских казаков – Запорожскую Сечь⁴⁶. Периодизацию русской истории Степняк-Кравчинский специально не выделяет, о ней можно узнать при прочтении его работы. В XI и XII вв., по его мнению, на Руси преобладал ультрадемократический строй, который в течение трехсот или четырехсот лет превратился в деспотизм, а в XIII и XIV вв., опять-таки по его мнению, наблюдается период наибольшего развития московского самодержавия⁴⁷. Останавливается Степняк-Кравчинский и на других этапах русской истории, высоко, например, оценивая реформы Петра I.

Были и другие книги подобного характера, не представлявшие особой научной ценности, но отличавшиеся иными подходами, нежели подцензурная литература. Одну из таких книг под названием “Рассказы из русской истории” подготовил известный народник, впоследствии эсер Л.Э. Шишко. Как и книга Степняка-Кравчинского, она носит популярный характер, но более объемна и в еще большей степени нацелена на изучение жизни простого народа. Автор в большей степени, чем его предшественник придерживается хронологического подхода и начинает изложение исторического материала с эпохи зарождения Руси. Проб-

лемно-хронологический подход он сочетает с изложением исторического прошлого по царствованиям. Настрой этой книги явно антисамодержавный. Антимонархическими выпадами заканчивает Л. Шишко свое сочинение: “И вот, при Николае I Россия заплатила за свое самодержавие эту дорогую цену, точно также, как при Николае II она заплатила за свое самодержавие еще более дорогой и кровавой Японской войной”⁴⁸.

Литература подобного плана в самой России тогда имела ограниченное хождение, но она привлекает внимание не только своей оппозиционной направленностью, но и тем, что именно продолжением подобной традиции станут многие исторические издания, вышедшие после 1917 г. Мы специально не разбираем издания эмиграции, где оказались многие профессиональные историки, по-своему трактовавшие проблемы периодизации всемирной и отечественной истории⁴⁹. На учебно-методическую литературу в СССР они не оказали, да и не могли оказать, практически, никакого влияния. В центре нашего внимания находится историческая литература, издававшаяся внутри страны. Эта литература, ставшая называться советской, отнюдь, не была полным отрицанием прежних работ по истории. Кстати, многие видные советские историки получили специальное историческое образование еще до Октябрьской революции 1917 г. – В.П. Волгин, Н.М. Дружинин, Н.М. Лукин, С.Д. Сказкин, М.Н. Тихомиров и другие. Еще задолго до Октября в России стала появляться марксистская историческая литература, а затем и выделившиеся из нее большевистские издания. До революции выходили исторические труды М.Н. Покровского, М.С. Ольминского, Ю.М. Стеклова и других видных большевиков. Еще в 1907 г. выпустил свою работу под названием “Теория исторического материализма” будущий известный советский античник А.И. Тюменев. Значительное внимание истории уделял Г.В. Плеханов, и его периодизации всемирной и отечественной истории можно посвятить специальную работу. Примечательно, что его книга о материалистическом подходе к истории вышла легально в Петербурге в 1895 г. В ней Плеханов, ссылаясь на Маркса и Энгельса, писал, что “критерием идеала служит экономическая действительность”⁵⁰.

Плеханов – сторонник формационного подхода к истории – действительно, уделял значительное внимание ее периодизации, более того, обращаясь к “Истории немецкой национальной литературы” Г. Клуге, он дает свой комментарий семи периодам истории этой литературы с древнейших времен. Критикуя это деление, Плеханов счел необходимым сделать следующее замечание: “Нам оно кажется *совершенно эклектичным* (курсив Г.В. Плеха-

нова. – В.Г.), то есть построенным не на основании одного принципа, что является необходимым условием всякой научной классификации и деления, а на основании нескольких, несоизмеримых принципов”⁵¹. Весьма важное замечание не только для понимания подходов самого Плеханова, но и для любых попыток подлинно научной периодизации. Неоднократно обращался к проблемам истории и В.И. Ленин, о чем имеется и соответствующая литература⁵². В этих и других исследованиях, а также и в соответствующих указателях⁵³ можно найти ответ и на вопросы об отношении Ленина к проблемам периодизации. Историю России эпохи феодализма Ленин подразделял на три основных этапа. Первый – Древняя Русь, второй – Средние века, или эпоха Московского царства, и третий этап – новый период русской истории, который он начинал примерно с XVII в. Как важный этап в развитии русского общества Ленин рассматривал преобразование Петра I, неоднократно обращался к реформе 1861 г. и к переходу от феодализма к капитализму в России. Широкое распространение получила ленинская периодизация российского освободительного движения, которое он делил на три периода, его теория империализма и т.д.

Труды Плеханова и, особенно, Ленина оказали сильнейшее влияние на советскую историческую литературу. Без учета их сочинений теряется ключ к пониманию этой литературы. Но, обращаясь к советским изданиям по периодизации истории, отнюдь, нельзя говорить о господстве полной унификации. Все-таки сохранялись разные направления и в рамках единой марксистской методологии с ее формационным подходом. М.Н. Покровский свою “Русскую историю в самом сжатом очерке”, первые две части которой вышли в 1920 г., строил на основе своих прежних, еще дореволюционных исследований, особенно на своем многотомнике. В этом издании, однако, большее внимание было уделено анализу капиталистического развития страны с присутствием для Покровского особым вниманием к торговому капиталу и к истории революционного движения. Следует также иметь в виду и тот факт, что взгляды Покровского не были неизменными и претерпевали определенное развитие. Для периодизации русского феодализма заслуживает внимания соответствующая его статья⁵⁴.

Иные подходы к периодизации можно заметить в трудах Н.А. Рожкова, как и Покровский закончившего Московский университет и относившегося к кругу профессиональных историков. Главный труд Рожкова – “Русская история в сравнительно-историческом освещении” в 12-ти томах, выходявшая с

1918 по 1926 г. События русской истории представляются там параллельно с историей других стран. Исторический процесс историк подает как поступательный, в котором можно проследить чередование органических и критических эпох, причем под первыми он понимает эпохи, отмеченные эволюционными изменениями, а под вторыми – изменениями революционными. В поле его зрения находится первобытное общество, затем общество дикарей и далее родовое и племенное общество. Обращаясь к истории Руси, племенное общество историк усматривает у восточных славян в VI–X вв. Феодальную революцию на Руси он видит в X–XIII вв., русский феодализм как таковой – с XIII по середину XVI вв., а “дворянскую революцию” Рожков датирует в России с середины XVI по 1725 г., период же дворянского господства – с 1725 по начало XIX в. И последний этап периодизации истории России по Рожкову – буржуазно-демократическая революция и капитализм – с 20-х годов XIX в. до 1917 г.

Это была самостоятельная историческая схема, которая дополнялась социологическими подходами весьма характерными для автора⁵⁵. Одни тома у него посвящались зарубежной истории, другие русской. Например, 9-й том носил подзаголовок “Производственный (аграрный и промышленный) капитализм в Западной Европе и внеевропейских странах”, а десятый – “Разложение старого порядка в России в первой половине XIX века”. Первая часть 4-го тома называлась “Дворянская революция в России” и вызывала внутреннее противодействие уже одним этим названием. Уже в первых строках этого тома автор писал: “Четвертый период русской истории охватывает 175 лет – с половины XVI века, начало формально-самостоятельного правления Ивана Грозного, до конца первой четверти XVIII века, т.е. до смерти Петра Великого. Это – период дворянской революции”⁵⁶. Упомянутый, последний или, по-другому, шестой этап истории России в XIX и в начале XX столетия он характеризует как историю демократической революции, видя в нем именно такой исторический смысл⁵⁷.

В послеоктябрьский период были и другие подходы к периодизации, в том числе и к периодизации русской мысли. Одну из них предложил профессор В.В. Сиповский, провозглашавший примат бытия над сознанием, но, вместе с тем, подчеркивавший: «Итак, “ортодоксальный материализм”, в лице его творцов и идеологов, не отрицает за “надстройками” роли факторов, воздействующих на жизнь»⁵⁸. Сиповский признает значение в русской истории христианства, более того, пишет о его решающей роли в истории русской интеллигенции. При этом он посчи-

тал необходимым отметить следующее: “Поворотным пунктом в истории нашего самосознания является Пушкин...”⁵⁹.

В 1920-е годы полной унификации исторических подходов, в том числе и по проблемам периодизации, не было. Когда, например, Общество историков-марксистов достигло в 1929 г. 345 членов, работали в СССР академик С.Ф. Платонов – откровенный монархист, давший свою, трехзвенную периодизацию Смуты, академик Ю.В. Готье, предложивший свою периодизацию ранних периодов истории человечества вплоть до возникновения Древнерусского государства, член-корреспондент АН СССР А.В. Пресняков – сторонник позитивистской социологии, впрочем, после 1917 г. проявивший интерес к российскому революционному движению. Отнюдь не марксистами были и академики Д.М. Петрушевский (директор Института истории РАНИОН), М.М. Богословский и другие. В 20–30-е годы в стране выходили различные исторические журналы – “Историк-марксист”, “Каторга и ссылка”, “Борьба классов”, “Исторический журнал”, “Летопись революции”, “Красная летопись”, “Красный архив”, “Кандалынский звон” и пр., на страницах которых выступали разные авторы. Наряду с Институтом истории Коммунистической академии существовали Институт истории РАНОН и Историко-археографический институт АН СССР, результатом объединения которых в 1936 г. стал Институт истории АН СССР.

О серьезных попытках унификации исторической науки в СССР можно говорить лишь в 30-х годах. Связано это было и с известными партийными постановлениями, где имелись и указания по периодизации истории⁶⁰, и с подготовкой к большой войне, и с серьезными внутренними изменениями в стране. В это время обращается особое внимание к преподаванию гражданской истории как в школах, так и в вузах. В связи с этим в 1934–1935 гг. издается журнал “История в средней школе”, в 1936 гг. журнал “История в школе”, преемником которых уже в 1946 г. станет журнал “Преподавание истории в школе”, издающийся по настоящее время. Значительное внимание было уделено подготовке учебников и учебных пособий по гражданской истории и истории партии, где бы проводились соответствующие духу времени установки. В 1937 г. вышел “Краткий курс истории СССР” для начальной школы, подготовленный авторским коллективом под руководством видного историка-аграрника, участника декабрьского восстания 1905 г. в Москве А.В. Шестакова. Свою значительную лепту в унификацию исторических знаний внес и известный “Краткий курс истории ВКП(б)”.

Однако при всех попытках создания твердых схем полной унификации в области периодизации достигнуть не удавалось. И именно в эту эпоху разразилась наиболее масштабная дискуссия по проблемам периодизации отечественной истории, которая когда-либо проводилась в нашей стране. Начало ее было положено статьями К.В. Базилевича и Н.М. Дружинина, посвященных периодизации истории СССР периода феодализма и капитализма, опубликованных на страницах журнала «Вопросы истории»⁶¹. Всего по проблемам периодизации в журнал из разных городов страны поступило тогда 30 статей, из которых 21 была опубликована. Была также проведена специальная научная сессия в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), и эти проблемы также дебатировались на сессии в Институте славяноведения АН СССР по истории Польши, в Институте истории АН СССР и его Ленинградском отделении. Дискуссия получила резонанс в Болгарии, Чехословакии, Польше, ряд ее статей был переведен на иностранные языки – чешский, польский, немецкий, японский. Ничего подобного не было ни раньше, ни позже.

К.В. Базилевич предложил свою общую и внутреннюю периодизацию феодального периода России, заявленную им «по признаку развития производительных сил и производственных отношений»⁶². Историк предпринимает попытку датировки начального этапа феодального периода в истории страны, выделяет ряд внутренних этапов, отмечает, например, систему феодальных полугосударств, обращает внимание на феодальную войну времен Василия Темного, определяет в качестве переломного внутреннего рубежа 80-е годы XV в., подчеркивая его важную роль в образовании русского централизованного государства. Следующий, третий период истории России эпохи феодализма К.В. Базилевич определяет концом XV–концом XVII в., характеризуя его как время зарождения и развития товарно-денежных отношений (денежная рента) и далее датирует с конца XVII в. начало «нового периода» истории России. Несколько менее подробно характеризовал Базилевич события XVIII в.

В откликах на статью Базилевича выявились и разные подходы, и разные периодизации, предложенные авторами ряда других статей, а также высказаны и многие частные замечания. В связи со смертью в марте 1950 г. сам Базилевич не имел возможности подвести итог дискуссии и ответить своим оппонентам. Итоговую статью по периодизации феодального периода истории России опубликовали В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнин, не согласившись ни со схемой Базилевича, ни со схемой Смирнова⁶³, изложенной последним в отдельной статье⁶⁴. Базилевичу они бросили ряд

упреков, подчеркнув, что он, фактически, построил свою периодизацию на принципе ренты. В заключении своей статьи соавторы предложили свою периодизацию истории России эпохи феодализма, разбив ее на три периода. Первый период, названный ими раннефеодальным, они датировали IX–началом XII в., второй – период развитого феодализма – XII–началом XVII в. и третий – период позднего феодализма – началом XVII в.–1861 г. Второй период они разделили также на две части, первая из которых состояла из шести этапов, а вторая – из трех. Третий период также ими делился на две части, но они ограничились лишь его характеристиками без выделения каких-либо этапов⁶⁵.

Н.М. Дружинин выступил на этой дискуссии как с постановочной, так и с итоговой статьями. Их основной темой была периодизация истории русского капитализма. В первой статье процесс созревания капиталистического уклада, который он датировал 1760–1861 гг., делился на три промежуточных периода: первый – с 1760-х годов до 1789 г., второй – с 1790 по 1825 г. и третий – с 1826 до 1861 г. В основу своего деления Дружинин положил сдвиги социально-экономического характера и особенности классовой борьбы, направленной против разлагающегося феодального строя⁶⁶. Эти же подходы он применил и к эпохе после 1861 г., который он также разделил на три периода. Первый в соответствии с его построением охватывал время с 1861 по 1882 г. второй – с 1883 по 1900 г. и третий – с 1901 по 1917 г.⁶⁷ Важнейшим явлением первого пореформенного периода Дружинин считал замену принудительного труда свободным трудом в промышленности и сельском хозяйстве. Во второй период, по его мнению, фабрика окончательно побеждает мануфактуру, а в сельском хозяйстве капиталистическая система наемного труда стала преобладать над феодальными “отработками”. Третий период – это период империализма с соответствующими его чертами. Дружинин называет его военно-феодальным империализмом. Автор обращает внимание и на возможность более подробного деления истории русского капитализма, демонстрируя его соответствующими конкретными примерами⁶⁸.

В другой своей статье по проблеме периодизации, Дружинин с учетом всех высказанных мнений, с одной стороны, отвечал своим оппонентам, с другой – уточнял свою позицию. Он остановился на важных проблемах “дробления” и “соединения” исторических периодов и подчеркнул, что “наибольшие споры развернулись вокруг вопроса, каким моментом следует датировать начало капиталистического уклада, то есть того периода, когда феодальные производственные отношения стали “непреодолимой”

преградой, оковами для развития производительных сил и производственных отношений нового общества?”⁶⁹. По вопросу начальной даты капиталистического уклада, действительно, выявился чрезвычайный разброс мнений – одни его относили к XVII в., другие к началу XIX, третьи, склонявшиеся к XVIII в., тоже не были абсолютно едины, выделяя то середину века, то 60-е годы, то последнюю его треть, то его конец. В этом была заложена другая острая дискуссия советской исторической науки, начатая еще раньше, в 1947–1948 гг. – о так называемом раннем или более позднем генезисе капитализма в России. Впоследствии представителями первого были А.А. Преображенский, Е.И. Индова, Ю.А. Тихонов, а второго – И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов. Каждое из этих направлений имело также своих сторонников и противников.

Н.М. Дружинин дал также ряд пояснений в пользу своей периодизации, при этом подчеркнул: “Дискуссия показала, что сложная проблема периодизации истории СССР может быть разрешена только общими усилиями специалистов, изучающих различные общественные формации”⁷⁰, то есть он выступал последовательным сторонником формационного подхода. Собственно никто против этого подхода в дискуссии не выступал, и им пронизана заключительная редакционная статья журнала, в которой подводились общие итоги дискуссии. В ней отмечались определенные достижения дискуссии, например, обсуждение принципов периодизации, стремление определить более крупные и более дробные периоды каждой формации, обмен мнениями по генезису феодализма и капитализма, выявление особенностей русского феодализма и капитализма. Отмечалось также, что IX–X вв. н.э. в истории славянских народов являются отнюдь не временем начала дофеодального периода, истоки которого могут быть отнесены к VII–VIII, а, может быть, к VI–VII вв.⁷¹ Отмечался также отрыв отечественной истории от мировой, более того, такой отрыв назывался крупным недостатком дискуссии. Примечательное единодушие было высказано разве в том плане, что 1800 г. не может служить вехой между двумя этапами возникновения капиталистических отношений. Вместе с тем, подчеркивалось, что лишь по некоторым из крупных вопросов истории страны “в процессе дискуссии наметились более или менее общие точки зрения”. Подчеркивались значительные разногласия между историками и необходимость пересмотра существовавшей тогда периодизации, сложившейся в годы критики взглядов “школы” Покровского, не отвечавшей потребностям научно-исследовательской работы и преподаванию истории в средней и

высшей школе⁷². Дискуссия также со всей убедительностью показала, что общепринятая или широко принятая периодизация может быть лишь результатом научного компромисса, своеобразным общественным договором.

Эта дискуссия способствовала утверждению советской периодизации, что получило свое разрешение при подготовке многотомников по “Всемирной истории”, “Истории СССР”, “Советской исторической энциклопедии”, “Очерков истории исторической науки в СССР”. Была отработана общая периодизация всемирно-исторического процесса, в соответствии с которой переход от рабовладельческого строя к феодальному имел место в V в., то есть после падения Римской империи, новая история датировалась серединой XVII в. – после Английской революции, а новейшая история, понятие вошедшее в употребление в XX в., в соответствии с советской периодизацией начиналась с 1917 г. – после Октябрьской революции. Но и после утверждения этой схемы разработка проблем периодизации и тесно связанных с ней вопросов методологии не прекратилась⁷³. Следует также отметить поиски в области методологии истории в трудах Б.Ф. Поршнева, предложившего использовать наряду с пятизвенной формационной системой также и трехзвенную М.А. Барга, Ю.И. Семенова и др. Привлекает также внимание и специальная статья Б.Ф. Поршнева о проблемах периодизации⁷⁴. Нередко вносились поправки и сравнительно частного характера. Например, в рамках известной дискуссии о генезисе капитализма в России в IV томе многотомного академического издания “История СССР”, давалась периодизация от середины 90-х годов XVIII в. до середины 50-х годов XIX в., то есть в плане политической истории периодизация начиналась с правления Павла I⁷⁵, и это порождало вопрос о том, чем эта вежа убедительнее 1800 г., от которого открещивались во время упомянутой дискуссии.

В целом периодизация всемирной, да и отечественной истории на формационной основе к середине 80-х годов XX в. достаточно устоялась. Но уже в годы так называемой Перестройки, поначалу как бы невзначай, подспудно, ненавязчиво было предложено опробовать и другие подходы. Лозунг плюрализма был уже выдвинут и пользовался большой популярностью. Было решено предложить опробовать плюрализм и в методологии. И через несколько лет советская методология подверглась остракизму. Поругана была и отечественная периодизация, буквально выстраданная советскими историками и, кстати, имевшая хождение и нередко понимание за рубежом. Была взята на вооружение книга К.Р. Поппера “Нищета историцизма”, где объявлялась

война не только формационному, но и любому другому стадийному и линейному подходу к истории и которую поспешили перевести на русский язык⁷⁶. Опомнились вроде бы тогда, когда наступила чуть ли не полнейшая анархия и в методологии, и в периодизации.

Действительно, поначалу был отмечен заметный поворот в сторону изучения цивилизационных подходов, который вполне мог быть объяснен потребностями исторической науки и желанием выйти из под влияния одной методологии. Хотя марксизм отнюдь не был чужд проблеме цивилизации как таковой⁷⁷, к теории цивилизаций и цивилизационному подходу обратились исследователи прежде известные своим формационным подходом⁷⁸. Один из них, М.А. Барг, отметив то, что формационное объяснение *«не может претендовать на глобальность и тем самым на “исчерпывающий” его характер»*, также подчеркивал: “Периодизация истории, базирующаяся на типологии цивилизации, рассматривает каждую цивилизацию как неповторимый культурно-исторический тип общества и привносит в понятие исторического прогресса элемент относительности”⁷⁹.

Но по мере применения цивилизационного подхода к периодизации всемирной и отечественной истории исследователи и методисты стали ощущать все новые и новые проблемы. Той четкости и определенности, которая наблюдалась при формационном подходе, не получалось и наиболее ищущие историки стали ощущать потребность в подлинно научных основах для изучения исторического процесса. Это стало причиной проведения двух дискуссий, органически между собой связанных. Первая из них касалась проблем методологии, вторая – периодизации всемирной истории. В обеих дискуссиях особую роль сыграл журнал “Новая и новейшая история”. В 1994 г. на его страницах была опубликована статья И.Н. Ионова – искреннего и убежденного цивилизационщика, пришедшего к цивилизационному подходу, отнюдь, не по воле моды. По-видимому, именно к такому исследователю решила обратиться редколлегия журнала. Изложив проблемы теории цивилизаций, автор по- существу сделал следующий откровенный вывод: “Вы слишком многое от нас требуете”⁸⁰. Кстати, И.Н. Ионов стал автором учебника для средней школы, где он попытался применить к истории России именно цивилизационный подход⁸¹.

Статья И.Н. Ионова породила дискуссию в области методологии истории. С основательной статьей выступил академик И.Д. Ковальченко. Подчеркнув, “что цивилизационный подход, интегрируя в себе другие подходы и методы исторического

исследования, открывает широкие возможности для их углубления”, он выступил за применение и других подходов⁸², которые он определил как *историко-ситуационный* и *историко-ретроспективный*. Ковальченко призвал к синтезу теорий, подходов и методов и конкретно-научных концепций. Участие в этой дискуссии приняли и академик-юрист В.Н. Кудрявцев⁸³ и ряд других исследователей. К дискуссии тогда фактически примкнул и журнал “Вопросы истории”, поднявший близкие вопросы⁸⁴. Приняли участие в дискуссии и философы, которые провели свои “круглые столы”, опубликовав соответствующие материалы и подчеркнув, что формационный подход сохраняет свои позиции в исторической науке⁸⁵. К подобным выводам пришли они и во время “круглого стола”, проведенного в конце 1995 г. в Институте философии РАН, результаты которого также были опубликованы в печати. На этом обсуждении В.Г. Федотова прямо заявила, что “стадиальные характеристики, выражающие степень развития общества или нахождение его на определенной стадии развития человечества, по-прежнему сохранились и признаны в мире”⁸⁶. Она, таким образом, взяла под защиту формационный подход, но отметила также необходимость его дополнения цивилизационным подходом, подчеркнув при этом: “Методологической базой всемирной истории должен стать принцип единства стадиального и цивилизационного”⁸⁷. С мнением В.Г. Федотовой, а также со статьей И.Д. Ковальченко, практически, согласились и другие участники этого “круглого стола” (В.Ф. Мамонов, К.А. Зуев, И.А. Желенина), отмечая при этом кризис исторической науки и сложности у формационного подхода.

Если учесть, что наряду с трудами участников этой дискуссии продолжали выходить специальные труды, посвященные формационному подходу или напрямую, или в значительной степени⁸⁸, то можно сказать, что в отечественной обществоведческой литературе и после 1991 г. не было полного отхода от изучения этого подхода. Наука продолжала существовать, она пошла одним путем, а учебно-методическая литература, как правило, – другим. И подтверждением тому стала другая дискуссия того времени, непосредственно посвященная проблемам периодизации, тесно связанная с дискуссией о методологии истории.

Еще в процессе обмена мнениями особое внимание было уделено статье Б.Д. Козенко и Г.М. Садовой, которая была признана центральной в этой дискуссии. Ее авторы категорически выступили как против призывов отказаться от периодизации вообще, так и от тезиса “сколько исследователей – столько периодизаций”. Обращаясь к периодизации новой и новейшей исто-

рии они приходят к выводу, что три периода формационной истории почти полностью совпадают с тремя периодами развития мировой цивилизации (при этом они подчеркивают совпадение в общем формационного и цивилизационного подходов) и далее эти периоды выделяют. Первый из них, который назван ими периодом формирования капитализма и буржуазной цивилизации, то есть первый период новой истории, датируется 1640–1649 с одной стороны, и 1789–1815 гг., с другой. Соответственно второй период они располагают между 1789–1815 и 1914 гг. Называют они его периодом победы и утверждения капитализма и началом перехода от стадии промышленного капитализма свободной конкуренции к империализму. И третий период – период новейшей истории они начинают с 1914–1923 гг. Он у них называется периодом становления и расцвета современного капитализма и сосуществования его с социализмом, периодом кризиса мировой цивилизации⁸⁹.

Статья Б.Д. Козенко и Г.М. Садовой, в целом, вызвала одобрение специалистов по всеобщей истории. Но при ее обсуждении выявился и довольно значительный разброс мнений. Примечательны, например, выступления псковских историков, посвятивших этой проблеме специальный “круглый стол”. На нем высказывались разные соображения и по началу новой истории, и по грани 1789–1815 гг., и по началу новейшей истории, в частности, началом новейшей истории предлагалось считать окончание Первой мировой войны, то есть 1918 г.⁹⁰ В целом дискуссия в журнале “Новая и новейшая история” за 1993–1997 гг. выявила два подхода к началу новейшей истории. В соответствии с мнением одних авторов, это начало следует отнести к 1917 г., а по мнению других – к 1918 г. Всего лишь один год, но он отражал разные методологические подходы и, конечно, отражал принципиальный характер дискуссии. В общем, дискуссия как дискуссия. Кое в чем мнения совпадали, но, нередко, высказывались и разные соображения, даже противоположные. Но это научные дискуссии. В учебной литературе картина сложилась более пестрая и, можно сказать, удивительная. Многие десятки учебников и учебных пособий несли отпечаток весьма различных мнений их авторов, страдая явной несогласованностью. Хотя множество учебников – это плохо, но было бы еще хуже, если бы был один учебник, построенный на ложных схемах. И, тем не менее, историческое хозяйство оказалось явно неорганизованным, хотя многих нестыковок вполне можно было бы избежать.

Как уже отмечалось в литературе, в процессе многочисленных обменов мнениями выявились три основные точки зрения по

поводу начала новой истории. Первая – Английская революция XVII в., вторая – Великая французская революция, третья – Великие географические открытия и начало Реформации, то есть конец XV–начало XVI в.⁹¹ Ничего нового здесь не было, эти соображения высказывались и раньше и получили отражение в отечественной науке. Однако, основная борьба развернулась не в этой области, а прежде всего, вокруг стыка новой и новейшей истории. И вот здесь и сложилась весьма пестрая картина, которую можно пронаблюдать, обратившись к последним учебникам по новой и новейшей истории. Министерский учебник для вузов по новой истории доводил изложение событий до окончания Первой мировой войны, то есть до ноября 1918 г.⁹² А другой, тоже министерский учебник, но по новейшей истории изложение событий начинал с 1900 г.⁹³ В учебнике по новейшей истории для средних школ (тираж 150 тыс. экз. !), также одобренном министерством, за начало новейшего времени брался 1914 г.⁹⁴, с 1914 г. начинают новейшее время и авторы министерского учебника по истории славян⁹⁵, а в учебном пособии видного специалиста по новейшей истории Е.Ф. Язькова – с 1918 г.⁹⁶ В учебнике по обществоведению, рекомендованном министерством, где подробно рассказывалось о цивилизациях и их смене, лишь упоминается термин “формации”⁹⁷, без их перечисления. Говоря же довольно подробно о “революции” в России на рубеже XVII–XVIII вв., то есть о петровских преобразованиях, опять-таки лишь упоминалась революция 1917 г., даже без соответствующего ее названия⁹⁸.

О 1917 г. как о начале новейшей истории не говорится ни в одном современном учебнике по зарубежной истории, хотя его роль отмечалась и в дискуссии по периодизации и, например, в монографии Ю.И. Семенова, предложившего свою периодизацию мировой истории⁹⁹. Б.Д. Козенко и Г.М. Садовая в упоминавшейся статье, говоря об Октябрьской революции, подчеркивали, что “всемирно-историческое значение этой революции не может быть оспорено”¹⁰⁰. Близок к ним по оценке этой революции и Е.Ф. Езьков, отметивший: “...существовавшая с давних пор социалистическая идея, вновь выдвинутая в 1917 г. Октябрьской революцией, сыграла важнейшую роль в общественном прогрессе в XX в.”¹⁰¹.

Отказ от 1917 г. в учебных пособиях объяснялся известными причинами, прежде всего разрушением СССР. Отказались и от важнейшей характеристики новейшей истории как противостояние двух систем – капиталистической и социалистической. Но это настроение диктовалось состоянием момента. Биполярный мир

лишь ненадолго сменился однополярным и затем превратился в многополярный. А социалистическая система все-таки сохранилась. В Китае – второй экономике мира, в ближайшее время могущей стать первой, все-таки проживает 1,3 млрд человек, к 100 млн человек приближается население социалистического Вьетнама, о необратимости социализма на Кубе заявляет кубинское руководство и нельзя не видеть заметного “покраснения” Латинской Америки. Так называемая четвертая консервативная волна, начавшаяся в конце 70-х годов и связанная с именами М. Тэтчер, Р. Рейгана и Д. Буша-старшего, сменилась сначала либеральной, а сейчас и левой волной. Левая идея, пережив испытания 80-х–90-х годов, с начала XXI в. вновь заявила о себе, и эти изменения уже отражены не только в публицистике, но и в научной литературе¹⁰². А.А. Галкин даже утверждает, что “социальное и политическое поле приложения левых ценностей не только сохранилось, но, в ряде случаев, стало еще шире, чем прежде”¹⁰³. Во всяком случае, главнейшая характеристика новейшей истории как противостояния капитализма и социализма, доминировавшая в советской литературе, отнюдь, не потеряла своей актуальности, и предлагающиеся вехи – 1900 и 1914 гг. никак не подходят для начала этой эпохи. Никаких структурных изменений социально-экономического и политического плана они не внесли. Их внесло окончание Первой мировой войны, когда пали четыре монархии, прямо повинные за ее начало и сменившиеся рядом республик.

Говоря же о периодизации новой и новейшей истории, считаем ее крайними датами с одной стороны, 1649 г., с другой – 1917–1918 гг. Ее можно разделить на три периода, первый до 1789 г., второй до 1870 г. и третий до начала новейшей истории. Новая история – это история победы и становления третьего сословия, то есть буржуазии и ее история – это история капитализма. Великие географические открытия и Реформация еще не привели к господству буржуазии. Нидерландская революция, прежде всего являлась войной за независимость, и победа буржуазных отношений носила тогда все-таки региональный характер. Другое дело Английская революция, давшая сильнейший толчок для всемирного промышленного развития и выдвинувшая Атлантическую цивилизацию на передовые позиции, сменив тем самым Средиземноморскую цивилизацию, до этого господствовавшую несколько тысячелетий. Термин капитализм, как бы его не пытались изгнать, является термином мировой литературы¹⁰⁴. И новейшая история это период противостояния и сосуществования социализма и капитализма. Новейшая история также может

быть разделена на три периода – 1917–1945 – первый, 1945–1991 – второй и третий – после 1991 г. Этапы понятные и не нуждающиеся в дополнительной характеристике. Все они тесно связаны с историей нашей страны.

Переходя же к учебникам и учебным пособиям по истории Отечества, отметим их чрезвычайно большое число и не меньшую хронологическую пестроту, чем у учебников по истории зарубежной. Наиболее распространенный из них министерский трехтомник отличается основательностью, но и для него характерна определенная хронологическая нестыковка. Уже в первом его издании второй том завершался условно 1900 г., а третий том, фактически, начинался с 1917 г.¹⁰⁵ Вообще в ряде учебников наметилась тенденция начинать новейшую историю страны с 1900 г. Но учебники и пособия и по сей день разные. К разряду добротных можно отнести учебник А.А. Преображенского и Б.А. Рыбакова по истории России для 6–7 классов, и где исторические события в хронологическом плане излагаются до XVIII в. включительно¹⁰⁶. В упоминавшемся учебнике И.Н. Ионова изложение материала доводится до 1917 г., и его автор при этом применяет термин “Февральская революция” и “Октябрьский переворот”. Не он один. Попытались даже взять в союзники В.И. Ленина, как-то применившего по отношению к Октябрю термин переворот, но он разумел под ним не верхушечный, а революционный переворот. Вообще, Ленин уже днем 25 октября 1917 г. на заседании Петроградского совета заявил о том, что в России произошла революция, а на другой день, в “Докладе о земле” именно Ленин применил термин “вторая, Октябрьская революция”¹⁰⁷. Вообще, попытка заменить революцию на переворот относилась к одному из штампов, который стремились навязать отечественной исторической науке. Как и штамп о двух тоталитарных системах, выдвинутый немецким экономистом В. Репке еще в 1945 г. в его книге “Германский вопрос”¹⁰⁸, хотя ни кто иной как каудильо Ф. Франко противопоставлял тоталитаризм коммунизму, а У. Черчилль в октябре 1939 г, то есть после “Советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.” говорил, что “лучше коммунизм, чем нацизм”¹⁰⁹.

Справедливости ради следует заметить, что не все учебники и учебные пособия попали под влияние этого штампа. В пособии, подготовленном преподавателями Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова одна из трех его частей называется “Советский период в российской истории”, и первый же ее раздел носит название “Октябрьская революция 1917 года в России: проблемы и оценки”¹¹⁰. Специальный раздел “Октябрьская револю-

ция и политика большевиков в первые годы советской власти” имеется и в пособии под редакцией В.В. Керова¹¹¹. Подобный раздел под названием “Октябрьская революция, ее особенности и историческое значение” имеется и в допущенном министерством учебнике для негуманитарных вузов под редакцией Л.И. Олыштынского, подготовленного с формационно-цивилизационных позиций¹¹².

Вне зависимости от оценки Октябрьской революции она была важным переломным этапом в истории страны. Появилась другая страна, с другим названием, с другой социальной структурой и политическим устройством, с другой культурой, да и с другим народом, не случайно вскоре заговорили о советском народе как о психологической и исторической общности. Все попытки представить советский период в черном свете носят не исторический характер и вызывают прямое противодействие многих исследователей и методистов. Не случайно некоторые из них считают “революцию в России началом формирования нового типа цивилизации – цивилизации свободных тружеников и свободных народов”¹¹³ или издают специальные книги о советской цивилизации, такие как двухтомник С.Г. Кара-Мурзы¹¹⁴.

С 1917 г., несомненно, следует начинать новейшую историю России. Что же касается ее новой истории, то и тут существуют различные мнения среди историков. Историю русского Нового времени обычно начинают с 1861 г., но о действительной победе капиталистических отношений можно говорить разве что с 90-х годов XIX в. Не случайно такой крупный знаток русской экономики как В.П. Воронцов в своей работе 1882 г. “Судьбы капитализма в России” отрицал наличие русского капитализма, а в другой работе “Судьба капиталистической России”, вышедшей уже в 1907 г., вынужден был признать его наличие. Новая история России и история победившего капитализма в России не одно и то же. В общемировом масштабе это так, но Россия как догоняющая страна имела большую специфику. Интересно в этом отношении вспомнить известную полемику Н.М. Дружинина с П.Г. Рындзюнским. Павел Григорьевич считал, что промышленному перевороту обязательно должен предшествовать переворот социальный и поэтому относил его к периоду после 1861 г. Николай Михайлович признавал приоритет социального переворота, но подчеркнул, что это правило действует во всемирно-историческом плане. Россия же как страна догоняющая имела возможность использовать достижения более передовых стран еще на стадии феодализма. Поэтому он относил начало промышленного переворота уже к концу 30-х годов XIX в.¹¹⁵

Новое время в России, конечно, наступило раньше 1861 г. Но убедительную точку отсчета найти очень нелегко. Одного наемного труда здесь мало, параллельно развивались и крепостнические отношения. Поэтому надо начинать не только с выявления капиталистического уклада, но и с заметного ограничения крепостничества. Павел I подписал указ о трехдневной барщине, но параллельно раздал 500 тыс. крестьян в частные руки. Он боролся с “духом времени” и даже запретил использовать такие слова как “гражданин”, “общество” и т.п. Не с него начинается новая история в России. Значительно больше подходит время с 1801 г. Последовал указ о свободных хлебопашцах, прекращается раздача населенных земель частным лицам, запрещается жестокое обращение с крепостными. Сам Александр I неоднократно призывал прислушиваться к “духу времени” и быть либералами и он, действительно, первое время был либералом на русском престоле. Не случайно в послевоенное время в некоторых пособиях по истории СССР новое время начинали с 1801 г. Заметное внимание этому уделяется в учебнике И.Н. Ионова¹¹⁶, хотя следует подчеркнуть немалое отличие либерализма молодого императора от действий Екатерины II. Екатерина раздала частным лицам 850 тыс. крестьян. Тут до либерализма очень далеко. Так что, на наш взгляд, новое время в России это период с 1801 по 1917 г.

По поводу периодизации имеются и некоторые, на первый взгляд, частные замечания. Никак нельзя согласиться с утверждением о начале Второй мировой войны с 1 сентября 1939 г. В отличие от Первой мировой войны, которая была одномоментным актом и датируется 1 августа 1914 г. начало Второй мировой войны было процессом и на это уже было обращено внимание и в современной литературе¹¹⁷. Но в пособиях для учащихся с этой позиции выступает разве что учебник под редакцией Л.И. Ольштынского¹¹⁸. После войны в советских учебниках начало Второй мировой войны относили к 1936 г. – поскольку военные действия, разворачивались, в Азии, Африке, Европе (в Испании шла не только гражданская война, но там также столкнулись силы иностранного фашизма и демократии). Кстати, И.В. Сталин в отчетном докладе на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г., в самом его начале, подчеркивал: “Уже второй год идет новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения”¹¹⁹. Признавая дату 1 сентября мы, фактически, признаем равную ответственность за развязывание Второй мировой войны и за фашистской Германией, и за СССР. Но реалии были совсем другие. Война, действительно, уже шла.

Таким образом, пренебрежение к научной периодизации может нас завести очень далеко. Можно обратиться и к другим проблемам внутренних периодизаций, но это все-таки особый вопрос. Периодизация – это не излишество и не прихоть. Но искажения последних двадцати лет не всегда были плодотворными. Порой они уводили от истины, хотя на наш взгляд, показали, как основательно и глубоко была продумана отечественная периодизация и всемирно-исторического процесса, и нашей истории в отечественной литературе, существовавшей к середине 80-х годов XX в. Отечественные историки должны набраться мужества и признать, что ничего более совершенного, чем предложили советские исследователи в области периодизации они не нашли. Блудный сын должен вернуться к родному очагу. Попперы и прочие подобного рода иноземцы не могут служить для нас указом. Погоня за модой привела к слишком большим издержкам, в том числе и к исторической безответственности. Отечественная история, как отмечал Н.М. Карамзин, а до него М.В. Ломоносов, особенно тонкая материя, играющая воспитательную роль и призванная формировать патриотов своей страны.

- ¹ Сокращенный вариант данной статьи опубликован в журнале “Отечественная история”. 2007. № 3. С. 122–139.
- ² Фукидид. История. М., 1915. Т. 1. С. 16.
- ³ Соболевский С.И. Плутарх // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. М., 1961. Т. I. С. 464–465.
- ⁴ Письма Плиния Младшего. М., 1984. Письма I–X. С. 88.
- ⁵ См.: Ливий Т. Римская история от основания города / Пер. с лат. Под ред. П. Адрианова. М., 1892–1899. Т. 1–6.
- ⁶ См.: Аппиан. Гражданские войны. Пер. с лат. / Под ред. С.А. Жебелева. Л., 1935.
- ⁷ Гаспаров М.Л. Овидий в изгнании // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1979. С. 189, 217.
- ⁸ См.: Герье В.И. Блаженный Августин. М., 1910. Ч. I.
- ⁹ Семенов Ю.И. Философия истории. От истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М., 1999. С. 57–63.
- ¹⁰ Касьянов Э.И. К вопросу о всемирно-исторической концепции Оттона Фрейзингенского // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1964. Вып. 2. С. 27.
- ¹¹ Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 63.
- ¹² См.: Бодэн Ж. Метод легкого познания истории / Пер., вступ. ст., примеч. М.С. Бобковой. М., 2000.
- ¹³ Current R.N., Williams T.H., Freidel F. American History: A Survey. Fifth Edition. N.Y., 1979. P. 6–10.
- ¹⁴ См.: Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций / Вступ. ст. М.А. Лифшица. М., 1940.
- ¹⁵ Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 69.
- ¹⁶ Гердер И.Г. Иден к философии человечества. М., 1977. С. 8.
- ¹⁷ Там же. С. 439.

- 18 Кучеренко Г.С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975. С. 76–77.
- 19 Волгин В.П. Сен-Симон и сен-симонизм // Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX в. М., 1976. С. 145–219; Застенкер Н.Е. Анри де Сен-Симон // Застенкер Н.Е. Очерки истории социалистической мысли. М., 1985. С. 225–243; Кучеренко Г.С. Указ. соч.
- 20 Волгин В.П. Пьер Леру-один из эпигонов сен-симонизма // Волгин В.П. Очерки. С. 220
- 21 Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 188.
- 22 См.: Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977.
- 23 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 5–9.
- 24 Huntington S. Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer. 1993.
- 25 См.: Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991.
- 26 Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 152–158.
- 27 Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1995. Т. 3. С. 429–431.
- 28 См.: Татищев В.Н. История Российская в 7 томах. М.; Л., 1962–1968. Т. 1–7.
- 29 Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. I. С. 14.
- 30 Там же. С. 21.
- 31 Соловьев С.М. Соч. М., 1988. Кн. I. Т. 1–2. С. 51.
- 32 Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. XVI. С. 309–310.
- 33 Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1987. Т. I. С. 50–51.
- 34 Там же. С. 53.
- 35 Александров В.А. Послесловие // Ключевский В.О. Соч. Т. I. С. 368.
- 36 Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1988. Т. III. С. 5.
- 37 Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 62–66.
- 38 Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 5.
- 39 Там же. С. 5–10.
- 40 Белларминов И. Элементарный курс всеобщей и русской истории // Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993. С. 59.
- 41 См.: Иловайский Д.И. // Новый энциклопедический словарь. СПб, б/г. Т. 19. С. 214–215.
- 42 Колосова Э. Исторические взгляды Д.И. Иловайского и Н.П. Барсукова. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
- 43 Дурновоцев В.А., Бачинин А.Н. Ученый грызун: Дмитрий Иванович Иловайский // Историки России. XVIII–начало XX века. М., 1996. С. 375.
- 44 Иловайский Д. Краткие очерки русской истории // Учебники дореволюционной России... С. 183.
- 45 Лавров П.Л. (Миртов П.). Исторические письма. Пг., 1917.
- 46 Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М., 1965. С. 44.
- 47 Там же. С. 47–48.
- 48 Шишко Л. Рассказы из русской истории. М., 1991. С. 354.
- 49 См.: Паицто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992.
- 50 Плеханов Г.В. (Н. Бельтов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1938. С. 138.
- 51 Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма. М., 1938. С. 136
- 52 См.: Маслов Н.Н. Ленин как историк партии. Л., 1964; Найденов М.Е. В.И. Ленин и отечественная история (Формирование ленинской концепции русского исторического процесса) // История СССР. 1965. № 2; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3; Покровский М.О. Ленин и исто-

- рия // *Борьба классов*. 1931; *Ростунов И. В.И.* Ленин и военная история // *Военно-исторический журнал*. 1960. № 4; *Сахаров А.М. В.И.* Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России // *Вопросы истории*. 1960. № 4 и т.д.
- 53 *Справочный том к Полному собранию сочинений В.И. Ленина*. М., 1972. Ч. 1. С. 207.
- 54 *Покровский М.* О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // *Борьба классов*. 1931. № 2.
- 55 *Волобуев О. Н.А.* Рожков – методист-историк // *Уч. зап. Московск. обл. пед. ин-та*. М., 1965. Т. 121.
- 56 *Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Пг.; М., 1922. Т. 4. Ч. I. С. 5
- 57 Там же. Т. 10. С. 5.
- 58 *Сиповский В.В.* Этапы русской мысли. Пг., 1924. С. 6.
- 59 Там же. С. 11.
- 60 *Сталин И., Киров С., Жданов А.* Замечания о конспекте учебника новой истории // *Сталин И.В.* Соч. М., 1997. Т. 14. С. 44; *Сталин И.* Об учебнике истории ВКП(б) // *Сталин И.* Соч. Т. 14. С. 210–213.
- 61 *Базилевич К.В.* Опыт периодизации истории СССР феодального периода // *Вопросы истории*. 1949. № 11. С. 65–90; *Дружинин Н.М.* О периодизации истории капиталистических отношений в России // *Вопросы истории*. 1949. № 11. С. 90–106.
- 62 *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 89.
- 63 *Пашуто В., Черепнин Л.* О периодизации истории России эпохи феодализма // *Вопросы истории*. 1951. № 2. С. 53.
- 64 См.: *Смирнов И.И.* Общие вопросы периодизации истории СССР // *Вопросы истории*. 1950. № 12.
- 65 *Пашуто В., Черепнин Л.* Указ. соч. С. 78–80.
- 66 *Дружинин Н.М.* О периодизации истории капиталистических отношений в России // *Дружинин Н.М.* Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 152.
- 67 Там же. С. 159.
- 68 Там же. С. 166–167.
- 69 *Дружинин Н.М.* О периодизации истории... С. 183.
- 70 Там же. С. 200.
- 71 Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // *Вопросы истории*. 1951. № 3. С. 56.
- 72 Там же. С. 54.
- 73 См.: *Жуков Е.М.* О периодизации всемирной истории // *Вопросы истории*. 1960. № 8; *Он же.* Очерки методологии истории. М., 1980; *Дьяков В.А.* Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974; *Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г.* Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974; *Проблемы социально-экономических формаций*. М., 1975; *Никифоров В.Н.* Указ. соч.; *Философия и методология истории* (Сб. ст.). М., 1977; *Косолапов В.В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; *Социально-экономические формации. Проблемы теории*. М., 1978; *Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979; *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история. М., 1981; *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984; *Периодизация всемирной истории* (учебное пособие). Казань, 1984; *Иванов В.В.* Методология истори-

- ческой науки. М., 1985; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987; *Вариантность прошлого: методологические аспекты.* М., 1989; *Б.Г. Могильницкий.* Введение в методологию истории. М., 1989.
- 74 *Поршнев Б.Ф.* Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса // *Философские науки.* Научные доклады высшей школы. М., 1969. № 2. С. 56–64.
- 75 *История СССР с древнейших времен до наших дней.* М., 1967. Т. IV. С. 7.
- 76 *Popper K.* The poverty of historicism. L., 1967; *Поппер К.К.* Нищета историцизма. М., 1993.
- 77 См.: *Цивилизация и культура в историческом процессе.* М., 1983; *Цивилизация как проблема исторического материализма.* М., 1983. Ч. 1–3; *Цивилизация и исторический процесс.* М., 1983; *Рейснер Л.И.* “Цивилизация” и “формация” в обществах Востока и Запада // *Азия и Африка сегодня.* 1984. № 6. С. 22–25.
- 78 *Барз М.А.* О категории “цивилизация” // *Новая и новейшая история.* 1990. № 5. С. 25–40; *Он же.* Цивилизационный подход к истории. Дань конъюнктуре или требование к науке // *Коммунист.* 1991. № 3. С. 27–35; *Он же.* Категория “цивилизация” как метод сравнительно-исторического исследования (Человеческое измерение) // *История СССР.* 1991. № 5. С. 70–85; *Цивилизации.* М., 1992–1993. Вып. 1–2; *Ерасов Б.С.* Проблемы теории цивилизаций // *Новая и новейшая история.* 1995. № 6. С. 181–187; *Шемакин Я.Г.* Проблема цивилизаций в советской научной литературе 60–80-х годов // *История СССР.* 1991. № 5. С. 86–103; *Гуревич А.Я.* Теория формаций и реальность истории // *Вопросы философии.* 1990. № 11; *Альтернативные пути к цивилизации /* Под ред. Н.Н. Крадина и др. М., 2000.
- 79 *Барз М.* Цивилизационный подход к истории... С. 29, 35.
- 80 *Ионов И.Н.* Теория цивилизаций: этапы становления и развития // *Новая и новейшая история.* 1994. № 4–5. С. 33–50.
- 81 *Ионов И.Н.* Российская цивилизация IX–начало XX века. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М., 2001.
- 82 *Ковальченко И.Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // *Новая и новейшая история.* 1995. № 1. С. 31–32.
- 83 *Кудрявцев В.Н.* Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук // *Новая и новейшая история.* 1995. № 3. С. 3–7.
- 84 *Ланда Р.Г.* Восток: цивилизация, формация, социум // *Вопросы истории.* 1995. № 4. С. 47–56; *Черняк Е.Б.* История и логика (структура исторических категорий) // *Вопросы истории.* 1995. № 10. С. 29–43.
- 85 См.: *Актуальные проблемы теории истории // Вопросы философии.* 1994. № 6.
- 86 *Федотова В.Г.* Методология истории сегодня // *Новая и новейшая история.* 1996. № 6. С. 60.
- 87 Там же. С. 61.
- 88 *Иноземцев В.* Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996; *Гобозов И.А.* Введение в философию истории. М., 1999; *Семенов Ю.И.* Указ. соч.; *Коломийцев В.Ф.* Методология истории (От источника к исследованию). М., 2001.
- 89 *Козенко Б.Д., Садовая Г.М.* О периодизации новой и новейшей истории в свете современных трактовок // *Новая и новейшая история* 1993. № 4. С. 96.
- 90 “Круглый стол”. Проблемы периодизации новой и новейшей истории // *Новая и новейшая история.* 1995. № 1. С. 77–84.

- ⁹¹ Язьков Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918–1945). Курс лекций. М., 1998. С. 7.
- ⁹² Новая история стран Европы и Америки. Второй период / Под редакцией И.М. Кривогуза и Е.Е. Юровской. М., 1998. С. 3, 252.
- ⁹³ Новейшая история стран Европы и Америки. XX век: В двух частях. Ч. 1: 1900–1945 / Под ред. А.М. Родригеса и М.В. Пономарева. М., 2001. С. 6.
- ⁹⁴ Кредер А.А. Новейшая история. 1914–1945 гг. Учебник экспериментальной для средней школы IX–X класс. М., 1994. С. 5.
- ⁹⁵ История южных и западных славян. Т. 2. Новейшее время / Под ред. Г.Ф. Матвеева и З.С. Ненашевой. М., 1998. С. 3.
- ⁹⁶ Язьков Е.Ф. Указ. соч. С. 5–6.
- ⁹⁷ Человек и общество. Учебное пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений / Под. ред. Л.Н. Боголюбова, А.Ю. Лазебниковой. М., 1998. С. 178.
- ⁹⁸ Там же. С. 241–242, 249.
- ⁹⁹ Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 280–284.
- ¹⁰⁰ Козенко Б.Д., Садовая Г.М. Указ. соч. С. 94
- ¹⁰¹ Язьков Е.Ф. Указ. соч. С. 26
- ¹⁰² Галкин А.А. Пути и перепутья левой идеи // Новая и новейшая история. 2006. № 4. С. 35–49.
- ¹⁰³ Там же. С. 49.
- ¹⁰⁴ См.: Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993; Сорос Д. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999; Лужков Ю.М. Развитие капитализма в России. 100 лет спустя. М., 2005.
- ¹⁰⁵ См.: Буганов В.И., Зырянов П.Н. История России: конец XVII–XIX век. Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М., 1995; Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества. XX век. Учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений. 11 класс. М., 1995.
- ¹⁰⁶ См.: Преображенский А.А., Рыбаков Б.А. История России. Учебник для 6–7 классов общеобразовательных учреждений. М., 1997.
- ¹⁰⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 14–27.
- ¹⁰⁸ Абуш А. Ложный путь одной нации. К пониманию германской истории. М., 1962. С. 284.
- ¹⁰⁹ Ржешевский О. Знали: отступить придется // Поиск. 2006. № 24 (890). 16 июня С. 16.
- ¹¹⁰ История России / Под ред. Ш.М. Мунчаева. М., 1993. С. 211–234.
- ¹¹¹ Краткий курс истории России с древнейших времен до начала XXI века / Под ред. В.В. Керова. М., 2004. С. 587–602.
- ¹¹² Курс отечественной истории IX–XX веков. Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе / Под ред. Л.И. Ольштынского. М., 2005. С. 254–274.
- ¹¹³ Там же. С. 271.
- ¹¹⁴ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2001. Кн. 1–2.
- ¹¹⁵ Рындоцкий П.Г. Вопросы истории русской промышленности в XIX в. // История СССР. 1972. № 5. С. 40–58; Он же. Мануфактура и фабрика в экономической истории России XIX века (Ответ академику Н.М. Дружинину) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер. обществ. наук. 1975. № 1. С. 30–36; Дружинин Н.М. К вопросу о генезисе капитализма в России // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер. обществ. наук. 1974. № 1. С. 3–13; Он же. Еще раз о дорефор-

менной промышленности России (Ответ П.Г. Рындзюнскому) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер. обществ. наук. 1976. № 2. С. 19–33.

¹¹⁶ *Ионов И.Н.* Российская цивилизация... С. 202–206.

¹¹⁷ *Гросул В.Я.* Научный или “судебный” подход к истории? // Отечественная история. 2002. № 3. С. 19; *Бандура Ю.Н.* Вторая мировая: о какой войне идет речь // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 172–174; [*Никифоров Ю.А.*] Война и миф // Поиск. 2006. № 38 (904). 22 сентября. С. 14.

¹¹⁸ Курс отечественной истории IX–XX веков. С. 385–389

¹¹⁹ *Сталин И.В.* Соч. Т. 14. С. 290.

М.Е. Бычкова, О.И. Хоруженко

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ КИРИЛЛИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ*

С.Л. Пташицкий начинает свое описание книг и актов Литовской метрики словами: “Метрикой назывался архив коронной и великокняжеской канцелярии, из которой выходили все акты, издававшиеся именем короля и великого князя”¹.

Слово “метрика” известно по документам XVI в.; оно обозначало книги копий документов великокняжеской канцелярии. После перевоза книг Метрики из Вильнюса в Варшаву, где велось аналогичное делопроизводство королевской канцелярии, появилось название Литовская метрика (в отличие от Коронной метрики). Сегодня под названием “Литовская метрика” в основном подразумеваются книги государственной канцелярии Великого княжества Литовского². Они содержат документы, вышедшие из высшего государственного учреждения Литвы в XV–XVIII вв.

В книги Литовской метрики записывались документы, выдаваемые канцелярией Великого княжества; здесь сосредоточены копии документов, в то время как оригиналы расплынены по другим архивохранилищам и частично погибли. Архивный фонд Литовская метрика представляет собой уникальное собрание документов, отражающих деятельность высшего государственного органа более чем за 300 лет.

Делопроизводство канцелярии Великого княжества Литовского велось на русском языке (в Литве не было своей письменности), законодательство строилось на основе норм, разработанных в Киевской Руси, поэтому документы Литовской метрики являются важным источником для изучения истории русского, украинского, белорусского и литовского народов в период феодализма.

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 1 декабря 2005 г.

В XIV–XVII вв. в состав Великого княжества Литовского входили бывшие земли Древнерусского государства, частично завоеванные Литвой после татаро-монгольского нашествия, частично присоединенные в результате дипломатических акций. В Великом княжестве Литовском сформировались украинский и белорусский народы; земли, заселенные русскими, в конце XV–начале XVI в. вернулись в состав Русского государства.

Среди разнообразных документов Метрики можно выделить большую группу актов, относящихся к истории землевладения: документы о пожаловании земель великим князем, покупке, захватах земель феодалами. Эти документы содержат уникальные сведения об аграрной культуре населения, промыслах, торговле, народных традициях. К таким актам тесно примыкают документы судебных дел, которые велись между феодалами за право владения землей.

С XVI в. регулярно проводились описания городов и замков Великого княжества Литовского. Эти описания содержат значительный объем сведений о состоянии городов (теперь на территории Украины и Белоруссии), входивших в состав Литовского государства.

Большой комплекс составляют материалы внешнеполитического характера. В них отражены отношения литовских великих князей с соседними государствами (особенно Польшей, Пруссией, Крымом, Россией и др.).

Документы Литовской метрики освещают в большей или меньшей степени практически все вопросы социально-экономической, социально-политической и культурной жизни Великого княжества Литовского XV–XVIII вв. с точки зрения правительства Литовского государства.

Сам архив канцелярии Великого княжества Литовского комплектовался, как и все средневековые архивы. Кроме делопроизводства канцелярии в него попадали архивы завоеванных городов и земель (как военные трофеи), архивы угасших феодальных родов (земельные владения рода отходили к великому князю). Отдельные книги Литовской метрики оставались в личном архиве канцлера, возглавлявшего канцелярию; до сих пор эти книги хранятся не в фонде Литовской метрики, а в личных архивах.

До XVII в. Литовская метрика хранилась в Вильнюсе, затем была перевезена в Варшаву и хранилась вместе с Коронной метрикой (Архив канцелярии королевства Польского). В 1794 г. Литовская и Коронная метрики были привезены в Петербург. К началу XIX в. этот архив был поделен между Россией, Австри-

ей и Пруссией. Каждое государство получило документы, относящиеся к территориям, вошедшим в его состав. Основная масса документов осталась в России и хранилась в архивах Петербурга, потом Москвы. В 20-е годы XX в. документы Коронной метрики и частично Литовской были возвращены в Польшу. Они погибли почти полностью в 1939 г. при взятии Варшавы.

Документы Литовской метрики систематически не исследовались, они лишь привлекались при решении конкретных исторических проблем, поэтому никто сейчас не в состоянии раскрыть все богатство этих материалов и предсказать научные открытия, которые можно здесь сделать.

Работа по изучению и подготовке к изданию книг Литовской метрики была начата в 1980 г. в Москве, Вильнюсе, Минске, Киеве, Днепропетровске и Варшаве.

В 1985 г. были опубликованы Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики, составленные С.М. Каштановым и А.Л. Хорошкевич и предназначенные для методического обеспечения запланированной тогда советско-польской серии публикаций³.

Методические рекомендации (далее. – МР) обобщили опыт дореволюционной и советской археографии. Основные принципы издания, изложенные здесь, восходят к работам И.А. Голубцова, Л.В. Черепнина, А.А. Зимина. Были учтены Правила издания исторических документов 1955 и 1969 г., ранее составленные рекомендации С.М. Каштанова, И.А. Булыгина, Л.П. Жуковской. Свои дополнения к отдельным статьям МР внесли С.В. Думин, Э.Д. Баненис, А.Н. Булыко, другие специалисты из академических институтов и архивов.

Таким образом, МР справедливо считать безусловным ориентиром при изучении дальнейшего развития принципов издания Литовской метрики. Однако перед обзором предпринятых с 1985 г. изданий, следует кратко охарактеризовать основные подходы, сформулированные, либо получившие отражение в МР.

Способ побуквенной передачи текста источника в публикации обеспечивает ясное отражение буквенной структуры слов древнерусского текста и позволяет четко видеть отличие последней от реконструкции, создаваемой археографом⁴. Вместе с тем в распоряжение читателя поступает “расшифрованный текст, который удобно цитировать, используя полную, форму слов”. Иначе говоря, результат деятельности археографа представляет собой своеобразный компромисс. Публикация должна подавать текст, максимально отображающий особенности источника.

При этом чтение данного текста, как и пользование научно-критическим аппаратом издания, должно быть удобным читателю вне зависимости от его квалификации.

Здесь уместно отметить, что в последнее время публикации средневековых документов по упрощенным правилам издания стали частыми. Тут налицо спорное понимание интересов читателя. Возможность получить представление о характерных особенностях рукописи – безусловно, в интересах, по меньшей мере, основной части читателей: историков-профессионалов.

Показательно, что авторы МР к настоящему времени значительно разошлись в оценке изданий по упрощенным правилам. А.Л. Хорошкевич приветствовала “экспресс-издания” последних лет, польза которых, по ее мнению, состоит в том, что они закрывают “лауну, образовавшуюся в XX в.”⁵. Напротив, С.М. Каштанов относится к упрощенным изданиям весьма критически. Для него игнорирование “мелочей”, обычно принято при подготовке таких изданий – “вызов не только филологической науке, но и дипломатике, палеографии и другим вспомогательным историческим дисциплинам”⁶.

Обратимся теперь к принципам издания современных публикаций Литовской метрики, имея в виду проследить их эволюцию в сравнении с МР. Попытаемся определить общие тенденции изменений и дать им характеристику.

Основной труд по публикации Литовской метрики взяли на себя литовские историки. На их счету 14 книг Литовской метрики, изданных за 8 лет⁷. Польские археографы издали в 1987 г. Книгу сигиллят 1709–1719 гг., а в период 1989–2000 гг. – три реестра. Кириллических документов эти издания не содержат. На счету белорусских публикаторов – одна Книга записей № 28, изданная В. Менжинским и В. Свяжинским в 2000 г.⁸

Российская археография тут явно проигрывает в количестве опубликованных материалов Метрики. В 1985 г. была подготовлена Книга записей № 6, но она так пока и не вышла. Тем не менее, при возобновлении издания российские археографы оказываются в более завидной позиции, располагая для анализа опытом публикации зарубежных коллег.

Публикация 1993 г. Эгидиуса Банениса предварялась археографическим предисловием, в котором автор, не вступая в полемику с МР (собственно, вовсе о них не упоминая), изложил свои принципы публикации. Вышедшие из употребления буквы здесь заменяются их современными эквивалентами. МР решение этого вопроса оставляло за публикатором, предлагая изучить возможную последовательность в употреблении таких букв. Э. Баненис

не ознакомил своего читателя с результатом своего анализа текста, поэтому трудно судить о мотивах такого решения.

Сокращенные буквы Э. Баненис восстанавливал в круглых скобках, выносные буквы вносил в скобу, передавая их курсивом. Однако, в эту общепринятую практику публикатор привнес некоторые особенности. Так, если сокращенное слово в рукописи было написано не под титлом, то оно публикуется как неисправный текст⁹.

Вряд ли такое нововведение следует признать удачным. Наличие или отсутствие титла не должно определять необходимость реконструкции слова в публикуемом тексте, тем более, что археография располагает необходимыми средствами для различения текста рукописи и реконструкции.

МР предлагали восстанавливать мягкий знак после выносной согласной, доставляя, таким образом, читателю полностью реконструированный и пригодный для цитирования вариант прочтения¹⁰.

Э. Баненис отказался от реконструкции мягкого знака, “т.е. написание слова остается таким, каким оно есть в книге-копии”. В этом случае публикатор оставляет реконструкцию и правильную интерпретацию текста читателю. Во всех последующих публикациях Литовской метрики мягкий знак после выносной также не восстанавливался.

В МР читаем: “Документы получают соответствующий валовой номер в зависимости от местоположения списка в подлинной книге или книге-копии”.

Валовая нумерация служит решению простой, но важной задачи – отразить такую объективную характеристику источника, как количество документов и порядок их расположения в книге.

Э. Баненис предложил иную, сложную нумерацию. Она включала номер так называемого “куста” (группу документов, объединенных общей тематикой) и подномер собственно документа. “Куст” – произвольное понятие, вводимое археографом для первичной классификации публикуемых документов по тематическому признаку. В результате без вынужденных арифметических упражнений читатель не может уяснить, какое количество документов включает в себя книга.

Отметим, что было бы уместно, если бы номер проставлялся традиционно – в начале публикуемого документа, перед заголовком, и сопровождался соответствующим знаком “(№)”. В публикации Банениса номер документа проставляется на полях издания, где он теряется среди номеров листов, дат. Поскольку отсылки научно-справочного аппарата часто даются не на

страницу, а на номер документа, это доставляет известное неудобство.

“Обозначение листа набирается курсивом на боковом поле печатной страницы”. Эта рекомендация МР соблюдалась в публикации 1993 г. Однако текст здесь расположен в два столбца. Для обозначений номера листа (старого и нового), номера документа (и номера “куста”) и даты, также вынесенной из текста на поле, использовалось только внешнее поле, что перегружало его информацией: “л. 168 об. (л. 155 об.). № 37.2. 1494.10.26 * л. 169 (л. 156)”.

В Археографическом предисловии публикации Э. Банениса декларировано, что указание на номер листа будет двойким, включающим в себя указание на современный номер (он сопровождается заглавной литерой “Л.”) и на нумерацию XIX в. (в скобках после современного номера, в сопровождении литер “ст. л.”). Фактически форма такова: *л. 200 (л. 187). При обращении к тексту публикации читателю остается непонятным, что должна обозначать звездочка (*) – современный номер листа, или номер, проставленный архивистами XIX в.?

Представляется, что сведения о расхождении современных номеров с номерами листов XIX в. можно дать в предисловии или в приложении в форме сравнительной таблицы нумераций.

В Археографическом предисловии Э. Банениса читаем: «Пометки, примечания, комментарии по тексту документов помещены под текстами документов на обычном для подстрочных примечаний месте и начинаются с соответствующих подзаголовков: “Пом.”, “Прим.”, “Комм.”». Публикатор пояснил, что эти сокращения приведены в подстрочных примечаниях только при первом документе, далее подзаголовки опускаются “в целях экономии”. Это досадно, поскольку читатель должен самостоятельно определить, что публикатор поместил под текстом публикуемого источника – “пом.”, “прим.” или “комм.”, а это не всегда легко.

Очевидно “в целях экономии” в публикации Банениса была предложена идея ввести для помет и подчеркиваний условные обозначения.

Для позднейших помет и подчеркиваний тут вводится условные знаки “+ –” (для начала подчеркивания) и “– +” (для конца подчеркивания). Причем количество знака “+” возрастает в тексте документа, что обозначает номер пометы или подчеркивания. Так что в публикации не редкость знаки: “+ + + + + – король – + + + + +”. Это должно означать “слово король подчеркнуто и это седьмое подчеркивание в тексте документа”.

Неясно, так ли важна эта информация для читателя, следует ли настолько перегружать текст источника издательскими маргиналиями, чтобы ее донести?

Встречаются указания на пометы, которые невозможно расшифровать без сличения с рукописью: “+ + *На правом поле ± (XIX в., кри.)*” или “+ + + *После слова вкратце + (XIX в., кри.)*”. Читатель, по всей вероятности, должен предположить, что карандашная помета на полях графически совпадает с условными знаками, введенными археографом.

Примечания в публикации Э. Банениса также отличают некоторые новации при оформлении номеров издательских примечаний. Номер примечания отчего-то сопровождается дефисом. Он должен указывать, что примечание “относится к букве перед обозначением”. МР предлагают для примечаний, охватывающих несколько слов, ставить знак примечания после первого и после последнего слова, а в тексте примечаний ставить знак дважды и разделять тире¹¹.

Подобный удвоенный знак ставится Э. Баненисом для примечаний, охватывающих несколько слов, охватывающих одно слово, наконец – охватывающих фрагмент слова, собственно – одну-две буквы. В последнем случае примечания воспринимаются как не вполне корректное обращение с текстом, затрудняющее его восприятие: “ворози под нашими ⁷-но-⁷гами и под нашими ⁸-шаблями-⁸ (Изд. прим. ⁷-⁷но *испр. из других букв*; ⁸-⁸Так в ркп., следует читать саблями”. Впрочем, порой знак примечания проставляется и не удвоенный. Проследить какую-либо последовательность в употреблении простых и удвоенных знаков примечаний не представляется возможным.

Что касается комментариев к тексту публикуемых документов, то в подстрочных примечаниях, несмотря на обещания Археографического предисловия, мы либо их находим крайне редко; они касаются взаимосвязи публикуемого текста с другими текстами, как вошедшими в публикацию, так и оставшимися вне ее: “Отказ-^Б послом цара заволского Сует Магометовымъ (Комм. изд. -^БТекста послания Сеит Махмета в ЛМ нет).

МР предполагали следующий состав комментариев:

«а) обоснование датировки, если документ не датирован или датирован неправильно; б) указание на взаимосвязь между издаваемыми документами, а также между ними и документами, не вошедшими в издание (то, что Э. Баненис решил при помощи усложненной нумерации по “принципу куста”); в) краткие сведения об упоминаемых лицах и событиях; г) историко-географические идентификации упоминаемых в источнике пунктов, локали-

зация их в пределах старых и новых административных единиц; д) пояснения по поводу малоизвестных мер, денежных единиц и т.п.; е) толкование трудных для понимания мест текста».

В публикации 40 страниц отведено для “Комментариев к текстам документов”. Под “комментариями” тут понимается явно другое, нежели понимали МР. “Комментарии” Э. Банениса содержат редакционный порядковый номер документа, дату (она здесь двояка: первая дата – переписки текста документа и вторая дата – собственно создания документа), место составления документа, редакционный заголовок и легенду (включающую поисковые данные оригиналов, списков, библиографические описания публикаций и упоминаний).

Обращает на себя место выдачи (составления) документа. С.М. Каштанов и А.Л. Хорошкевич рекомендовали указывать место выдачи в исторической форме, через косую черту приводить название места выдачи по современному административному делению: “1504 г. октября 12. Мереч/Меркине. –”.

Такая форма и последовательность удобна и привычна. В повествовательной форме она соответствовала бы такому, например, пассажи: “В 1701 г. курфюрст бранденбургский Фридрих III писал из Кенигсберга (совр. Калининград)...”. Понятно, что иная последовательность в указании топонимов вызывала бы удивление – Фридрих III не мог писать из Калининграда ибо такого города на карте 1701 г. не существовало.

Однако, Э. Баненису показалось разумным поменять последовательность указания топонимов. Он писал в Археографическом предисловии: «За датой указывается место составления документа, в круглых скобках приводится написание местности того времени. Например: “Мяркине” (“Меречь”)». Однако, декларированный в предисловии принцип в публикации не соблюдается. Здесь везде даны географические названия согласно современному написанию – Вильнюс, Тракай, Каунас, Брест, Минск, а для исторической формы топонимов в публикации вовсе не нашлось места.

Кустоды (первое слова следующего листа, написанное в конце предшествующего листа) Э. Баненис оставляет. При чтении текста это выглядит повторенным по ошибке словом. Было бы разумнее оговаривать все-таки наличие кустод в примечаниях.

Научно-справочный аппарат издания 1993 г. включает Хронологическую таблицу перевода дат, Перечень списков, Перечень сокращений, отдельно от него Перечень библиографических сокращений, Словарь слов, вышедших из употребления

(но не Предметный указатель), Именной и Географический указатели, Содержание (оглавление).

Оценка качества научно-справочного аппарата требует серьезного внимания и времени, поэтому от детального анализа на этом этапе воздержимся. Отметим лишь, что попытка найти в Словаре определение понятия “бортная земля” завершилась неудачей. В словарной статье “Бортная земля” имеется лишь отсылка на статью “Земля бортная”, каковая в Словаре отсутствует. Указатели не охватывают редакционные заголовки и легенды, чему трудно найти объяснение.

Оглавление (“Содержание”) можно уверенно признать неудачным. Скажем, читатель, найдя в оглавлении “Крестоцеловальную запись князя Федора Львовича Воротынского вел. кн. литовскому, кор. польскому Казимиру”, обращается к указанной странице 248. Однако никакой “крестоцеловальной записи” он здесь не найдет. На этой странице помещены “Лист князя Федора Воротынского о держанье города Козельска к великому князьству литовскому” и “Запись того ж князя Воротынского за князя Андрея Можайского” – то есть документы опубликованы под пирсарскими заголовками. Определить, какой документ обозначен в Оглавлении, невозможно без ознакомления с его содержанием. Вероятно, что в оглавлении должны быть даны те же заголовки, под которыми документы и публикуются.

Безусловно полезным была бы публикация Хронологического перечня публикуемых документов, как это и рекомендовано МР.

В целом принципы публикации, заявленные и использованные Э. Баненисом при издании Книги № 5 можно охарактеризовать так. При передаче текста работа археографа в одних случаях избыточна, в других недостаточна. И то и другое имеет общее следствие – читатель не располагает полностью реконструированным текстом источника, удобным для восприятия и цитирования. Определенные недочеты наблюдаются и в научно-критическом аппарате издания. Безусловно, издание 1993 г. ближе к т.н. “критическим”, чем к “дипломатическим” публикациям. Стоило рассчитывать, что литовские археографы в дальнейшем будут совершенствовать приемы издания.

В 1995 г. в предисловии к Книге судебных дел № 6 С. Лазутка и И. Валиконите изложили свои принципы издания. Интересно, что характеристика археографических приемов предшествующей публикации Э. Банениса авторы не дали. Однако вступили в аргументированную полемику с составителями МР. Отметим,

впрочем, что аргументы составителей не всегда воспринимаются в качестве весомых.

Лазутка и Валиконите объясняют отклонения от МР “характером содержания самой книги”. При этом остается непонятным, какие “особенности содержания книги” помешали, например, обозначить границы строк. Не написана же она вся в одну строку? В позднейших публикациях литовских археографов границы строк также указываться перестали.

Составители заявили: “Мы не считаем нужным выносить в заголовок документа дату и место его появления, если они указаны в самом документе”. И продолжают: “Место написания читатель найдет в самом деле”. Таким образом, читатель призывается к исследовательской работе, которую, возможно, он был бы рад оставить за публикаторами. Такой подход, может быть, был бы приемлем, если бы научно-критический аппарат издания включал в себя Хронологический перечень актов. Его нет; оглавление публикации также не помогает ориентироваться в материале – оно лишь указывает, что со страницы 23 начинается “Текст дел”, не указывая конкретные опубликованные документы.

“Излишними” признали археографы и “составительские заголовки документов, так как все они имеют вполне удовлетворительные и понятные самоназвания”. На какую же квалификацию читателя рассчитана публикация? Всякий ли читатель сразу поймет, о чем идет речь, прочитав писарский заголовок “Оповеданье о нестане на рок права о 15 копъ грошей”? Удовлетворительно ли отражает содержание документа писарский заголовок “Пятый лист, перед его милостью покладанный”?

Лазутка и Валиконите объясняют, чем, по их мнению, являются археографические заголовки: “Составительские заголовки являлись бы по существу переводом их (самоназваний документов. – М.Б., О.Х.) на современный русский язык. Но поскольку не даются переводы текстов, то нет оснований давать и переводы заголовков, тем более, что в конце книги прилагается словарь малопонятных слов”.

Обратимся к этому словарю (он же Предметно-терминологический указатель), как и к другим элементам научно-критического аппарата издания. Главной его особенностью является выборочное указание на страницы, где встречаются включенные в словарь термины: “быдло – скот, скотина – 12, 24, 127, 146, 150 и др.”. Как видим, составители не только безмятежно поручают своему читателю определить дату, разновидность, содержание

публикуемых документов, но и завершить за них составление научно-справочного аппарата.

Авторы исключили также комментарий по содержанию документов (“его в какой-то мере заменяет обстоятельное введение и палеографические примечания в тексте”), хронологический перечень (“его делает ненужным реестр (писарский. – М.Б., О.Х.) дел книги”) и легенду. Объясняя отсутствие последней, составители так сформулировали свое археографическое кредо: “Слишком большая роскошь разыскивать публикуемые документы в изданиях нескольких стран, издававшихся на протяжении почти 200 лет. Это, на наш взгляд, дело исследователей, которые будут пользоваться документами публикуемой книги”.

Не обошлась без новаций нумерация примечаний. Читатель должен затвердить, что примечание под номером 1 – это всегда обозначение опущенной в тексте кустоды, номером 2 отмечаются искаженные, но понятные в целом слова. Таким образом, он не должен удивляться, если примечания к тому или иному тексту начинаются с примечания номер 3 и не искать потерявшиеся 1 и 2.

Одновременно с публикацией Лазутки и Валиконите (в 1995 г.) А. Балюлис издал Книгу записей № 8. Начиная с этой публикации, литовское издание Метрики воспринимается как сувенирное, призванное стать подарком для национальной интеллигенции, патриотической общественности к 1000-летию первого упоминания Литвы (2009 г.).

Так называемые “конгрессные” языки, то есть языки международного научного общения, стали здесь уступать место литовскому. У Э. Банениса порядок следования предисловий был следующим: 1) русский язык; 2) литовский язык; 3) английский язык. У С. Лазутки и И. Валиконите: 1) параллельный текст на а) литовском, б) русском языке; 2) краткое резюме на английском языке. У А. Балюлиса: 1) литовский язык; 2) английский язык; 3) русский язык.

На литовском языке А. Балюлис дал все примечания. Сокращение “об.”, обозначавшее ранее оборотную сторону листа, заменено латинской литерой “v” (verso). На литовском же языке даны комментарии. Впрочем, читатели на конгрессных языках от этого мало проигрывают, поскольку комментарии включают только заголовок и очень краткую легенду. Труднее принять в качестве разумной латинскую транслитерацию, принятую в сокращенных наименованиях русских изданий: “AJZR – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею”. (СПб.,

1863–1865. Т. 1–2) или “Вегежков – Бережков Н.Г. Итинерарий великих князей литовских по материалам Литовской метрики (1481–1530)” (// Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962).

Основные принципы передачи текста публикатор заимствовал из МР, хотя в предисловии он вступил как бы в полемику с С.М. Каштановым и А.Л. Хорошкевич. “Не всегда ими (МР. – М.Б., О.Х.) можно руководствоваться, – объяснил публикатор, – в них не предусмотрены все случаи передачи текста”. Однако изложенные им собственные подходы к передаче текста – выносные буквы вставляются в строку курсивом, сокращения – в круглых скобках, личные имена и топонимы оставляются в той форме, как они написаны в рукописи – полностью соответствуют МР.

Анализируя публикацию Э. Банениса, мы отметили, что при расположении текста в два столбца поля оказывались перегружены информацией (номера документов, листов, даты). А. Балюлис освободил поля публикации от какой-либо информации. Указание на номер листа стал даваться в тексте, после знака окончания листа (||) и заключаться в квадратные скобки. Этот способ не представляется особенно удачным, поскольку он перегружает текст публикуемого источника условными обозначениями.

Безусловной заслугой А. Балюлиса следует считать реанимацию практики составления археографических заголовков публикуемых документов. Однако, они располагаются в оглавлении, по примеру публикации Э. Банениса. Пользоваться таким оглавлением также неудобно, как и оглавлением в публикации Банениса. Найдя в оглавлении “Запись о пожаловании Васку Воротыңцу пустовщины Метевщины в Городенском повете”, на указанной странице мы обнаружим писарский заголовок “Во Львове данина”. Соотнести этот документ с данным в оглавлении заголовком читатель сможет только после ознакомления с его содержанием.

Публикация Балюлиса дала первый пример замены собствен- но Предметного указателя словником, в который, как принято в лингвистических изданиях, занесены все встречающиеся в тексте слова. Пояснение к терминам не дается.

На тех же принципах, с теми же достоинствами и недостатками Альгирдас Балюлис издавал книги Литовской метрики и позднее. Впрочем, с 1997 г. Балюлис отказался от воспроизведения “дифтонга”¹² кз и заменил его на з. МР призывали этот

дифтонг сохранять – в старобелорусском языке он означал взрывной *g*. Причину отказа от его воспроизведения Балюлис не указал.

В 1997 г. вышла публикация Книги записей № 11, подготовленная Артурасом Дубонисом. Принципы публикации, как показывает знакомство с текстом, полностью соответствуют тем, что были усвоены А. Балюлисом. Публикатор, однако, неожиданно отметил их преемственность от Банениса: “Мы руководствовались теми же принципами, какими пользовался д[окто]р гум[анитарных] н[аук] Эгидиус Баненис. Тем не менее в данной публикации мы: отказались в тексте отмечать строки оригинального текста; отказались от перевода текстов с латыни на литовский или русский языки; объяснения, заметки и т.п. (так! – *М.Б., О.Х.*) в тексте приводятся на литовском языке; отказались от тройных ссылок, объясняющих текст (Комментарий; Пометка; Примечание); номер акта, дата и номер листа приведены в тексте, а не на полях листа”.

Почему отказались – неясно. Неясно также, в какой связи тут упомянут Эгидиус Баненис. Список “отказов”, который привел Дубонис (а он далеко не полон) доводит сходство принципов издания до минимума. Публикация Банениса – “дипломатическое” издание. Регулярные же выпуски книг Литовской метрики, начиная с 1995 г., представляют собой пример издания по упрощенным правилам.

В публикации Дубониса было исключено оглавление на русском языке – последнее прибежище для тех читателей на конгрессных языках, которые желали бы ознакомиться с качеством и содержанием археографических заголовков.

В 1998 г. Альгирдас Балюлис издал Книгу записей № 3. Ранее эта книга была (частично) опубликована в “Документах МАМЮ” (Московский архив Министерства юстиции), затем (полностью) в “Русской исторической библиотеке”. Как пояснил составитель, “Издание РИБ (Российская историческая библиотека. – *М.Б., О.Х.*) давно стало библиографической редкостью, а историки книгой пользуются постоянно, поэтому было подготовлено это новое издание”.

В этой книге исчезло и оглавление опубликованных актов на литовском языке, так что археографических заголовков здесь не найти вовсе. Исчез и хронологический перечень (точнее список). Новым словом стало тут объединение указателей личных имен и географического в один.

В том же 1998 г. А. Балюлис опубликовал и Книгу записей № 1, также изданную ранее в “Русской исторической библио-

теке”. Объединенный указатель географических названий и личных имен был здесь вновь разделен на два.

Публикация Книги записей № 25 явила собой некоторый отход от принципов издания, сложившихся к 1998 г. в литовской археографической школе, в сторону пожеланий МР.

В этом издании А. Балюлис вернул оглавление на русском языке, что дало возможность ознакомиться с археографическими заголовками. Они небезупречны, сильно зависимы от заголовков писарских, однако сам факт их наличия следует горячо приветствовать.

Были возвращены и “Комментарии” на литовском языке (точнее то, что традиционно понимают под ними литовские коллеги – заголовок, легенда и в ряде случаев – обоснование даты). За этими исключениями состав научно-справочного аппарата, как и принципы передачи текста, остались без изменений по сравнению с изданиями 1995–1998 гг.

Новые уступки пожеланиям МР были сделаны в 1999 г. при издании Книги судных дел № 8 (под редакцией И. Валиконите) – правда, отличные от тех, что допустил годом ранее А. Балюлис. Здесь мы с удовольствием отмечаем наличие Таблицы соотношения нумераций, публикацию филиграней, образцов почерка, Таблицу географии и датировки актов. Никак не акцентируя на этом факте внимания, авторы публикации восстановили передачу диграфа *кз*. Между тем, ознакомиться с принципами составления археографических заголовков читателю не удастся – они не представлены ни в Комментариях (таковые вовсе отсутствуют, а значит – отсутствует и легенда), ни в Оглавлении, ни в Хронологическом перечне (он также отсутствует). Безусловной любезностью литовских коллег следует считать введенное в этом томе двуязычие примечаний – они даются на литовском и на русском языке.

В 1999 г. вышла написанная на латинском и польском языках Книга публичных дел № 8, подготовленная Д. Баронасом и Л. Йовайшей. Принципы издания латинских и польских текстов в настоящем сообщении не рассматриваются. Однако, отметим два момента. Во-первых, в качестве методической основы издания латинских документов литовские коллеги называют изданный в Польше в 1957 г. Проект инструкции А. Вольфа. Между тем в 1984 г. в Сарагосе были изданы Правила издания латинских грамот, писем и сборников корреспонденций, средневековых финансовых, административных и доманиальных документов. Эти правила были подготовлены Международной комиссией по дипломатике, широко обсуждались на международных

конgressах и коллоквиумах¹³, и заслуживают хотя бы упоминания. Во-вторых, издание латинских и польских документов отличает тот же явно недостаточный научно-критический аппарат, что и издания кириллических текстов. Мы не находим тут ни комментариев, ни легенды, ни археографических заголовков.

2001 г. вышли сразу три книги Литовской метрики, подготовленные Л. Анюжите и А. Балюлисом. Издания подготовлены в традициях, которых А. Балюлис придерживался в своих публикациях 1995–1998 гг. Вновь ушли в небытие археографические заголовки на русском языке. Вновь из публикации исчезли т.н. “комментарии”. Вольность, допущенная И. Валиконите в отношении двуязычия примечаний, была отвергнута. Вновь именной и географический указатели были объединены в один.

Новацией стало оформление дат. Отказ от обозначения месяца словом – традиция, идущая от Э. Банениса. Однако, в изданиях 2001 г. цифровые обозначения года, месяца и числа перестали даже разделяться точкой. Что такое “1567 09 02” – 2 сентября или 9 февраля 1567 г.? Нигде это не объясняется. Между тем в российской традиции (собственно – не археографической, а делопроизводственной и бухгалтерской) цифровое обозначение дня следует за числовым обозначением месяца, в англо-американской – наоборот. Читателю и в этом случае не обойтись без дополнительной работы для уяснения последовательности этих цифр.

Кратко подведем итоги. В 1993–1995 г. прослеживается приверженность публикаторов “дипломатическим” принципам издания документов. При этом отчетливо наблюдается стремление отойти от пожеланий МР. Трудно судить, какие рациональные причины стоят за этим, во всяком случае, никакими научными соображениями это не мотивировано. Ни в одном из археографических предисловий мы не находим аргументированной полемики с МР. Альтернативные же подходы к археографической работе, продемонстрированные литовскими коллегами, пошли не на пользу качеству публикаций.

При этом, уже с 1995 г. прослеживается тенденция к упрощению правил издания. Принципы передачи текста, заданные Э. Баненисом (а и они не могут рассматриваться как усложненные), не претерпели значительных изменений. Текст воспроизводится с заменой всех вышедших из употребления букв, что никак не объясняется публикаторами. Состав же и содержательная сторона научно-критического аппарата постепенно упрощались, сводя следы работы археографов к минимуму.

Несколько слов в заключении – пожелания будущим публикаторам кириллических документов Литовской метрики. Основным методическим руководством следует признать МР. Достойная альтернатива им пока что не существует. Отход от рекомендаций, безусловно, допустим, однако он должен быть аргументирован более солидно, чем ссылками на некие неуказанные “особенности рукописи”, за которыми, похоже, стоит желание облегчить свою работу и ускорить выход в свет публикации.

Было бы уместно снабдить издание Таблицей перевода дат, что избавило бы от необходимости обоснования даты для каждого из публикуемых документов. Украсила бы публикацию, выходящую в режиме продолжающегося издания, библиография исследований Литовской метрики за время, прошедшее после выхода последнего тома. Совершенно необходим Хронологический перечень публикуемых актов, коль скоро в книге они скопированы вразнобой. В него может органично войти легенда, включающая в себя поисковые данные подлинников, списков, публикаций и исследований документов. Включенные в Хронологический перечень документы должны сопровождаться археографическим заголовком. Комментарии актов, включающие по необходимости идентификацию упоминаемых лиц, локализацию упоминаемых топонимов, разъяснение трудных для понимания мест и т.д., представляются обязательными, где бы публикатор не счел необходимым их поместить. Они могут располагаться после каждого публикуемого текста, отдельно после публикации всех текстов (что представляется более целесообразным), или стать составной частью Хронологического указателя. Если публикатор предполагает развернутое Оглавление, то в нем документы должны быть указаны под писарскими заголовками – так, как они указаны в самой книге.

Требует взвешенного подхода вопрос о дублировании научно-критического аппарата на иностранных языках. История Великого княжества Литовского – это история обширного региона, включающего территории, как современной Литовской республики, так и восточной Прибалтики в целом, Белоруссии, Украины, России, Польши. Удовлетворить пожелания всех заинтересованных сторон, вероятно, не удастся. Наверное, следует исходить из не слишком смелого допущения, что читатель кириллических документов Литовской метрики по определению владеет русским языком.

- ¹ Пташицкий С.Л. Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887. С. 3.
- ² РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика.
- ³ Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / Сост. А.Л. Хорошкевич, С.М. Каштанов. Вильнюс, 1985.
- ⁴ Каштанов С.М. Актовая археография. М., 1998. С. 233.
- ⁵ Хорошкевич А.Л. Городовые работы в Великом княжестве литовском в канун Стародубской войны // Ad fontem / У источника: Сб. ст. в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 280.
- ⁶ Каштанов С.М. Указ. соч. С. 235.
- ⁷ Э. Банёнис (Книга записей № 5, изд. в 1993 г.), А. Балюлис (Книга записей № 8, 1995 г.; Книга публичных дел № 7, 1996 г.; Книга публичных дел № 10, 1997 г.; Книга публичных дел № 1 и 3, 1998 г.; Книга публичных дел № 9 и 10, 2001 г.; Книга публичных дел № 12, 2001 г.; совместно с Д. Антанавичусом – Книга записей № 25, 1998 г.), С. Лазутка и И. Валиконите (Книга судебных дел № 6, 1995 г.; совместно с Н. Шлимене, Книга судебных дел № 8, 1999 г.), А. Дубонис (Книга записей № 11, 1997 г.), Д. Баронас и Л. Йовайш (Книга публичных дел № 8, 1999 г.).
- ⁸ Сведения о количестве изданных книг Литовской метрике приводятся по состоянию на осень 2006 г., когда готовилась данная статья.
- ⁹ “Божью ¹-млтью⁻¹” (Прим. изд.: ¹⁻¹Так в ркп., следует читать м(и)л(ос)тью); -Псань⁻² в Ковъне (Прим. изд.: ²⁻²Так в ркп., следует читать П(и)сан).
- ¹⁰ Например: Бож(ь)ю милост(ь)ю корол(ь).
- ¹¹ Например: ²⁻²нап. по смьт.
- ¹² Вероятно, было бы правильнее говорить здесь не о дифтонге, а о диграфе.
- ¹³ См.: Каштанов С.М. Указ. соч.

В.С. Румянцева

О ПЕРИОДИЗАЦИИ И ТИПОЛОГИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ В XVII В.*

В отечественной историографии древнерусская культура представлена в самых разных аспектах, но главным образом трудами специалистов по литературе, истории, искусству, зодчеству, музыке и фольклору. Разработка конкретных проблем в историческом плане началась еще в XIX в. В советское время интерес к Древней Руси был велик. Однако духовно организующая структура средневекового общества – Церковь – не изучалась. Это не могло не отразиться на результатах исследований. И тем не менее создано немало талантливых книг, очерков, статей и публикаций¹. В 1984 г. во “Введении” к трехтомнику по истории культуры Византии З.В. Удальцовой было сформулировано понятие “культура” в широком смысле: «...в феномене “культура” органически сочетаются, сливаются воедино материальная и духовная сферы созидательной, творческой деятельности людей, направляемые разумом, трудом и талантом человека»². Содержательный смысл формулы не утратил своего значения и сегодня, хотя необходима его корректировка. Единство духовной и материальной сфер культуры присутствует в реальной действительности в каждой исторически определенной системе общения людей. Жизнь далекого прошлого характеризуется не только производством материальных благ, их потреблением, но и духовным миром, который необходимо понять и раскрыть на основе дошедших источников. Когда обращаемся к письменным источникам, обнаруживаем как единство, так и разделение материального и духовного. З.В. Удальцова права в том, что «нельзя сводить понятие “культура” исключительно к духовной жизни общества»³. Но чтобы представить культуру другой далекой эпохи в целом, необходимо мысленно разделить материальную и духовную сферы, так как каждая должна быть оценена сначала через собственные внутренние связи.

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 1 июня 2006 г.

Рациональное определение культуры предложил в 1973 г. Л.Е. Кертман: "...культура – это духовная жизнь общества, детерминированная в своих основных характеристиках условиями материальной жизни и социальных отношений, а также оказывающая на них обратное влияние"⁴. В словесной формуле отсутствуют признаки исторической конкретности и человеческого активного фактора, хотя верно обозначено значение логоса (греч. *logos* – понятие, благая мысль, разум). Принимаем и следующее авторское положение: "...комплексное историко-культурное исследование – дело историка", последний "может и должен воспользоваться результатами исследований специалистов-литературоведов, искусствоведов и т.д., он не претендует на то, чтобы подменить их". По убеждению автора, необходимо "развивать эту важную отрасль исторической науки"⁵. При всем разнообразии форм духовной деятельности уже в позднее Средневековье, определяющими становятся книгопечатание, религия и моральный порядок, искусство, уровень знаний⁶. Их представляет в комплексе с материальными объективными реалиями исторический источник в качестве письменного документа⁷.

Методика исторического анализа духовности* – подлинного феномена культуры – строится на базе достижений, главным образом отечественных и отчасти западноевропейских медиевистов. Источниковедческий подход определяется нами трудами академика Л.В. Черепнина, требовавшего от историка прежде всего достоверности: "...каждый источник представляет историческое явление", характеризуется фактом своего возникновения "в определенных условиях времени и места... он носит на себе отпечаток именно этих условий"⁸. Ученый отказался от иллюстративного способа использования источника, заменив его комплексно-аналитическим. В письменном источнике Черепнин различал "внешние данные", получаемые с помощью специальных исторических дисциплин (дипломатического и палеографического анализа, сфрагистики) и "внутренние признаки" – содержание документа⁹. По наблюдениям ученого, "двойное значение в качестве исторического источника" имеют актовые материалы, летописи, духовные и договорные грамоты: "Летописный свод служит источником, с одной стороны, для воссоздания изображаемых в нем фактов, с другой – для понимания того, как воспринимал и оценивал этот факт составитель свода"¹⁰. К этому можно прибавить – "двойное значение в качестве исторического источ-

* Духовность как научное понятие отличается от церковного использования термина, обозначающего все, что связано с религиозной сферой.

ника” имеют также религиозные и богословские тексты (до сих пор изученные недостаточно)¹¹, литературные памятники, произведения искусства и зодчества.

Когда обращаемся к источникам церковного происхождения, необходимо учитывать различие между современной и средневековой религиозностью, которая в значительной степени определяется характером мировосприятия. Отчасти прав немецкий историк Эрнст Питц, писавший о “несоизмеримости средневекового мышления и восприятия с мышлением и восприятием современного человека”¹². Однако автор чрезмерно категоричен, утверждая, “что притупленная в результате развития научной интерпретации мира религиозность просвещенного европейца не приспособлена для понимания средневековой религиозности”¹³. Ближе к истине мнение французского историка Филиппа Ариеса. По его наблюдениям, с изменением общественного сознания меняются и формы религиозности. Так, в результате развития системы воспитания и образования в XVI–XVII вв. “моральный аспект религии начал мало-помалу практически преобладать над ее магическими или эсхатологическими аспектами”¹⁴. По нашему мнению, путь к светской культуре нового времени – это, конечно, развитие просвещения и морали, религия только преобразуется, совершенствуется в своих внешних эстетических формах. Благодаря архивным материалам и специальным исследованиям с достоверностью установлено: когда в середине XVII в. в России распространилось недовольство на почве эсхатологических и мистических представлений, возглавляемая патриархом Никоном Церковь вступает на путь нравственно-просветительской деятельности, чтобы поднять уровень благочестия и приобщиться к общечеловеческой мудрости через “внешнее наказание”¹⁵.

Для восприятия культуры далекого прошлого на глубинном, а не внешнем и эстетическом уровне, необходимо рассматривать ее в ракурсе, отличном от эмпирического подхода, принятого в различных отраслях гуманитарной науки – литературоведении, языкознании, искусствоведении, исторических отраслевых знаниях, таких, например, как деятельность и поведение групп людей и отдельных личностей. Все это необходимый, чрезвычайно ценный, но предварительный этап работы. Изучая источники и специальные исследования, обращаем главное внимание на два момента: на мотивы самих различных действий¹⁶, выражающие прямо или опосредованно взаимодействие традиционных представлений с новациями; на роль исторических личностей, поскольку за каждым мотивационным комплексом стоит творческий человек и народ. “Великие люди истории, – пишет Эрнст

Питц – это те, кто с помощью некоей таинственной связи с массой (народа. – *В.Р.*) оказались в состоянии создать такие ряды мотивов поведения, в которых испытывалась общая и острая потребность... именно эта масса, воспринимающая мотивационные комплексы, созданные для них новаторами... решает вопрос об их применимости в жизни и тем самым о форме и степени влияния великих людей”¹⁷.

При исследовании духовности в указанном направлении (неразделимости целенаправленных мотивов действий и поведения) культура выступает как интеллектуальный процесс, протекающий в конкретной исторической ситуации и взаимодействии людей. Она имеет свою периодизацию, специфику движения: после понижения уровня или упадка в отдельные исторические моменты наступает подъем, затем гармонизируется развитие в стабильной обстановке. Веками накопленный духовный потенциал культуры способен опережать экономический подъем и предупреждать общество об опасности. Известный византист И.П. Медведев указывает в своей книге на феноменальное явление: в разоренной “агонизирующей” империи Палеологов XIV–начала XV в. “вдруг разгорелся яркий огонь напряженной интеллектуальной жизни”. По словам автора, “история знает немало примеров, когда в кризисные и переломные моменты в жизни общества наблюдается интенсификация интеллектуальной деятельности культурной элиты. Правда, формы этой деятельности могут быть различными: бегство от реальности в науку, искусство, литературу или же, напротив, выход к решению наиболее актуальных и злободневных проблем, но сам феномен скорее закономерность, чем аномалия”¹⁸.

Другое представление о культуре высказал В.Я. Лазарев, полагавший, что у России обособленный от других европейских народов путь: “...если всмотреться в многовековую даль русской культуры, оценивая не только ее письменные и вещественные памятники, но и сам дух и тип культурной жизни, нельзя... не обратить внимания на одну характерную особенность: прерывность при длительности развития. Отсутствие более или менее равной тяги на протяжении значительного времени”. По словам автора, “в живой движущейся ткани нашей культуры просматриваются зияющие пустоты”¹⁹. Взгляд его как бы скользит по поверхности культуры, не проникая вглубь духовных процессов, которые осваиваются и принимаются людьми обдуманно и постепенно. В этой связи приведем предостережение Н.И. Ульянова: «Только глубокое знание людей, событий, всех особенностей эпохи дает право на “размышления” и выводы. Оно же воспиты-

вает истинное понимание исторического процесса как величайшей тайны бытия и человеческого духа». Понимание исторического бытия и раскрытия его тайн невозможно, по верному наблюдению А.Н. Сахарова, без того что “одухотворенной плотью” истории являются люди²⁰.

Взаимодействие традиционных представлений с новыми явлениями прослеживается также с помощью данных семиотики – это рождение новых идей, “приращение смысла”, или же “создание нового смысла”. По мысли Ю.М. Лотмана, “кроме коммуникативной функции текст выполняет и смыслообразующую, выступая уже не в качестве пассивной упаковки заранее данного смысла, а как генератор смыслов”²¹. Когда книжность уже разносторонне представляет духовную сферу, взаимодействие смыслообразующей и коммуникативной функций – стержень развития культуры, расширяющий границы духовности. Именно в XVII в. с развитием книгопечатания для языка и собственно текста впервые создается ситуация, вызывающая творческую активность. Москва – не только центр приказного делопроизводства, но и центр формирования русского книжного (литературного) языка. Обогащается лексика за счет переводной литературы и народной разговорной речи. С конца 40-х годов на Печатном Дворе остро встает вопрос об унификации текста издаваемых богослужебных книг и совершенствовании письма и стиля. Наблюдается четкое и последовательное “деление строк на слова”²². Филолог Г.А. Хабургаев характеризует ситуацию языка в России XVII в. как типичную для европейских и азиатских стран позднего Средневековья – “наличие книжно-литературного языка, противопоставленного родному языку народа”²³. По нашим наблюдениям над источниками, в реальной жизни происходило взаимодействие, сближение книжного церковно-славянского языка с народным. Более того, появляются новые художественные формы, жанры имели место стилевые решения в зодчестве, живописи, отвечающие запросам времени. Происходит становление новых тенденций и направлений.

Специалисты высоко оценивают древнерусскую культуру ранних эпох, но, обращаясь к семнадцатому столетию, не видят творческого импульса, избирательного подхода, обусловленного отношением к традиционным духовным ценностям и православной вере. Как правило, авторы пишут о влияниях, заимствованиях, подражании иноземным образцам, приобщении к передовой западноевропейской культуре и т.д. Но ведь историками убедительно доказано: дипломатические, торговые, культурные связи с европейскими странами действовали и развивались раньше, не-

смотря на конфессиональные различия, политические осложнения и даже войны²⁴. Без нового, свежего прочтения введенных в научный оборот источников, архивных находок, без обращения к истории Церкви, духовному словоанию и его великим подвижникам невозможно с достаточной полнотой представить культуру эпохи.

Исторические работы советского времени отличаются недооценкой духовности, декларативностью суждений, нестыковкой в воззрениях. Особенно прослеживается это в отношении к Церкви. Специалист по древнерусской книжной культуре С.П. Луппов, не касаясь острых идеологических проблем, в 1970 г. писал: “Для XVII в. как раз характерно проникновение иностранного влияния не только в верхние слои русского общества, но и в широкие круги населения”²⁵. Мнение же В.С. Шульгина в коллективном труде по истории русской культуры, фактически его опровергает. Историк изображает самоизолировавшееся средневековое общество под прессом Церкви, занимавшей “враждебную позицию по отношению к новым веяниям в культуре”, боровшейся “против всего иноземного, против проникавших в Россию элементов западноевропейской культуры и образованности”. Негативное отношение к Церкви выражено и в заключении: “Консервативно-охранительные позиции церкви все резче вступали в противоречие с национальными интересами. Церковь становилась одним из важнейших препятствий на пути осуществления готовившихся преобразований”. Прогрессивное развитие России автор представлял как движение к Новому времени и западноевропейской культуре, атеистическому мировоззрению: “XVII век ознаменован началом процесса постепенного освобождения общественного сознания из-под влияния религии и церкви, падением роли религии и церкви в духовной жизни общества”²⁶.

М.Я. Волков не отрицает положительные моменты в народном православии и старообрядчестве, но его идеологическая позиция по отношению к патриаршеству и его роли в государстве и обществе нуждается в пересмотре на основе источников: “...церковная власть превратилась в серьезное препятствие на пути прогресса. Она мешала сближению России с западными странами, усвоению их опыта и проведению необходимых перемен. Под лозунгом защиты православия и его крепости церковная власть добивалась изоляции России. На это не пошли ни правительство царевны Софьи–В.В. Голицына, ни правительство Петра I. В итоге на повестку дня был поставлен вопрос о полном подчинении церковной власти светской и ее превращении в одно из звеньев бюрократической системы абсолютной монархии”²⁷.

Ответ нигилистическим декларациям дает византинист XIX в. И.И. Соколов: "...противно правде и замалчивание добра... ненаучно преувеличение отрицательных явлений"²⁸.

Если обратиться к историографической традиции, то ею опровергается негативное отношение к патриаршеству. В начале XIX в. Н.М. Карамзин был убежден, что упразднение патриаршества – единовластное решение императора Петра Великого. По тонкому замечанию знаменитого историка и писателя, "Петр царствовал и хотел только слуг"²⁹. Самым же решительным образом высказался патриарх Никон против подчинения Церкви государственному аппарату во главе с Боярской думой. "Яко же Церковь под мирьскую власть снидет, несть Церковь, но дом человеческий и вертеп разбойником"³⁰. Защищая правовое поле Церкви от насилия правительственных приказных людей и воевод Никон укреплял, а не ослаблял, как принято считать, монархическую власть. Его поведение как первоиерарха, что было установлено церковными историками конца XIX в., не выходило за рамки правовой греко-православной традиции³¹.

Комплексное историко-культурное исследование духовной культуры строится конкретным путем: от частного события или явления, представляющего признаки нового внутри традиционного уклада к раскрытию целого направления с широким спектром взаимосвязей традиций и новаций. Сначала обратимся к отдельному эпизоду, имевшему место в глубине Центральной России. Ростовский митрополит Иона – ставленник патриарха Никона на церковную Кафедру (август 1652 г.)³². Известно несколько его грамот, два послания от 1657 г.: одно – царю Алексею Михайловичу, другое – патриарху Никону. Документальные материалы относятся к церковно-административной деятельности Ионы в Ростове Великом. Он участвовал в работе Освященных соборов; в 1664 г. недолго занимал должность местоблюстителя Патриаршего престола; присутствовал на церковно-правительственном Соборе 1666–1667 гг., осудившем патриарха Никона. Под соборным решением имеется и его подпись-рукоприкладство³³. Наделенный художественным чутьем, огромной энергией, он превратил Ростовский кремль в православный просветительский центр в древней и густонаселенной местности своей епархии. При этом Иона следовал примеру опального патриарха Никона, соорудившего на реке Истре под Москвой великолепный ансамбль Воскресенского Новоиерусалимского монастыря³⁴. (Эстетические цели и художественные вкусы исторических личностей – исследовательская задача искусствоведов, историков архитектуры³⁵.)

Однако мотивы, побуждавшие митрополита Иону вести грандиозное по тем временам каменное строительство – возводить и украшать храмы по классическим византийским образцам, сооружать в русском стиле стены с башнями, звонницы, светлые и просторные палаты, жилые корпуса, трапезные, ризницы (книгохранилища), отливать колокола (знаменитые «ростовские звонь»), разводить сады с прудами и цветниками – важны не только для его исторического портрета, но и для раскрытия духовной жизни эпохи. Деятельность ростовского митрополита свидетельствует о становлении культурно-просветительской тенденции посредством Церкви и ее пастыря. Христианское подвижничество владыка осознавал как созидание рукотворной красоты в соединении с мудростью знания, доступного «всем хотящим учению внимати»³⁶. Авторы XIX–XX вв. писали главным образом о склонности Ионы к церковному благолепию. Епархиальное училище с библиотекой было открыто после его кончины в 1702 г. митрополитом Димитрием Ростовским. Обучение и содержание учеников из простолюдинов осуществлялось за счет церковной Кафедры³⁷. Строительством епархиальных культурных центров занимались митрополиты Павел Крутицкий в Москве; Иларион Рязанский, изучавший древнегреческий язык; вологодский архиепископ Симон, собравший библиотеку из рукописей и печатных изданий, и настоятели больших монастырей³⁸.

* * *

За последние два столетия накоплен ценнейший источниковый, исследовательский материал по древнерусскому искусству, культовому и гражданскому зодчеству, рукописной книжности, печатному делу, эпистолографии, опытному знанию³⁹. Научно обработано немало архивных собраний XVII в., на более высоком источниковедческом уровне по сравнению с XIX в. выполнено значительное число публикаций. Слабое звено в историко-культурной разработке семнадцатого столетия – хронологическая периодизация в общеевропейском масштабе. В море статей, книг, публикаций, коллективных изданий сложно обнаружить какие-либо временные грани, самобытность эпохи, типологическое своеобразие культуры. Укоренилась особая, правда, поверхностная и даже порой ошибочная терминология: «бунташный век», «бунташное время», «эпоха скачков», «переходный период от средневековья к новому времени», «новый период русской истории», «последний век средневековья», «на пути к секуляризации культуры», «начало обмирщения культуры», «на переломе культуры», «осень средневековья», «эпоха бунташного духа»,

“раннее Новое время”⁴⁰. Нередко историками употребляется формула “время формирования предпосылок для преобразований Петра Великого”.

В коллективных изданиях вплоть до конца XX в. авторы придерживались ленинского определения, согласно которому примерно с XVII в. наступает “новый период русской истории”, хотя конкретными исследованиями оно не подтверждается⁴¹. А.К. Леонтьев, открывая своим очерком коллективный труд по русской культуре, написал: “С XVII столетия начался новый период русской истории, но вместе с тем и последний для России век средневековья”⁴². М.Я. Волков придерживался примерно такой же точки зрения, но при этом его формулировка становится еще более отвлеченной: «В истории России и русской православной церкви время с 10–20-х годов до конца 90-х годов XVII в. является особой и своеобразной стадией. Эта стадия завершала эпоху расцвета феодализма в стране и одновременно открывала “новый период русской истории”, период упадка феодализма и перехода страны от феодализма к капитализму»⁴³. В приведенных оценочных суждениях отсутствует сам фактор культуры. Обнаруживается противоречие на глубинном смысловом уровне.

Из специалистов по древнерусской литературе академик Д.С. Лихачев высоко оценивал XVII в. с позиции общеевропейской истории: “Значение этого века в истории русской литературы приближается к значению эпохи Возрождения в истории культуры Западной Европы”⁴⁴. С точкой зрения Лихачева согласуется мнение историка А.И. Рогова: “Общие успехи развития культуры в России в XVII в., появление существенно новых элементов в ней в полной мере могут быть отнесены к школе и просвещению”⁴⁵. Выделение семнадцатого столетия из череды веков русского Средневековья по параметру знания нам представляется правильным, потому что по широте взаимодействий традиционной культуры с новыми явлениями и влияниями именно эта эпоха далеко превзошла предшествующие. Однако идейная позиция Лихачева, рассматривавшего древнерусскую культуру в контексте развития западноевропейской, в настоящее время можно считать спорной. Так, ученый пишет: “Переход от Средневековья к Новому времени всегда совершается через Ренессанс. И хотя в России не было Ренессанса, в ней были заторможенные ренессансные явления в течение очень длительного времени, начиная с конца XIV в.”⁴⁶. По общепринятой в советское время научной терминологии ученый говорит о “постепенной секуляризации культуры”, обозначая этим “переход от культуры средневекового типа к культуре типа нового времени”⁴⁷.

Во второй трети XX–начале XXI в. углубленному критическому исследованию подверглись эпоха Возрождения и Средневековье⁴⁸. Зарубежные ученые выступили с концепцией медиализации Возрождения, среди них – известный специалист по итальянскому Ренессансу П.О. Кристеллер⁴⁹. Ученый рассматривает западноевропейский гуманизм как явление филологической учености в гуманитарной по преимуществу культуре позднего Средневековья XV–XVI вв., отвергает “какую бы то ни было философскую оригинальность гуманизма, решительно отказывается толковать гуманизм как новую идеологию, которая зародилась как реакция на идеологию предшествовавшую, и сводит его к особой традиции средневекового итальянского культурного мира – к риторике”⁵⁰. Ряд западноевропейских и отечественных авторов теперь не связывают возникновение ренессансного течения в средневековой культуре с ранним капитализмом, объясняют его развитием городов и городской жизни⁵¹. И.П. Медведев посвятил специальную работу византийскому гуманизму XIV–XV вв., эпохе, предшествующей непосредственно османскому завоеванию. В его книге изображается особое, скорее историко-гуманитарное явление средневековой византийской культуры, не разрывавшей никогда генетических связей с античностью. Сравнивая византийский гуманизм с итальянским Ренессансом, автор пришел к заключению: “Опыт европейской цивилизации показывает, что именно в царстве языковой культуры и гуманитарных знаний, адептами которых были прежде всего византийские гуманисты, сложились принципы мышления человека нового времени”⁵².

Важно знать, как представлена культура Ренессанса в современных специальных работах. По этой большой проблеме имеется огромная научная литература. Но до сих пор на эту тему не прекращаются дискуссии, имеют место разные оценки и полярные суждения⁵³. Достаточно взвешенным кажется мнение Медведева, сведущего в зарубежной историографии: “Одним из наиболее бесспорных моментов в изображении гуманистической культуры эпохи Возрождения представляется оценка ее как культуры по преимуществу энциклопедической и риторической. Универсализм – черта, присущая многим, даже самым выдающимся умам эпохи Возрождения, вплоть до Альберти и Леонардо да Винчи, – отличает их от мыслителей предыдущих поколений и сближает с мыслителями последующих столетий”. У историка сформировалось двойственное отношение к универсализму эпохи Возрождения: “...в самой этой жажде широких, всесторонних, универсальных, в какой-то степени даже поверхностных, неспециализиро-

ванных знаний отразился дух Ренессанса”⁵⁴. Поскольку ссылки даются автором главным образом на культуру Византии и Италии, можно сказать, что античное наследие для этих стран в Средневековье оставалось хотя и ослабленной, но живой традицией. Особенно это касается эпохи поздней Античности, раннего христианства и патристики III–VIII вв. Для других европейских стран, таких как Франция, Англия, Германия, не связанных непосредственно с высокой классикой древности, характерно было осознание ценности природного разума, человеческого опыта, эмпирического знания, приверженность к морально-этическим принципам христианства⁵⁵.

В гуманистических кружках западноевропейских стран распространялись наряду с богословскими трудами Отцов Церкви их произведения светского содержания. Многократно публиковалась, например, в XV–XVII вв. на латинском, греческом и европейских языках Василия Великого, епископа Кесарийского гомилия* “О том как молодым людям извлечь пользу из языческих книг”⁵⁶. В ней отчетливо выражена идея преемственности древнеклассической и раннесредневековой культуры через признание необходимости использования древнеязыческих знаний (“семь свободных мудростей”) для образования христиан. Авторы (имена их неизвестны) обширного Предисловия** к московскому изданию славянской Грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. воспользовались церковным авторитетом Отцов Церкви и в первую очередь Василия Великого с его светской идеей, чтобы расширить границы книжности для “внешнего наказания” (светского знания)⁵⁷. На страницах философско-богословского Предисловия к Грамматике ведется острая полемика с теми, кто выступает против знания с позиции традиционных средневековых представлений: “Но и внешнее еже мнози от христиан ненавидят и отмещут, яко пакостно и наветно и от Бога разлучающе, се же глаголют зле разсуждающе, ибо понеже неции от внешниа премудрости повредишася умом, восхотевше смыслити о небеси и земли и о прочих тварех”. Автор (не пожелавший открыть свое имя) решительно отвергает все доводы противников учения светским знаниям: “Аз убо глаголю, яко иже бесчествуют наказание, тии сами ненаказани суще и велят всем ненаказанным быти, даже от нерадения злая творяще, не обличаеми будут по реченному,

* Гомолия (греч.) – торжественная проповедь, предназначенная для чтения в церкви в праздничные дни.

** В 1-м изд. (Эвю близ Вильны. 1619) отсутствует.

яко отринуша чювство и обличающаго во вратех возненавидеша. Вси бо исповедуем, яко честнейше есть учение в нас и наказание сущих благ”⁵⁸.

Гуманистами, поэтами и писателями позднего Средневековья высоко ценилось также “Слово надгробное Василию Великому” Григория Богослова Назианзина, написанное в стихотворной форме. В нем не только названы богословские труды Василия Кесарийского, но и выражена скорбь от утраты друга⁵⁹. “Слово” впервые переведено на церковно-славянский язык в XI в., но в Средневековье было забыто⁶⁰. Прозаический перевод его с древнегреческого языка на русский осуществил в Москве в 1665 г. ученый богослов Епифаний Славинецкий по базельскому изданию и афонским рукописям⁶¹. Автор Предисловия к Грамматике 1648 г. очевидно пользовался греческим изданием, так как в тексте названы 23-й, 24-й и 25-й “стихи” из “Книги” Григория Богослова, содержащей это сочинение⁶². Привлекал российских православных гуманистиче Иоанн Златоуст⁶³, авторитет которого в Византии XIV–XV вв., Западной Европе XV–XVI вв. и России XV–XVII вв. был велик: его сочинения издавались типографиями Киево-Печерской Лавры, Острога, Виленского и Львовского братств, московским Печатным Двором. Автор Предисловия к “Грамматике” представляет Златоуста, которого знают все православные (“кто не весть”), мыслителем, овладевшим (“извыче до конца”) античной наукой (“зело хитр философской премудрости”), обучавшимся в языческих высших училищах Антиохии, Афин и Константинополя, превзошедшим своих наставников, софистов и риториков (“и афинейских учитель иже пред ним бывших болии явися”)⁶⁴. Из вышеизложенных фактов можно заключить: ренессансное движение в западноевропейских странах позднего Средневековья и начала Нового времени имело духовные связи с православно-просветительскими тенденциями в древнерусской культуре XVII в.

Последователем академика Д.С. Лихачева выступил А.М. Панченко в своей книге “Русская культура в канун петровских реформ”⁶⁵. В ней использованы документальные источники, эпистолярные материалы, но преобладают литературные памятники и поэтические произведения. Монография написана ярко, талантливо. Хотя направление исследовательских путей одностороннее – литературоведческое. Автор как бы смотрит с высоты петровской эпохи, отказывая XVII в. в самобытности. Согласно предложенной идее, “бунташный век” – все столетие от Смуты до Петровских преобразований. Как в жизни, так и сфере культуры оно переполнено мятежами, восстаниями, громогласными пропо-

ведями Аввакума и раскольников, ожесточенной борьбой традиционалистов, “апологетов старины” и новаторов, в лагере которого выходцы из Украины, Белоруссии, Греции, Польши и других европейских стран. Всполохи смуты автор услышал даже в конце столетия: переход от древнерусской культуры к новой он относит к последней трети XVII в. – 1700 г., называя его “ситуацией культурного переворота”. Стало быть, по мнению автора, благодаря силовым действиям сверху Россия “приобщалась к европейской цивилизации”, так как находилась “на переломе от культуры средневековой к ренессансной”⁶⁶. В книге слабо выражен источниковедческий подход к событиям, фактам эпохи, отсутствует анализ новых явлений. Следует сказать, что не литература и тем более не поэзия (в основном, переводная), а творческая мысль и созидательная деятельность отечественных новаторов определяла новые тенденции в духовной жизни XVII в.

Обращение к греко-византийскому наследию, богословскому и просветительскому, для русской культурной элиты не было случайным. Через осмысление творений Святых Отцов Греко-Восточной церкви произошел поворот к общечеловеческой мудрости и светским знаниям⁶⁷, а затем уже к достижениям западноевропейской культуры при Петре I. Авторы Предисловия к “Грамматике” 1648 г. определяют путь развития русской культуры триединой формулой “Мудрость, родословие, обычай”. Если соотнести эту триаду с современными понятиями, то ее следует истолковать таким образом: самая глубокая человеческая мудрость (о Божественной или богословской в данном случае речь не идет) заключается в разносторонних знаниях: “Святити Отци мнози грамматики и прочих книг философскаго учения люботрудне во учении упражняхуся и от страны в страну и от града во град путешествуя учения ради творяху. Сицев образ любомудриа и нам оставиша искати”. Среди вселенских подвижников от “еллинских учений” Василий Великий, епископ Кесарийский, Григорий Богослов, константинопольский патриарх Иоанн Златоуст, Стефан Сурожский, Иоанн Дамаскин и др. Изображен словесный портрет Исидора Пелусиотского как образованного учителя Церкви: “Египтянин сеи убо бе родом... Научижесе не точию святым книгам, но и внутреннему и внешнему Писанию и бе мудр зело и книги писаше. Вселенную просвети послания своими, всяким писанием, наказав многи. И многи добродетели сотворив, не точию бо невеждам на пользу бяше учение его и послания, но и царем, и епископом, и князем. И написа десять тысяч посланий”⁶⁸.

Просветительские, светские и богословские идеи через патристику (святоотеческие творения III–VIII вв.) и благодаря культурным связям с европейскими странами проникают в российскую книжность, затем становятся новыми направлениями в духовной культуре. Одним из самых деятельных соиздателей творческих новаций с традициями в церковно-общественной жизни стал патриарх Никон.

О нем существует большая литература – научная, церковная, художественная, старообрядческая. Личность Святителя привлекает внимание историков, литературоведов, богословов, писателей⁶⁹. Как в XIX в., так и в настоящее время авторы придерживаются мало сказать разных, а нередко прямо противоположных суждений о нем. Для объективной оценки трудов патриарха прежде всего необходимо знать историческую эпоху, в которой он жил и, конечно, иметь представление о своеобразии культуры того времени. Восприятие эпохи современниками отличается от научного взгляда; нынешних церковных, литературоведческих, писательских и общественно-информационных представлений⁷⁰. Однако не только в XIX и XX вв., но и сегодня авторы не учитывают это обстоятельство. Нужна кропотливая источниковедческая работа, чтобы “вновь вызвать к жизни ушедший мир представлений”⁷¹. Митрополит Антоний Храповицкий назвал Никона “величайшим человеком русской истории”⁷². Еще в конце 60-х годов XX в. академик Л.В. Черепнин предостерегал от упрощенной интерпретации далекой от нас эпохи, сведению ее к тому, что в ней соотносится только с настоящим. Чтобы избежать нигилистических, негативных оценок далекого прошлого важен подход к самой проблеме⁷³.

В исторической литературе семнадцатое столетие начинают со Смутного времени и завершают преобразованиями Петра I. Не менее важно и то обстоятельство, что эпоха берет начало также с подъема народно-освободительного движения в провинциальных городах и монастырях, таких как Нижний Новгород, Ярославль, Муром, Кострома, Троице-Сергиев монастырь и другие. Благодаря духовному единению преодолена была Смута, изгнаны из Московского Кремля интервенты, восстановлены монархия, патриаршество. Начиная с 40-х годов ситуация внутри страны тем не менее непрерывно осложнялась политическими, социальными и религиозными конфликтами – это городские выступления, стрелецкие восстания, крестьянская война под предводительством Степана Разина, осада Соловецкого монастыря и рас-

кол-старообрядчество. Народ, осознавший свою силу защитника Отечества с “первобытной силой варварства” требовал от властей лучших порядков и справедливых государственных чиновников в лице бояр, воевод, дьяков и других начальников⁷⁴. В свою очередь это вызвало работу мысли передовых людей, в числе которых были как мирские люди, так и представители духовенства, белого и монашескую. Так Россия позднего Средневековья вступила в начальную стадию перехода к Новому времени⁷⁵.

Л.В. Черепнин в 1965 г., подводя итоги дискуссии по проблеме перехода от феодализма к капитализму, высказал мнение, опровергавшее высказывание В.И. Ленина о XVII веке как о “новом периоде” российской истории: оно не подтверждалось конкретными исследованиями. Согласно его наблюдениям, докладчики указывали на “ростки нового” в экономике, но при этом отмечали их непрочность, стало быть, “еще нельзя говорить о сложившемся капиталистическом укладе, но ... уже складываются его предпосылки”⁷⁶. В таком контексте следует воспринимать и его заключительный вывод: “И, конечно, прежде всего XVII век выступает как определенная качественная грань исторического процесса”. Историк предлагал “как-то обозначить те зародыши капитализма, которые появляются в эпоху, когда еще нельзя говорить о капиталистическом укладе”⁷⁷. При этом он опирался на свои исследования об эволюции государственного строя в России второй половины XVII в. Поскольку в советской историографии не уделяли внимания Церкви как важнейшему духовному институту в Средневековье, “качественная грань”, выделяющая именно XVII в. по культурным признакам, остается до сих пор не раскрытой.

По нашим источниковым разысканиям, новые явления становятся реалиями действительности примерно с середины 40–60-х годов XVII в. На этот сравнительно краткий исторический момент приходится важные события в духовной жизни. Прежде всего нужно отметить издание в Москве выше названной Грамматики Мелетия Смотрицкого в феврале 1648 г. Инициатива исходила из Дворца, от духовника молодого царя Алексея Михайловича благовещенского протопопа Стефана Внифантьева. Философское Предисловие и тексты из сочинений Максима Грека указывают на становление и развитие просветительской тенденции в России. Максим Грек, обучавшийся в Италии, пребывая в России, писал: “Окружная бо учения (светские науки. – В.Р.) добра и нужна суща человеческому житию”⁷⁸. Но при этом он указывал и на необходимость богословских знаний. Автор Предисловия мыслит не по-средневековому, убеждая читателя в

ограниченности конфессионального подхода к знанию. Грамматика занимает первое место в средневековой системе “внутреннего и внешнего Писания”. Только через Грамматику открывается путь к “свободным наукам”. Автор считает познание “всякой человеческой премудрости” благом: “Яко убо и Соломон рече... разумети же словеса мудрости ...разумети же правду и истину. Начало премудрости страх Господень”⁷⁹.

Другое наиболее значимое для государства, общества и Церкви событие – составление боярами и дьяками Соборного уложения и его издание Печатным Двором в 1649 г.⁸⁰ Уложение качественно изменило в Российском государстве правовую систему, но ухудшило правовое положение духовенства и крестьянства⁸¹. Царь Алексей Михайлович и его приближенные советники не принимали участия в его составлении и редактировании: об этом впоследствии писал сам Никон, при этом относил авторство “Уложенной книги” боярину князю Н.И. Одоевскому⁸². В названное двадцатилетие развернулась активная святительская деятельность Никона: в начале 1649 г. он был посвящен в митрополиты Новгородские; с 25 июля 1652 г. до 10 июля 1658 г. занимает Патриарший престол в Московском Кремле, затем добровольно оставляет его и по декабрь 1666 г. живет в подмосковном Воскресенском Новоиерусалимском монастыре.

Именно 50-е годы XVII в. наиболее интересны в правовом, интеллектуальном и гуманитарном отношении. Напряженная деятельность патриарха развернулась всенародно и широко с опорой на мощную материальную базу Церкви и благодаря дружбе с царем. В свою очередь Алексей Михайлович нуждался в энергичном патриархе для укрепления личной власти в Боярской думе с помощью Церкви. Естественно, Никон не мог находиться в стороне и от государственных дел как духовник, как ближайший советник царя. Много внимания этой теме уделяли в первой половине XIX в.⁸³ Так, духовный писатель пушкинской поры А.Н. Муравьев писал: “Шесть лет действительного патриаршества Никона были самую блестящею эпохою царствования Алексея Михайловича; – гениальный ум и предприимчивый характер Святителя одушевили совет царский и отозвались славою побед соседним державам; но годы, проведенные им в пустынных подвигах и на кафедре Новгородской, были лучшим временем его жизни; посреди забот государственных утратил он мир внутренний”⁸⁴. Муравьев тонко подметил необычайный талант патриарха, его активную роль в царском совете, а не в Боярской думе. Однако он не отметил трудов Никона именно на духовном поприще: ведь Церковь в Российской империи была государственным учре-

ждением. Аристократа, сотрудника Святейшего синода личность и судьба Никона не интересовали после ухода его с Патриаршего престола и осуждения церковно-правительственным Собором 1666–1667 гг., как собственно и его исповедание христианской веры.

Десятилетний период святительства Никона, сначала в сане митрополита, затем патриарха, наполнен трудами, смелыми начинаниями. В юности, будучи послушником, он занимался перепиской книг в нижегородском монастыре, затем в Анзерском скиту на Соловках⁸⁵. Никон владел искусством каллиграфического письма* – русским полууставом и скорописью. Сохранилось его богатое эпистолярное наследие: письма к царю Алексею Михайловичу и его семейству, а также частным лицам (публиковались выборочно, без необходимого палеографического исследования). Особую ценность представляет собрание книг на эллино-греческом, латинском, немецком, польском и других языках. По сведениям архимандрита Леонида, Никоном было собрано только до 1658 г. 1300 рукописей и печатных книг⁸⁶. По данным С.А. Белокурова, по заказу патриарха куплено Арсением Сухановым в разных странах, в том числе на Афоне, Синае, Иерусалиме на средства патриаршей и его личной келейной казны до 2000 книг⁸⁷. В патриаршем Чудовом монастыре им создано ученое братство во главе с иеромонахом Епифанием Славинецким, получившем европейское образование. Здесь занимались богословской, философской, поэтической, переводческой, педагогической, издательской, литературной деятельностью, составлением учебных пособий, словарей и лексиконов⁸⁸.

В Соборном уложении 1649 г. были заложены правовые основы для развития страны по дворянскому пути с крепостничеством и безграмотностью народа, подчинением Церкви государственному аппарату. Деятельность Монастырского приказа как правительственного учреждения осуществляла не только финансовую политику в церковных вотчинах, но охватывала всю ее управленческую сферу. Патриарх сдерживал активное вторжение приказных в духовные дела, резко критиковал Монастырский приказ, его управителей в лице бояр и дьяков, называя их “дневными разбойниками”⁸⁹. Программа деятельности патриарха, в первые годы поддерживаемая царем, разрабатывалась в Патриаршем дворце как противодействие боярско-приказному,

* Каллиграфия считается ренессансным искусством; характеризуется рациональным отношением к письму: измерениями букв и расстояний между ними.

впоследствии дворянскому направлению, которое было заложено в Соборном уложении.

На Патриаршем престоле Никон продолжил просветительские начинания Стефана Внифантьева, раздвигая конфессиональные границы для учения и знания⁹⁰. Необходимо было привести средневековый строй Церкви в соответствие с реальной действительностью, образом Святой Церкви, созданной апостолами и Святыми Отцами. Долгая церковная служба, например, ослабляла внимание прихожан в храме и затрудняла понимание смысла молитв и песнопений. В унификации текста, высоком качестве переводов, совершенствовании грамматических форм, развитии лексики и книжного стиля остро нуждалось печатное дело, которым руководил патриарх, так как с 1653 г. Алексей Михайлович передал патриархии Печатный Двор. Новшества, затронувшие внешние формы благочестия, обуславливались также необходимостью преодоления самоизолированности Русской церкви от других православных церквей, поднятия ее международного авторитета и укрепления царского трона. Тем не менее, не только старообрядческие писатели, но и светские историки считают патриарха виновником возникновения раскола. Произведенные поправки в обрядах, чиноположениях, стиле церковных книг не меняли традиционную богослужебную практику, не затрагивали православное учение.

В общении с учеными монахами Чудова монастыря и ученым богословом Епифанием Славинецким разрабатывалась программа церковных преобразований. По мнению Никона, ее можно было осуществить, внося изменения в Соборное уложение и упразднив Монастырский приказ. Возмужавший в военных походах, царь Алексей Михайлович не пошел на обострение отношений с Боярской думой. Планы церковных реформ рухнули в одночасье и патриарх, оказавшийся в сложной политической и психологической изоляции, оставляет престол, удаляется в подмосковный Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим).

Полемическое сочинение “Возражение, или разорение смиренного Никона, Божию милостию патриарха”⁹¹ написано в скиту Воскресенского монастыря в первой половине 60-х годов. Патриарх не был лишен сана церковным собором 1660 г., так как ученый богослов Епифаний Славинецкий объявил низложение составом местных епископов незаконным по каноническому праву⁹². В своем сочинении Никон отвечает идейным противникам – боярам, идеологом которых стал грек Паисий Лигарид, митрополит Газский. Критическое отношение к Соборному уложению – центральная тема его объемистой рукописи: это не только нега-

тивное отношение к Монастырскому приказу, но и ко всему кодексу, не соответствовавшему каноническому праву и евангельским заповедям. Автор указывает на жесткость пенитенциарной системы, на несправедность боярского суда, подчинение Церкви государственному аппарату. По его словам, невозможно стало священнослужителям обличать сильных людей и бояр “тяжести ради Уложенных”; в постуложенное время не позволялось “никому о правде Слова Божия проповедати”⁹³.

Рассуждая в традициях святоотеческих творений Греко-Восточной церкви (Василий Великий, епископ Кесарийский, Григорий Богослов Назианзин, Иоанн Златоуст) и древнерусской книжности (митрополит грек Фотий, преподобный Максим Грек)⁹⁴, Никон представляет патриарха и весь “священный чин” проповедниками “Слова Божия”, защитниками истины, заступниками за всех православных. В таком ключе он истолковывает Правило Вселенского собора в Карфагене: “Убозии от сильнейших озлобления и обиды подымахуся и того ради приходяще к епископом, стужаху им и молящеся помощи им. Епископи же овогда помогающе, овогда же не возмогающе. Сице изволиша отцы Собора сего просити у царя, да промышлением епископом изберет и поставит местников. Местницы же казнители суть церковнии, да противятся насилию и мучительству богатых и отлицают убогия от насилия их”⁹⁵. Протестуя против секулярных намерений Монастырского приказа, учрежденного по Соборному уложению, он писал: “Посягнувшие на церковные имения... мало взяша, а большее свое погубиша. Взяха тысящи, а погубиша тмы многи, ово междуусобием, ово мором, ово войнами и иными многоразличными напастми и бедами. Их же кто может исписати или исчислить порознь”⁹⁶.

Патриархом впервые было обозначено понятие об общественно-церковном фонде земель с крестьянским населением в терминологических выражениях своей эпохи. Вотчины Патриаршего дома, епископов, монастырей, соборов и церквей – “Божья часть и достояние”, или “Божие наследие, еже к нужнейшей потребе”⁹⁷. По его мысли, “церковное богатство... нищих богатство, еже сим издовляти весь освященный чин и вся причетники церковныя и возраста ради сирот и в старость пришедшим, и в немощи, и в недуги впадшим, нищим в прекормление и многоубогия чади, и странным в прилежание, и убогим сиротам в промышление; вдовицам же пособие, девицам потребы, обидимым заступление, пленным искупление, во гладе прекормление, церквам пустым и монастырем подъятие, живым прибежище и утешение, а мертвым память”⁹⁸. Церковные села, деревни и дворы должны

быть управляемыми соборно – иерархами, священниками и дьяконами; их нельзя продавать и дарить родственникам. Епископ «ничто же от него (“церковного имения”. – *В.Р.*) сродником своим да не даст, еже токмо не суть убози». Доходы с церковных имений должны разумно распределяться на всех священнослужителей по их необходимой потребности, “яко Закон Божий повелевает служащим Олтареву от Олтаря кормиться”⁹⁹. Другая расходная часть доходов с церковных сел – благотворительность, чтобы “приходящую странную братию гостити и кормити”. Третья статья – просветительные цели: создание библиотек, художественных школ, училищ и типографий.

* * *

Середина XVII в. – “определенная качественная грань”, исторический поворот от Средневековья к Новому времени в культуре России.

Творческая мысль и созидательная деятельность передовых людей из разных социальных кругов формировали новые тенденции и направления в духовной жизни.

Обращение к греко-византийскому святоотеческому наследию определяло просветительское направление с обращением к общечеловеческой мудрости, древнеклассическим, светским знаниям и к достижениям западноевропейской культуры и науки.

Наиболее значительной в этот период развития культуры стала церковно-политическая деятельность патриарха Никона, стремившегося поднять авторитет Церкви, духовенства, а также культуру народа через богословское и светское просвещение (школьное учение). Патриарх осознавал свое назначение в качестве заступника православных перед царем и боярским правительством.

Его замыслы о церковном реформировании не осуществились. Однако его книжное творчество, многогранная подвижническая деятельность в обществе через Церковь повлияли на развитие русской культуры.

¹ См. библиографию: Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. акад. Д.С. Лихачева. (Вып. 1–3. XVII в.). Л.; СПб., 1992–1998.

² Культура Византии. IV – первая половина VII в. / Под ред. чл.-корр. РАН З.В. Удальцовой. М., 1984. С. 6; *Удальцова З.В.* Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры // Византийский временник. М., 1980. Т. 41. С. 46–47; *Она же.* Византийская культура. М., 1988.

³ Культура Византии. С. 6.

⁴ *Кертман Л.Е.* К методологии изучения культуры и критике ее идеалистических концепций // Новая и новейшая история. 1973. № 3. С. 42.

⁵ Там же. С. 47.

- 6 Иерархия форм духовной культуры определяется исторической эпохой. В Средние века полным выражением духовности был синтез культовых искусств в соединении с рукописной книжностью. Позднее Средневековье и начальную стадию перехода к Новому времени в духовной сфере представляет в первую очередь текст, печатный и рукописный; см.: *Русев П.* Место и роль Тырновской Евфимиевой школы в культурном общении на Балканах и в Восточной Европе в средние века // *Славянские культуры и Балканы. IX–XVII вв.* София, 1978. Т. 1. С. 348–361; *Лабынцев Ю.А.* Типография Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева. М., 1984. С. 10–11.
- 7 Письменный документ как исторический источник достовернее художественного произведения; см.: *Черепнин Л.В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968; автор считал, что писатели и поэты в литературном творчестве не всегда руководствовались принципами историзма (*Румянцева В.С.* Лев Владимирович Черепнин // *Историческая наука России в XX веке.* М., 1997. С. 523).
- 8 *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 5.
- 9 Там же. С. 5–7.
- 10 Там же. С. 6.
- 11 *Лебедев А.П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XV. СПб., 1903. Т. 1. Отд. 3. С. 518–550. (“Несколько сведений, замечаний и наблюдений касательно хода развития церковно-исторической науки у нас в России”).
- 12 *Питц Э.* Исторические структуры. (К вопросу о так называемом кризисе методологических основ исторической науки) // *Философия и методология истории.* Сб. ст. М., 1977. С. 170.
- 13 Там же. С. 170; каждый человек смертен и никакой научный прогресс не может его от этого избавить. По словам А.С. Хомякова, вера дает возможность “узнать о предмете надежды и открывает невидимое; см.: *Хомяков А.С.* Соч.: В 2-х т. М., 1994. Т. 2. С. 347.
- 14 *Ариес Ф.* Возрасты жизни // *Философия и методология истории.* С. 240.
- 15 См.: *Румянцева В.С.* Патриарх Никон и Стефан Внифантьев: к постановке вопроса о церковных реформах 50-х годов XVII в. // *Патриарх Никон и его время.* Сб. науч. трудов Государственного исторического музея (Далее – ГИМ). М., 2004. Вып. 139. С. 217–226; см. также.: *Бубнов Н.Ю.* Никон (V. 1605 – 17. VIII. 1681) – патриарх Московский и всея Руси // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3. Ч. 2. С. 400–404.
- 16 О мотивах, “комплексах мотивов”, “рядах мотивов поведения”, “целях взаимосвязанных мотивов человеческого поведения” и т.д.; см.: *Питц Э.* Указ. соч. С. 165, 175. Мотивационность действий, по нашему мнению, необходимый путь для изучения культуры, но основой исследовательской методики является источниковедческий подход.
- 17 *Питц Э.* Указ. соч. С. 179. Эрнст Питц не раскрыл реальные связи между творцами-новаторами и народными массами. “Индивидуальность” он приписывает не только исторически значимой личности, но и “безымянной массе”, неизвестно правда, как она действует в реальной ситуации.
- 18 *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 16.
- 19 *Лазарев В.Я.* Трагедия социума и импульс к возделыванию духовной почвы // *Русское подвижничество.* Сб. ст. к 90-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева / Под ред. Б.В. Раушенбаха. М., 1996. С. 52.
- 20 *Ульянов Н.И.* Скрипты. Сб. ст. Эрмитаж, 1981. С. 69–70; *Сахаров А.Н.* Древняя Русь на путях к “Третьему Риму”. М., 2006. С. 136.

- 21 *Лотман Ю.М.* К современному понятию текста // Семиотика культуры: Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара по семиотике культуры. 8–18 сентября 1988 г. Архангельск, 1988. С. 3–6; *Он же.* Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь. (Памяти В.Д. Лихачевой). М., 1989. С. 227–235.
- 22 См. подробнее: *Румянцева В.С.* Тенденции развития общественного сознания и просвещения в России XVII в. // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 26–40; *Она же.* К осмыслению текста печатниками и книжниками в XVII в. // Русская история: Проблемы менталитета. Тезисы докладов научной конференции. Москва. 4–6 октября 1994 г. М., 1994. С. 92–96; *Костюхина Л.М.* Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв. Русский полуустав // Сб. науч. трудов ГИМ. М., 1999. Вып. 108. С. 35–36.
- 23 *Хабургаев Г.А.* Русский язык // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 2. С. 80; Житие и другие сочинения протопопа Аввакума. (Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1 // Русская историческая библиотека. Л., 1927. Т. 39).
- 24 См.: *Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв.: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980; *Она же.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003; *Румянцева В.С.* Образ Рима в русской публицистике XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. ст. М., 1990. С. 275–283.
- 25 *Луппов С.П.* Книга в России в XVII в. Л., 1970. С. 19.
- 26 *Шульгин В.С.* Религия и церковь // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. С. 312, 295.
- 27 *Волков М.Я.* Русская православная церковь в XVII в. // Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 229.
- 28 *Соколов И.И.* О византинизме в церковно-историческом отношении // Христианское чтение. СПб., 1903. Дек. С. 775.
- 29 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Кн. III. Т. 10. С. 73; *Румянцева В.С.* Патриарх Никон в отечественной историографии периода ее становления: конец XVIII – середина XIX в. // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 158.
- 30 Российский Государственный архив древних актов. (Далее –РГАДА). Госархив. Разряд 27. Оп. 1. Д. 140. Ч. 1. Л. 393; Это малоизвестное сочинение патриарха Никона “Правила христианской жизни по Василию Великому”; опубликовано под другим названием: “Наставление царю патриарха Никона”. См.: *Севастьянова С.К.* Материалы к “Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона”. СПб., 2003. С. 339–403.
- 31 См.: *Горчаков М.И., священник.* Монастырский приказ (1649–1725 гг.): Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. С. 87–89; *Архангельский М.М.* О Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 (7156) г. в отношении к Православной Русской Церкви // Христианское чтение. 1881. Июль–авг. С. 361–365; *Румянцева В.С.* Патриарх Никон и Стефан Внифантаев. С. 225.
- 32 *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 333; см. также: *Буланин Д.М.* Иона Сысоевич (ок. 1607 – 20.XII.1690) – митрополит Ростовский и Ярославский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. С. 93–98.
- 33 См.: *Гиббенет Н.А.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 1; Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897; Документы Разряд-

- ного, Посольского, Новгородского и Тайного приказов о раскольниках в городах России. 1654–1684 / Сост., вступ. ст. и коммент. В.С. Румянцевой. М., 1990. С. 11–14, 29–58; *Румянцева В.С.* Патриарх Никон и ростовский митрополит Иона // История и культура Ростовской земли. Ростов, 1996. С. 118–124.
- 34 См.: *Зеленская Г.М.* Святые Нового Иерусалима. Посв. памяти архимандрита Леонида (Кавелина). М., 2002.
- 35 *Бусева-Давыдова И.Л.* О греческом влиянии на русскую архитектуру XVII в. // XVIII Международный конгресс византинистов: Резюме сообщений. М., 1991. Т. 1. С. 182–183; *Мельник А.Г.* О византийских традициях в оформлении интерьеров церквей Ростова Великого, созданных по заказу митрополита Ионы // Там же. Т. 2. С. 754–755.
- 36 См.: *Румянцева В.С.* Андреевский училищный монастырь в Москве в XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999. С. 292–304. По такому же принципу действовало в XVII в. училище, основанное окольничим Ф.М. Ртищевым.
- 37 *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1650–1709). СПб., 1891. С. 221; *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 140.
- 38 *Ундольский В.М.* Библиотека Павла, митрополита Сарского и Подонского // Временник Общества истории и древностей российских. 1850. Кн. 5. С. 65–75; *Зиборов В.К., Яковлев В.В.* Павел (ум. 9.IX.1675) – митрополит Крутицкий (Сарский и Подонский) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 3. С. 4–8; *Поньирко Н.В.* Иларион (ум. 14.VI.1673) – митрополит Рязанский и Муромский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. С. 40–42; *Белоброва О.А.* Симон (ум. 1685) – архиепископ Вологодский // Словарь книжников и книжности. Вып. 3. Ч. 3. С. 379–380.
- 39 *Румянцева В.С.* Псков в конце XVI – первой трети XVII в. по памятникам деловой письменности // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 1. С. 282–289. (В псковском приказном делопроизводстве просматриваются признаки нотариата.)
- 40 Самые новейшие определения эпохи: “осень средневековья”, “эпоха бунташного духа” (*Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003); “ранее Новое время” (*Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006).
- 41 *Черепнин Л.В.* Выступление на дискуссии по проблеме перехода от феодализма к капитализму // Переход от феодализма к капитализму в России. Мат-лы Всесоюзной дискуссии 1965 г. М., 1969. С. 208–303; *Он же.* Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. Сб. ст. М., 1981. С. 145–148; наличие в России XVII в. капиталистического уклада не засвидетельствовано и в Новейшее время.
- 42 *Леонтьев А.К.* Быт и нравы // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. С. 5.
- 43 *Волков М.Я.* Указ. соч. С. 153.
- 44 *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII вв. СПб., 1998. С. 202.
- 45 *Рогов А.И.* Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. С. 142.
- 46 *Лихачев Д.С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 167.
- 47 Там же. С. 167–168.
- 48 См.: *Кон И.С.* Вступительная статья: История в системе общественных наук // Философия и методология истории. С. 5–33; автор разделяет идейную позицию известных западноевропейских авторов о средневековой Европе вплоть до XVII в. (С. 13); *Медведев И.П.* Указ. соч. С. 7–11, 205–216. Во Введении и заключительной главе дается обзор работ по эпохе Возрождения.

- 49 См.: *Kristeller P.O. The Renaissance philosophy and the mediaeval Tradition. Pennsylvania, 1966.*
- 50 Цит. по: *Медведев И.П. Указ. соч. С. 206.*
- 51 Концепцию раннекапиталистических отношений, приведших “к новому мироощущению, к новой культуре, к Возрождению” защищал В.И. Рутенбург; см.: *Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Л., 1976. С. 139;* в конце XX в. отечественными историками культура эпохи Возрождения оценивается уже в реалистических тонах, без идеализации; см.: *История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. М., 1999.*
- 52 *Медведев И.П. Указ. соч. С. 170.*
- 53 *Ferguson W.K. The Renaissance in historical Thought. Five Centuries of Interpretation. Cambridge, 1948.*
- 54 *Медведев И.П. Указ. соч. С. 35.*
- 55 См.: *Малинин Ю.П. Филипп де Коммин и его “Мемуары” // Филипп де Коммин. Мемуары / Пер., ст. и примеч. Ю.П. Малинина. М., 1986. С. 384–437; Соколов В.В. Философское дело Эразма из Роттердама // Памятники философской мысли: Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1986. С. 5–68.*
- 56 В Государственной публичной библиотеке Санкт-Петербурга хранится сборник XVI в. на латинском языке, содержащий гомилию Василия Великого (*Бернадская Е.В. Итальянские гуманисты в собрании рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1981. С. 22*); Памятники византийской литературы IV–IX вв. М., 1968. С. 54–65. На русский язык гомилия переведена во второй половине XVII в. Епифанием Славинецким и опубликована в 1665 г. в сборнике его переводов (см. сноску 61).
- 57 *Плотников В. История христианского просвещения в его отношении к древней греко-римской образованности: Воззрения св. Василия Великого на классическое образование // Православный собеседник. Казань, 1886. Ч. 1. С. 45–90; О Василии Великом см.: Флоровский Г.В., протоиерей. Восточные Отцы IV–VIII вв. Ч. 1: Восточные Отцы IV в. Из чтений в Православном богословском институте в Париже. Троице-Сергиева лавра, 1999. С. 57–89.*
- 58 *Грамматика. М.: Печатный Двор. 1648. Л. 7. Перепечатана с первого издания (Эвю, близ Вильны, 1619). Предисловие (л. 1–44), по нашему наблюдению, написано несколькими авторами, одним из них возможно был протопоп кремлевского Благовещенского собора Стефан Внифантьев, духовник царя Алексея Михайловича. Он руководил придворным просветительским кружком “ревнителей древнего благочестия”, или “боголюбцев”. В него входили как миряне, так и церковные лица.*
- 59 См.: *Rice E.F. The Humanist Idea of Christian Antiquity and the Impact of Greek Patristic Work on sixteenth Century Thought // Classical Influences on European Culture A.D. 1500–1700. Cambridge, 1976. P. 19–203; Черняк И.Х. Гуманизм эпохи Возрождения и христианская мысль древности // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 27–39.*
- 60 *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1984. № 33. С. 74–75.*
- 61 *Сборник переводов Епифания Славинецкого (Григорий Богослов, Василий Великий, Афанасий Александрийский и Иоанн Дамаскин). М., 1665. В Предисловии сказано: “Труды же и тщанием его великаго государя богомолца во философии и богословии изящнаго дидаскала и искуснейшаго во еллиногреческом и славенском диалектах пречестнаго отца господина иеромонаха Епифания... преведены из печатных книг еллиногреческаго языка на славяно-русский язык вновь”.*
- 62 *Грамматика. Л. 5.*

- 63 Курбатов Г.Л. Риторика // Культура Византии. С. 348–353.
- 64 Грамматика. Л. 5, 6.
- 65 Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
- 66 Там же. С. 192, 35, 149.
- 67 В XVII в. культурную элиту представляли главным образом монашествующие столичные монастыри Чудова, Андреевского и других; в Москве действовали просветительские кружки: Ртищевское, Чудовское, Андреевское ученые братства. Об этом имеется литература XIX–XX вв.
- 68 Грамматика. Л. 1, 13–13 об.
- 69 См. новейшую литературу: *Лебедев Лев, протоиерей*. Москва Патриаршая. М., 1995; *Успенский Б.А.* Царь и Патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998; *Севастьянова С.К.* Материалы к “Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона”; Патриарх Никон и его время; К 400-летию со дня рождения патриарха Никона // Роман-журнал XXI век. М., 2005. № 7. С. 97–110.
- 70 Рукописное наследие патриарха Никона полностью не опубликовано. Имеющиеся публикации, выполнены главным образом в XIX в. без палеографического анализа, эта традиция продолжается и в настоящее время. Сочинения Никона перегружены библейскими текстами, выписками из святоотеческих трудов и сборников канонических трудов, но это не компиляции, как считают некоторые современные авторы.
- 71 *Питц Э.* Указ. соч. С. 169.
- 72 Духовное наследие русского зарубежья: *Антоний (Храповицкий), митрополит*. Молитва русской души. М., 2006. С. 144. (“Патриарх Никон и Россия”).
- 73 *Черепнин Л.В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. С. 9. Главное отличие писателей от ученых заключается, по мнению историка, в подходе к далекому прошлому. В 1969 г. Черепнин подверг критическому анализу взгляды Ленина на историческое прошлое России (*Черепнин Л.В.* Вопросы методологии исторического исследования. С. 25–54); речь идет о статье “Некоторые проблемы истории русского феодализма в трудах В.И. Ленина”; *Румянцева В.С.* Лев Владимирович Черепнин. С. 523.
- 74 *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969; Общество и государство феодальной России. Сб. ст. к 70-летию академика Л.В. Черепнина. М., 1975.
- 75 *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978; историк придерживался примерно такой же периодизации.
- 76 *Черепнин Л.В.* Вопросы методологии исторического исследования. С. 147 (см. его текст: «Высказывание В.И. Ленина о “новом периоде”, которое приводится в докладе, противоречит тем выводам, которые делают авторы»).
- 77 Там же. С. 147, 148.
- 78 Грамматика. Л. 1 об.; *Максим Грек*. Сочинения. Казань, 1859. Ч. 1. С. 351; см. также: *Преподобный Максим Грек*. Духовно-нравственные слова. Свято-Троицкая лавра, 2006; *Синицына Н.В.* Сказания о преподобном Максиме Греке (XVI–XVII вв.). М., 2006.
- 79 Грамматика. Л. 17.
- 80 Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарий. Л., 1987.
- 81 Там же. Гл. XI, XIII, XX; *Румянцева В.С.* Соборное уложение 1649 г. и Русская церковь в отечественной историографии (XIX–начало XX в.) // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 2000. С. 263–277.
- 82 См.: Мнения патриарха Никона об Уложении и проч. (Из ответов боярину Стрешневу) // Записки Отделения русской и славянской археологии имп.

- Русского археологического общества (Далее – ЗОРСА). СПб., 1861. Т. 2. С. 450 и след.; *Ундольский В.М.* Отзыв патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича: Новые материалы для истории законодательства в России // *Русский Архив*. М., 1886. № 8. С. 605–620; *Арсеньев Ю.* Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевский и его переписка с Галицкою вотчиной (1650–1684). М., 1903.
- ⁸³ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VI. Т. 11; *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 2. С. 206; см. также: *Румянцева В.С.* Патриарх Никон в отечественной историографии ... С. 156–161.
- ⁸⁴ *Муравьев А.Н.* История Российской Церкви. М., 2002. С. 342.
- ⁸⁵ *Иоанн (Шушерин), клирик.* Повесть о рождении, воспитании и жизни святейшего Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1997. С. 29. По словам Шушерина, Никон поступая в Кожеозерский монастырь, куда не принимали без вклада, отдал "...последнее – две им самим переписанные книги, Устав и Канонник".
- ⁸⁶ *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Описание славяно-русских рукописей книгохранилища ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря, и заметки о старопечатных церковно-славянских книгах того же книгохранилища // *Чтения в Обществе истории и древностей российских* (Далее – ЧОИДР). М., 1871. Кн. 1. Отд. V. С. 3.
- ⁸⁷ *Белокуров С.А.* Арсений Суханов // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 1, 2. Отд. IV.
- ⁸⁸ См. лит.: *Алексеев М.П.* Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // *Славянская филология: IV Международный съезд славистов*. Сб. ст. М., 1958. Вып. 1. С. 275–336; *Елеонская А.С.* Человек и Вселенная в ораторской прозе Епифания Славинецкого // *Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в.* М., 1989. С. 201–219; *Румянцева В.С.* Епифаний Славинецкий // *Исторический лексикон. XVII век*. М., 1998. С. 218–221.
- ⁸⁹ ЗОРСА. Т. 2; *Горчаков М.И., священник.* Указ. соч. С. 77–97; *Маньков А.Г.* О Монастырском приказе // *Соборное уложение 1649 г.* С. 242–246.
- ⁹⁰ Отношение патриарха Никона к знанию – тема особая. Известно, что на личные средства (келейная казна) он поручал келарю Троице-Сергиева монастыря Арсению Суханову покупать на Афоне сочинения античных авторов и хранил их отдельно. Епифаний Славинецкий переводил по его заказу западноевропейские сочинения по географии, праву, астрономии, медицине.
- ⁹¹ РГАДА. Госархив. Разряд 27. Д. 140; опубли. выборочно (ЗОРСА. Т. 2. С. 423–498); другой прижизненный экземпляр его сочинений хранится в Отделе рукописей ГИМ.
- ⁹² См.: *Гиббенет Н.А.* Указ. соч. С. 213–214.
- ⁹³ ЗОРСА. Т. 2. С. 448; *Румянцева В.С.* Патриарх Никон и Стефан Внифантьев ... С. 217–226; *Она же.* Церковная реформа патриарха Никона в свете новых источников // *История и культура Ростовской земли*. 2002. Ростов, 2003. С. 124–128.
- ⁹⁴ *Иоанн Златоуст.* Маргарит. М.: Печатный Двор, 1641; В.К. Взгляд Никона на значение патриаршей власти // *Журнал министерства народного просвещения*. (Далее – ЖМНП). СПб., 1880. Дек. С. 233–267; Максис Грек. Сочинения. Ч. 3. С. 127 ("Убо больше есть священство царства земскаго").
- ⁹⁵ ЗОРСА. Т. 2. С. 458.
- ⁹⁶ Там же. С. 455.
- ⁹⁷ Там же. С. 451.
- ⁹⁸ ЖМНП. 1880. Дек. С. 253.
- ⁹⁹ ЗОРСА. Т. 2. С. 454.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.Я. Гросул. Первый вопрос. К какому времени вы относите начало новой эпохи, и какие здесь критерии?

Второе. Термин “новая история” впервые употребляет Жак Моден (так?), имея в виду начало XVI в. Он сам не излагает никакой концепции, а просто противопоставляет новое время средним векам. Затем под новой историей стали разуметь господство третьего сословия. Каково ваше мнение по этому поводу?

В.С. Румянцева. Термин “новое время” широко известен с XIX в. В этом вопросе я следую за историографией, а более конкретно за методологическими и теоретическими работами академика Льва Владимировича Черепнина. Ученый писал в 1969 г.: новое время в России наступает, когда складывается капиталистический уклад, создателем которого является третье сословие. Это примерно середина XVIII в. Я занимаюсь XVII в. Эпоху, начиная с конца 40-х – 60-х годов до правления Петра I я называю начальной стадией переходного периода от Средневековья к Новому времени. Западные историки конца XX в. пересматривают периодизацию, новое время относят к началу XVII в., связывают это с развитием науки, основанной на опыте и эксперименте. Эпоху Возрождения XV–XVI вв. они рассматривают либо как начало Нового времени, либо как культурное течение эпохи позднего Средневековья (П.О. Кристеллер, Фр. Мазе и др.).

В.Я. Гросул. Значит, вы относите новую историю России ко второй половине XVII в.? В области культуры или вообще в общественном развитии в целом?

В.С. Румянцева. По моим наблюдениям над архивными источниками, специальными работами по истории правовых представлений, по истории Церкви, развитию государства и экономического базиса, а также исследованию культуры, в первую очередь духовной, Россия примерно с 40-х годов XVII в. вступила в начальную стадию перехода от Средневековья к Новому времени. “Ростки нового” обнаруживаются отчетливо в культуре, – это становление новых тенденций, направлений и т.д. Наиболее точно определил характер этой эпохи Л.В. Черепнин: “...конечно, прежде всего XVII век выступает как определенная качественная грань исторического процесса” (Выступление на дискуссии по проблеме перехода от феодализма к капитализму 1965.) Ученый занимался исследованием эволюции государственного строя. “Ростки нового” в культуре в историографии представлены однолинейно, потому что под запретом были исследования духовных, религиозных и церковных признаков нового.

А.Н. Боханов. Вы используете терминологию – “культура” и “цивилизация”. Какова ваша интерпретация того и другого понятия.

В.С. Румянцева. Это очень важный и глубокий по смыслу и содержанию вопрос, по которому ведутся дискуссии. Выскажу некоторые конкретные наблюдения. Понятие “цивилизация” более широкое и объемное, чем культура народа, даже если этот народ большой, имеет свое государство и более развитую культуру, чем другие народы. Россия с принятием христианства из Византии вошла в состав общеевропейской Средневековой цивилизации, с которой была связана и раньше. Однако, так сложилось исторически, что более тесные духовные контакты развивались с греко-восточным православным миром. Это не могло не отразиться на ее культуре, мировосприятии. И это сказалось в период позднего Средневековья и Нового времени.

В.А. Кучкин. У меня несколько вопросов.

Вы говорили о европейской цивилизации. Но как вы объясните, например, существование мавров в Испании. Они тоже представители европейской цивилизации?

Второй существенный вопрос. В докладе вы говорили о развитии рынка российских городов, то есть о базисных явлениях, и в то же время о том, что при переходе от Средневековья к Новому времени главный показатель – это культура. Но как это связать? Или вы считаете, что основой развития человечества является культура, а не эти базисные явления – экономические и общественные?

Вы касались церковной реформы Никона. Вам известны работы Б.Н. Флори, который писал о духовенстве XVII в. и показывал, как там шло развитие, каким было положение рядового духовенства, его права и привилегии. Как вы учитываете эти моменты?

В.С. Румянцева. Я не занималась изучением истории мавров. Таких небольших народов в составе европейской цивилизации много. Они уживались со своими верованиями, обычаями рядом с большими по численности народами. Они своим трудом, талантом и разумом способствовали развитию культуры. Так было и в России.

Я не считаю, что “основой развития человечества является культура”. Базис, экономика, производство – это основа жизни. Но этим специально я не занимаюсь. А вот явления культуры на повороте развития от Средневековья к Новому времени изучаю по архивам и другим источникам. “Ростки нового” в духовной культуре XVII в. изучают, главным образом, не историки, а лите-

ратуроведы, искусствоведы, музыковеды и часто без исторического осмысления эпохи.

Работы члена-корреспондента РАН Б.Н. Флори мне известны по русской истории. Могу назвать его статью “Государственная власть и формирование духовного сословия в средневековой России”. Статья его мне понравилась. Положение рядового духовенства я изучала на источниках по Пскову первой трети XVII в. Об этом мною опубликована статья. Меня интересовала грамотность духовенства, их уровень знаний, отношение к учению и знанию, деловому письму. Данных о сословной корпоративности белого духовенства я не имею. В Пскове и Псковском уезде прослеживаются связи духовенства с посадскими людьми, сельских священников с крестьянами.

В.А. Кучкин. Флория рассматривает явления в более широком плане.

В.С. Румянцева. Отношение Б.Н. Флори к патриарху Никону, мне кажется, ближе историографической традиции, чем моим сведениям, основанным на архивных источниках. У патриарха Никона были проекты более широкого понимания церковной реформы. Может быть, это было одной из причин его осуждения боярской партией.

Ю.А. Тихонов. Я правильно вас понял, что в дискуссии 1965 г. Л.В. Черепнин выступал против отнесения XVII в. к новому периоду?

В.С. Румянцева. Да.

Ю.А. Тихонов. Ну как же так?

В.С. Румянцева. Я могу вам прочесть его текст. Черепнин в своем выступлении на дискуссии по проблеме перехода от феодализма к капитализму сказал: «Высказывание В.И. Ленина “о новом периоде”, которое приводится в докладе, противоречит тем выводам, которые делают авторы... отмечая непрочность “спорадически возникавших” до второй половины XVIII в. “очагов капиталистических отношений”». Ученый определяет этот период так “... еще нельзя говорить о сложившемся капиталистическом укладе, но когда уже складываются его предпосылки” (Л.В. Черепнин. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. Сб. статей. М., 1981. С. 147). Однако к этому выводу он пришел не сразу.

Ю.А. Тихонов. Правильно ли я понял, что с 40–60-х годов вы учитываете три события. И первое – это новые города.

В.С. Румянцева. Я привела мнение отечественных и зарубежных историков, которые в настоящее время являются сторонниками концепции медиевизации эпохи Возрождения, а Ренессанс

рассматривают как новое течение внутри культуры позднего Средневековья.

Далее. Мною названы три наиболее важных события, которые свидетельствуют о становлении новых концепций, отличных от средневековых, в духовной жизни. Именно эта сфера наиболее слабо проанализирована историками, потому что в советское время церковь как важнейший духовный институт в Средневековье и переходный период к Новому времени не изучалась. Историками поднималась эта проблема, но представлялась в мифологическом изображении. К таким знаменательным явлениям отношу издание в 1648 г. славянской Грамматики, в которой помещено обширное философское Предисловие о необходимости развития школьного дела – “учения” светским знаниям, чтобы приобщиться к общечеловеческой мудрости и западноевропейской науке.

Второе. Издание боярской партией Соборного уложения 1649 г. В нем фактически обозначен дворянский путь развития страны.

И третье. Церковные преобразования патриарха Никона и его проекты реформ.

В.А. Кучкин. В докладе соединяются собственные научные изыскания автора, которые касаются XVII в., эпохи Никона, а еще раньше Аввакума и их связь с общим развитием страны.

После вашего доклада, конечно, есть представление о целом ряде интересных вопросов, о новых изысканиях, которые вы делали, но относительно закономерности общего развития ясности не получилось. Вы четко не отделяете базисные явления, которые касаются развития экономики и общественных отношений. Вы только частично затронули этот вопрос. О государстве вы тоже немножечко сказали, но в основном вы исходите из того, что существуют явления, которые называются не только в марксистской науке (я хочу это специально подчеркнуть) надстроечными. Вы исходите из них для определения направлений и периодов развития нашей страны.

Когда вы говорите, что считаете такие-то годы поздним Средневековьем, то возникает естественное желание знать, а что такое “позднее Средневековье”, по каким параметрам вы его определяете. Если говорить, например, о позднем Средневековье, к которому вы и ряд других авторов относите эпоху Возрождения. Дело заключается в том, что авторов чрезвычайно много. Вопрос не в том, чтобы сослаться на мнения. Необходимо сослаться на аргументы, реальные конкретные факты. А мнений всегда есть огромное количество. Вопрос-то заключается в харак-

теристике общественного строя. Как они характеризуются – Новое время, или позднее Средневековье? Где тут критерии? Эта нечеткость происходит от желания соединить многое в одно. Было бы желательно отделить предмет ваших непосредственных занятий (то есть время Никона и его конкретные дела) от этих общих вопросов. Что касается общих вопросов, то их надо обсуждать, потому что многие явления, о которых шла речь, прослеживаются и в более раннее время.

Ю.А. Тихонов. Если будем брать все страны Европы, мы утонем. Да это и не возможно.

В.А. Кучкин. Нет, не утонем. Как раз такими вещами и надо заниматься.

Ю.А. Тихонов. В России больше своеобразия. У нас в XVII в. оформилось крепостное право, а в Европе его уже не было.

Следует разобраться, кто за какую точку зрения стоит. Если брать Европу, то там есть сторонники начала Нового времени в XIII в. Но в основном там считается, что в XV–XVI вв.

У нас среди российских историков дата отсчета с XVII в., хотя некоторые и с XVI в. начинают. Затем – начало XVIII в. и большая группа исследователей – примерно с 60-х годов XVIII в. До сих пор идет дискуссия. И в ней Л.В. Черепнин поддержал тех, кто считает, что новый период начинается с XVII столетия, и всегда придерживался этого, у него ряд специальных статей по периодизации, и относить его к другой группе историков, мне кажется, нет никаких оснований.

В.С. Румянцева. Л.В. Черепнин не сразу стал придерживаться мнения, которое я указала.

Ю.А. Тихонов. Весь период позднего феодализма можно считать переходным от феодализма к капитализму. Но это уже другое дело. Но он все-таки начинал эти процессы с XVII в. Здесь мы были с ним согласны.

Когда речь идет о периодизации, нельзя брать отдельно какую-то часть общественной и государственной жизни.

Надо брать в целом, иначе мы запутаемся. Я понимаю, что с XVII в. уже нельзя говорить о Средневековье. Что я имею в виду? Какие-то явления, объединяющие страну, например, Соборное уложение – единый для страны кодекс феодального права. В области экономики – начало мануфактурного периода. Затем упразднение дифференциального таможенного обложения: единая пошлина вводится в 1653 г. для всех, независимо от происхождения торгов.

Теперь в области права. Соборное уложение и крепостное право вводятся для всей страны.

А в области культуры, если брать религию, раскол Церкви.

Вот главное, что не позволяет XVII в. относить к Средневековью. Если брать отдельно экономику, отдельно государство, отдельно культуру, мы запутаемся. Надо брать в комплексе, в соединении всех этих областей российской жизни.

В области политической есть все основания считать, что XVII в. – это уже складывание абсолютизма. Постепенно идет наступление. Сначала упраздняются земские соборы, Боярская дума теряет свое значение, Тайный приказ и т.д.

Если же брать только область культуры, религии, церкви для того, чтобы ставить такие общие вопросы, тем более вопросы периодизации – это очень уязвимо.

В.С. Румянцев. Мой доклад – постановочный, информационный, посвящен переосмыслению новых явлений и тенденций в древнерусской культуре на основе архивных источников, с учетом отечественной и отчасти зарубежной историографии. Более того, я затрагиваю проблему, связанную с нетрадиционным подходом к эпохе Возрождения XV–XVI вв. и ссылаюсь не только на зарубежных, но и отечественных исследователей. Это, например, И.С. Брагинский, который занимается вопросом о том, возможен ли Ренессанс на Востоке; И.П. Медведев, который рассматривает гуманизм как культурное течение в потоке культуры позднего Средневековья (с его мнением З.В. Удальцова была не согласна). Она считала его периодизацию неправильной, а историк, в свою очередь, ссылается на зарубежных авторов.

Мои исследования относятся не только к Аввакуму и патриарху Никону, я изучала документы разных сфер общественного уклада жизни в России в XVII в., но больше всего наработок относятся к культуре, ее духовным, интеллектуальным, правовым, просветительским, художественным, церковным и другим признакам. В своих источниковедческих исследованиях я придерживаюсь позиции Л.В. Черепнина. Именно в гуманитарной сфере отсутствуют четкие типологические характеристики культуры XVII в. По типу культурных явлений так же, как и по базисным признакам можно наметить периодизацию эпохи, когда складываются предпосылки капиталистического уклада и начинают проявляться новые тенденции в духовной жизни общества.

М.Ю. Анисимов

ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА И БЕЛОРУССИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 50-х–НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ XVIII в.

XVIII век стал временем воссоединения Правобережной Украины и Белоруссии с Россией, случившимся в ходе разделов Речи Посполитой. Сами обстоятельства этих разделов, как и непосредственно предшествовавший им период, подробно исследовались в современной отечественной историографии¹. В советское время выходили работы, посвященные положению на польских территориях Украины и Белоруссии до момента их воссоединения с Россией². Вместе с тем, место Правобережной Украины и Белоруссии во внешней политике Петербурга накануне восшествия на престол Екатерины II (при которой и произошло воссоединение этих земель с Россией) осталось за рамками этих исследований. Дипломатические документы Петербурга и российских представительств в Варшаве и Дрездене 50-х–начала 60-х годов XVIII в., хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, практически не использовались.

Большое число архивных дел, касающихся дипломатической переписки Петербурга со своими представителями при дворе польского короля Августа III, недоступно из-за плохой сохранности. Однако рескрипты русского правительства и реляции российских дипломатов позволяют проследить место Правобережной Украины и Белоруссии во внешнеполитических делах Российской империи.

УКРАИНСКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ К СЕРЕДИНЕ XVIII в.

В середине XVIII в. Правобережная Украина и Белоруссия являлись территорией Речи Посполитой. Последняя была образована в 1569 г. путем соединения Польского королевства и Великого княжества Литовского. Страна состояла из “Короны”, собственно Польши, и “Княжества”, то есть литовско-русских земель, во главе государства стоял выборный король, власть которого была ограничена сословно-представительным органом – сеймом. Польское дворянство – шляхта – чувствовало себя полным хозяином страны, любой избранный на сейм депутат мог единолично распустить сейм, заявив протест и покинув сейм. Также шляхтичи могли отказать королю в повиновении, создав конфедерацию и с оружием в руках выступить против него.

В начале 50-х годов XVIII в. российские интересы представляли в Речи Посполитой граф Г.К. Кейзерлинг, находившийся в Дрездене, столице Саксонии (курфюрстом которой являлся польский король Август III) в ранге полномочного министра, и секретарь посольства Иоганн (Ян) Ржичевский (иногда – Ржишевский), ведавший польскими делами непосредственно в Варшаве.

Граф Г.К. Кейзерлинг решал в Дрездене вопросы, в основном связанные с саксонскими делами, но также и вел переговоры относительно Польши, польско-саксонское правительство находилось именно там. Ржичевскому, как поляку и католику, было удобнее вступать в контакты с польскими магнатами, которые вели себя достаточно независимо по отношению к своему королю Августу III, ставшему королем Польши после войны за Польское наследство 1733–1735 гг.

На территориях Правобережной Украины и Белоруссии располагались земли ряда воеводств, возглавлявшихся соответственно воеводами киевскими, русскими и т.д. Большая часть земель на Правобережье находилась в собственности магнатов, в частной собственности также находились все города этого региона.

После коронации Август III приблизил ко двору своих сторонников князей Чарторыйских, ориентированных на Россию. Их лидерами были подканцлер литовский князь Михаил Чарторыйский и его брат Август, воевода русский.

Позиция главы противостоявшей партии Чарторыйских (ориентированной на Россию) партии Потоцких (ориентированной на Францию), коронного гетмана графа Иосифа

Потоцкого, во многом определялась тем, что основные его владения находились на Украине, вблизи русско-польского рубежа, где в середине XVIII в. усиливалось освободительное движение гайдамаков. В приграничье это движение было особенно сильным, ибо люди имели тесные связи по другую сторону границы, постоянные нарушения которой давно стали нормой жизни. Польские власти регулярно жаловались на набеги гайдамаков, приходивших с территории Левобережной Украины и Запорожской Сечи. Потоцкий считал, что к этим нападениям причастна российская администрация. 3 августа 1749 г. секретарь посольства Ржичевский сообщил о письме к нему от князя У. Радзивилла, только что вернувшегося из удачного похода против гайдамаков. Князь писал, что, узнав о том, что он захватил в плен одного запорожца, к нему прибыл доверенный человек коронного гетмана графа Потоцкого и хотел выяснить, не действовали ли гайдамаки по приказу кошевого атамана Сечи, или “не помогает ли им под рукою (тайно. – М.А.) какая-либо российская губерния, или тамошнее министерство к потаенному бунту? Чтoб подданные наши таким образом против своих господ взбунтовали, как то при Хмельницком было, чтoб Россия в мутной воде рыбу ловить могла...”³.

На рубеже 40-х–50-х годов XVIII века вооруженные выступления украинских гайдамаков на Правобережье достигли своего апогея⁴, но в реляциях русских дипломатов это практически не отражалось. Польско-литовские магнаты жаловались русским властям лишь на нападения на приграничные местечки, как, например, литовский канцлер граф Ян Сапега, когда в начале мая 1751 г. гайдамаки уже во второй раз атаковали его маетность (владение) Чернобыль. Затем этот отряд, действуя с исключительной дерзостью, разграбил Наровлю на той же реке Припять. Граф Сапега выяснил, что гайдамаки состояли из киевских и нежинских казаков, которые ушли обратно за Днепр⁵. Действительно, в Киеве несколько участников нападения были вскоре задержаны русскими властями. Отвечая на обвинения Потоцкого, Петербург пересылал в Дрезден и Варшаву копии указов к киевскому генерал-губернатору М.И. Леонтьеву и только что назначенному гетману Украины графу К.Г. Разумовскому, которым “повелено таких злых людей всякими способами ловить, и чинимое от них воровство вовсе искоренять”⁶.

Российские власти действительно делали все от них зависящее, чтобы наказать тех своих подданных, которые принимали участие в набегах гайдамаков либо в подготовке таких действий. В 1750 г. на территории Переяславского полка составилсЯ отряд

гайдамаков, с ведома начальника российского пограничного форпоста отряд отправился в Каневское воеводство Речи Посполитой. На обратном пути отряд был арестован переяславским полковником Сулимой, и в Переяславе гайдамаки были отданы под суд полковой старшины⁷, при этом российским дипломатам подобные сведения не сообщались.

Новый всплеск активности гайдамаков пришелся на рубеж 50-х–60-х годов XVIII в., при этом эффективно противостоять им польские войска не могли – регулярное войско Речи Посполитой было обескровлено шляхетским своеволием, и находящиеся на Правобережной Украине польские войска по спискам насчитывали 3000 человек, а в реальности под ружьем находилось 700–1100 человек⁸. В борьбе с гайдамаками польские власти надеялись на русские войска, о чем польный коронный гетман В. Ржевуский писал коронному маршалу Ежи Мнишеку⁹.

Несмотря на помощь России в антигайдамацких действиях, поляки не спешили идти навстречу важным для российских властей просьбам. 19 сентября 1752 г. к новому российскому посланнику в Дрездене Генриху Гроссу, сменившему Кейзерлинга, была отправлена инструкция для работы на созывающемся польском сейме. В ней, в частности, Гроссу предписывалось постараться добиться признания императорского титула Елизаветы. Если поляки не хотят признания в нем слова “всероссийская”, то пусть согласятся на другие – “вся Великия и Малыя и Белыя России”, старый титул русских царей.

Это было вызвано тем, что в начале июля 1752 г. польский коронный канцлер граф Ян Малаховский в беседе с Ржичевским говорил, что его страна не желает признавать русский титул “всероссийская”, так как опасается, что Россия этим заявляет свои претензии на находящиеся в составе Речи Посполитой Правобережную Украину и Белоруссию. Ржичевский возражал, что в “Вечном мире” 1686 г. между Россией и Польшей поляки признали “всероссийских царей”, но русские с тех пор никогда не выдвигали никаких территориальных претензий¹⁰. Именно это нежелание Речи Посполитой признавать полный титул российских императоров и являлось главной причиной отсутствия дипломатических отношений между странами, в Петербурге находились только представители Саксонии.

Конечно, сам по себе титул “всероссийская” больше являлся данью традициям, но при своем появлении как “вся Руси” он действительно обозначал намерения московского великокняжеского дома на распространение своей власти на те территории, которые исторически объединялись понятием “Русь”. Именно

это и вызывало недовольство поляков, и в связи с этим альтернативное предложение титуловать российских монархов куда как более конкретным титулом государей “всея Великия и Малыя и Белья России”, скорее всего, опиралось именно на прошлые договоры русских и польских правителей либо просто показывало, что титул “императрица всероссийская” в сравнении с прежним, прямо указывавшим на польскую Белоруссию, для Польши более приемлем.

Трудно сказать, стояло ли за настойчивостью России в вопросе о титулатуре действительное намерение заявить о своих исторических планах, либо это свидетельствовало только о дани преемственности и традициям, и на этом фоне уместно провести параллель с титулом польских монархов. В это же время король Речи Посполитой Август III официально титуловался как “великий князь ... Русский,.. Киевский,.. Смоленский, Северский, Черниговский”, то есть государь тех территорий, которые уже почти столетие находились под властью России (прибавляя к этому титул “Русский”, хотя и обозначающий в то время Галицию, но сам по себе звучавший достаточно двусмысленно). При этом вообще нет сведений, чтобы русские власти как-то протестовали по поводу подобного титула и требовали исключить из него упоминания о российских территориях, что было бы сделать куда как легче, чем русским отказаться от титула “всероссийская”. Кроме того, на территории Речи Посполитой существовали воеводства, названные от ставших российскими городов – киевское и смоленское.

В той же инструкции от Гросса требовалось представить сейму требования о запрете насильственного подчинения православных приходов униатам¹¹, что было одной из вечных проблем русско-польских отношений, связанных с судьбами Украины и Белоруссии.

РОССИЯ И ПРАВОСЛАВИЕ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Жалобы на притеснения православных со стороны католиков и униатов в Речи Посполитой насчитывали давнюю историю. Почти при каждом созыве сейма российским дипломатам при польско-саксонском дворе Петербург предписывал представлять сейму, если он будет работать, требования о запрете насильственного подчинения православных приходов униатам. Однако сеймы не созывались, а направляемые польско-саксонскому двору ноты подобного рода никаких результатов не имели, даже

тогда, когда власти Польши пытались повлиять на магнатов. Русский Двор в начале 50-х годов достаточно часто делал представления (по жалобам православного епископа белорусского Иеронима Волчанского, вынужденного в одиночку противостоять в Белоруссии двум католическим епископам – виленскому и самогитскому, а также униатскому митрополиту полоцкому) о фактах притеснения православных в Великом княжестве Литовском (захваты монастырей и церквей католиками и униатами), а также во владениях некоторых магнатов, на которых не производили никакого впечатления королевские указы. Граф И. Огинский, не разрешая ремонт православной церкви в своем борисовском старостве, построил униатскую церковь и силой принуждал крестьян ее посещать¹². Королевскому двору Огинский отвечал, что православные этого прихода добровольно перешли в унию. Князь Иероним Радзивилл в письме к Ржичевскому вообще “прямо декларовал, что он единоверным нашим (рескрипт от лица Елизаветы. – М.А.) во владении ево живущим, всякой вред делать будет”¹³. И такую дерзость Россия вынуждена была терпеть, уговаривая Огинского, “что лутче и спасительнее для него было, когда б он имеющихся у себя жидов приводил в закон христианской, а единоверных наших насильно к принятию унии не принуждал бы”¹⁴. Радзивиллу же вежливо напоминалось, что Петербург всегда ценил свои хорошие отношения с его фамилией.

Вероятно, со временем магнаты действительно решили не раздражать Россию, поскольку далее их фамилии в жалобах российских дипломатов не упоминались.

В самом начале 1754 г. в Польше произошли достаточно значимые для ее истории события. Первый министр Августа III граф Г. Брюль поссорился с Чарторыйскими, когда Михаил Чарторыйский, ставший после смерти графа Яна Сапеги в 1752 г. литовским канцлером, в конце зимы 1753 г. отказался подтвердить королевский привилей об уступке какого-то староства, так как посчитал это противозаконным. Брюль решил опереться на своего зятя – графа Ежи Мнишека, коронного и литовского гетманов графа Яна Браницкого и князя Михаила Радзивилла и на всех, кто был противником Чарторыйских.

Интересы России требовали не только не допускать новых раздоров магнатов, но и сохранять хорошие отношения и с королевским двором, и с князьями Чарторыйскими, опорой русского влияния в Речи Посполитой. Чарторыйские, богатейшие и влиятельнейшие магнаты Литвы, сдавать свои позиции не собирались, и в этот конфликт оказалась втянута и дипломатия евро-

пейских стран. Россия, стремясь сохранять дружественные отношения с дрезденским Двором, не желала и притеснения партии своих сторонников Чарторийских. Опасаясь более активного выступления России на стороне Чарторийских, польско-саксонский Двор стал подчеркнуто внимательно относиться к русским просьбам.

Осенью 1754 г. в Могилеве умер Иероним Волчанский, православный епископ Белоруссии. Август III сразу же обратился к Елизавете с просьбой назвать кандидата на его место и согласился подождать ее решение. Требования коронного подканцлера Воджицкого, как и униатских и католических иерархов (в том числе и самого папы римского), передать могилевскую кафедру в унию остались без ответа.

Петербург определился с кандидатом в епископы – им стал ректор Киевской академии Георгий (в миру Григорий) Конисский, знаменитый философ и богослов. Хотя ранее белорусским епископом мог стать только польско-литовский шляхтич (Конисский родился в Левобережном Нежине, и его украинское шляхетство поляками не признавалось – у украинцев не может быть шляхты), король все равно утвердил его в Могилеве.

Но это было фактически единственное, что мог сделать король в поддержку православных в своем королевстве.

Весной 1757 г. в Петербург были доставлены две жалобы – одна – от старшего иеромонаха православного Виленского монастыря Святого духа Феофана Леонтовича киевскому митрополиту Тимофею на действия католического виленского епископа, вторая, наоборот – от виленского епископа на иеромонаха Феофана русскому представителю в Варшаве И. Ржичевскому.

В первой жалобе Феофан Леонтович писал о событиях 1755 г. Вероятно, вспомнить о своих былых обидах иеромонаха подвигло более активное участие России в делах православных Речи Посполитой (в связи с тем, что русские войска, проходившие на начавшуюся войну с Пруссией, проходили по территории польско-литовского государства), либо жалобы на него самого со стороны его католических оппонентов в Вильно. Иеромонах писал про происшествие на православных похоронах. Когда процессия шла на кладбище, ее окружили студенты-иезуиты и начали глумиться над сопровождающими гроб, блеяли, мычали. Один из студентов на коне въехал в саму процессию и хлестнул кнутом шедшего перед гробом иеромонаха с крестом.

После этого Феофан обратился с жалобой к руководству иезуитской школы с пофамильным списком участвовавших в инциденте студентов, но ему ответили, что часть студентов из списка

бежала из школы, часть вообще отсутствовала, а остальные просто не могли участвовать в таком безобразии. Католический виленский епископ на жалобы православных ответил, что он не властен в запрещении горожанам и во избежание подобного просто посоветовал православным хоронить своих умерших тайно, по ночам. Вскоре после этого студенты-иезуиты устроили погром в самом монастыре¹⁵.

Со своей стороны, виленский епископ жаловался на действия Леонтовича. В Вербное воскресенье 1757 г. иеромонах “недозволенным образом” организовал крестный ход от своей православной церкви до униатской (вероятно, бывшей православной). Найдя ее запертой, иеромонах начал святить вербы прямо на улице. Епископ не только расценил эти вполне обычные везде, кроме Польши, действия православных как возмутительную наглость, упирая на то, что такого в Вильно сроду не бывало, но и решил пожаловаться на это властям страны, поддерживающей православие в Речи Посполитой. Епископ объяснял подобные действия тем, что в Вильно как раз в это время находились русские воинские части, шедшие на войну с Пруссией, что и придало иеромонаху такую уверенность в безнаказанности. Кроме крестного хода, епископ жаловался и на то, что иеромонах Феофан арестовал купца Мартына Доманского, который давно задолжал монастырю, не выплатив ему за аренду лавки, и запечатал лавку монастырской печатью¹⁶.

Кроме того, литовский канцлер князь Чарторыйский передал русским ответное письмо виленского епископа к себе, в котором епископ писал, что не может отменить запрет на строительство православных церквей, поскольку в Могилеве их итак несколько десятков, а православные хотят построить еще¹⁷.

Немногие оставшиеся в Великом княжестве Литовском православные монастыри – виленский Сошествия Святого Духа, минский Петра и Павла и слуцкий монастырь постоянно поддерживали связи и с российским митрополитом киевским Тимофеем, который сообщал об их нуждах российским представителям в Варшаве и Дрездене, либо самому российскому вице-канцлеру графу М.И. Воронцову, который был известен как защитник и покровитель заграничных православных. Ситуация в Виленском и Слуцком монастырях была очень сложной – старший иеромонах Виленского монастыря Феофан Леонтович жаловался, что постоянно слышит угрозы от католиков и униатов, что они скоро сожгут его монастырь. Митрополит киевский предлагал Воронцову разместить для охраны в Виленском монастыре капрала или сержанта из отставных солдат с двумя российскими солдатами, а

в Слуцком монастыре – одного солдата, и назначить им государственное жалование.

По словам иеромонаха Феофана, враги Виленского монастыря узнали, что в Польшу прибыл капитан российского Ямбургского полка фон Зейферт, якобы следовавший в Вильну для расследования обид, нанесенных православному монастырю. Это произвело на них такое впечатление, что все они стали клятвенно просить примирения у монахов. Однако оказалось, что капитан следует в Дрезден по совсем другому делу, и все те, кто только что испуганно просил примирения, разом отказались от своих прежних намерений, и притеснения монахов только усилились¹⁸.

Подобные сведения достаточно рельефно вырисовывают будни православных, живущих среди католиков и униатов, а также явные ожидания православных, что именно Россия может помочь им не чувствовать себя изгоями на своей земле, пресечь стремление католиков сохранять прежнее бесправное положение “схизматиков”.

4 августа 1758 г. советник польско-саксонского посольства в Петербурге Прассе получил ноту российского правительства. Польским властям напоминались условия “Вечного мира” 1686 г., по которым поляки должны были сохранять пять православных епархий – Галицкую, Луцкую, Перемышльскую, Львовскую и Белорусскую и православную веру “всем живущим там свободно исповедовать”. Однако теперь там осталась только одна такая епархия, Белорусская, и несколько монастырей. Положение православных в Белоруссии характеризовалось русскими властями как очень тяжелое: священники подвергались избиениям, на них постоянно подавали жалобы в гражданские польские суды, церкви закрывались, обветшавшие церкви не разрешалось ремонтировать. Особенное негодование вызывали действия католического виленского епископа, не только покровительствовавшего подобным акциям, но и издавшего еще в 1742 г. незаконное распоряжение о запрете строительства православных церквей на подвластной ему территории, а теперь еще и ложно обвинявшего православных в том, что они хотят изгнать из Могилева всех католиков и обратить все местные костелы там в православные церкви. При этом сам епископ виленский отнял в унию в Белорусской епархии 5 монастырей и 164 церкви. В ведении православных оставалось 130 церквей. В самом Могилеве, центре православия в Речи Посполитой, находилось девять православных церквей и два монастыря, кафедральный и братский¹⁹.

Характерно, что это была первая подобная нота, врученная польским дипломатам русским правительством. До того просьбы о защите православных передавались российскими представителями в Речи Посполитой. Нота, очевидно, должна была продемонстрировать официальные дипломатические претензии Российской империи к Речи Посполитой и тем самым перевести прежние “соседские” жалобы в межгосударственные претензии. Это скорее всего, было связано с тем, что с 1758 г. (когда руководитель российской внешней политикой граф А.П. Бестужев-Рюмин попал в опалу, был арестован и сослан Елизаветой Петровной) управление дипломатическими делами полностью перешло в руки графа М.И. Воронцова, придававшего жалобам единоверцев куда большее значение, нежели занятый общеевропейскими делами Бестужев-Рюмин.

Впрочем, и эта нота никаких последствий не имела – в 1759 г. жалобы на насильственные действия католиков и лично на епископа виленского снова появлялись в российской дипломатической переписке, к примеру, о рассылке католиками эмиссаров к православным жителям с целью склонения их в унию. Новый российский посланник в Варшаве Федор Воейков обращался с жалобами к первому министру короля, и граф Брюль, как обычно, ответил, что король сделает все, что может. Кроме этого, Воейков писал и самому епископу виленскому, уговаривая его отменить прежние распоряжения о запрете строительства новых православных церквей и ремонте старых. Епископ ответил, что решить это может только сейм, поскольку разрешение строительства и ремонта церквей другого исповедания находится в его ведении²⁰. Жаловался и сам православный епископ белорусский Георгий Конисский, который в городе Орша был подвергнут оскорблениям и бесчестью со стороны католиков. Из-за этого российскому посланнику Петербург велел добиться подписания генерального привилея для православных, который мог бы служить им официальной защитой от притеснений. Однако ответы властей были прежними. Сам Воейков комментировал это так: “Духовенство здесь, в Польше, надуту такую гордостью, что не только не смотрит на министров, но и королевских повелений мало слушает”²¹. Представители духовенства действительно, как и польская шляхта, из которой они в основном и состояли, чувствовали себя в своих владениях полновластными хозяевами и кроме своих интересов, никакие интересы в расчет не брали.

В 1760 г. католический виленский епископ, так и не названный в российских дипломатических документах по фамилии, что, вероятно, объясняется его происхождением не из знатного рода

(епископом в Вильно с 1730 по 1762 г. был Михаил Ян Зенкович), снова стал фигурантом российских жалоб к польско-саксонскому Двору. Старший иеромонах православного виленского монастыря Авраам Флоринский, сменивший Феофана Леонтовича, снова жаловался на запрещение восстанавливать сгоревшую церковь, и снова российские власти предписывали своему посланнику Воейкову, чтобы королю и Двору “в пользу православных святых церквей и обителей, и всего тамошнего благочестия употребили вы благопристойным образом наисильнейшее домогательства и старания, дабы жительствующий тамо благочестивый народ христианский треб лишается, и крайнего от противников утеснения и озлобления, насмеятельства же, ругания и бедственного насилия более претерпевать не могли”²². Однако и “домогательства” Воейкова при дворе никак не сказывались на поведении виленского епископа.

В 1761 г. в Могилев, где находилась кафедра православного епископа белорусского Георгия Конисского, католическим виленским епископом Михаилом Зенковичем был назначен новый плебан (представитель епископа в диоцезе), который начал активную борьбу с православием. Российские власти переадресовали претензии православных королевскому двору в Варшаве и попросили поляков назначить на место плебана другого человека, однако это пожелание было проигнорировано виленским епископом, и жалобы Конисского на плебана продолжались. По поводу очередных жалоб православных на притеснения со стороны католиков Воейкову предписывался ответ, что подобные факты “нам не только бесславны, но весьма уже нестерпимы стали”²³.

Впрочем, виленский епископ Михаил Зенкович вскоре скончался, и Россия сделала все, чтобы на его место был назначен устраивающий ее человек, тем более что на него претендовал сын лояльного Петербургу польного литовского гетмана князя Михаила Масальского князь Игнаций Масальский. Россия решила ходатайствовать в его пользу. Младший Масальский стал епископом в 1762 г., и Воейкову 8 марта 1762 г. было предписано срочно написать ему об обидах, причиненных православным в виленской епархии его предшественником, просить устранить прежние нарушения, поскольку новый епископ, обязанный назначением России, “чаятельно, больше склонность возымеет, нежели умерший бискуп”²⁴. В этом году жалоб на виленского епископа со стороны православных действительно не поступало. С представителями магнатории, каковым и был сын польного гетмана, России договориться было легче, учитывая взаимную

нужду Петербурга в сторонниках в Польше и магнатских родов в российской поддержке их кандидатов при королевском дворе.

Однако и кроме виленского епископа Зенковича православным в Белоруссии было на кого жаловаться – в апреле того же года киевский митрополит Арсений сообщил Петербургу о притеснениях, причиненных монастырю и церквям в Пинске униатским епископом Булгаком²⁵.

С жалобами на поляков обратились к российским властям и с российской территории. Архимандрит Киево-Печерской лавры сообщил о том, что некий мозырьский владделец Гервасий Оскерка подал на него в главный литовский трибунал, который уже прислал священнослужителю официальный вызов на заседание, и в случае неявки на трибунал, российскому подданному грозил крупный штраф. Дело заключалось в том, что (по заявлению Оскерки) крестьяне православного Дятловицкого монастыря, находящегося в ведении Киево-Печерской лавры, совершили убийство в его маестностях, отвечать за которое должен был глава киевского монастыря. В Киеве считали, что настоящей причиной обращения Оскерки в трибунал было желание захватить Дятловицкий монастырь в унию, разорив его. Посланнику в Варшаве Воейкову предписывалось добиться запрещения подобных вызовов россиян в польско-литовские суды, что запрещали условия Вечного мира 1686 г. (по которым подобные претензии должны были рассматривать совместные пограничные комиссии²⁶). Как и следовало ожидать, ни жалобы при дворе, ни письма Воейкову к самому Оскерке результата не имели, шляхтич требовал выплаты штрафа за неявку архимандрита на трибунал.

Как явствует из документов, все указанные жалобы православных русским официальным лицам на притеснения со стороны католиков исходили из Белоруссии (включая Вильно, нынешнюю литовскую столицу Вильнюс). Ни одной жалобы с правобережных украинских земель в рассмотренных документах нет. Вероятнее всего, основной причиной подобного стало наличие в Речи Посполитой только Белорусской православной епархии, находившейся под покровительством России. Она была последней оставшейся православной епархией из тех, которые должна была защищать Россия по условиям “Вечного мира” 1686 г. Другие епархии, находившиеся на Украине, уже давно стали униатскими. Кроме того, Белоруссия была пограничной с Россией территорией, и жаловаться ей на притеснения белорусам было легче. Также, вероятно, не стоит сбрасывать со счета и сопротивление самих православных белорусов католической и униатской экспансии, чему помогали и природные условия страны –

бедность почв, болотистость и лесистость, не вызывавшие у польских магнатов-католиков особого желания заниматься склонением в унию местного населения – в основном различные притеснения православных шли со стороны католических и униатских иерархов.

Ни королевский двор, ни гражданские власти Речи Посполитой и Великого княжества Литовского, не имели средств воздействия не только на магнатов, но даже и на тех, кто обязан был им своим назначением – на епископов. Российские жалобы на обиды православных в Белоруссии были постоянным явлением, но кроме них никаких средств воздействия на притеснителей Петербург не использовал даже тогда, когда русские войска находились на территории Великого княжества Литовского. При этом многие борцы с православием в Литве ожидали такого. Об этом свидетельствует явный испуг католиков и униатов в Вильно при слухах о том, что разбирать жалобы православных в этот город едет русский офицер. На это также и надеялись сами православные, уж теперь-то, думали они, когда русские войска находятся на польских землях, прекратятся все угнетения со стороны врагов православия. Однако Петербург тогда отказывался вмешиваться во внутripольские дела, ограничиваясь представлениями польским властям в защиту православия, хотя тон русских жалоб все же стал более настойчивым с конца 50-х годов, со времени средоточения управления дипломатическими делами в руках М.И. Воронцова.

ПРОБЛЕМА БЕГЛЫХ

Кроме вопросов защиты православия, проблемой российско-польских отношений были и беглые русские подданные, уходившие на польскую сторону через границу. Русско-польская граница тогда вообще не представляла из себя особой преграды для жителей обеих стран.

Если поляки жаловались на переходы с российской стороны на польскую отрядов гайдамаков, то у русских властей также были претензии к жителям Речи Посполитой. Никогда не прекращались жалобы на грабежи российских подданных в брянских, смоленских и великолукских землях, совершаемые “воровскими людьми” из приграничных польско-литовских владений, которые практически всегда оказывались российскими беглыми. Россия часто протестовала по этому поводу, Август III рассылал на границу универсалы с запретом принимать русских беглых, но все

оставалось по-прежнему. В начале 1751 г. у Петербурга появился конкретный повод для обращению к польским властям с требованием выдать беглых подданных (что поляки обязались делать по пятой статье “Вечного мира” 1686 г.). В Псковской губернии был задержан один из таких “воров”, оказавшийся беглым российским рекрутом. Он показал, что бежал в Польшу и пришел во владения вдовы старосты ямонского, шляхтянки Элеоноры Огинской, и обратился за разрешением на проживание. Огинская заявила, что для этого он должен участвовать в разбоях на русской стороне. Все награбленное бывший рекрут и такие же, как он, относили в качестве платы Огинской²⁷. Литовский великий гетман князь М. Радзивилл арестовал беглых у Огинской, но та подала апелляцию. Дело опять затянулось, вдову поддержали ее родственники, влиятельные графы Огинские. В мае 1752 г. гетман Радзивилл извинялся перед Ржичевским, что не смог удовлетворить русские претензии, так как в Польше сразу же были пущены слухи, что он подкуплен Россией и вместе с ней хочет утеснить шляхетскую вольность²⁸. Российский посланник Гросс считал, что проблему беглых можно решить только одним – “позволить частным людям самим вооруженною рукою отыскивать своих беглецов по примеру короля прусского, который употребляет то же средство на силезских границах”²⁹.

Русские крестьяне, бежавшие от своих помещиков, как и старообрядцы, покидавшие Россию из-за религиозной политики правительства Елизаветы, жили на польской территории многотысячными слободами. При приближении полковника Д. Панова, получившего полномочия разыскивать в Польше беглых, пустели целые села, жители которых семьями бежали в леса. Говорили даже, что русских беглых в Речи Посполитой около миллиона, и, в любом случае, их было более сотни тысяч. Количество беглых быстро увеличивалось, и было принято решение не допускать их перехода в Польшу, усилив форпосты на границе и, во избежание недоразумений, заблаговременно предупредив об этом власти Речи Посполитой. Литовский канцлер Михаил Чарторыйский в 1754 г. посоветовал Елизавете издать манифест, который успокоил бы раскольников, объявить амнистию всем возвращающимся, а также навести порядок на русской границе, так как полякам известно, что перейти границы можно за небольшую мзду³⁰.

Никаких манифестов Петербург издавать не стал, но решил навести порядок, увеличив количество солдат в форпостах. Укрепления, увеличившись в числе, теперь придвигались к самой русско-польской границе. Однако эти меры привели к еще боль-

шим осложнениям в двухсторонних отношениях, о которых будет сказано ниже. В любом случае, форпосты могли только сократить количество продолжающихся побегов в Польшу и ничем пока не могли помочь в возвращении уже находящихся на польских землях беглых россиян. Шляхта по-прежнему не желала расстаться с ними, а представители властей – литовский канцлер М. Чарторыйский и литовский гетман М. Радзивилл – прямо говорили, что русским лучше самим искать беглых, так как они не хотят навлечь на себя гнев шляхтичей. 4 сентября 1755 г. Петербург, не имея других средств, все же решил последовать прежнему совету Чарторыйского и манифестом императрицы объявил амнистию для всех беглых и дезертиров, которые до 1 января 1757 г. вернутся в Россию (затем манифест неоднократно продлевался). Вскоре выяснилось, что желающих вернуться совсем немного, а тех, кто все же решился на это, не отпускают польские помещики.

Не ограничиваясь манифестом об амнистии, российская сторона по согласованию с польской решила предпринять более активные действия по возвращению беглых. Полковник кронштадтского гарнизона Денис Панов, пограничный комиссар по Новгородской губернии, получил полномочия регулярно отправляться в приграничные земли Речи Посполитой и самостоятельно возвращать тех беглых, которых найдет в польских деревнях. Это не было чем-то новым, русские офицеры отправлялись за этим же в Польшу в 1735–1736 гг., правда, особого успеха не добились.

Ситуация снова повторилась, действия полковника Панова по возвращению беглых ситуацию не изменили, сам Панов в 1756 г. доносил в Коллегию: “... из России в Польшу непрерывные побегии ни малейше не престають, но от времени до времени более умножаются, и не токмо из дальних и из ближних к границе уездов, но и от самих тех деревень, где форпостные и резервные команды станции свои имеют, как воинские служители, так и партикулярные помещиков люди, учиня многие крамолы и кражи, в Польшу дезертируют”³¹.

Опасности стали подвергаться сами русские помещики, выезжавшие возвращать своих беглых: так, в 1757 г. польский урядник маентностей графа Огинского М. Вележинский захватил российского помещика – подпрапорщика Осипа Станиславского, разыскивающего с соответствующими разрешениями своих беглых крестьян. Мало того, урядником офицер был избит, ограблен, брошен в темницу, сам урядник развлекался демонстрацией на нем своих стрелковых навыков – заставлял

российского офицера держать между пальцами монету и пулей выбивал ее³².

Те семьи беглых российских подданных, которые желали вернуться, не просто не отпускались поляками, но и насильно возвращались ими уже прямо с российских пограничных укреплений, как это произошло в 1757 г., когда ушедшие из Польши три семьи российских подданных достигли русских форпостов и остановились там. Поляки настигли их прямо в форпостах и увезли обратно, попутно ограбив российского пандура и квартирмейстера³³.

Наравне с этим постоянно увеличивались претензии России к польским властям и по поводу нахождения на их территории беглых российских подданных. Никаких подвижек в этом направлении не было, и ситуация только ухудшалась – после больших потерь, понесенных прусской армией в боях в начавшейся Семилетней войны, Фридрих II стал испытывать недостаток в солдатах и начал вербовать их на польских землях среди русских беглых. При этом обычно согласие самих рекрутов не спрашивалось – польскому шляхтичу, на землях которого осели беглые россияне, достаточно было просто продать их прусскому вербовщику.

Слухи о вербовках доходили до России, но конкретные доказательства были получены в начале 1759 г., когда в Россию добровольно вернулся беглый крестьянин Петр Лабанков, рассказавший о прусских вербовщиках на территории Великого княжества Литовского³⁴. Где-то в это же время в Россию вернулись из Польши три раскольника, сообщившие о том, что в окрестностях белорусского Витебска шляхтич Раткович насильно набирал русских беглых в прусскую службу³⁵. Российские дипломаты требовали от польских властей пресечения подобного, но реакция последних неизвестна. В любом случае власти в Варшаве были бессильны – они сами отправляли требования секретарю прусского посольства в Варшаве Бенуа о прекращении “насильств” прусских военных на польской территории и порче польской монеты – пруссаки массово завозили в Речь Посполитую монеты с низким содержанием серебра (благодаря захваченным в Саксонии штампам монет Августа III), а вывозили обратно полноценную монету³⁶.

Посланник Воейков в конечном итоге все же мог сообщить в Россию обнадеживающие сведения по проблеме беглых: король разослал в приграничные районы универсалы с повелением выслать обратно всех российских беглых и прекратить нападения на российские территории. Однако когда россияне заговорили об

этом с литовскими пограничными комиссарами, те ответили, что такого универсала они не получали.

В конце концов российские власти в 1760 г. все же решили, как советовал ранее секретарь российского посольства в Варшаве Ржичевский, последовать примеру прусского короля. Уже в январе 1761 г. были решительно отклонены жалобы литовского гетмана князя Радзивилла и коронного маршала графа Мнишека на самоуправство российских военных на польской территории, когда русские форпостные команды вошли на польскую территорию и силой вывели оттуда в Россию семерых шляхтичей. Петербург ответил, что эти шляхтичи укрывали у себя российских беглых, нагло нарушая королевские указы, и иных способов повлиять на них не было, “и потому не может быть удивительно, что российские помещики... не видя к тому надежды, от прискорбиа и нетерпимости наконец приняли меры с помощью обретающихся на границах форпостов к захвачению тех польских шляхтичей, кои людьми их с пожитками толь несправедливо владеют и пользуются”³⁷. Шляхтичей собирались держать до тех пор, пока они не вернут всех беглых в Россию (двух из них, впрочем, отпустили сразу, как только выяснилось, что в их владениях нет российских беглых).

Эпизод характерен тем, что, несмотря на жесткий отказ в освобождении поляков, захваченных в их же собственных владениях, российские власти все равно решили дистанцироваться от таких акций, выставив их инициаторами российских помещиков, которые сами договорились с солдатами на форпостах.

Однако и подобные жесткие действия, вопреки давнему предположению Ржичевского, польских шляхтичей особо не впечатлили (к примеру, сразу после таких сообщений, один из польских дворян отправил письмо к российским представителям, в котором сообщал, что один из его знакомых интересуется, сколько Россия заплатит ему за беглых, если он их вернет обратно, что русскими была расценено как “безстыдство”³⁸), и проблема возвращения беглых, оговоренная все тем же русско-польским “Вечным миром” 1686 г., так и не была решена. Россия для ее урегулирования применила практически все меры – уговоры к беглым вернуться и получить амнистию, призывы к властям Речи Посполитой и простым шляхтичам добровольно выдать беглых, самостоятельные поиски беглых российскими представителями и рядовыми помещиками на приграничной польской территории, укрепление границ, силовые акции против тех шляхтичей, которые держали у себя беглых – но ситуация все равно не двигалась с мертвой точки.

ПОГРАНИЧНЫЕ КОМИССИИ

Суть другой проблемы российско-польских отношений заключалась в том, что русско-польская граница, установленная еще Андрусовским перемирием 1667 г. и подтвержденная “Вечным миром” 1686 г., фактически не существовала. То есть она где-то проходила, но где именно, никто сказать не мог. Коронный подстолий князь С. Любомирский, например, мог подать жалобу, что сербские переселенцы в Новой Сербии рубят у него лес, снаряжалась комиссия, которая заявляла, что лес этот находится на русской территории. Власти России и Речи Посполитой в начале 50-х годов XVIII в. пытались наладить работу пограничных комиссаров, но их первый съезд так и не состоялся, а делегации дружно объявили друг друга виновными в срыве переговоров и неприбытии в указанное место и время. В дальнейшем работа комиссий оказалась практически парализована.

На примере одной из таких комиссий, Великолукской, можно рассмотреть, как именно проходила их работа и что этому препятствовало. В марте 1750 г. пограничная с Польшей комиссия со стороны Великих Лук разбирала жалобы на очередной разбой с польской стороны, проходивший по обычному для приграничья сценарию: ночью “воровские люди” пришли в российскую деревню, ограбили дома, избили нескольких человек и ушли обратно. По словам жертв нападения, среди нападавших были беглые крестьяне их же помещика. Об этом случае российские власти также поставили в известность посланника при польском дворе графа Г.К. Кейзерлинга, чтобы тот сделал соответствующее представление властям Речи Посполитой.

Для российской стороны большой удачей было получить конкретного обвиняемого в деле о разбоях с польской стороны, особенно если одного из нападавших удавалось арестовать. В конце 1749 г. людьми из-за польского рубежа была ограблена помещица вдова Арбузова, у нее были похищены пожитки. Вскоре русским властям удалось задержать одного из нападавших на вдову – беглого российского солдата Фрола Тимофеева. Арестованный показал, что все награбленное в тот раз он и его товарищи отнесли польскому пану Белковскому, причем сказали ему, что вещи взяты разбоем и у кого они взяты, а Белковский за это дал им ружье³⁹.

Получив конкретную причину к жалобам, российская комиссия обратилась с жалобой на Белковского к польскому пограничному комиссару Сипайло. Комиссар отвечал на это, “что он такой власти не имеет, чтобы ему шляхтича судить”⁴⁰, и сказал, что

ожидает приезда эmissара польского короля Антонина Храповицкого, имеющего соответствующие полномочия. Однако в дальнейшем дело затихло, и русским пришлось снова писать комиссару Сипайло в надежде на хорошие новости. Увы – эmissар Храповицкий так и не приехал, и, более того, сам Сипайло снял с себя полномочия пограничного комиссара. Впрочем, Сипайло выразил надежду, что Храповицкий точно приедет, поскольку сами поляки имели причину к жалобе – крестьяне русского помещика напали на дом одного польского шляхтича⁴¹.

Однако Храповицкого все не было, и Коллегия иностранных дел отправила в Великие Луки сообщение о нем – Храповицкий, назначенный по жалобам российского представителя в Варшаве И. Ржичевского для возврата беглых, находится где-то под Смоленском, где уже вернул в Россию 8 беглых, российскому пограничному комиссару в Великих Луках Андрею Елагину предписывалось связаться со смоленским вице-губернатором, поддерживающим связь с Храповицким. В дальнейшем Храповицкий в 1751 г. отправился за какими-то разрешениями к литовскому гетману Радзивиллу и стал проживать где-то под Оршей.

Ответа от Елагина, судя по всему, не последовало, из-за чего Коллегия иностранных дел отправила к нему два письма с повелением докладывать о его действиях. В Великолукской канцелярии, получив письмо, ответили в Петербург 18 октября 1750 г., что Елагина у них нет, поскольку тот уехал в свое имение, и попросили Коллегию назначить им другого комиссара. Просьба была подчеркнута Бестужевым с пометкой “NB” (особое внимание).

Однако просьба пока не была удовлетворена, к Елагину был отправлен рескрипт с повелением работать лучше, и напоминалось, что он, как титулярный советник на службе, не имеет права отлучаться своевольно. Однако неожиданно представился удобный случай – отставка из-за болезни псковского пограничного комиссара, на место которого 31 мая 1751 г. и было решено определить А. Елагина, поместье которого как раз располагалось в Псковской губернии. Кто сменил Елагина и сменил ли вообще, выяснить по материалам Великолукской канцелярии не удалось.

Положение с сотрудниками канцелярий, отвечающими за отношения с польскими официальными лицами, вообще было очень далеко от совершенства. Великолукская канцелярия сообщала, что специально присланный к ним в качестве переводчика с польского языка студент Киевской академии Павел Громацкий не имеет никаких дел, потому что на польской стороне нет погра-

ничного комиссара после отставки Сипайло, потому студент живет праздно на казенное жалование. Но из Коллегии иностранных дел ответили, что такое бывает, и Громацкий все равно должен ждать своей работы на месте. Однако вскоре оказалось, что жалование Громацкому платили в Смоленской канцелярии, в которой его услуги были крайне востребованы, потому что она как раз вела переговоры с поляками и просила отправить студента-переводчика обратно к ним.

Как явствует из документов, основные проблемы для комиссий представлял все же саботаж с польской стороны, но к нему прибавлялось и непонимание российских местных чиновников значимостью подобной работы, которую хорошо понимали в Петербурге, и обычная чиновническая несогласованность.

ПОЛОЖЕНИЕ НА РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

Русско-польская граница была самой беспокойной из всех российских границ. Скорее всего, поляки относительно своей границы думали то же самое. Чем ближе она проходила к отдельным местностям, тем больше проблем создавали эти территории для властей своих стран.

Перешедший на русскую службу австрийский серб генерал-майор И. Хорват жаловался, что поляки задерживают и грабят его соплеменников, следующих в Россию на поселение или в военную службу. Поселения эти располагались в основном как раз на этой самой границе на Южной Украине, получившей название Новой Сербии. Особенно отличился в препятствовании сербам польский украинский региментарь (военный начальник украинских воеводств) Ожга, кроме того, отказывавшийся выдавать русских беглых. Сам Ожга объяснял это тем, что он добивается выдачи одного преступника, которого русские власти по каким-то важным причинам не могли отпустить за пределы страны. Продолжались и нападения с польской стороны (черкасских казаков) на украинские и сербские поселения, в городах Правобережья арестовывались русские купцы, а в Цибулеве польские драгуны отняли у российских подданных скот. Русское правительство последовало прежнему совету Гросса и 7 августа 1753 г. потребовало немедленного возмещения, в противном случае угрожая сделать это силой, так как другого “способа, кроме выше-писанного, не остается”⁴². Угроза была пустым звуком, так как никто в то время еще не собирался посылать солдат вглубь поль-

ской территории. Реакции с польской стороны, естественно, не последовало, и снова замелькали в рескриптах фамилии никому не известных шляхтичей, обижавших российских подданных, к примеру, “вымучением у одного здешнего маркитанта двух рублей”⁴³.

Россия уже давно пыталась провести демаркацию границы, чтобы не только обозначить точные границы своих территорий, но и, наконец, прекратить массовое бегство в Польшу крестьян и старообрядцев, установить таможи и урегулировать споры русских и польских помещиков. Все подобные попытки заканчивались ничем, Россия вынуждена была отступить, так как не могла делать демаркацию односторонне, а польские сеймы не могли дать разрешение на это, ибо их работа была парализована. Именно как одностороннюю демаркацию расценил факт строительства с 1754 г. на русской границе новых форпостов, максимально приближенных к границе, литовский канцлер М. Чарторыйский, напоминая о необходимости согласованных действий⁴⁴ (будучи виновником срыва последнего сейма).

Но если литовского канцлера можно было убедить в необходимости подобных действий России, то шляхтичей, имевших владения на пограничных землях, убедить в чем-либо было абсолютно невозможно. Один из них, проезжая около двух русских форпостов, заявил драгунам, что они находятся на его земле, и требовал переноса укреплений, “похваляясь, ежели де не снесутся, то велит раскопать”⁴⁵. Поляки действительно захватили несколько форпостов, кроме того, разметали устроенные солдатами рогатины на второстепенных трансграничных дорогах, которые должны были вынудить купцов провозить свои товары через таможи на главных дорогах.

Выяснилось, что огромное количество польских жителей жило за счет контрабанды, грабежей и приема русских беглых. Староста бобруйский С. Лопот заявил, что ранее он вывозил лес в Ригу, а теперь, поскольку русские стали с него брать пошлины, он будет возмещать убыток, налагая собственные пошлины на российских купцов. Ржичевскому в Варшаву был послан рескрипт, в котором объяснялось, что поляки и ранее брали пошлины с русских купцов, а действия России являются ответной мерой. Самому старосте секретарь русского посольства должен был объявить ответ Петербурга на его угрозы: “...не безчувствительно было здесь об оном услышать”⁴⁶. Подобные невнятные меры вряд ли впечатлили Лопота.

Русские власти на дорогах в спорных землях ставили только рогатины, а на своей земле приказывали заваливать контра-

бандные дороги лесом и копать рвы, но и это польских жителей не останавливало, и они, иногда отрядами в полтысячи человек, расчищали дороги и на русской земле. Более того, польские шляхтичи, не знавшие на себя управы, избивали и забирали в плен целые отряды русских солдат. Один из них, избив со своими людьми русского сержанта и драгуна, угрожал повесить на границе русских пограничных комиссаров⁴⁷. А в июле 1755 г. поляки под предводительством некоего Щенявского, старосты трактемировского, на одном из русских форпостов захватили в плен “как бы в военное время” и увезли с собой в Ржищев унтер-офицера и 12 драгун и держали их там семь дней. Щенявский оказался официальным командиром в этом городе, население которого составляли русские беглые, хотя по VII статье “Вечного мира” 1686 г. Трактемиров, Ржищев, Чигирин, как и ряд соседних городов, должны были быть “пусты” до принятия особого решения властей России и Речи Посполитой. Кроме того, староста поставил на русском днепровском острове 10 виселиц. Русские власти впервые решили адекватно ответить, послали отряд сломать виселицы и предписали киевскому вице-губернатору Костюрину силой защищаться от подобных возмутительных действий поляков. В Варшаве секретарю посольства Ржичевскому следовало “кому надлежит” сообщить об этом инциденте и “представление учинить с наисильнейшею жалобой”⁴⁸. Сам Ржичевский еще 3 июля 1755 г. писал про своих соотечественников-дворян, что они ведут себя с Россией “как теленок со львом”, не видя опасности своих действий, и именно он посоветовал русским властям прикрывать строительство укреплений на границах вооруженными отрядами⁴⁹. В самом конце того же месяца этот российский представитель в Варшаве сообщил, что шляхтичи Цеханувского уезда, пограничного с Пруссией, избив прусского унтер-офицера, направлявшегося в Польшу для вербовки добровольцев в армию Фридриха II, и отняли у него казенные деньги. Прусский король безуспешно требовал от польских властей сатисфакции, а затем отправил в Польшу отряд в сорок гусар, которые схватили виновных и доставили их в Пруссию, и, как слышал Ржичевский, один из этих шляхтичей уже был повешен. Прочитав это донесение, канцлер Бестужев-Рюмин заметил на полях, что сообщение об этом инциденте “для известия ее императорского величества выписать не безнужно”⁵⁰. Ржичевский утверждал, что, если Россия будет следовать примеру прусского короля, то это “больше действия возымеет, нежели все здешние жалобы”⁵¹. Гросс, в отличие от Ржичевского, более знакомый с международной обстановкой, хотя и признавал 19(30) января 1756 г., что относительно

пограничных жалоб “безпрестанные мои по тем делам старания почти совсем бесплодны”, все же советовал своему правительству не следовать примеру Фридриха II, так как силовые действия русских войск в Польше вызовут вмешательство Османской империи⁵².

Сам литовский канцлер князь Михаил Чарторыйский, поскольку его владения находились на границе, так же оказался втянут в пограничные распри. Управитель его гомельского староства Хелховский изгнал русских драгун с двух форпостов и угрожал в следующий раз открыть по ним огонь, если они снова там появятся. Чарторыйский объяснил, что линия форпостов отрезала у него две деревни, присоединив их к России, и обвинил во всем русских помещиков, которые в своих интересах указывают неверные межевые границы⁵³. Споры о границах и нападения на русские укрепления продолжались и после начала Семилетней войны. Форпосты не смогли прекратить ни разбои польских жителей, ни бегство русских крестьян в Польшу: например, 15 июля 1756 г. более сотни крестьян (вся деревня полностью) ушли на польскую сторону от своего русского помещика полковника Коховского⁵⁴.

Судя по документам, самой серьезной претензией России к Речи Посполитой и во время Семилетней войны по-прежнему продолжала оставаться нерешенная проблема нападений с польской стороны на российские приграничные укрепления. Если ранее подобные эпизоды тщательно расследовались русскими властями, и результаты и фамилии конкретных виновников доводились до сведения поляков, то в дальнейшем российским дипломатам в Варшаве просто сообщались факты, к примеру, что по донесениям из Киевской губернии, двести польских жителей вошли на русскую территорию и сожгли пограничный форпост⁵⁵.

Те же польские шляхтичи, на которых русские уже жаловались властям Речи Посполитой, словно бравируя этим, совершали новые нападения, как, например, упоминавшийся ранее нимковецкий староста Вишчинский, опять вторгшийся в российские пределы со своими людьми. В этот раз, помимо привычных угроз, Вишчинский и его люди порубили построенный русскими мост, о чем и сообщалось в Варшаву 4 мая 1759 г.⁵⁶

В Петербурге снова решили предпринять односторонние действия, поскольку сами польские власти ничем помочь не могли. Посланнику в Варшаве Ф. Воейкову 6 августа 1759 г. был отправлен пространный рескрипт, в котором утверждалось, что “непрестанные обиды и злодеяния от поляков... в здешней стороне столько уже распространились, что некоторые из польских

помещиков сами со многолюдством явно вооруженною рукою делают разбойническое нападение на здешние пограничные земли и на учрежденные при оных форпостные воинские команды, выжигают без остатку близлежащие деревни и в оных неслыханными грабительствами, уводом скота, похищением имения, увечьем людей и смертоубийствами приключают несказанный вред и разорение, и еще тем не удовольствуюся, угрожают здешние границы такими же злодейскими намерениями.., таковые наглые от поляков оскорбления не можем мы долее сносить”, поскольку Россия – великая держава. Раз вся прежняя умеренность и терпение России обращены ей во вред, то она решила предпринять новые действенные меры. На польскую территорию отправляется российская воинская команда в 100 человек для поимки одного из бесчинствовавших на русских территориях шляхтича. Он должен был быть арестован, доставлен в Россию и посажен в тюрьму, где должен был находиться вплоть до полного возмещения им причиненных русским подданным убытков. Воейкову предписывалось разъяснить польским властям, что кроме таких действий, иного выхода у России нет⁵⁷. Угроза была выполнена, и шляхтич Ивановский был схвачен и отвезен в Россию. Когда на такие действия русских жаловался посланнику Воейкову польский гофмаршал Мнишек, российские власти отвечали, что, как и предупреждали ранее, не отпустят шляхтича до тех пор, пока им не будут возмещены убытки⁵⁸.

Во время очередного нападения польских жителей на русскую деревню, которая в результате этого сгорела, удалось схватить нескольких нападавших, которых российские власти решили задержать у себя вплоть до возмещения ими убытков. Воейкову рескриптом от 14 августа 1759 г. предписывалось не только снова сообщить полякам о том, что иного выхода у России нет, но и доложить в Петербург о реакции в Варшаве на такие известия⁵⁹.

Однако и подобные меры не могли пресечь “продерзости” поляков, более того, их поведение становилось все более вызывающим: группа вооруженных жителей Речи Посполитой напала на российскую резервную воинскую команду, по характеристике русской стороны, – “как бы в военное время”, ранили четырех казаков и захватили несколько ружей⁶⁰.

В следующем, 1760 г. сообщения о сопротивлении польских жителей пограничным российским воинским соединениям участились. Рескриптом от 3 января 1760 г. Воейкову сообщалось сразу о нескольких случаях. В районе Велижа пограничный разъезд, состоявший из вахмистра и двух драгун, увидел на российской

территории около 20 польских жителей, рубящих лес, и потребовали прекратить порубку. Однако крестьяне не подчинились и с топорами и дубинами попытались напасть на солдат, вынужденных открыть огонь. Подхватив одного раненого, польские жители убежали на свою территорию, угрожая убить солдат, если те им где-нибудь встретятся⁶¹.

Российский поручик Трифонов, услышав стук топоров на русской стороне, отправил солдат выяснить, что происходит. Два польских крестьянина, увидев их, убежали на свою территорию. Оттуда к русской границе подошло уже сорок польских крестьян, кричавших, что солдаты не имеют никаких прав запрещать им рубить лес, принадлежащий русской помещице, если ее люди им в этом не препятствуют. Поляки грозили, что если солдаты опять будут вмешиваться в эти дела, то их “как в капусту изрубим мелко”⁶².

Незадолго до этого в тех же местах польские жители напали на 4 русских помещичьих крестьян, везших обратно семью беглого крестьянина, избили их, отняли беглых, троих крестьян задержали у себя, а одного, связанного, отвезли к границе. Трифонов решил воспользоваться случаем и заодно потребовать от собравшихся на границе поляков, чтобы те не избивали россиян, которые, имея все разрешения, на польской территории разыскивают беглых по поручению своих помещиков.

На требования поручика поляки ответили, что так они собираются поступать и с теми, кто сейчас перед ними. Трифонов приказал своим солдатам прицелиться в поляков, которые, ругаясь, побежали от границы, кто – призывая солдат стрелять в них, спуская штаны и нагибаясь, кто – проклиная их со словами: “Чтоб прусская пуля вас не миновала”⁶³.

На этой же территории около десяти вооруженных поляков захватили на дороге между форпостами драгуна Андрея Мазура и успели скрыться с ним на польской территории до появления солдат с форпостов. Драгуна позже вернули, но из-за того, что его все время держали в цепях и колодках, российские власти решили узнать фамилии виновных и потребовать наказания. Иногда поляками захватывались и по трое-четверо российских солдат, которые десятки дней содержались ими в плену⁶⁴.

Все подобные действия совершались с земель, которыми владел младший из братьев Чарторьских, Август, воевода русский. Ему Воейков и должен был сообщить о претензиях российской стороны. Особо Воейков должен был напомнить о том, что семья Чарторьских всегда была другом России, которая и ранее им помогала, и теперь не оставляет их⁶⁵.

В конце января 1760 г. Воейкову сообщили о целом рейде неизвестных преступников, следы которых вели в Польшу. В июне 1750 г. они напали на российский форпост у деревни Колыбель, убили одного и ранили ружейным огнем нескольких казаков, сожгли деревню, а потом напали на вышковецкую таможеню, где избili таможенных объездчиков⁶⁶.

Судя по всему, таможене удалось наладить свою работу по пресечению контрабанды, поскольку нападения на ее служащих стали достаточно частыми – бывало, таможенников избивали и поляки, и российские украинцы совместно. Характерно, что в это же время литовский маршал Огинский и минский кастелян Юдицкий обратились с просьбой к российским властям снова открыть две дороги, заваленные для пресечения контрабанды (которые вели из России в Польшу через их земли) и учредить там русскую таможеню, чтобы не везти все через добрянскую. В России рассмотрели эту просьбу и ответили отказом, поскольку никаких выгод от этого Россия бы не имела, о чем и сообщалось Воейкову 28 апреля 1760 г.⁶⁷

21 апреля 1760 г. поляки в ночное время напали на один из российских форпостов, бесшумно нейтрализовали часового, заткнув ему рот кляпом и избив, других солдат заперли бревном в избе, пограбили их сумки с патронами, забрали 2 ружья, 2 кафтана и 3 шпаги. Выбравшиеся, в конце концов, солдаты прошли по следам нападавших, которые вели к деревне на польской стороне⁶⁸.

Сами поляки тоже предъявляли претензии к российской стороне в отношении ее граждан. По жалобам католического киевского епископа, гайдамаки, российские подданные, совершают набеги на его владения, используя покровительство российских пограничных властей и, как базу, территорию Новой Сербии. По подчеркнuto быстрому рассмотрению жалоб российскими властями, было заявлено, что гайдамаками являются польские подданные, а не российские, что поляки зачастую маскируются под гайдамаков намеренно, с целью грабежей на российской стороне, и что усиливать борьбу с гайдамаками необходимо самой польской стороне, а Россия и так давно предпринимает все возможные меры по пресечению их набегов⁶⁹. Позднее приграничные власти доносили, что под видом гайдамаков орудуют также крымские татары и другие турецкие подданные.

Также быстро был дан ответ на жалобу польного гетмана литовского Масальского о том, что на его приграничную деревню напали россияне. Гетмана уверили в том, что разберутся с нападавшими, но попросили уточнить обстоятельства⁷⁰.

Одной из “горячих точек” российско-польского приграничья были степные территории между российской Новой Сербией, Запорожьем и польскими территориями на правом берегу Днепра. Кроме обычных споров о разграничении земель и точном проведении границы, ситуация там осложнялась и тем, что эти земли были главным районом действий гайдамаков, тесно связанных с запорожскими казаками. Кроме того, Россия размещала на своей стороне границы сербов с Балкан, черногорцев и представителей других народов, которые продолжали прибывать туда и ездить по семейным делам обратно на Балканы. Путешествовать им приходилось через земли польских помещиков, которые всеми правдами и неправдами пытались нажиться на этом. Например, черногорец Яков Эздемирович, секунд-майор конного гусарского полка, следовал в Россию, но польский еврей, у которого он ночевал, украл его вещи, а шляхтич Буковский отнял у него венгерские вина, стоимостью до 90 червонных. Ввиду жалоб российских властей вещи Эздемировичу собирались вернуть, заминка вышла лишь с винами, стоимость которых Россия требовала возместить⁷¹.

Когда же в дело вмешивались магнаты, то решить претензии российской стороны было уже не так легко. Отношения обострились в конце 1760 г. Российский генерал серб Иван Хорват, основатель Новой Сербии, доносил о том, что польские магнаты, с которыми у властей Новой Сербии были территориальные споры – воевода киевский граф Ф. Потоцкий и коронный подстолий князь С. Любомирский (кстати, принадлежавшие к противоположным магнатским группировкам) не пускают через их земли едущих в Новую Сербию уроженцев Балкан и отсылают обратно в Россию тех югославян, кто по каким-либо делам следует в Сербию⁷².

Князь Любомирский также жаловался на то, что российские подданные сожгли его новопостроенную деревню. По расследованию Хорвата оказалось, что деревню сожгли люди Потоцкого, не желавшего расширения владений конкурента.

Сам Потоцкий решил построить в приграничье свою крепость, но строители были разогнаны генералом Хорватом, потому что строительство проходило на неограниченной территории, что запрещалось русско-польским “Вечным миром” 1686 г., и жалобы Потоцкого на эти действия ни к чему не привели. Тогда воевода киевский обратился к российским властям с официальной просьбой о разрешении строительства крепости, которая должна была бы пресечь набеги гайдамаков. Но Петербург ответил отказом, причиной которого были опасения, что вновь

построенная крепость станет прибежищем грабителей. По крайней мере именно так мотивировался отказ в рескрипте в Варшаву к Воейкову от 12 декабря 1760 г.⁷³

В июле следующего 1761 г. Петербург вновь был озабочен вестями с границ Новой Сербии. Воевода киевский граф Ф. Потоцкий, не удовлетворившись отказом, решил все же построить крепость у границ. Для обеспечения этого он привел на место строительства большое число вооруженных казаков и подтянул туда пушки. Однако это не смутило российские власти, которые вновь приказали заявить Потоцкому о недопустимости строительства на неразграниченной территории, которая должна быть российской, и потребовать от Потоцкого запретить строительство. В случае отказа Потоцкого от уничтожения уже построенного, Россия снова угрожала применить силу⁷⁴.

Потоцкий в ответ сжег один из недавно построенных хуторов Новой Сербии, мотивируя это тем, что хутор был построен на спорной территории. Кроме того, с польской стороны на 20 верст вглубь территории России вторгся отряд в 300 человек во главе с польским полковником и хорунжим. Хорват приказал им явиться к себе, но это сделал только полковник, остальные с хорунжим во главе продолжили рейд, обстреляв посланных Хорватом к ним военных, ранив 4 из них. Какие силы привлек генерал Хорват, не сообщается, но ему удалось разогнать этот отряд, захватив в плен упоминавшегося хорунжего и 28 человек из его отряда. Арестованных, в том числе и полковника, решено было содержать в России до окончания расследования. Российскому представителю в Варшаве Воейкову 25 августа 1761 г. было предписано сообщить об этом и указать, что Россия будет предпринимать против подобных действий все необходимые меры, чтобы никто не смел “такие наглости делать, которые впредь никогда уже сносимыми быть не могут”⁷⁵.

Граф Потоцкий, воевода киевский, вынужденный окончательно прекратить строительство новой приграничной крепости, пошел другим путем. На территории своих владений он восстановил крепость в местечке Умань, которую “вознамерился умножить нашими людьми, подзывая туда на житье и поселение, с обещанием разных вольностей и протекции”⁷⁶. Рескриптом от 25 сентября 1761 г. Воейкову предписывалось обратиться с жалобой к польскому двору на нарушение Потоцким пятой статьи Вечного мира, которая запрещала полякам прямо или косвенно агитировать российских подданных к переезду на их земли.

Однако и для России степень влияния короля на события в Польше не была тайной. Еще в апреле фельдмаршал А.Б. Бутур-

лин, командующий русской армией, действующей против Пруссии, доносил, что поляки в одной из деревень атаковали русский воинский отряд и убили казака. До того таких сообщений в рескриптах не было, и мемуарист А.Т. Болотов, служивший в той армии, вообще ничего не сообщает о каких-либо происшествиях во время следования его вместе с войсками через территорию Польши. Ситуация обострилась только теперь, к 1761 г., во многом из-за того, что русские войска постоянно проходили через Польшу каждый год с 1757 г. Не дремала и прусская разведка, стремящаяся осложнить передвижения русской армии через Польшу. Проблему представляли не литовские, а коронные земли, расположенные вблизи границ Бранденбурга.

Именно здесь, а не на территориях Великого княжества Литовского, Петербург впервые со времен войны за Польское наследство решил открыто вмешаться во внутripольские дела, совершив, в общем-то, беспрецедентный до тех пор шаг. Основываясь на новых донесениях фельдмаршала Бутурлина и посланника Воейкова, “что жители Великой Польши, быв по соседству издавна преданы королю прусскому, обнажают недоброжелательство свое к нам из дня в день более, так что наконец не без основания и самой конфедерации опасаться надобно”, Петербург решил разместить на зимние квартиры в Познани и ее окрестностях 12-тысячный корпус генерал-поручика князя М.Н. Волконского, бывшего посланника в Варшаве. Волконский имел полномочия в случае каких-либо антирусских или антикоролевских волнений в Великой Польше не только манифестами призывать поляков к порядку, “но и воинскую строгостию загорающийся огонь в самом его начале погасить стараться”⁷⁷, хотя и делались обязательные оговорки о том, что это крайний случай, и Россия уважает тишину и вольности Речи Посполитой.

О таком решении польским властям сообщил не только посланник Воейков, но и польско-саксонский резидент в Петербурге Прассе, которому была вручена соответствующая нота. Также были поставлены в известность австрийский и французский дворы, причем ни тот ни другой союзник России по войне с Пруссией не выступили против, поскольку австрийский посол граф Мерси д’Аржанто и французский посланник барон де Бретейль, хотя и без особого энтузиазма, поддержали введение корпуса Волконского на территорию Великой Польши⁷⁸, понимая, что какие-либо волнения в Польше могут помешать действиям русской армии и сыграют на руку прусскому королю Фридриху II.

Вмешательство России в польские дела тем временем все возрастало. По сообщениям одного из командиров действующей

против Пруссии армии, генерал-поручика графа З.Г. Чернышева, некий шляхтич Петровский пообещал Фридриху II набрать ему полк из польских украинских казаков. Петербург не только, как прежде, предписал Воейкову поставить перед польским двором требование о предотвращении подобного, но и 3 декабря 1761 г. сообщил посланнику, что и сама Россия уже предприняла необходимые меры для предотвращения этого (какие конкретно, не сообщалось)⁷⁹.

Смерть Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. и воцарение Петра III ситуации не изменили – продолжались прежние жалобы и претензии российской стороны к польской. При очередном нападении на российский форпост оборонявшие его подпрапорщик Грибоедов с 6 солдатами не смогли отстоять форпост, офицер был захвачен, избит и увезен на польскую территорию. Однако русские все же заставили вернуть Грибоедова и добились обещания виновных возместить убытки, при этом от Воейкова российское правительство 31 января 1762 г. потребовало обратиться к польскому двору с призывом наказать виновных в нападении, ибо “совсем тем такой наглый и без всякой причины от польских жителей учиненный поступок весьма чувствителен”⁸⁰. В марте опять из-за саботажа с польской стороны не собралась совместная пограничная комиссия на границе Смоленской губернии, и где-то в это же время в той же губернии местный помещик поручик Петр Энгельгардт задержал двух беглых с польской стороны и предложил обменять их полякам на двух своих беглых. Однако размен не состоялся. При размене польский наместник по неуказанной причине ударил саблей русского поручика Забелина и приказал своим людям стрелять, от их огня погиб русский солдат в форпосте и один из польских беглых, приведенных для размена⁸¹, а в Новой Сербии поляки захватили и вывезли к себе восемнадцать российских подданных, которых они разместили у себя на поселение.

Россия снова заявляла польским властям, что “такие наезды, обиды и грабительства делаются, что уже не могут больше стерпимы быть”⁸², но кроме слов, ничего с этим сделать так и не могла.

Проблема нападений на российские границы действительно была квинтэссенцией русско-польских проблем. Она вызывалась и неопределенностью границы, не имевшей обозначения на местности, и отсутствием естественных преград, которые могли бы помешать утечке из России рабочих рук, товаров, сырья, денежных средств, и агрессивной бесконтрольностью польской шляхты, для которой ни королевские указы, ни угрозы русского прави-

тельства ничего не значили. Если король не имел средств воздействия на шляхту, которая это прекрасно знала, то Россия в конце концов продемонстрировала свои возможности, отбивая вооруженной рукой отдельные нападения на свою территорию и даже захватывая особо “отличившихся” шляхтичей в их поместьях. Однако никаких подвижек в отношении прекращения нападений не произошло. Шляхта, бесчинствуя, чувствовала себя как рыба в воде, так, как она чувствовала себя в самой Польше уже достаточно давно. Жизнь шляхтичей была постоянным риском погибнуть от пули или от сабли, быть разоренным более влиятельным соседом в судах. Вот как описывает будни шляхты Великого княжества Литовского в 50-х годах XVIII в. Станислав Понятовский в своих мемуарах: “...эту вечно бахвалящуюся ватагу, окружавшую Радзивиллов, прозвали гайдамаками. Разного рода насилия, к которым они безнаказанно прибегали, пользуясь покровительством своих патронов, вынудили их соотечественников принимать подобные же меры для своей защиты – так Литва постепенно обрела воинствующий вид.

Стеганые шелком кожаные корсеты, которые носят под платьем, стеганые же перчатки и шапки, двойной толщины, стали повседневной одеждой. Сабли с рукоятями, защищенными железной решеткой (их называли “кошачьими головами”), пистолеты в сапогах и за поясом и даже мушкеты, которые носили на перевязи, крест-накрест с сумками для пороха и патронов – таков был арсенал гигантских свит, сопровождавших магнатов во время их визитов в Вильну... Не было ничего более обычного в эту неделю, как услышать ночью пистолетные выстрелы, но и среди всех этих проявлений воинственности люди обедали, ужинали, танцевали, навещали друг друга, нередко в домах, хозяева которых принадлежали к противной партии, так что деловые обсуждения случались и во время бала; существовал, правда, риск, что при выходе на улицу придется сражаться...”⁸³.

В таком мире и силовые действия России оказывались привычными для шляхтичей, которые могли и проиграть, но могли и ответить русским тем же. Изменение подобного отношения польских дворян к России могло произойти лишь при условии изменения условий их собственного существования в Речи Посполитой. Точно также в политических условиях того времени невозможно было решение вопроса российско-польского пограничья Украины и Белоруссии. Неработающие сеймы, пораженные “liberum veto”, не могли ликвидировать длящееся уже много десятков лет отсутствие демаркационной линии.

В таком состоянии и приняла дела императрица Екатерина II, для которой было составлено “Краткое известие, в каком состоянии находились польские дела в отношении к России при вступлении на престол императрицы Екатерины II”. Проблемы были все те же, что и все правление Елизаветы Петровны, вызванные нарушениями с польской стороны условий “Вечного мира” 1686 г. – передачей в унию трех из четырех православных епархий и притеснений православных в последней оставшейся в Речи Посполитой епархии – Белорусской, отсутствие результатов жалоб российской стороны на притеснения единоверных в Белоруссии; до сих пор не разграничены были территории между двумя государствами, поскольку, по заявлениям поляков, это мог сделать только сейм, который вообще не мог начать работу. А тем временем попытки прикрыть российскую территорию форпостами наталкиваются на активные противодействия этому поляков, которые просто хозяйничали на российской приграничной территории, нападая даже на пограничные форпосты; приграничные города на польской стороне, такие, как Ржищев, вопреки условиям мира, были заселены поляками, и, в основном, российскими беглыми. Вообще российских беглых в польских землях находится “великое число”, и поляки, нарушая все те же статьи Вечного мира, не возвращают их. Единственным прорывом в последние годы правления Елизаветы стала следующая мера: “иногда за невыдачу и удержание оных беглецов, захватываются при границах в здешнюю сторону сами поляки из мелко-го шляхетства”⁸⁴.

Подводя итоги, следует отметить достаточно заметную роль Белоруссии в российской дипломатической переписке. Помимо типичных для всего протяженного российско-польского рубежа пограничных конфликтов, в Белоруссии российские власти защищали права православных достаточно твердо, и можно с уверенностью сказать, что теперь последняя из православных епархий уже не последует за своими четырьмя исчезнувшими сестрами. Постоянно увеличивающееся внимание Петербурга к Белоруссии, втягивало в проблемы местного населения все более широкие круги российской администрации.

С Правобережной Украины жалоб православных не поступало. Православные церковные структуры там были по сути уничтожены. Жители Правобережья фигурировали только в качестве нарушителей границы, нападающих на российские форпосты и воинские команды, а также просто как обидчики российских подданных. Как возможные будущие соотечественники они не рассматривались, как и жители Белоруссии.

В начале 50-х в российских дипломатических документах встречаются сведения о том, что Россия рассматривала принципиальную возможность включения в свой состав шведской Финляндии⁸⁵. Но никаких сведений о том, что точно так же Петербург рассматривал в те же годы территорию польской Украины и Белоруссии нет.

Подобные планы появились только с началом Семилетней войны, когда Конференция при высочайшем дворе, созданная для лучшего управления и координации действий дипломатии и армии в войне с Пруссией приняла решение о целях этой войны. Петербург намеревался захватить у Фридриха II Прусское королевство (то есть Восточную Пруссию) и обменять его Польше на Курляндию и на “округление границ” на Украине и в Белоруссии для пресечения пограничных жалоб⁸⁶.

И в этом документе польские территории Украины и Белоруссии не рассматривались как цель России, а только как средство обеспечения спокойствия на русских границах. Даже конкретные границы будущего “округления” Конференция не рассматривала, главным приобретением России планировалась вообще не Белоруссия или Украина, а Курляндия, следовательно, ни религиозные, ни национальные мотивы территориального расширения не были основными. Россия, судя по всему, была согласна с нахождением в составе Польши Белоруссии и Правобережной Украины, но считала своим долгом защищать на этих территориях своих единоверцев. В этом тоже не было ничего необычного, православным Россия покровительствовала и в Османской империи, и во владениях австрийских Габсбургов.

Даже нахождение на польской территории российской армии во время Семилетней войны никак не сказалось на планах России по отрыву от Польши Правобережной Украины и Белоруссии. Факт открытого вмешательства России во внутripольские дела относился к территории Великой Польши, где Петербург опасался возникновения антикоролевской конфедерации и разместил там свои войска с целью препятствования этому.

Для российского правительства Правобережная Украина и Белоруссия в 50-х–начале 60-х годов являлись территориями сопредельного государства, на которых следовало защищать православных и прекратить исходящие с них нападения на российские территории.

¹ *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772.1793.1795. М., 2002; *Носов Б.В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М., 2004.

- ² Например: *Маркина В.А.* Крестьяне Правобережной Украины. Конец XVII–60-е гг. XVIII в. Киев, 1971; *Швидько А.К.* Социальные отношения и классовая борьба в городах Правобережной Украины во второй половине XVII–середине XVIII в. Днепропетровск, 1984.
- ³ Архив внешней политики России. (Далее – АВПРИ). Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1749. Д. 5а. Л. 439 об.–440.
- ⁴ История Украинской ССР. Киев, 1983. Т. 3. С. 324–325.
- ⁵ АВПРИ. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1751. Д. 7. Л. 442 об.
- ⁶ Там же. 1750. Д. 5. Л. 88 об.
- ⁷ *Антонович В.* Исследование о гайдамачестве по актам 1700–1768 гг. Киев, 1876. С. 31.
- ⁸ Там же. С. 59, 60.
- ⁹ История Украинской ССР. Т. 3. С. 509.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1750. Д. 10в. Л. 369.
- ¹¹ Там же. Д. 7. Л. 153 об.–154 об.
- ¹² Там же. 1753. Д. 2. Л. 45 об.
- ¹³ Там же. Л. 91.
- ¹⁴ Там же. Л. 92.
- ¹⁵ Там же. 1757. Д. 7а. Л. 387–387 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 469 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 6б. Л. 167 об.
- ¹⁸ Там же. 1756. Д. 22. Л. 1 об.
- ¹⁹ Там же. 1758. Д. 10а. Л. 116–117 об.
- ²⁰ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.–Харьков, 2002. Кн. XII. С. 705.
- ²¹ Там же. С. 706.
- ²² АВПРИ. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1760. Д. 5. Л. 158–158 об.
- ²³ Там же. 1761. Д. 5. Л. 183.
- ²⁴ Там же. 1762. Д. 5. Л. 28.
- ²⁵ Там же. Л. 96.
- ²⁶ Там же. 1761. Д. 5. Л. 47–48.
- ²⁷ Там же. 1751. Д. 4. Л. 31–31 об.
- ²⁸ Там же. 1752. Д. 10в. Л. 206.
- ²⁹ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 185–186.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1754. Д. 5. Л. 16.
- ³¹ Там же. Л. 345 об.
- ³² Там же. 1757. Д. 9. Л. 418–418 об.
- ³³ Там же. 1758. Д. 9. Л. 233.
- ³⁴ Там же. 1759. Д. 5. Л. 19.
- ³⁵ Там же. Л. 91.
- ³⁶ Там же. 1760. Д. 7а. Л. 191–192.
- ³⁷ Там же. 1761. Д. 5. Л. 35 об.–36.
- ³⁸ Там же. Л. 130.
- ³⁹ Там же. Ф. 21. Пограничные с Польшей комиссии. Оп. 1. 1742–1763. Д. 10. Л. 205–205 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 206.
- ⁴¹ Там же. Л. 206–207.
- ⁴² Там же. Л. 77 об.
- ⁴³ Там же. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1754. Д. 6. Л. 73.
- ⁴⁴ Там же. 1755. Д. 3. Л. 178.
- ⁴⁵ Там же. Л. 119 об.

- 46 Там же. 1754. Д. 6. Л. 65 об.–66.
- 47 Там же. 1755. Д. 3. Л. 220, 272.
- 48 Там же. Д. 5. Л. 102.
- 49 Там же. Д. 7. Л. 7–7об.
- 50 Там же. Л. 119 об.
- 51 Там же. Л. 188.
- 52 Там же. 1756. Д. 6а. Л. 48–48 об.
- 53 Там же. 1755. Д. 6. Л. 573 об.
- 54 Там же. 1756. Д. 5. Л. 250.
- 55 Там же. 1759. Д. 5. Л. 20 об.
- 56 Там же. Л. 109.
- 57 Там же. Л. 195–197.
- 58 Там же. 1760. Д. 5. Л. 43.
- 59 Там же. 1759. Д. 5. Л. 207–208.
- 60 Там же. Л. 222.
- 61 Там же. 1760. Д. 5. Л. 17.
- 62 Там же. Л. 18.
- 63 Там же. Л. 20.
- 64 Там же. Л. 89.
- 65 Там же. Л. 15 об.–16.
- 66 Там же. Л. 51–51 об.
- 67 Там же. Л. 100–100 об.
- 68 Там же. Л. 193.
- 69 Там же. Д. 7а. Л. 258 об.–259.
- 70 Там же. Д. 5. Л. 198.
- 71 Там же. Л. 190–191.
- 72 Там же. Л. 237.
- 73 Там же. Л. 260.
- 74 Там же. 1761. Д. 5. Л. 216.
- 75 Там же. Л. 298–299 об.
- 76 Там же. Л. 319.
- 77 Там же. Л. 330–331.
- 78 Там же. Л. 356–356 об.
- 79 Там же. Л. 357.
- 80 Там же. 1762. Д. 2. Л. 17 об.–18.
- 81 Там же. Д. 5. Л. 62.
- 82 Там же. Л. 81.
- 83 *Понятовский С.* Мемуары. М., 1995. С. 95.
- 84 *АВПРИ. Ф.* 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1762. Д. 8. Л. 4.
- 85 *Анисимов М.Ю.* Россия и Швеция в середине XVIII в.: от конфронтации к союзу // *Отечественная история.* 2004. № 6. С. 5.
- 86 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 423–424.

И.С. Рыбаченок

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX в. В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ*

Слово “карикатура”, как известно, происходит от итальянского *caricare* – “отягощать”, “усиливать”, “сгущать”. Объясняется это тем, что в изображении предмета, животного, лица или фигуры человека какая-либо деталь акцентировалась за счет нарушения пропорций и тем самым рисунок получался как бы отягощенным, шаржированным. Такое нарушение соотношений не было следствием ошибки художника – его плохого глазомера или неумелой руки. Напротив, все преувеличения вносились вполне сознательно. Художник фиксировал и переносил в рисунок те несообразности, которые являлись характерными признаками отображаемого, а в результате оно производило комическое впечатление, вызывало смех.

Определения, которые даются карикатуре, прежде всего подчеркивают эту сторону¹. Карикатура – “рисунок или скульптура, имеющая целью осмеять кого-нибудь или какое-нибудь деяние, общественное событие, общественный строй”. Эта способность вызывать смех, который, по словам Рабле, есть “отличительное свойство человека”, является знаковой чертой карикатуры. Издревле люди развлекались тем, что потешались над забавным, вышучивали свои и особенно чужие недостатки, насмехались над своими врагами, иронизировали по поводу несоответствия видимого и сущего, пародировали даже самые священные оригиналы, обличали пороки частной и общественной жизни человека. Шкала смеха, таким образом, оказывалась весьма протяженной – от тонкой усмешки до безумного хохота.

Дополняет определение карикатуры констатация того факта, что “юмористическое звучание рисунка может конкретизироваться и поддерживаться сопровождающим его более или менее

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 6 апреля 2006 г.

кратким текстом". Этот последний, как правило, имеет форму простого или распространенного предложения, монолога или диалога. Опыт показывает, что чем удачнее рисунок, тем короче сопровождающий его текст.

История карикатуры уходит корнями в далекое прошлое². Следы ее существования специалисты находят в Древнем Египте; отмечают видное место, которое отводилось ей в Древней Греции и своеобразные приемы и форм в Средние века; подчеркивают аллегоричность карикатуры эпохи Возрождения и фиксируют обстоятельство, что в это время она перестает быть анонимной.

В ходе Реформации сатира стала одним из действенных средств борьбы ее лидеров против папской власти. Особенно широкое распространение сатира получила в Германии: тысячными тиражами разносились по стране листки со стихами или прозой и с непременной гравюрой карикатуры, наглядно пояснявшей смысл текста. Римская церковь в ответ на критику также заговорила на языке сатиры, изображая в карикатурном виде Лютера и Кальвина.

Ожесточенная борьба в ходе религиозных войн сделала карикатуру ходовым товаром, который приносил большие барыши. Многие французские типографии печатали только продукцию этого рода, причем одновременно работали как на католиков, так и на гугенотов. В Англии широкое распространение получили карикатуры на пуритан. При Людовике XIV и Людовике XV пышным цветом расцвела сатира на общественные нравы, моды, прически и тому подобное, поскольку королевская власть почти уничтожила политическую карикатуру.

В России первые изображения юмористического или сатирического характера в виде лубочных картинок известны с конца XVII в. Они появились под влиянием потешных немецких листков, занесенных через Польшу, и голландских лубочных гравюр. В ту пору высмеивались физические уродства, бытовые пороки, нравы эпохи, иноземные наряды высших классов. Рисунки обязательно сопровождались ритмизованным или рифмованным текстом.

Во второй половине XVIII–начале XIX в. карикатура получила продолжение в гравюрах на меди, в альбомных зарисовках, стала оригинальной по замыслу и исполнению. Настоящий бум она пережила в годы Отечественной войны 1812 г., явив массу сатирической графики на тему французов, битых русскими партизанами и казаками. Автор карикатур – И.И. Тербенев – считается родоначальником отечественной художественной карикатуры³. В огромном количестве карикатуры на Наполеона появились и во многих странах Европы. Особенно многочисленны и разнообразны были они в Англии, став своеобразным художест-

венным комментарием к деяниям полководца–проконсула–императора. Важно отметить, что самый талантливый из художников – Гильрэ – был близким другом лорда-канцлера У. Пита, который давал мастеру идеи для карикатур против Наполеона и редактировал рисунки⁴.

Во Франции политическая карикатура возродилась после падения Наполеона и объектами критики стали государственные и политические деятели, король и его двор. После революции 1830 г. мишенью для журналистов и художников оказался Луи-Филипп. Ту истину, что “политическая карикатура питается главным образом лицами”, убедительно продемонстрировал французский художник Филиппон – хрестоматийным образчиком политической сатиры стала карикатура на Луи-Филиппа, изображавшая физиономию короля в виде груши.

Изобретение литографии позволило соединить прессу с карикатурой и выпускать периодические листки. Первым журналом, всецело посвященным карикатуре, во Франции стал “La Caricatur” под редакцией Филиппона, выходивший по четвергам с октября 1830 г. Через два года появилась ежедневная сатирическая газета “Charivari”, правда, просуществовала она не долго и была закрыта после принятия в 1834 г. закона о печати. В последнем номере редакция газеты перепечатала текст судебного постановления, но набран он был ... в виде груши.

Всемирную известность приобрели чуть позже сатирический журнал “Punch”, выходивший в Англии с 1841 г., и издававшиеся в Германии “Die Fliegende Blätter” (Мюнхен) и “Ulk” (Берлин с 1862 г.). “Punch” и “Ulk” главным образом были посвящены политической карикатуре и живо откликались на каждое более или менее важное событие, происходившее не только во внутривнутриполитической жизни Англии и Германии, но и в мире в целом. Стоит отметить, что заставка на титульном листе журнала “Punch” очень ярко передает соль карикатуры: Панч – английский аналог русского Петрушки – с плутоватой усмешкой стоит перед мольбертом; ему позирует полная самомнения собака, а под кистью “художника” появляется портрет... льва.

К концу XIX – началу XX в. сатирических изданий в европейских странах и в Америке стало существенно больше. Наиболее известные журналы, публиковавшие карикатуры, выходили во Франции, Германии, Австрии, Италии, Англии, Швейцарии: Charivari, Le Grelo, Le Pileri, La Silhouette, Le Pelerin, Le Monde Illustré, Le Libre Parole, Le Petit Parisien (во Франции); Deutsche Wespen, Ulk, Lustige Blätter, Der Wahre Jacob (в Германии); Humoristische Listy, Der Floh, Figaro, Kikeriki (в Австрии); Le Pester Lloyd (в Венгрии); Pasquino,

Fischietto (в Италии); Punch, Pall Mall Budget (в Англии); Don Quichotte (в Испании); Nebelspalter (в Швейцарии); De Nederlandische spectatore (в Голландии); Puck, Judie (в Америке).

В России из-за жестких действий цензуры политическая карикатура не получила значительного развития. Первая попытка издать “Журнал карикатур” в начале 1808 г. была пресечена по повелению Александра I: изготовленные А.Г. Венециановым и уже отпечатанные листы, а также офортные доски были конфискованы. Первый русский юмористический сборник “Ералаш” выходил под редакцией М.Л. Неваховича в 1846–1849 гг. В нем сотрудничал Н.А. Степанов, впоследствии основатель сатирических журналов “Искра” и “Будильник”. В конце 50-х годов XIX в. в России с разной периодичностью выходило несколько журналов с карикатурами: “Карикатурный листок”, “Гудок”, “Рассказы карандаша” (1857–1858). Затем появился и был широко распространен журнал “Стрекоза”, из недр которого вышел в 1908 г. “Сатирикон”. Всего в начале XX в. в России издавалось более 250 сатирических журналов разной политической направленности.

Основными признаками карикатуры как художественного явления специалисты считают: преувеличение и выдвигание на первый план характерного; сглаженность или отсутствие второстепенного, несущественного; теснейшую связь со своим временем, актуальность; способность говорить на понятном для всех языке – языке улицы; пренебрежение запретными темами, игнорирование рангов, чинов, званий и прочих социальных градаций.

С середины XIX в. благодаря большим тиражам многочисленных и разнообразных периодических изданий карикатура становится явлением массовым. Широкое распространение газет и журналов способствовало появлению талантливых карикатуристов в разных странах. И хотя каждый из них обладал присущей именно ему манерой и техникой, но вместе с тем все мастера одной страны имели что-то общее в передаче натуры и в понимании сюжета. Это позволяет говорить также и о наличии национальной специфики художников-графиков.

Вместе с тем под карандашом или пером художника, независимо от его национальности, каждая держава обретала свои характерные атрибуты-символы. Так, Германию изображали в виде крупной мужской фигуры в кирасе, каске с шишаком и с саблей на боку (иногда женской фигуры в каске); Австрию – высоким офицером; Италию – господином во фраке или в широкополой шляпе с пышным пером, часто – с лицом премьер-министра Франческо Криспи. Англию обычно символизировал Джон Буль – коренастый сэр в костюме для верховой езды; или высокий сухощавый

джентльмен в клетчатом пальто с пелериной и тростью; или – во фраке и с моноклом. Образ Франции, как правило, воплощался в лице Марианны во фригийском колпаке; в виде петуха; в виде барышни с петушиным гребнем или и с гребнем, и с петушиным хвостом, наконец, в пышной юбке с надписью “Франция”.

Россию символизировали медведь; казак в тулупе, опоясанный саблей; мужичок в сапогах и меховой шапке или девушка в кокошнике и с длинной косой. Искаженный образ России давно и стойко существовал в европейском сознании. На одном из обедов во время визита русской эскадры в Тулон в 1893 г. известный французский литератор Мельхиор де Вогюэ напомнил, что долгое время Россию представляли в образе казака, сидящего на глыбе льда, а с понятием “Россия” ассоциировалось что-то “очень далекое, очень холодное и очень темное”. Такой карикатурный образ России прослеживается в рисунках многих европейских художников того периода.

Европейская пресса конца XIX–начала XX в. значительное внимание уделяла внешнеполитическим проблемам своих стран и международным отношениям в целом, многие из них находили отражение и в сатирической графике. Проследим перечисленные выше специфические черты и особенности карикатуры на конкретных сюжетах: противостояние Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии и Двойственного союза России и Франции; позиция Англии и изменения в расстановке сил на международной арене на рубеже веков; Первая конференция мира в Гааге 1899 г.; Англо-бурская война 1899–1902 гг.; “боксерское” движение в Китае 1900–1902 гг.; Русско-японская война 1904–1905 гг.

Карикатура всегда злободневна – она синхронна событиям международной жизни, однако это не сухая хроника, а отображение событий в восприятии художника, как правило емко и точно выражающего их суть. При этом того эффекта, которого публицист добивался броской фразой, художник достигал иногда двумя–тремя штрихами, создавая определенный образ, часто становящийся знаковым. Так, германского канцлера О. Бисмарка все карикатуристы изображали с тремя волосками на темени, и даже если портретного сходства не наблюдалось, всем было ясно, что речь идет о создателе Тройственного союза.

Суть этого союза удачно отражена в целом ряде рисунков. На одном из них (художник J. Blass) зритель видит три фигуры его участников (с очевидным портретным сходством), скованных кольцами на лодыжках, запястьях, вокруг талии и даже в ноздрях; на другом союз представлен в виде мышеловки с тремя входами, а особенно образно – в неопубликованной в свое время в прессе карикатуре “Друзья мира” известного французского ху-

дожника Tivet-Boguet. В изображении тройцы приятелей, мирно покуривающих вокруг бочки с надписью “Порох”, явно читается отношение автора к этому союзу, который создает угрозу миру.

Карикатура “Последнее представление” (из “Der Wahre Jakob”) наглядно являет немецкому обывателю те последствия, которые ждут Германию в результате франко-русского сближения – войну на два фронта. Поучительная подпись под текстом разъясняет необходимость для нее, зажатой между Россией и Францией, постоянно наращивать свои вооружения. Но именно угроза со стороны Германии толкала Россию и Францию к сближению.

Двойственный союз стал противовесом Тройственному. Хотя о заключении в 1891 г. дипломатического соглашения между Россией и Францией широкой публике в то время не было известно, иностранная и русская пресса отметила качественную перемену в международных отношениях. Русская газета “Новое время” писала: “Теперь франко-русское сближение всеми признается за политический факт, столь же серьезный, как возобновление Тройственного союза”. Этот тезис получил яркое воплощение в карикатуре “Романс без слов”, опубликованной в журнале “Стрекоза”, и изображившей милую парочку спокойно прогуливающейся по “Международной улице” под настороженными, удивленными или завистливыми взглядами.

Другие рисунки того же художника (скрывшегося под псевдонимом “Овод”) представляют сближение двух стран как “Братание” двух матросов в Кронштадте (1891 г.), а затем их новую встречу в Тулоне (1893 г.) – “Брехуны из Тройственного союза”⁵. В этих карикатурах нашли отражение факты визитов французской военно-морской эскадры в Россию и русской – во Францию. Официальные, проведенные на высоком уровне и весьма торжественно эти мероприятия должны были свидетельствовать о новых отношениях, установившихся между двумя державами.

Важно отметить, что физиономии матросов на двух последних рисунках те же, только бороды наших героев заметно выросли. Изюминка замысла – окружившая друзей стая разномастных псов, заливающих яростным лаем, на ошейниках которых читаются названия крупнейших английских, германских, австрийских и итальянских газет: “Times”, “Standard”, “Neue Freie Presse”, “Neue Zeitung”, “Pester Loiyd”, “Tribuna”. Сопровождающий карикатуру текст – заключительная строфа из басни И. Крылова – точно работает на замысел: “Завистники, на что ни взглянут, / Поднимут вечно лай; / А ты себе своей дорогою ступай: / Полают, да отстанут”. Это, пожалуй, единственная карикатура, в которой нашел отражение сюжет о западноевропейской

периодической печати, далеко не дружелюбно освещавшей события сближения двух стран, и прекрасно передающая отношение русского художника к выпадам недругов.

Адекватное отражение нашли в карикатуре причины заключения Двойственного союза: политические, финансовые, военные. На австрийской карикатуре “Самый приятный для русских парад войск во Франции” (“Le Flot”), прекрасно сочетаются портретное сходство персонажей и легко прочитаемый образ. Зритель видит французского президента Сади Карно, обнимающего русского адмирала Ф.К. Авелана, и выстроившиеся в шеренги мешки денег. Рисунок сопровождается монологом адмирала: “Будьте уверены, господин президент, что русские могут оценить значение этих войск, посланных на подкрепление французскими друзьями, мы и впредь надеемся на их помощь”.

Коренная причина сближения Франции и России – “Милитаризм в Германии” – отражена в одноименной карикатуре (художник J. Kerpler) из американского “Puck”. Огромных размеров рулон с надписью аршинными буквами “Военный законопроект”, который Вильгельм II держит в руках, вызывает вполне естественную озабоченность императора Александра III и президента Сади Карно. В целом это хороший пример преувеличения в карикатуре. Однако общее впечатление в известной степени снижается из-за перегруженности деталями: здесь мы видим и портретное сходство персонажей, и соответствующую атрибутику (горностаевая мантия, короны, фригийская шапочка), и пояснительные подписи “Россия”, “Германия”, “Франция”, а на стене возле фигур еще и изображения двуглавого орла и петуха.

Удачно сочетаются портретное сходство и образ в полной мягкого юмора карикатуре из австрийского “Humoristische Listy” “Не всем это понравится”. На ковре у каляна, скрестив ноги сидят Сади Карно и Александр III, причем известное портретное сходство дополнено атрибутикой – фригийском колпаком на

голове президента и меховой шапкой – царя. На трубке кальяна, которую держит президент, надпись “Кронштадт”, на той, что в руках царя – “Тулон”, а в клубах дыма, витающего над их головами, читается слово “Alliance”. Позади главных персонажей видна фигура женщины с пышными формами, разметавшимися волосами, в прусской каске и с надписью чуть пониже спины “Германия”; она стоит уткнувшись лицом в стену, поскольку ей противно смотреть на происходящее. Сопровождает рисунок характерный диалог: “Франция: Боже мой, как хорошо! Россия: Это превосходно. Германия: Черт побери, меня от этого тошнит!”.

Французская карикатура “Отъезд в Кронштадт”, напротив, прекрасный пример преувеличения характерного: высокая фигура Республики и маленькая – президента (с подарками в обеих руках) создают впечатление напутствия мамаше своему чаду. Подпись удачно дополняет рисунок: “Помни, малыш, чтобы там ни говорили твои министры, русский самодержец будет принимать Французскую Республику”. Другой вариант того же образа находим на буклете популярной в то время песенки “Самый сильный во Франции”: крупная фигура президента в рубаше с засученными рукавами и рабочем фартуке держит на ладони маленький бюстик Марианны.

Интересные результаты дает сравнение национальных вариантов одного и того же сюжета. На французской карикатуре из “La Silhouette” (художник Charvic) “Помолвка” и на германской “После праздников” из “Deutsche Wespen” (художник A. Kruger) представлена встреча Франции и России в Тулоне. Судя по датам публикации, последняя – ремейк первой, но выражает совершенно иные чувства. На французской – трепетная радость свидания: адмирал Авелан, командующий русской Средиземноморской эскадрой, привез Марианне обручальное колечко. На немецкой – неприкрытая грубость: получив подарки и лихо закручивая ус, Авелан отворачивается от Марианны со словами: “А теперь, малышка Франция, ты снова можешь называть меня на Вы”. Современникам событий был хорошо понятен язык улицы, на котором говорила карикатура. Сегодня далеко не все смогут узнать в Марианне Жюльетт Адан – известную французскую журналистку, редактора “La Nouvelle Revue”, пропагандировавшую в своих статьях сближение России и Франции и с энтузиазмом готовившую подарки для жен и сестер русских моряков.

Другой пример. Всенародное ликование в Тулоне и Париже в связи с визитом русских моряков в 1893 г. французская газета “Soleil” характеризовала как национальное празднество: “Можно сказать, что Россия овладела Францией”. С этим тезисом пере-

кликалась пикантная карикатура Ad. Willette “Марианна и северный медведь”. Полог с символикой двух держав приоткрывал постель, где добродушный мишка обнимал одетую лишь во фригийскую шапочку Марианну, которая вопрошала косолапого: “Скажи-ка, дорогуша, я отдам тебе сердце, но получу ли я твою шубку зимой?”. Корреспондент германской “Vossische Zeitung”, естественно, менее лояльно настроенный, съязвил по поводу французских восторгов: “Париж лежит у ног России”. Это положение ярко воплощено в злобной карикатуре “Русский гарем в Париже” из берлинского “Ulk”. Перед развалившимся в невысоком кресле Александром III, изображенным в виде султана в чалме, шароварах, сапогах со шпорами, с кнутом за поясом и с бутылкой в руке, склонились три женские фигуры в легких туниках, на которых читаются надписи: “Egalité”, “Liberté”, “Fraternité”. Подпись гласила: “Ему достаточно махнуть платком”. Три ипостаси Республики, сгибавшиеся перед автократом, должны были уязвить и Россию, и Францию. Используя такой способ, немецкий карикатурист вел своеобразную “войну на два фронта”.

Итальянские карикатуры столь же открыто демонстрируют недоброжелательность и озлобленность, часто имеют характер пасквиля, вполне оправдывая название одного из сатирических журналов – “Pasquino”. Желание уколоть Францию проявляется в изображении латинской сестры с петушиными гребнем и хвостом, очень часто в виде девицы с манерами кокетки. На одной из итальянских карикатур Франция предстает даже в виде торговли ... медвежьими шкурами. Фигуранты те же, что в рисунке французского художника “Марианна и северный медведь”, но какая разница в оттенках!

Французские карикатуры остроумны, образны, с большим чувством юмора и вкусом к нюансам. И даже если они слегка фривольны, они никогда в отличие от итальянских, не бывают пошлыми. А главное – французы умеют посмеяться над собой. Эталоном может служить карикатура “Это русский!”, опубликованная в “Le Petit Parisien” и перепечатанная затем в “Стрекозе”. Уставшие от нескончаемых празднеств, русские офицеры переодевшись в штатское бродили по Парижу. Но их повсюду узнавали и шумно приветствовали, даже ... завидев у уличной уборной!

Столь же различны французская и германская трактовка результатов визита президента Феликса Фора в Россию в 1897 г. и провозглашения факта существования франко-русского союза. На французской карикатуре “Триумфальное возвращение” (“Le Grelo”) шутивно изображен малыш Фор (как и на рисунке

“Отъезд в Кронштадт”) в полном параде – черном фраке, с лентой Почетного легиона и в цилиндре, увенчанном лавровым венком; президент несет воздушный шарик с надписью “Alliance”, приговаривая: “Клянусь, там что-то есть!”. Гораздо ехиднее “Прощание” из берлинского “Lüstige Blätter”: в окне спального вагона скорого поезда Петербург–Париж видны фигуры министра иностранных дел Габриеля Аното и Ф. Фор, причем последний изображен в виде разряженной старухи в огромной шляпе с цветами. Император Николай II в походной форме и с саблей на боку, догоняя отходящий состав, протягивает Фору фунтик с надписью “Alliance” и говорит: “Держи, вот безделушка для твоих ребятишек, чтобы они не кричали, что ты им ничего не привез”.

Для карикатуриста нет запретных тем и неприкасаемых лиц. Так, на австрийской карикатуре “Постель для президента”, Фор изображен с явной издевкой – в шлепанцах, исподнем и с крышкой от ночного горшка в руке. Дело происходит в Петергофском дворце, где разместили французского президента, и где за две недели до него проживал германский кайзер. Два визита глав государств с таким коротким интервалом отразили начало своеобразной борьбы Германии и Франции за благосклонность России. Диалог президента и горничной под стать изображению: “Скажи-ка, милая, не здесь ли почивал император Вильгельм? – Конечно, папаша. – Ох, тогда постели мне в другом месте, боюсь, что тут я не сомкну глаз”.

Французы тоже подтрунивают над Фором, но делают это гораздо изящнее. Художник Фертом (“Le Pilogie”) в серии карикатур на разные лады развивает тему: президент, мечтающий стать монархом. В обобщенном виде она ярко воплощена в карикатуре “Мечта Фора” (в “La Libre Parole”). Отчасти даже употребляя сходную с австрийской карикатурой атрибутику, французский художник (под псевдонимом Ж. Шантеклер) тонко использует аллюзию. Фор изображен отдыхающим в каюте крейсера “Потюю”, на котором он прибыл в Россию. В тумбе возле постели чуть заметен пресловутый сосуд; на полу – башмаки с белыми гамашами; початая бутылка тминной водки; открытая жестянка с надписью “Икра” и торчащей из нее столовой ложкой; рассыпавшиеся костяшки домино (одной из любимых игр Николая II); на тумбе – томик “Жизнь Цезаря”. А снится президенту собственная коронация: облаченный в горностаевую мантию, со скипетром и державой в руках, он важно шествует во главе процессии, направляющейся к Собору Парижской Богоматери, в то время как над толпой несется возглас “Да здравствует Феликс I!”. Цветовое решение – белые ночной колпак и рубашка, синее одеяло и красная лента ордена Почетного легиона – символизирует цвета национального флага.

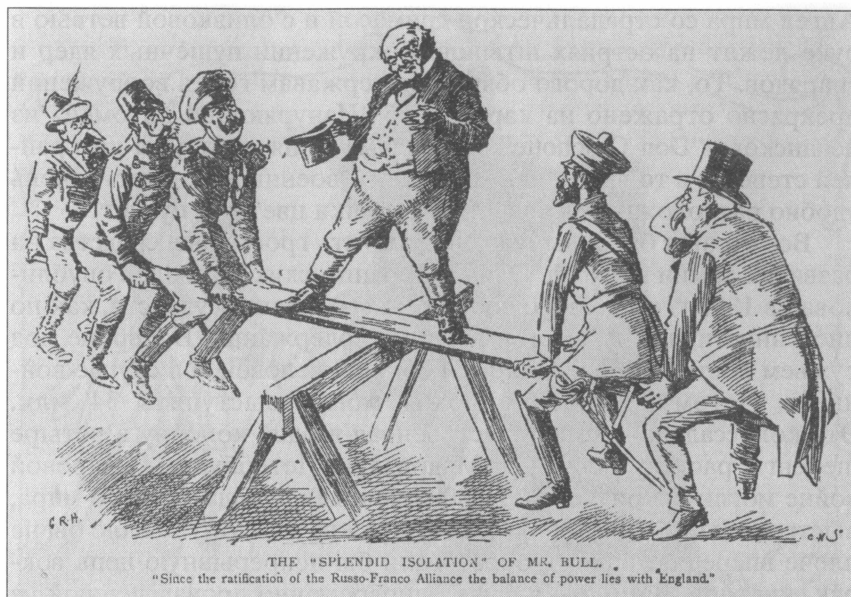
Значение того факта, что президент Французской Республики был принят в России в 1897 г. с почестями, подобающими венценосцам, прекрасно передает карикатура “Петух и Бюст” знаменитого Каран д’Аша (настоящее имя – Эммануэль Пуаре). Кортёж торжественно движется по галерее бюстов в Петергофе, императорский оркестр наяривает “Марсельезу”, а у бюста Людовика XIV глаза лезут на лоб от удивления.

Новая ситуация на международной арене, созданная русско-французским сближением, по-разному видится из Парижа, Цюриха, Нью-Йорка и Лондона. На французской карикатуре “Италья-

янская музыка” ясно обозначено противопоставление двух союзов – вооруженного до зубов и миролюбивого. Другое отношение читается в американской “Мир в Европе обеспечен”: перепуганный Ангел мира не знает, чего ждать от этого противостояния. Во французской карикатуре “Европейское равновесие” из “Le Grelo” (художник Пепэн) старушка-Европа представлена в виде балансира: в одной руке – клетка с надписью “Triplix”, в другой – корзина цветов с надписью “Antente franco-russe”. Старушка крайнее удивлена: трехместная клетка полностью уравновешивается двухместной корзиной. Подпись гласит: “Достаточный противовес Тройственному союзу”. Ту же идею швейцарская “Nebelspalter” в карикатуре “Мир в Европе” трактует совсем иначе: три фигуры на одном плече детских качелей оказываются весомее двух – на другом. При этом каждая из групп старается перетянуть на свою сторону Джона Буля.

Вообще позиция Англии и ее роль в расстановке сил на международной арене постоянно находится в поле зрения художников. Но при этом французские и русские авторы, в отличие от швейцарских или английских, ставят иные акценты. В отечественной карикатуре “Романс без слов” англичанин снимает шляпу перед франко-русской парой; во французских – остается наблюдателем за происходящим. “Не вижу для себя ничего хорошего в этом небольшом визите” (художник под псевдонимом Бобб в “La Silhouette”), – заявляет Джон Буль, который в гордом одиночестве пристально следит со своего острова в подзорную трубу за встречей царя с президентом. Ту же тему развивает А. Лемоль (в “Le Pelerin”). На карикатуре “Большой европейский концерт” видим: взявшись за руки Николай II и Феликс Фор раскланиваются со сцены многочисленной публике, которая восторженно рукоплещет, а в сторонке три фигуры с перекошенными от злости физиономиями обсуждают происходящее. Англичанин – рядом с участниками Тройственного союза, но не вместе с ними, так же, как и в карикатуре Фертома “Тройственный союз под дождем” (из “Le Pelogi”): под одним большим зонтом три фигурки, сбившись в кучку, укрываются от “дождя” русских и французских флажков, тогда как англичанин сидит чуть поодаль под своим зонтиком. В этих рисунках присутствует преимущественно констатация факта, а не его оценка. Лишь едва заметный намек – следы тревоги на физиономии англичанина – дают понять, что приходит время делать выбор.

Наконец, на английском рисунке “Блестящая изоляция Дж. Буля” та же ситуация, что и на швейцарской, получает и развитие, и оценку. Мы видим уже не 1893, а 1897 год, фигуры легко

узнаваемы: слева Вильгельм II, Франц-Иосиф II и Умберто; справа – Николай II и Ф. Фор. Качели уравновешены, поскольку лорд Солсбери стоит строго посередине. На его лице самодовольная ухмылка, тогда как на лицах всех остальных – напряженное ожидание. Подпись точно соответствует общему настроению: “С момента ратификации русско-французского союза баланс сил определяется Англией”.

Но уже современникам было ясно, что расстановку сил на международной арене во многом будет определять англо-германский антагонизм. В карикатуре А.Ф. Соколовского “Береженного и Бог бережет” (“Новое время”) создан яркий образ этого противостояния. Фигуры спящих солдат, символизирующие Германию и Англию, лежат на поставленных голова к голове походных кроватях; возле каждой – ружья с примкнутыми штыками, а рядом – пистолеты и шпаги. В начале 1900-х годов художники-карикатуристы разных стран неоднократно возвращались к этой теме, причем каждый из них подчеркивал разные ее аспекты.

Непрочность равновесия сил в Европе определялась и тем, что обе группировки продолжали наращивать свои сухопутные и военно-морские силы несмотря на все заверения о мире. В Англии, Германии, Японии, России были приняты программы усиления военно-морского флота. Яркий образ вооруженного мира воплощен в карикатуре “После больших маневров” из “Figaro”:

Ангел мира со страдальческой гримасой и с оливковой ветвью в руке лежит на остриях штыков в окружении пушечных ядер и снарядов. То, как дорого обходится державам гонка вооружений прекрасно отражено на карикатуре “Изнауряющий питомец” из испанского “Don Quichotte”: мамаша-Италия истощена до крайней степени, в то время как младенец – военный бюджет – очень удобно расположившись на стволе пушки цветет и пухнет.

Все страны были вынуждены тратить громадные средства на развитие армии и флота. Один из французских журналов опубликовал в 1898 г. сведения о вооруженных силах государств, как по численности, так и по стоимости их содержания. В Европе под ружьем постоянно находилось 4 250 000 человек, а в случае войны с учетом резервов в поход могло выступить 34 млн. Эта колоссальная армия, выстроенная в одну колонну в четыре шеренги, растянулась бы от Мадрида до Петербурга. В мировой войне могли бы биться 44 250 000 человек. Солдаты всего мира, выстроенные в одну линию так, что ружье каждого лежало бы на плече впередистоящего, образовали бы непрерывную цепь вокруг экватора. Лишь один залп, одновременно произведенный из всех этих ружей стоил бы 2,5 млн франков⁶. Но несмотря на это, почин России созвать международную конференцию для изыскания способов приостановить гонку вооружений был встречен в мире неоднозначно: народы отнеслись к предложению восторженно, правительства – недоверчиво.

Эти настроения образно, но очень зло выражает карикатура “Чудо дрессировки” из мюнхенского журнала “Simplicisimus”, опубликованная после обнародования русского предложения. Огромный медведь, которого держит на цепи Ангел мира, большущей метлой выметает с земного шара ружья, сабли, пушки и всякую военную амуницию, а за его действиями наблюдают державы, обозначенные соответствующими символами: галльский петух, британский лев, германский орел и т.д. На рисунке удачно показано множество оттенков восприятия русского предложения со стороны этих держав: злоба Германии и Австро-Венгрии, удивление Франции, сомнения Италии, настороженность и недоверие Англии. В тоже время явно прочитывается и отношение художника, который однозначно трактует инициативу России как медвежью услугу.

Хотя в августовском циркуляре 1898 г. не было слова “разоружение”, восторг и недоверие отчасти объяснялись тем, что в общественном восприятии сложилось представление, будто Россия предложила всеобщее разоружение. Именно так называлась карикатура Каран д’Аша напечатанная в “Figaro” в октябре

1898 г. На ней отражены “Ответы держав” на русскую ноту, а рисунки сопровождали подписи. «Англия: “В настоящее время это меня ни к чему не обязывает, я охотно соглашусь”; Австрия: “Если друг Вильгельм за, я тоже за”; Италия: “С удовольствием”; Испания: “Я соблаговолю”; Турция: “Я попытаюсь”; Германия: “Я готова, не желаю ничего лучшего”».

Обращает внимание остроумное изящество, с которым французский художник подчеркивает чрезмерную, а потому неискреннюю готовность Германии к миру. На острие холодного оружия у представителей всех держав надеты предохранители, а у фигу-

ры, символизирующей Германию, они к тому же и на шишаке каски, и даже... на кончиках усов а ля Вильгельм II, который “бронированным кулаком” намеревался добыть для империи “место под солнцем”!

Изображение Франции отсутствует, приводится лишь текст ее ответа: “Увы, сир, мы только это и делаем”. Вскоре после карикатуры Каран д’Аша в “Новом времени” был опубликован вариант ответа, который дает Англия на предложение России, в трактовке русского художника А.Ф. Соколовского. По смыслу ответ совпадает с французской версией. “Ол Райт. Теперь и о всеобщем разоружении можно поговорить”, – название карикатуры и прямая речь Джона Буля, который с самодовольной усмешкой, уверенно стоит широко расставив ноги, среди пушечных ядер и оружейных снарядов, а за его спиной виднеется мощная армада британского флота, самого сильного в мире.

А вот ответ Франции в версии английского “Panch’a” – “Дружественное предложение” – совсем иной, чем во французской. На обращение Николая II: “Дорогая союзница, бросьте ваш меч и вступайте вместе со мною в Лигу за мир” она отвечает: “Когда Германия вернет мне Эльзас и Лотарингию, я посмотрю”. В данном случае ответ буквально воспроизводит рисунок, на котором царь (изображенный с известным портретным сходством), бросив саблю наземь протягивает перехваченный шнуром свиток Франции, тогда как она, закованная в латы и опираясь правой рукой на обнаженный меч, настроена весьма воинственно. На первый взгляд простая по замыслу карикатура очень емко отражает сложные перипетии в отношениях между державами. Английский художник не только намекает на франко-германский антагонизм, порожденный франко-прусской войной 1871 г., отказывает Франции в стремлении к миролюбию (в этот период англо-французские колониальные противоречия достигли пика своей остроты), но и подчеркивает разномыслие между союзницами, которое действительно имело место.

Взаимное недоверие, царившее между государствами, нежелание и опасение сокращать свои вооружения прекрасно отражает карикатура “Момент истины” из американского “Puck”: стоящие по разные стороны океана лидеры крупнейших держав держат в руках огромные жернова с надписью “Военный и Морской бюджет”, но никто из них не решается первым расстаться с сей обременительной ношей, бросив ее в воды Атлантики. В июле 1899 г., когда первая конференция мира в Гааге завершалась, эта карикатура была перепечатана нидерландским “Dagblad”. В том же номере помещена не менее пессимистическая карика-

тура “На дороге к миру” из берлинского “Humoristische Blätter”. В ней создан образ многотрудного пути к вершине “Мира” по узкой каменистой тропе над пропастью “Войны”: обливаясь потом и высунув от натуги язык, тяжело груженная пушками и ружьями, плетется по извилистой дороге лошадь, а Ангел мира, натягивая вожжи, погоняет ее пальмовой ветвью. И в рисунке, и в подписи: “Не рухнет ли лошадь под тяжестью постоянно увеличивающегося бремени?” отчетливо звучит сомнение автора.

В карикатуре Раталанга “Что сулит конец века”, опубликованной в “Der Wahre Jakob” и перепечатанной в “Новом времени”, автор использует те же атрибуты, но его рисунок оптимистичнее. Четверка лошадей, запряженных попарно, везет катафалк, груженный пушками, снарядами и ядрами; траурное шествие замыкает Смерть с косой в руке, а за ее спиной тянется длинная извилистая река крови, над которой кружит воронье. И лишь несколько мелких, но важных штрихов, вносят в эту мрачную картину луч света: белые султанчики и попоны на лошадях, белые плюмажи и оборочки на катафалке, козлы под возничим покрыты белой тканью, на которой вместо черепа с костями улыбающаяся рожица в обрамлении ангельских крылышек, и, наконец, сама Смерть, утирающая слезы белым платочком. В такой трактовке явно проглядывает надежда на то, что погребальные дроги рано или поздно увезут в небытие все оружие в мире.

Рисунок был опубликован в январе 1899 г., после второй ноты России с программой конференции, которая, казалось, давала возможность найти консенсус по ряду вопросов международного права и обычаев ведения войны. Но, как известно, державы не пришли к согласию ни относительно приостановки гонки вооружений, ни относительно применения только мирных средств для разрешения конфликтов. Старые противоречия в Европе, на Балканах и Ближнем Востоке сплелись с новыми – в Африке и на Дальнем Востоке – в один клубок. Их решение толкало на создание тех или иных политических комбинаций между державами и стимулировало гонку вооружений. Вскоре после закрытия мирного форума началась Англо-бурская война, затем “боксерское” движение в Китае, куда для его подавления все державы ввели свои войска, наконец, разразилась Русско-японская война 1904–1905 гг.

На примере работ одного художника – Соколовского (с 1900 г. подписывал свои работы псевдонимом “Согé”), опубликованных в газете “Новое время”, рассмотрим как отражен в отечественной карикатуре начальный период Англо-бурской войны и

“боксерское” движение. При этом обратим внимание не только на саму карикатуру, но и на ее сопряженность с текстом, а также на верстку газетной полосы, поскольку степень восприятия читателем (зрителем) во многом зависит от того, где и как рисунок размещен. Известно, что визуальная информация в отличие от вербальной воспринимается не только сознанием, но и подсознанием, на ее долю приходится до 80% информации. В наше время карикатура в газете обычно заверстывается в текст статьи, составляя с ней единое целое. В конце XIX–начале XX в. такой прием уже практиковался в зарубежной прессе, а в отечественной к этому еще не пришли.

“Новое время” – большая ежедневная политическая газета – дважды в неделю выходила со вкладкой на бумаге лучшего качества и меньшего формата, где кроме небольших заметок печатались фотографии, рисунки и карикатуры. С 1900 г. карикатуры начинают публиковаться не только на вкладке, но и непосредственно на газетной полосе. Вначале рисунок помещался на второй, третьей или четвертой полосе, как правило, в верхнем левом или правом углу. Оптимальное место его расположения – верхний левый угол в начале диагонали – то есть так, как традиционно просматривает текст европейский читатель: сверху вниз, слева направо – было найдено, видимо, интуитивно. Но сама карикатура и текст, рядом с которым она заверстана, как правило еще не сопрягаются.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. вызвала в России живой отклик и сочувствие к бурам – потомкам голландских поселенцев, создавших в середине XIX в. Оранжевое Свободное Государство (Оранжевая Республика) и Южно-Африканскую Республику (Республика Трансвааль). Обнаруженные там крупнейшие в мире месторождения золота и алмазов стали объектом вождельней английских захватчиков. Хотя некоторые исследователи называют эту войну первой битвой XX в., учитывая применение новинок военной тактики, вооружения, оснащения и снаряжения, а также мер по изоляции пленных (использование концентрационных лагерей и колючей проволоки)⁷, ее с полным основанием можно считать и последней крупной колониальной войной этого периода.

Для наблюдения и непосредственного участия в военных действиях на юг Африки отправились русские добровольцы; был сформирован отряд Красного Креста. Отечественная пресса разных направлений внимательно следила за ходом событий, публикуя передовые статьи, телеграммы иностранных агентств, информацию собственных корреспондентов, карты и схемы

боевых действий, портреты их участников, а также многочисленные политические карикатуры. Они позволяют в совокупности с текстами статей и информационных сообщений не только следить за ходом дел, но, во-первых, выявить отношение к происходившему на далеком от России материке, где ее собственные интересы, казалось бы, не были затронуты, а во-вторых, показать какими средствами формировалось у отечественного читателя восприятие событий.

Одна из первых в серии карикатур, посвященных Англо-бурской войне – “На острове Святой Елены” – четко отражает сочувственную по отношению к бурам позицию газеты “Новое время”. Карикатура опубликована без подписи и, возможно, не принадлежит Соколовскому. Рисунок незамысловат: солдаты-лилипуты обступили со всех сторон связанного по рукам и ногам великана – бура. В предыдущем номере была помещена информация от собственного корреспондента газеты в Лондоне. В статье выражалась надежда на более гуманное обращение со стороны англичан с пленными бурами, высокая смертность среди которых обуславливалась жуткими условиями содержания.

Карикатура “Если бы Трансвааль был морской державой” очень образно передает соотношение сил противников: крохотная беззащитная рыбка, которую вот-вот проглотит вооруженная до зубов и покрытая броней акула-Британия. Важно отметить, что рисунок имеет отношение не только к конкретной ситуации, но является отражением той полемики, которая шла в это время в отечественной прессе по проблеме строительства современного военно-морского флота в России. Флот становится в это время основным орудием мировой политики, и во время международных кризисов морская демонстрация довольно часто применяется в качестве меры воздействия. “Новое время” пропагандировало необходимость создания мощного океанского флота в России (хотя многие государственные и военные деятели считали ее преимущественно континентальной державой) с тем, чтобы успешно противостоять натиску морских держав, прежде всего “владычице морей” – Британии.

После ряда поражений, англичане одержали несколько побед, и буры предложили заключить мир. Для этого решено было обратиться к международному посредничеству. Серия карикатур посвящена поездке по Европе президента Трансвааля Стефануса Крюгера в надежде получить поддержку со стороны великих держав для мирного урегулирования конфликта. На первой из карикатур крайне удивленный Крюгер изображен стоящим на лестничной площадке перед закрытой дверью с надписью “Европа”;

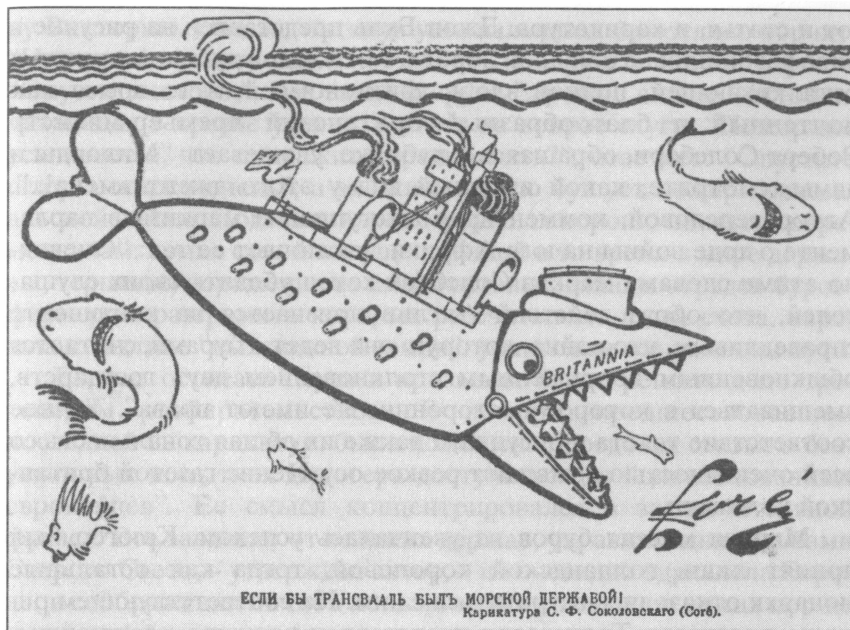

рисунок сопровождает монолог президента: “Не открывают. Вероятно никого нет дома”.

На карикатуре “Куда вес девался?” показан начальный период войны – явный перевес сил буров. На одной чаше весов прочно стоящей на основании удобно расположились Крюгер и президент Оранжевой Республики Мартинус Штейн (Штейн), заложив руки в карманы и мирно покуривая трубки. На другой чаше, поднятой высоко вверх – символизирующий Джона Буля огромный мешок денег с единицей и одиннадцатью нолями (сто миллиардов), увенчанный головой, обливаемой слезами. Рядом с рисунком размещен не относящийся к теме текст, но на предыдущей полосе читатель найдет материалы о русско-голландском санитарном отряде в Трансваале и объявление о сборе пожертвований для буров Обществом Красного Креста. Здесь мы видим не только сочувственное отношение к бурам, но и язвительную насмешку над англичанами, выраженную весьма образно.

Карикатура “Маркиз Солсбери делает опыты внушения”, завершенная в верхнем левом углу третьей полосы, по смыслу полностью совпадает с передовой статьей, помещенной на соседней второй полосе этого же номера газеты в седьмой колонке. Таким образом, в поле зрения читателя, развернувшего газету, попада-

ют и статья, и карикатура. Джон Буль представлен на рисунке в виде разбойника с большой дороги, с огромной дубиной в руках и отталкивающей, полной злобы физиономией; в то время как почтенный и благообразный британский премьер-министр Роберт Солсбери, обращаясь к публике, увещевает: “Милорды и дамы, смотрите, какой изящный вид у этого джентльмена!..”. Автор передовой, комментируя выступление маркиза в парламенте о ходе войны на юге Африки, заключает ее так: “Очевидно этими словами маркиз Солсбери хотел убедить своих слушателей, что образ действий Англии признается на континенте справедливым, что война, которую она ведет с бурами, считается обыкновенным вооруженным столкновением двух государств, вмешиваться в которое посторонние не имеют права”. Точное соответствие текста и рисунка, а также их общая тональность со всей очевидностью выявляют резкое осуждение газетой британской политики.

Мирная миссия буров не увенчалась успехом. Крюгер был принят лишь голландской королевой, тогда как остальные монархи отказались встретиться с ним. На соответствующем рисунке президент Трансвааля представлен вежливо кланяющимся старухе-Европе, весьма смахивающей на английскую короле-

ву Викторию. Она же, заткнув уши пальцами, брюзгливо ворчит: “Ничего не слышу, мсье президент”. И лучшая в этой серии – “Опустите шторы”. Все та же старуха-Европа с лицом Виктории, читающая в кресле у окна, в ответ на вопрос слуги: “Пожар все усиливается, что прикажите предпринять?”, отвечает: “Опустите шторы, жарко очень”, а за окном вовсю бушует пожар трансваляльской войны. Подтекст карикатуры был хорошо понятен современникам: армия самой могущественной в то время в мире державы, терпящая поражения от плохо организованных отрядов буров-фермеров, разгромить которых рассчитывала в два счета, перешла к тактике “выжженной земли”, уничтожая все на своем пути.

Европа осталась глуха к призывам буров решить дело третейским разбирательством. В номере, предшествовавшем последней из карикатур, была помещена передовая статья о безуспешных попытках Крюгера достучаться до “цивилизованных европейцев”. Ее смысл концентрировался в заключительной фразе: “Все зависело от великих держав, управляющих судьбами Старого Света, – утверждал автор, – но очевидно одряхла Европа; в соображения личной пользы замкнулась она и до сих пор не могут пробудить ее стоны умирающих на юге африканского материка героев”. Здесь слышится явная переключка с рисунками “Не открывают” и “Ничего не слышу”. Таким образом статья и карикатура дополняют друг друга, развивая тему каждая своими средствами.

Потерпев неудачу в Европе, делегация буров направилась в Америку, рассчитывая встретить иной прием в заокеанской республике. Но первоначально обещавший поддержку президент Североамериканских Соединенных Штатов Мак-Кинли, руководствуясь предвыборными соображениями, отказался принять делегацию. Прекрасно отражает эту ситуацию карикатура “Дядя Сэм глухой”. В безбрежном океане далеко на горизонте виднеется корабль – это “Европа”; на крошечном плоту одинокий человек с ружьем, патронташем и в шляпе с характерно загнутым с одной стороны полем, как было принято у буров, отчаянно размахивает платком; его плот того и гляди окажется в пасти жадной акулы-Англии, а проплывающий мимо в лодке под американским флагом почтенный господин, дымя сигарой, и ухом не ведет. За два номера до того, в котором помещен рисунок, была опубликована передовая статья, порицающая американское двуличие. Таким образом карикатура, не сопрягаясь непосредственно с текстом статьи, ясно передает ее суть и становится своеобразным комментарием с вполне определенной авторской позицией.

Большие потери в живой силе заставили англичан сменить командование и тактику действий. Вместо генерала Р.Г. Буллера главнокомандующим был назначен фельдмаршал Фредерик Робертс. Журнал “Стрекоза” (уже известный читателю художник “Овод”) откликнулся на это событие карикатурой, изображавшей побитого Буллера с синяком под глазом, которого треплют за уши с одной стороны “Англия”, а с другой – “Трансвааль”. Рифмованные строки дополняли рисунок: “Старый Буллер оплошал: / С ним случилась проруха / А теперь и свой, и враг / Тянут бедного за ухо”. После того, как англичане увеличили численность своих войск, положение буров существенно осложнилось.

Очень образно отношение Европы к происходящему на юге Африки отражено в карикатуре Соколовского “Европа сочувствует (Спрут и устрица)” в “Новом времени”. Подобно Лаокоону, опутанному петлями гигантского удава, Крюгер пытается, тщетно взывая о помощи, вырваться из щупалец спрута, в то время как устрица с надписью на створке “Европа” роняет сквозь узкую щель огромную слезу. На предыдущей полосе номера читатель найдет информацию британского телеграфного агентства из Лондона с открыто выраженным восторгом по поводу безопасности рудников и приисков после захвата английскими войсками центра золотодобычи Йоханнесбурга и пожеланием, чтобы Робертс скорее взял в плен самого Крюгера.

В том же номере в рубрике “Внешние известия” помещена заметка корреспондента газеты об оценках происходящего английской прессой, которая “в самых ясных и определенных выражениях полагает возможным заявлять, что о заключении мира с южно-африканскими республиками и речи не может быть, и война должна кончиться присоединением их к английским владениям *rite et simple*”. И хотя собственных комментариев редакция газеты не дает, рисунок и информационные материалы объединяет общий взгляд на вещи: художник бичует фальшивое сочувствие Европы, а корреспонденции выявляют истинные цели захватчиков.

Новая тактика – фланговый маневр – вынудили буров, не искушенных в тонкостях ведения современных военных действий, без боя сдавать важнейшие города. После поражений в Трансваале английские войска одержали ряд побед: на карикатуре «Юпитер из “Орфея в аду”» мы видим фельдмаршала Робертса, который, стоя возле залатанного боевого барабана, бодро докладывает полному самодовольства Джону Булю: “Мой гром уже исправлен”. В этом же номере помещена короткая, но знамена-

тельная официальная телеграмма из Лондона: “Претория занята англичанами”.

Одну из первых попыток сверстать рядом статью и карикатуру, близкую ей по смыслу, видим в другом номере газеты “Новое время”. “Поверьте, мне некогда с вами возиться... сделайте милость – войдите...”, – предлагает Джон Буль, открывая клетку и предлагая Крюгеру (изображенному в виде птички на ветке дерева) сдаться. Рядом с рисунком помещена записка о внешнеполитических затруднениях Англии, поскольку ее внимание направлено одновременно на Китай (где началось народное движение против засилья иностранцев), Южную Африку и страну ашантиев.

Однако в рисунке есть и “второе дно”, предельно ясное современникам событий, но требующее пояснений для современного читателя. В этой карикатуре он видит прозрачный намек на созданные “гуманными” англичанами концентрационные лагеря, где содержались бурские женщины и дети, что в конце концов заставило их мужей, отцов, сыновей и братьев сложить оружие. Из согнанных в эти лагеря более ста тысяч женщин и детей около тридцати тысяч умерли от невыносимых условий.

Как видим, все материалы газеты, посвященные событиям, били в одну точку, а серия карикатур однозначно и целенаправленно формировала у отечественного читателя негативный образ Британской империи. Это резко отрицательное отношение к ее политике грабежа и насилия, проводившейся во всех регионах мира, четко отражало антианглийскую внешнеполитическую линию газеты “Новое время”. Столь же последовательно действует газета, отражая на своих страницах ход событий в Китае.

Узел международных противоречий на Дальнем Востоке образовался уже в ходе японо-китайской войны 1894 г. из-за Кореи, находившейся тогда в вассальной зависимости от Китая. Отчетливо обнаружилось стремление всех великих держав участвовать в разделе сфер влияния в Китае, острота англо-русских противоречий, возможность совместных действий России, Германии и Франции. К началу XX в. этот узел затянулся еще туже, поскольку обострились англо-германские и русско-германские отношения, Япония не забыла своих обид (когда после победы над Китаем ей пришлось отказаться от части завоеваний), в лице Северо-Американских Соединенных Штатов появился новый претендент на высокое место в мировом рейтинге держав, заявивший притязания на свою долю влияния на Дальнем Востоке под лозунгом политики “открытых дверей”.

Между тем в Китае в мае 1900 г. вспыхнуло так называемое “боксерское” движение, вызванное как внутривластными причинами, так и общенародной ненавистью к иностранным колонизаторам. Самоназвание организации “Ихэтуань”, что в переводе с китайского означало “Большой кулак”, дало основание европейцам называть восставших “боксерами”. Были и другие более мелкие организации, но “Большой кулак” возглавил народную борьбу.

Первая карикатура-отклик на народное движение в Китае – “A bas la civilization!” (“Долой цивилизацию!”) появилась в газете “Новое время” уже в начале мая 1900 г. после известий о беспорядках в Пекине, в ходе которых иностранцев избивали, а их конторы и лавки громили и поджигали. На рисунке мы видим, как китаец в свирепой ярости грозит огромным кулаком иностранцу. Его образ рисуют немногочисленные, но очень точно выбранные детали: сплюснутый цилиндр, вылетевший из глаза монокль, упавшие на землю трость и еще дымящаяся сигара. Ярко подчеркнута соотношение сил: маленький человек, символизирующий европейца, выглядит просто пигмеем по сравнению с большим китайцем. Попугай, символизирующий Пекин, кричит “Браво!”, что удачно подчеркивает неоднократность акции.

Большой кулак в этой карикатуре является не только прекрасным примером преувеличения характерного, но вызывает у читателей газеты, внимательно следивших за событиями, два ассоциативных ряда. Во-первых, он видит удачно обыгранное и выраженное графически самоназвание отрядов восставших. Во-вторых, за три номера до того, в котором была опубликована карикатура, читатели ознакомились с передовой статьей “События в Китае”. В ней говорилось, что, провожая на Дальний Восток германский отряд под командованием принца Генриха, император Вильгельм II пожелал ему “высоко держать знамя Германии в стране, где оно только что было водружено на арендном праве в Киао-Чао”, а в качестве средства к достижению цели рекомендовал “грозить закованным в броню кулаком”.

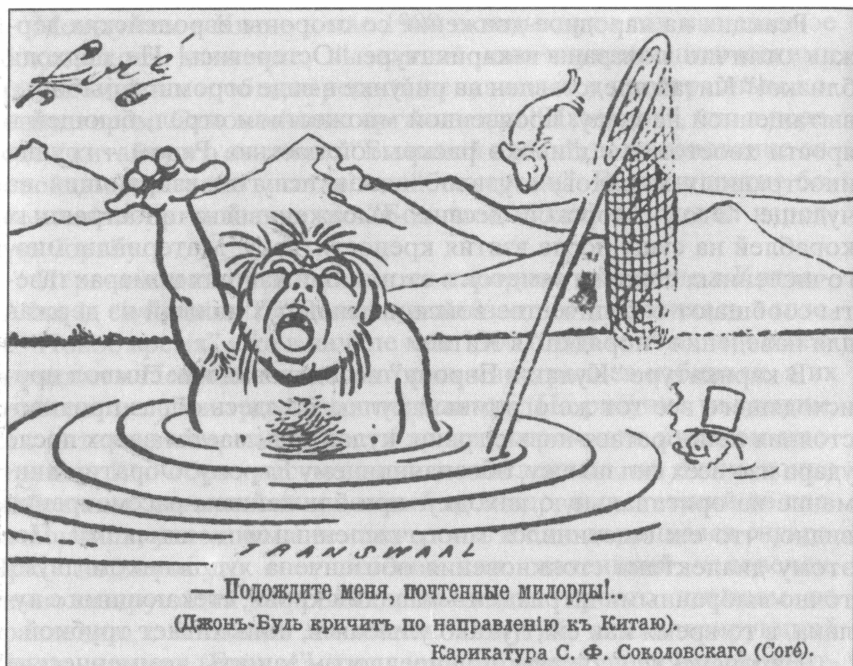
В номере, где помещена карикатура, передовая также откликается на “Волнения в Китае”. Позиция газеты “Новое время”, четко сформулированная в этих статьях такова: “Большой кулак” – не частное явление, созданное фанатиками, это движение “ожесточенно-враждебно всем иностранцам”, оно является ответом на вторжение их в глубь Китая, причем ответом жестоким, но, по определению газеты, “до некоторой степени заслуженным”.

Реакция на народное движение со стороны европейских держав отлично показана в карикатуре “Остерегись! Не подходи близко!” Китай представлен на рисунке в виде огромной рыбы, вытащенной на сушу, пронзенной множеством стрел, бьющей в ярости хвостом и с широко раскрытой пастью. Рядом – группа иностранных моряков, с удивлением и испугом смотрящих на чудовище. Это – морской десант, высаженный с иностранных кораблей на сушу после взятия крепости Таку. Материалы многочисленных статей и заметок в этом и ближайших номерах газеты сообщают о количестве войск, высланных каждой из держав для наведения “порядка” в Китае.

В карикатуре “Кулак и Европа” использован как символ происходящего все тот же огромный кулак, но здесь образ противостояния приобретает новые грани: кулак вздымается вверх после удара изо всех сил по ежу, обозначающему Европу. Обратим внимание на оригинальную находку: при ближайшем рассмотрении видно, что еж ошетинился многочисленными ... штыками. Поэтому диалектика столкновения обозначена художником двумя точно выбранными штрихами – каплями крови, стекающими с кулака, в то время как еж, лукаво улыбаясь, попыливает трубкой.

Европейские державы, под предлогом защиты коммерческих интересов и своих соотечественников, направили в Китай войска, о чем сообщается в передовой статье от 11(24) июня на второй полосе “Нового времени”. В том же номере газеты, на первой полосе, помещены “Правительственное сообщение” о прибытии в Таку первого эшелона русских вооруженных сил и телеграмма из Лондона о мерах британского правительства по формированию отрядов, отправляемых в Китай. На карикатуре “Подождите меня, почтенные милорды” (на третьей полосе) зритель видит Джона Буля, пытающегося выплыть из потока трансваальских проблем в Африке, чтобы успеть принять участие в международных делах на востоке Азии. На рисунке огромный, с волосатой грудью англичанин выглядит очень смешным и неуклюжим, в то время как Крюгер в виде маленькой рыбки в цилиндре все также спокойно курит свою трубку.

Карикатура “Зловещий миссионер” раскрывает глубинные причины народного негодования. Тот же китаец, которого мы помним по карикатуре “A bas la civilization!”, яростно плюет на миссионера, одетого в черный балахон с капюшоном и надписью на подоле “Европа”. Несколько штрихов дополняют мрачный образ: череп со скрещенными костями на одеянии миссионера, его обращенные к китайцу предупреждающий жест и фраза: “Memento mori!” (“Помни о смерти!”). Этих намеков современни-

кам было достаточно для того, чтобы напомнить об убийстве двух немецких миссионеров в 1897 г., что тогда же было использовано Германией для занятия китайской бухты Киао-Чао. А убийство в Пекине в 1900 г. германского посланника барона Кеттлера дало удобный повод не только для интервенции, но и для требования компенсаций. Не случайно именно германский генерал (правда, после длительных согласований) возглавил международный экспедиционный корпус, действовавший в Китае против восставших.

В данном случае карикатура стала как бы иллюстрацией к помещенной в газете несколькими днями раньше передовой статье “Западно-европейские миссионеры”. В ней “Новое время” писало: “В современной действительности миссионер является как бы первым пионером (Так! – *И.Р.*) вторгающихся за ним иноземной торговли и иноземного вмешательства... за миссионерами следуют пушки... Теперь существуют общества покровительства миссионерам, и представители их постоянно прибегают к защите министерства иностранных дел, добиваясь возмездия”. Именно поэтому у китайцев представление о миссионерах связывалось с представлением о торговце и политическом деятеле, которых в народе не только не жаловали, но и считали врагами.

Кроме европейских держав активное участие в подавлении народного движения в Китае приняли Соединенные Штаты Америки и Япония. Карикатура “Позвали обедать (Япония)” рисует яркий образ захватчика, спешащего к дележу добычи. Крошечный человечек с огромными ушами, похожий на обезьяну, вооружившись огромными ложкой и вилкой, торопится по направлению к Китаю, указанному стрелкой. Точными штрихами художник передает стремительность движения (очень широкий шаг, клубы пыли, вздымающиеся из-под ног, сабля, которая бьет бегущего по пяткам) и сосредоточенную готовность вступить в бой (вилка лежит на плече подобно ружью с примкнутым штыком, держало ложки похоже на короткий самурайский меч). Прекрасно прописанная диагональ – вилка, ложка, вытянутые почти в линию ноги – придают необыкновенный динамизм рисунку и создают запоминающийся образ.

В карикатуре явно чувствуются антияпонские настроения. Хорошо известное многим в России отношение Николая II к японцам, которых он как-то назвал “обезьянами, играющими в европейцев”, было свойственно не только царю. Такие настроения проглядывают и во многих материалах газеты “Новое время”, а по мере приближения к началу Русско-японской войны становятся достаточно многочисленными. Это отношение к возможному врагу было во многом неадекватно и послужило плохую службу при подготовке России в военном отношении к столкновению.

Знаменательны еще две карикатуры, помещенные в “Новом времени” в 1902 г. уже после подавления “боксерского” движения. Первая – “Англия и Германия над трупом китайца” – очень образный отклик на новую форму закабаления Китая. После вывода иностранных контингентов с территории Поднебесной империи ее правительство обязалось выплатить оккупантам компенсации, для чего заключило с ними же контракт на крупный заем. Другая карикатура изображает китайца, любовно обнимающего ствол пулемета “Максим”, и приговаривающего: “Чтобы жить в мире, надо их много иметь”. Здесь, как говорится, комментарии излишни.

Важно отметить, что ни на одной из карикатур, посвященных “боксерскому” движению, не присутствует Россия. Хотя ее воинский контингент по численности превосходил иностранные, “Новое время” всемерно отделяет политику России в Китае от политики других держав. Всячески подчеркивается наличие таких факторов как общая граница, длительное доброжелательное соседство, иные по сравнению с Англией, Францией, Герма-

нией, Японией и Америкой цели действий, даже если они вынужденно проводятся в кооперации с остальными державами. Вскоре после начала народного движения в статье под названием “Россия и Китай” газета заявила два тезиса: “Европа расплачивается в Китае за свои грехи” и “Большой кулак поднят не против нас, а против других”. Эта линия четко прописана в текстах передовых и других статей, обзоров и информационных сообщений и нашла яркое воплощение в визуальном ряду.

В зарубежной политической карикатуре тех лет нашли отражение образ Николая II – инициатора Первой Гаагской конференции мира – и события Русско-японской войны 1904–1905 гг. В отечественной прессе, естественно, не могли появиться карикатуры на государя императора, тогда как в западно-европейской сатирической графике они многочисленны. При этом легко заметить, что образ царя не только лишен привлекательности, но постепенно становится даже отталкивающим. Современникам было хорошо известно стремление Николая II походить на своего отца – Александра III. Выраженное в его апрельском 1881 г. манифесте намерение “стать бодро на дело правления, в уповании на божественный промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений”, осталось символом веры и Николая II.

Карикатура “Вот сабля моего отца” из лондонского “Punch’a” – недвусмысленно указывает на этот факт, являясь откликом на широко известную речь, произнесенную Николаем II 17(29) января 1895 г. Новый император так выразил свое кредо: “Я буду поддерживать принцип автократии с той же твердостью и невозмутимым постоянством, что и мой незабвенный родитель!”. Эта цитата из речи служит подписью под рисунком. На нем художник Linley-Sambourne помещает фигуру Николая II в полный рост на фоне пограничного столба и будки. Широким взмахом царь вздымает над головой саблю, на клинке которой начертано лишь одно слово – “Автократия”, столь решительно, что даже символизирующий Россию медведь-будочник озадаченно чешет в затылке. Изобразительные средства скупы, но очень выразительны: монарх облачен в парадную форму и кавалергардскую каску, правая рука с оружием в перчатке, тогда как левая вытянута вперед, а перчатка брошена наземь. Вызов звучит весьма недвусмысленно.

Попытка сына следовать заветам отца – царя-миротворца – и в области внешней политики удачно отражена в другой английской карикатуре – “Комплименты по случаю”, из того же журнала.

Только что коронованному императору-сыну Ангел мира предлагает свою дружбу, поскольку прежде он дружил с императором-отцом. Рисунок опубликован 30 мая⁸ 1896 г., и хотя еще нет речи о будущих мирных инициативах, Николай II в короне и горностаевой мантии показан преисполненным добрых намерений, что символизируют пальмовые ветви у него за спиной. Однако едва ли не в последний раз царь представлен столь благообразно.

Обозначу некоторые знаковые события в истории Русско-японской войны, получившие отражение в зарубежной политической карикатуре и позволяющие проследить, как у западного читателя целенаправленно формировался определенный стереотип восприятия российской действительности. На рисунке “Апофеоз мира в невыгодном положении” из нидерландского “Uilenspiegel” (от 7 ноября 1903 г.) обозначен один из таких моментов. Уже истек срок эвакуации русских войск из Манчжурии, занятой после подавления “боксерского” восстания в Китае, а русско-японское противостояние из-за преобладания в Корее вот-вот выльется в вооруженный конфликт. Николай II изображен в тягостных раздумьях, которые передает и его монолог: “Я в серьезном затруднении потому, что не знаю к какому из средств прибегнуть сначала”. Этот “момент истины” голландский художник (под псевдонимом Otion) изображает так: за спиной царя – карта, на которой обозначены Манчжурия, Китай, Япония и Америка, на столе перед ним – меч и свиток с надписью “Арбитраж”; кажется, нимб миротворца не позволяет царю решиться прибегнуть к силе оружия. Важно отметить, что это едва ли не единственный случай, когда Николай II облачен в костюм-тройку, а не в военный мундир.

Но вот роковой выбор сделан. На карикатуре “Два ангела Николая” из итальянского “Pasquino” император изображен с довольной ухмылкой, в обнимку с Костлявой и повернувшимся спиной к Ангелу мира, который покидает неудавшегося царя-миростроителя, унося миртовую ветвь. Отточенный рисунок (черные крылья Смерти и лезвие ее косы очерчивают вокруг обнявшихся круг, из которого выходит Ангел), строгое черно-белое решение, явно японские черты лица царя в совокупности создают гротескный образ. Последний штрих вносит монолог Ангела: “Я окончательно ухожу. Он в таких руках!”.

Столь же остро сатирический заряд несет карикатура F. Boscovitz’a “Пляска азиатских смертей”, помещенная в цюрихском “Nebelsplater” 29 октября 1904 г.: Николай II в поте лица наяривает на скрипке военный марш (или танец с саблями), в кото-

ром кружатся себе на погибель символизирующие Россию и Японию скелеты. Комментарий не менее язвительен: “Царь-мироносец получает явное удовольствие от этого занятия”. И хотя Япония давно и целенаправленно готовилась к схватке, и именно она без объявления войны напала на Россию, художники, один – приписывая выбор между “Миром” и “Смертью” царю, другой – вкладывая ему в руки скрипку, как бы возлагают на него ответственность за развязывание конфликта.

Военные успехи Японии (захват Ляодунского полуострова, Кореи и части Манчжурии) потребовали значительного напряжения сил, и уже в июле 1904 г. она провела первый зондаж возможности заключить мир. Однако Николай II полагал необходимым сначала одержать крупную победу. После поражений русских у Ляояна, Мукдена и падения Порт-Артура в декабре, японцы вновь попытались завязать переговоры при условии, чтобы официальная просьба о мире прозвучала со стороны России. Такое предложение было отвергнуто Петербургом.

Знакомый нам мюнхенский “Simplicissimus” карикатурой “Царь и Ангел мира” (художник Th. Heine) откликается на это событие со свойственным ему злорадством. В иной ситуации журнал вновь обращается к образам, уже использованным в

рисунке “Чудо дрессировки”, посвященной гаагским инициативам Николая II. Стиснув голову Ангела в руках, царь в страстном порыве лобзает его, восседая верхом на Косолапом, который несется во весь опор и, со свойственной этому существу грацией, уже перекусил Ангелу одну ногу. Едва держащаяся на голове корона и развевающаяся горностаевая мантия, склоненная пальмовая ветвь и трепещущие крылья – все подчеркивает стремительность движения. Вместе с тем всем построением композиции художник ехидно высмеивает несурзность и неуклюжесть политики царя.

На карикатуре “Последний якорь спасения” (художник Rata Langa), опубликованной в римской “Asino” 27 августа 1905 г. время действия – начало переговоров в Портсмуте о заключении мира с Японией и разгар революционного пожара в России. Царь представлен перепуганным насмерть, со сдвинутой набок коронной, судорожно цепляющимся за плечо Ангела мира, который с миртовой ветвью в руке парит над огромной массой демонстрантов. Рисунок сопровождается текстом: “Увидим, сумеет ли Николай спастись от бури, которая разбушевалась у его ног”. Для тех же, кому такая подпись покажется недостаточной, имеется пояснение: “Последний якорь спасения для Николая – это улететь на крыльях Ангела мира, иначе говоря спастись бегством”. Здесь еще проглядывает надежда на то, что свертывание войны позволит бросить все силы на решение внутренних проблем, грозящих подорвать устои самодержавия.

Напротив, полной безнадежностью веет от карикатуры “Дамоклов меч” (художник Nasica) из туринского “Pasquino” за 10 сентября 1905 г. В ней безжалостно высмеиваются поражения царизма в войне с Японией и кровавая расправа с подданными: мимо холмов-могил, на крестах которых читаются: “Мукден”, “Петербург”, “Порт-Артур”, “Цусима”, понуро бредет Николай II с низко опущенной под тяжестью короны головой, а над ней Смерть уже занесла свою косу. Подпись столь же пессимистична: “Отправляя в мир иной зародыш конституции и почетный мир”. Пояснение ставит все точки над *i*: “Намек на непрочную конституцию и так называемый почетный мир с Японией”.

Сдержанно по форме, но со свойственной англичанам иронией откликнулся в октябре 1905 г. “Punch” на реакцию верхов России в связи с ростом революционного движения. Карикатура “Изменение на глазок” с подзаголовком “Николай – звезда московских театров” (художник Raven-Hill) позволяет заглянуть за кулисы политического театра. Слуга с бесстрастным выраже-

нием лица держит в руках реквизит: в одной – миртовую ветвь, в другой – голубя с округлившимся от удивления глазом; оба наблюдают, как царь переодевается для новой мизансцены. Торопливо, но решительно он натягивает поверх рубахи с засученными рукавами белую накидку с ангельскими крыльями. Явная насмешка просвечивает и в других деталях рисунка: свисающая с затылка венценосца оливковая ветвь, на полу – скинутый военный мундир и сабля со сломанным клинком, у бедра – пустые ножны на полупристегнутой португее. Рисунок дополняет монолог царя: “От этого конца войны бросает в дрожь. Мне вновь послужит реприза Гаагской пьески. Итак, вперед, голубь мира и оливковая ветвь!”.

Сопоставляя карикатуры из разных западно-европейских сатирических журналов, мы увидим, что художники зачастую применяют во многом сходные выразительные средства, либо заимствуют их друг у друга. Стоит отметить, что в сатирической графике, посвященной Николаю II, постоянно переплетаются два образа – “Мир” и “Смерть” – с соответствующей атрибутикой: Ангел, пальмовые или миртовые ветви и скелет, череп, коса. Посредством этой символики недвусмысленно выявляется угроза как личности монарха, так и системе, которую он олицетворяет. При этом совершенно очевидно акцентируется фальшивое миролюбие царя, а вместе с тем у читателя-зрителя формируется недоверчивое и даже негативное отношение к политике России.

В целом, политическая карикатура является своеобразным “зеркалом”, отчетливо отражавшим реалии своего времени. Национальная принадлежность художника при этом, безусловно, накладывала свой отпечаток на его творения. Поэтому каждое национальное “зеркало” в конкретном случае давало известный коэффициент искривления, корректировавшийся при этом другими “зеркалами”.

Информация, которую несет рисунок, и которая хорошо была понятна современникам событий, зачастую для современного читателя-зрителя остается невыраженной и требует некоторых пояснений.

Историку, изучающему международные отношения, карикатура интересна тем, что, являясь злобой дня и “жаргоном улицы”, очень наглядно отображает представления и знания людей об общественно-политических реалиях своего времени, позволяет проследить приемы формирования массового сознания. Этот исторический источник содержит достаточно полную и, в целом, достоверную информацию, зафиксированную в образной форме.

В сочетании с другими источниками, как традиционно используемыми историками, так и используемыми сравнительно редко, она дает возможность комплексного, а значит более многомерного и адекватного представления о прошлом.

- ¹ *Петрушевский Ф.Ф.* Карикатура. Энциклопедический словарь издательства Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (СПб.). СПб., 1895. Т. XIV.
- ² См. подробнее: *Шевыров А.В.* Иллюстрированная история карикатуры с древнейших времен до наших дней. СПб., 1904; *Радаков А.* Карикатура. Л., 1926; *Ефимов Б.Е.* Сатира не без юмора. М., 1963; *Стернин Г.Ю.* Очерки русской сатирической графики. М., 1964; *Савинов А.И.* Павел Егорович Щербов. Л., 1969 и другие.
- ³ *Трубачев С.С.* Краткий очерк истории карикатуры в России // Шевыров А.В. Указ. соч. С. 370–373; *Каганович А.Л.* Иван Иванович Тербенев. 1780–1815. М., 1956.
- ⁴ См. подробнее: *Шестаков В.П.* Гильрей и другие. Золотой век английской карикатуры. М., 2004.
- ⁵ См. подробнее: *Рыбаченок И.С.* Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891–1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М., 2004; *Она же.* Русско-французский союз конца XIX в. в политической карикатуре // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2006. Вып. 7. С. 213–235.
- ⁶ *Рыбаченок И.С.* Россия и первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005. С. 14–17.
- ⁷ См. Англо-бурская война 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев / Сост. Н.Г. Воропаева, Р.Р. Вяткина, Г.В. Шубин. М., 2001. С. 3.
- ⁸ Здесь и далее – даты даны по новому стилю.

Г.В. Мелихов

БЮРО ПО ДЕЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ В МАНЬЧЖУРСКОЙ ИМПЕРИИ (Домыслы и факты*)

Прежде всего, – почему домыслы?

Описание Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (далее – Бюро) и его деятельность получали в специальной литературе множество самых негативных оценок. В исторической литературе СССР – это “антисоветская организация, работавшая в пользу японской разведки”; у П. Балакшина – “грязная японская задумка”; для американского историка Дж. Стефана – просто “фашистская организация”; белорусская исследовательница Н.Е. Аблова, уже знакомая с архивом Бюро, хранящимся в Хабаровске, избегает пропагандистских обвинений, но упорно отрицает важность и полезность Бюро для эмиграции¹. Новая более взвешенная оценка деятельности Бюро впервые прозвучала в работе С.В. Онегиной², еще более объективны и расширены на сей счет выводы хабаровского историка Е.Е. Аурилене³.

В аннотации к архиву этой эмигрантской организации в Государственном архиве Хабаровского края Бюро дается характеристика как “преступной антисоветской организации, работавшей в пользу японской военщины”. Ее обширный архив, вместе с фондами других эмигрантских организаций, был вывезен из Маньчжурии (Харбина) и отправлен в спецхран Хабаровска и более четырех десятилетий был недоступен для исследователей.

О масштабе архива в целом. Это – 10 фондов, в том числе непосредственно относящихся к Бюро два: – фонд Р. 830 (Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 1932–1945): опись 1 – 371 пухлое многостраничное (вернее сказать многолистовое) дело, опись 2 – 220 таких же дел. И фонд Р 1127 (Отделение Бюро в Маньчжоу-диго (Маньчжурской империи), 1936–1943 (40 дел))⁴.

Теперь обратимся к фактам.

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 25 мая 2006 г.

Бюро было создано японскими властями Маньчжурии явочным порядком, в декабре 1934 г., почти через три года после основания марионеточного Маньчжоу-дого, и только после того, как японские власти, управлявшие страной, убедились, что эмигрантские лидеры сами договориться между собой об объединении не могут⁵.

Вопрос о создании авторитетной надэмигрантской организации долгое время обсуждался в среде самой русской эмиграции, однако, из-за амбициозных претензий лидеров, не желавших подчиняться кому-либо из своей среды, все союзы и коалиции довольно быстро распадались.

Перманентная внутренняя борьба взаимных претензий, самолюбий и амбиций эмигрантских лидеров убедила японские власти в том, что это, столь необходимое для их политических интересов, добровольное объединение эмиграции в сложившихся условиях невозможно, и придется пойти другим путем, путем решения явочным, по существу силовым порядком.

Вряд ли, как пишет П. Балакшин, подобное (силовое) объединение эмигрантов было предоставлено рассмотрению японских властей самими какими-то эмигрантскими кругами, а уж, тем более, что вопрос о руководителях такого объединения был уже заранее ими предreshен⁶. С гораздо большим основанием можно заключить, что все происшедшее вечером 28 декабря 1934 г. было для всех лидеров эмиграции большой неожиданностью, – тем более – появление на горизонте нового, малоизвестного большинству, “начальства”, и явилось оригинальным сценарием самих японских оккупационных властей.

Что же произошло?

Представители всех эмигрантских организаций Харбина были созваны на общеэмигрантское собрание, с обязательной явкой. В повестке дня значилось японское предложение создать большую русскую библиотеку. На собрании присутствовали все видные лица эмиграции, представители министерства иностранных дел Маньчжоу-дого журналисты, а также высшие чины полиции.

П. Балакшин, ссылаясь на “Нашу неделю”, издававшуюся в Токио, рисует следующую картину всего происходившего в тот вечер.

Собрание открыл майор Акикуса, начальник Русского отдела Главной японской военной миссии в Харбине.

– Господа, – заявил он на чистом русском языке, – я пригласил вас сюда, чтобы объявить вам о необходимости сплотить всю русскую эмиграцию, преданную своей родине и ненавидящую большевиков. Я объявляю о создании в Харбине центральной

для всей эмиграции в Маньчжоу-диго организации “Бюро по делам российских эмигрантов”. В эту организацию должны войти все члены существующих общественных, политических, религиозных и других организаций и все частные лица, вне зависимости от политических убеждений. Я призываю вас провести это дело без шума и без каких-либо оппозиционных выступлений. Организации остаются теми же, какими они были, в них остается прежнее руководство. Бюро же эмигрантов будет надпартийной организацией. При нем будет библиотека, а в дальнейшем - амбулатория, столовые, школы. Никакого партийного руководства в нем допущено не будет. Бюро, хотя и русское дело, но так как вы не можете объединиться сами, то мы хотим вам помочь. Наем помещения, распределение работ – ваше дело. Первое руководство уже намечено, и я объявлю его вам, но прежде я хочу сказать несколько слов начальствующим лицам.

Майор перешел на японский язык, объяснив японским и китайским лицам цель собрания и прося власти оказывать содействие новой организации.

“Сидевший рядом с майором Акикуса генерал В.В. Рычков – гости были рассажены по именованным карточкам – невольно обратил на себя внимание: он еще не знал, что был назначен первым начальником Бюро по делам российских эмигрантов”⁷.

Правительством Маньчжоу-диго, которому официально было подчинено Бюро, на него были возложены следующие функции:

1. Способствовать укреплению материального и правового положения проживающих в стране российских эмигрантов.
2. Сношения с властями империи по всем вопросам, касающимся эмигрантов.
3. Оказание содействия надлежащим органам власти по эмигрантским вопросам⁸.

Задачи, которые ставила перед Бюро постоянно руководившая им фактически всевластная Японская военная миссия в Харбине, были намного шире: полный контроль над эмиграцией, привлечение ее к служению целям японской внутренней и внешней политики внутри маньчжурской империи и за ее пределами.

По утвержденному “Положению о Главном Бюро по делам российских эмигрантов, районных Бюро, Бюро, Отделениях и Представительствах Бюро в Маньчжурской империи”⁹: “Главное Бюро... являясь обществом российских эмигрантов – резидентов Маньчжурской империи и Квантунской области¹⁰, есть единственный руководящий эмигрантский орган, представляющий эмиграцию перед ниппонским военным командованием и

гражданскими властями Маньчжурской империи и Квантунской области.

Основной целью Главного Бюро и его местных органов является содействие ниппонскому военному командованию и гражданским властям в деле управления российской эмиграцией в Маньчжурской империи и Квантунской области и стремление к полному единению между собой всех живущих здесь российских эмигрантов, сохранению у них российского, национального антикоммунистического духа и подготовка их к активной борьбе с коминтерном для освобождения и возрождения Национальной России на основах Нового Порядка...

Для достижения указанной цели, Главное Бюро и его органы выполняют нижеследующие задачи:

а) Представляют российскую эмиграцию и несут за нее моральную ответственность перед властями, сближают ее с народами империи Ниппон и Маньчжурской империи;

б) Защищают права и интересы российской эмиграции в целом и каждого эмигранта в отдельности;

в) Заботятся о сохранении и развитии российской культуры;

г) Организуют участие российских эмигрантов в государственной и народной жизни Маньчжурской империи, разъясняя роль и значение Империи Ниппон, как лидера народов Азии;

д) Укрепляют в российских эмигрантах чувства преданности нашему Отечеству – России, любви к ее славному историческому прошлому и веры в ее светлое будущее после свержения власти коминтерна;

е) Внедряют в сознание российских эмигрантов чувства благодарности к приютившей нас стране – Маньчжурской империи и вечному союзнику – могущественной империи Ниппон;

ж) Воспитывают эмигрантскую молодежь в русском национальном духе, на основах уважения к религии, укрепления антикоминтерновских идей, понимания сущности Нового порядка и принципов мирного сотрудничества народов Маньчжурской империи. Особо заботятся о детях, как школьного, так и дошкольного возраста;

з) Способствуют удовлетворению экономических нужд российской эмиграции в целом и улучшению материального положения каждого эмигранта в отдельности;

и) Оказывают разного рода благотворительную и медицинскую помощь впадшим в нужду российским эмигрантам;

к) Помогают российским эмигрантам в деле получения службы и работы, выдавая нужные рекомендации и поручительства;

л) Регистрируют всех российских эмигрантов в Маньчжурской империи и Квантунской области без различия национальности и религии, проводя учет и всестороннюю проверку российской эмиграции;

м) Проводят в жизнь все прочие мероприятия в интересах Государства и российской эмиграции”¹¹.

Расширение структуры Бюро (Главного Бюро) и его функций вело и к росту численности его служащих всех трех категорий (постоянные (штатные) служащие, временные и служащие в учреждениях, организациях и предприятиях, состоявших в ведении Бюро). В конце 1935 г. в Бюро работали около 140 постоянных служащих, в марте 1936 – 215, в 1944 г. их число составляло около 250, а весной 1945 – 360 человек¹².

Служба в Главном бюро в Харбине, равно как и во всех его местных организациях – районных Бюро, и прочих, приравнивалась к службе общественно-государственной. Служащие зачислялись на службу только приказами Начальника Главного Бюро и разделялись на три категории: постоянные (штатные), временные и служащие в учреждениях, организациях и предприятиях, состоявших в ведении Бюро. Статус их определялся специальным Положением о служащих Бюро¹³. Они имели ряд привилегий: ежегодно двухнедельный отпуск с сохранением содержания, бесплатное медицинское обслуживание, оплата в течение трех месяцев болезни больничных листов, право на заштатное пособие, размер которого значительно возрастал со стажем¹⁴, улучшенный паек.

С постоянных служащих ежемесячно удерживалось 3% из получаемого ими жалования в Капитал служащих Главного Бюро. К этим 3%, в качестве поощрения сбережений, из сумм Главного Бюро и его местных органов, ежемесячно присчитывалось 5% месячного оклада. Капитал этот хранился на сберегательном счете служащего (каждый имел свою отдельную банковскую книжку). При увольнении деньги из Капитала служащих выдавались вкладчику на руки. В случае же его смерти их получали законные наследники¹⁵.

Любопытна эволюция получения Бюро денежных средств. По первоначальному Положению, средства Главного Бюро и его местных органов образовались из: ассигнований и субсидий от правительственных инстанций; из доходов от мероприятий и предприятий; из обложения доходов российских эмигрантов; из пожертвований и других поступлений¹⁶. В связи с тяготами войны, развязанной Японией против Китая, США и Англии, японские власти Маньчжурской империи изменили этот порядок,

поставив Бюро по делам российских эмигрантов практически в условиях хозяйственного расчета.

По Положению 1943 г., средства Главного Бюро, Районных Бюро, Отделений и Представительств должны были теперь образовываться:

а) из членских взносов российских эмигрантов (1% от заработка или содержания с каждого зарегистрированного эмигранта), б) доходов от мероприятий и предприятий, в) пожертвований и других поступлений, и – только на четвертой позиции (!), г) субсидий от правительственных инстанций¹⁷.

Таким образом, как мы видим, главной задачей, поставленной перед Бюро, было выполнение контрольных функций. Но кроме них, Бюро должно было представлять и действительно представляло российскую эмиграцию перед властями страны, обязанностью его была защита правовых и экономических интересов эмигрантов, их трудоустройство, образование и воспитание молодого поколения, благотворительная деятельность и прочее.

Бюро было объявлено японцами единственным в стране национальным русским эмигрантским центром и непризнание его в таком качестве рассматривалось властями как неуважение к государственным основам молодой империи.

В Бюро были автоматически включены все эмигрантские организации в бывшей Маньчжурии, для всех эмигрантов **обязательной** была их регистрация в Бюро.

Власти заставили Бюро действительно заниматься “сбором” всех распыленных эмигрантских сил по всей этой большой стране, равной по площади Франции и Германии вместе взятым.

Для эмиграции это “собрание” привело к тому, что уже на 15 декабря 1935 г. на учете в Бюро состояли 163 эмигрантские организации и 23 500 эмигрантов в возрасте от 17 лет. На 1 октября 1942 г. в Харбине было зарегистрировано 36 711 человек, в других городах и населенных пунктах – еще 22 998 – всего 59 709 человек. В 1944 г. число эмигрантов возросло до 68 877 человек. Это было все взрослое русское эмигрантское население Маньчжурии¹⁸.

Бюро было создано вначале в составе 4 отделов, но к 1942 г., став уже Главным бюро, оно состояло из 7 отделов, с подразделениями – подотделами.

Первый отдел – Переселенческий – начальник О.М. Семенов – личность бесцветная (я не мог установить даже его имени-отчества) – ведал вопросами поселения эмигрантов на землю, что было одним из средств борьбы с безработицей.

Второй отдел – Культурно-просветительный. Курировал его лично Начальник Главного Бюро, а заведовать им был поставлен глава т.н. Всероссийской фашистской партии К.В. Родзаевский. Отдел имел подотделы: школьный, спортивный и Общества охотников и рыболовов.

Третий отдел – Регистрационный – начальник М.А. Матковский, вскоре добровольно ставший секретным сотрудником советского консульства в Харбине. В отделе были подотделы: общий, учетный, регистрационный, биржа труда, статистический, железнодорожный, юридический, юридическая консультация, Арбитражный суд¹⁹. Однако в этом подробном официальном перечне его подотделов официальный источник скрыл существование еще одного – чрезвычайно важного для японских властей подотдела – разведывательного, – занимавшегося постоянной слежкой за сотрудниками советского консульства, советскими гражданами и неблагонадежными эмигрантами и организацией разведывательно-диверсионной работы против СССР. Силы и возможности этого эмигрантского отдела при насыщенности Маньчжурии японскими разведками всех мастей, право же, не стоит преувеличивать.

Четвертый отдел – Хозяйственно-финансовый. Ведал всей этой важной частью эмигрантского бытия – начальник М.Н. Гордеев. При нем имела касса Бюро, хозяйственный подотдел, ведавший распределением по карточкам продуктов питания среди русского и иностранного населения Харбина и Линии железной дороги, Издательская часть, Пристань водного спорта и др.

Пятый отдел – Благотворительный. Начальником его был Л.Л. Черных, советский разведчик. Имел подотделы: призрения, медицинский, благотворительный, снабжения топливом.

Под контролем этого отдела работали все эмигрантские больницы и организации.

Шестой отдел ведал регистрацией всех бывших русских военных. При этом отделе существовали: Дальневосточный союз военных, театральный подотдел, Дамский кружок.

Седьмой отдел – Воспитательно-молодежный. Ввиду его важности, вместе со Вторым отделом, находился тоже под специальным контролем Начальника Бюро. Вел работу по воспитанию и организации российской эмигрантской молодежи²⁰.

В последующем структура Главного Бюро претерпела значительные изменения, касавшиеся нумерации Отделов и их названий.

При Начальнике Главного Бюро был создан специальный совещательный орган – Совет национальностей, – куда входили

все главы национальных колоний и духовных общин Харбина – еврейской, татарской, украинской, армянской и грузинской²¹.

Начальниками Бюро были: генералы Вениамин Вениаминович Рычков, Алексей Проклович Бакшеев²², Владимир Александрович Кислицин²³, Лев Филиппович Власьевский²⁴.

В руководящий состав Главного Бюро входили (данные на 1942 г.): начальник В.А. Кислицин, его заместитель М.Н. Гордеев (он же начальник 4-го отдела. Начальники канцелярии (В.М. Кунавин) и всех отделов: Первого – О.М. Семенов, Третьего – М.А. Матковский, Пятого – Л.Н. Черных; должность начальника Шестого отдела совмещалась помощником начальника И.Н. Никитиным; Второй и Молодежно-воспитательный отделы, ввиду особо важного значения, придававшегося этим отделам, возглавлялись лично начальником Главного Бюро. Помощниками его были по Второму отделу И.Н. Дунаев, а по Молодежно-воспитательному – М.А. Демишхан.

Выборочно остановлюсь на функциях некоторых из этих отделов.

Первый отдел. Проблему безработицы была призвана решить в том числе и программа добровольного переселения безработных эмигрантов из городов на землю, подъем целины по-маньчжурски, – преимущественно в малообжитых местах Маньчжурии, с прекрасными природными условиями и высокоплодородными почвами.

Среди этих районов в 40-е годы особо выделился Тооген (на северо-востоке страны, в бассейне реки Танванхэ, правого притока Сунгари).

О работе важного Второго отдела подробнее см. ниже.

Третий отдел Бюро ведал регистрацией российских эмигрантов и разрешением чрезвычайно важной в тот период для эмиграции проблемы ликвидации безработицы и трудоустройством эмигрантов. В этом отделе был сосредоточен учет всех статистических данных о российской эмиграции в Маньчжурии. Через отдел совершалось и оформление перехода большого числа оставшихся в Маньчжоу-диго после продажи КВЖД в 1935 г. советских и бесподданных иностранцев обратно в эмигрантское состояние. Отдел предпринял, и безуспешно, большие усилия по ликвидации безработицы среди эмиграции Маньчжурии.

Острейшей после продажи дороги стала проблема безработицы у русских железнодорожников. Был создан специальный Железнодорожный отдел. В газете “Харбинское время” было организовано Бюро труда, которое в кратчайшие сроки провело регистрацию железнодорожников по специальностям, и уже к

концу 1935 г. на работу были устроены около 2000 человек, которые были собраны в специально созданный на железной дороге Русский участок пути с центром на станции Аньда, сохранивший свой колорит старой КВЖД.

Русский поэт Г. Сатовский (мл.) написал о нем: “На перроне родная картина: Русский стрелочник с выцветшим серым флажком/, Русский смазчик, бредущий с развальцем/, И с околышем красным, с блестящим жезлом / Вышел к поезду русский начальник”.

Для решения проблемы занятости Бюро организовало целый ряд мер: организацию трудовых артелей, крестьянских пчеловодческих и садоводческих хозяйств; создало кассу взаимопомощи, службу страхования и охраны труда несовершеннолетних; учредило Фонд безработных, формировавшийся путем отчисления 1% от заработной платы лиц, получивших работу при помощи Бюро, и др.

Четвертый отдел, как явствует из его названия, ведал хозяйственно-финансовой частью и постепенно забрал в свои руки контроль над всей деловой жизнью русской Маньчжурии. Постоянно действовавшее Экономическое совещание при Отделе занималось изучением экономических проблем русских общин во всех частях страны и путей их эффективного разрешения²⁵.

Одной из важных задач, поставленных перед Бюро японскими властями в перспективе ведения “большой войны”, как уже говорилось выше, были шаги по дальнейшему объединению и сплочению сильного и многочисленного отряда российской эмиграции в Маньчжурии. И существенная роль при этом отводилась именно укрупнению имевшихся мелких объединений и союзов эмигрантов, созданию крупных корпоративных объединений.

Усиленная работа по этому направлению принесла свои плоды.

По инициативе Бюро (подчеркиваю это. – Г.М.) и при Бюро в числе хозяйственных предприятий – помимо крупного Общества “Русский транспорт” (1935), в 1937 г. возникло “Общество владельцев ресторанных предприятий (более 70 предпринимателей).

В 1940 г. – появились также: Союз владельцев винно-гастрономических и бакалейных предприятий (64 хозяина), Общество владельцев молочных предприятий (700 членов), Союз владельцев конфетно-шоколадных фабрик (31 член), Союз подрядчиков и поставщиков, Объединение владельцев водочных заводов и ряд более мелких, деятельность которых протекала в более узких рамках.

Как заключает Е.Е. Аурилене, “хозяйственные корпоративные союзы выполняли роль посредника между официальной властью и отдельными предприятиями”, занимались регулированием цен и т.д.²⁶ На мой взгляд, важнейшая роль этих Союзов заключалась в снабжении русского и иностранного населения продуктами питания и промышленными товарами, и возрастала по мере планомерного введения властями карточной системы, ставшей во второй половине 1940-х годов универсальным инструментом и охватившей буквально все стороны жизни всего населения Маньчжурии. В этом, очевидно, и заключался, основной смысл создания властями, с помощью Бюро, этих хозяйственных корпоративных эмигрантских организаций.

В условиях карточной системы организация снабжения русского, и вообще иностранного, населения продовольствием и топливом стало одной из главных забот, павших на плечи Хозяйственного отдела Главного Бюро. Он обеспечил нормальную жизнедеятельность русской колонии в очень трудное для нее военное время.

Пятый – Благотворительный. На его учете состояли 12 благотворительных организаций – Беженский комитет, Дом милосердия, Ольгинский приют, Больница и амбулатория имени доктора В.А. Казем-Бека, Харбинское общество помощи инвалидам, другие.

Отдел координировал их деятельность и вел самостоятельную благотворительную работу, Объем ее был огромный. При нем были также амбулатория и приют для безнадежно больных.

Бюро отпускало средства на содержание Иннокентьевского ночлежного дома, оплачивало медицинское обслуживание неимущих эмигрантов, занималось погребением бедняков, не имевших родственников, выплачивало регулярные и единовременные пособия, обеспечивало бесплатные обеды и проездные билеты, выдавало ссуды на приобретение одежды и др.

Охрана здоровья русского населения была одной из важнейших задач Бюро.

При его содействии Обществу российских врачей в Харбине удалось создать врачебно-санитарную комиссию. Ее деятельность была направлена на профилактику здоровья эмигрантов, на борьбу с эпидемиями, контроль и помощь немалому числу эмигрантских медицинских учреждений. Все трудности, конечно, в условиях изматывавшей Японию войны, действительно имели место: нехватка медикаментов, транспортных средств, больничного белья, карточная система – однако, все эти явления были

характерны для всех воюющих в то время государств, и марионеточная Маньчжурская империя не могла явиться исключением.

Седьмой отдел вел работу по воспитанию и организации российской эмигрантской молодежи.

Теперь о Втором отделе и этом Седьмом. Ввиду особой важности, придававшейся этим двум отделам, они возглавлялись лично Начальником Главного Бюро.

Второй – Культурно-просветительный отдел Бюро ведал вопросами образования, воспитания, литературы и искусства. Работа отдела была направлена, главным образом, на осуществление или поддержку всех культурно-просветительных начинаний российской эмиграции. Отдел проводил различного рода идеологические кампании и отмечал знаменательные даты в жизни бывшей императорской России, а также Маньчжурской империи и ее союзника Японии.

В ведении его школьного подотдела находились мужская и женская гимназии Главного Бюро, другие учебные заведения русского Харбина и Линии. Спортивный подотдел вел большую работу по руководству широкой и активной спортивной жизнью эмиграции в Маньчжоу-диго.

Пропаганда русского искусства составляла одну из важнейших сторон деятельности Культурно-просветительного отдела Бюро.

Важнейшей проблемой был театр.

“Русский театр ориентирует русского человека на разрешение русского вопроса, русский театр – одна из крепчайших нитей нашей национальной связи с бывшей Родиной”, – считал К.В. Родзаевский²⁷.

Следует отдать ему должное: Родзаевский лично прилагал большие усилия к сохранению и развитию русского театра в Харбине. А с театром были большие трудности.

В августе 1935 г. в Отделе было зарегистрировано 269 человек, имевших отношение к театральному искусству: 41 человек – артисты драмы, 71 человек – артисты оперетты и эстрады, 37 артистов балета, 83 музыканта и 37 технических работников. К декабрю 1935 г. 150 артистов, музыкантов и художников стояли на учете по безработице²⁸.

Сохранить от распыления творческие силы русской общины, обеспечить их работой, найти источники финансирования театральной и музыкальной деятельности было делом не легким. Успех в решении этой задачи – важная заслуга Бюро. Почему же?

Японские власти и городская китайская администрация имели в этой области свои задачи, но все же без их поддержки разви-

тие русского театра и музыкального искусства в Маньчжурии вряд ли могло иметь место. Немаловажную роль в этом сыграли незаурядные организаторские и дипломатические способности К.В. Родзаевского, сумевшего убедить чиновников из Японской военной миссии и идеологического центра страны – организации Киовакай в необходимости поднять культурный уровень и антикоммунистический дух русской эмиграции, укрепить ее благодарность властям.

В 1935–1940 гг. в Харбине работала труппа бывшего артиста Малого театра А.С. Орлова; в 1935–1937 гг. – Студия бывшей актрисы МХАТ Е.И. Корнаковой-Бринер; с мая 1938 г. по 1957 г. – плодотворную деятельность вела труппа режиссера и одного из лучших актеров Дальневосточного русского Зарубежья В.И. Москвитина-Томского.

В области музыкального искусства работали Харбинское симфоническое общество и его большой оркестр, Общество изучения русского старого искусства (опера и драма), коллектив артистов оперетты Б.А. Серова.

Совместно с Японской военной миссией Отдел организовывал и проводил литературно-художественные и вокально-музыкальные конкурсы, оказывал поддержку в работе таким крупным начинаниям, как русские драматические и музыкальные ансамбли, многочисленным крупным литературно-художественным кружкам эмигрантской молодежи.

Еще широко и торжественно отмечались юбилеи, годовщины памятных исторических событий, устраивались музыкальные и литературные вечера, благотворительные концерты.

В 40-е годы Отдел ежегодно организовывал конкурсы молодых талантов – вокалистов, музыкантов, поэтов и прозаиков.

Благодаря поддержке Бюро десятки и десятки талантливых русских юношей и девушек, проживавших за границей, получили шанс продолжить свое музыкальное, артистическое или литературное образование, выйти на профессиональную сцену.

По ходатайству Бюро ряд молодых музыкантов – А. Бибилов, А. Абаза, Л. Тышков, В. Турчанинов (Лавров) и другие получили возможность продолжать музыкальное образование в Японии. А позднее, уже без Бюро, получили международное признание, став крупными деятелями мирового искусства.

Несмотря на отъезды многих артистов в Шанхай, Харбин продолжал оставаться крупнейшим центром русской культуры на Дальнем Востоке.

Для приобщения к национальному искусству эмигрантов за пределами Харбина Отдел обеспечивал культурное обслужива-

ние районов проживания русского населения. По линии железной дороги курсировал “Русский передвижной театр”.

Чиновники местных Бюро отвечали за пропаганду русского искусства среди жителей подведомственных им населенных пунктов.

Самое прямое отношение имело Бюро к школе.

Национальная школа выполняла в эмигрантской общине важнейшую функцию сохранения исторической памяти.

В отличие от других стран русского рассеяния, в Маньчжурии с самого начала XX в. существовала сеть русских образовательных учреждений, где дети русских жителей страны изучали родной язык, русскую историю и литературу, Закон Божий. Японские хозяева Маньчжурии сократили количество национальных школ, но русское образование, в том числе и высшее, на родном языке, продолжало оставаться мощным фактором этнокультурного воспроизводства общины.

Бюро неизменно проявляло большую заботу об образовании и воспитании подрастающего поколения.

Культурно-просветительный отдел Бюро бесперебойно обеспечивал снабжение всех русских школ в Маньчжурии учебными пособиями, пополнение обязательных для каждой школы школьных библиотек произведениями российских писателей. Непосредственно на содержании Главного Бюро находились мужская и женская гимназии, в которых к осени 1941 г. обучались соответственно 241 и 279 человек учащихся. Усилиями Бюро русские школы открывались в районах расселения эмигрантов, в том числе в поселках, создававшихся в рамках кампании переселения на землю (с 1941 г.)²⁹.

Тогда же, в марте 1939 г. при Главном Бюро был организован “Комитет содействия учащимся в эмигрантских учебных заведениях”, имевший своей задачей изыскание средств помощи беднейшим ученикам.

Однако охватить школьным образованием всех детей эмигрантов в глубинке, где главным занятием населения было сельское хозяйство, оказалось невозможным по объективным причинам.

В ведении Бюро находились также многочисленные литературно-художественные, просветительные и научные кружки эмигрантской молодежи, а также – кружки изучения японского языка.

Тут необходимо отметить, что, в отличие от китайцев и китайских властей, японцы уделяли чрезвычайно большое внимание изучению широкими кругами русского населения японского языка.

В результате появилась целая плеяда работавших на Родине лучших российских ученых японоведов-филологов – Святослав Неверов, Евгений Цвилов, Леон Стрижак, Георгий Максимов, Ольга Фролова, а также много людей просто хорошо знавших японский язык. Однако и китаеведов русская эмиграция Дальнего Востока тоже дала стране немало.

Заметной была и издательская деятельность Бюро.

Издательская часть Бюро, имея собственные издательство и типографию, занималась изданием периодических печатных изданий, книг, учебных пособий.

Это издательство выпускало еженедельные газеты “Голос эмигрантов”, – официальный орган Бюро, и “Боевой друг”. Ежемесячно, а позднее – с двухнедельным интервалом издавался журнал “Луч Азии”³⁰.

Издательством выпускались отрывные и настольные календари, справочная и политическая литература, художественная и детская литература, художественно выполненные портреты выдающихся деятелей России, открытки.

В обширной культурно-просветительной деятельности Бюро важное место занимала Библиотека – одно из самых богатых русских книгохранилищ на всем дальнем Востоке, насчитывавшее до 30 тыс. томов самой различной литературы. Доступность всех этих книг для малообеспеченных слоев русского населения привлекала в эту библиотеку большое число абонентов.

Под непосредственным контролем и руководством Бюро протекала вся интеллектуальная и культурная жизнь российской эмиграции в Маньчжоу-диго. По инициативе и при участии Бюро проходили в Харбине и на Линии – “Дни русской культуры”, “Дни русского ребенка” и другие, и все празднества, посвященные великим именам и событиям русской истории, литературы и искусства, а также все те массовые выступления, в которых русская эмиграция выражала свой протест против “мировой разрушительной силы коминтерна или воздавала дань уважения памяти всех, погибших в борьбе с ним”³¹.

Второй Культурно-просветительный Отдел Бюро занимался также организацией регулярных лекций по русской истории и культуре. По очень серьезной тематике, представление о которой дает план, составленный отделением Бюро Квантунской области (в Южной Маньчжурии на первое полугодие 1940 г.: “Собор 1917 года и восстановление патриаршества в России”, “Силы, создавшие Русское государство”, “Как увеличивалась территория России от начала Русского государства до наших

дней”, “Измаил”, “Ломоносов – великий русский ученый и поэт”, “Русская монархическая идея” и т.д.³²

Аналогичную работу выполняли периодические издания Бюро – газета “Голос эмигранта” и журнал “Луч Азии”. “Голос эмигранта” предлагал читателю специальную рубрику – “Через познание России – к освобождению”. Заголовки статей, печатавшихся под этой рубрикой, демонстрировали стремление редакции охватить различные аспекты российской истории: “Российская империя и малые народности”, “Споры о великой России (Идейный кризис русской дореволюционной интеллигенции)”, “Великая земельная реформа Столыпина” и другие. Нетрудно заметить, что тематика лекций и статей была нацелена на формирование национального самосознания у молодого поколения эмиграции в духе традиционного принципа российской государственности “Бог. Царь. Отечество”, отмечает хабаровский историк Елена Аурилене³³.

Другая постоянная рубрика газеты – “Памятка русского” напоминала читателю важнейшие даты русской истории.

В январе 1944 г. Начальником Бюро была утверждена Инструкция № 14, которая определяла задачи национально-культурной работы следующим образом: выработка общего сознания всех национальностей российской эмиграции, изучение сущности русской культуры, заботливое сохранение наследия предков и пополнение этого наследия новыми культурными сокровищами”³⁴.

Эта же инструкция устанавливала официальный перечень национальных праздников для россиян.

Как мы видим, Бюро взяло в свои руки все административные и воспитательно-идеологические функции и абсолютно всю практическую работу, связанную с жизнью и бытом эмиграции в новом государстве. Это было, в полном значении этого слова “эмигрантское правительство”, аналога которому не было ни в одной другой стране мира.

Бюро четко и с достоинством определяло свое место в новом государстве и роль в жизни маньчжурской эмиграции:

“Представлятельствуя интересы российской эмиграции, Главное Бюро по делам Российских эмигрантов вносит этим свой вклад в дело строительства молодой Империи и осуществляет идею сотрудничества всех населяющих страну народов...”

Но, отдавая свои силы, знания и опыт Маньчжурской империи, служа ей честно и лояльно, российская эмиграция помнит в то же время о своей принадлежности к великому русскому народу. Она считает себя наследницей и носительницей великой

русской культуры и не перестает рассматривать себя, как авангард борьбы с темными силами Коминтерна”³⁵.

Это 1942 г., и эта формулировка была закреплена официально в капитальном юбилейном труде “Великая Маньчжурская империя к десятилетнему юбилею” – совместном детищу государственной организации Киовакай и Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи.

Примерно после 1942 г. стало проявляться некоторое недовольство японских властей работой Бюро, не приведшее к каким либо оргвыводам, а только к созданию нового параллельного с Бюро и дублирующего его органа т.н. Объединения российских эмигрантов в Маньчжурской империи.

Может быть, в этой представленной мною выше позиции Бюро и лежали корни недовольства Японской военной миссии его работой? Были, конечно, и другие причины. Этот вопрос требует специального исследования.

В заключение всего сказанного выше, отмечу, что безусловно Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи было орудием в руках японских властей страны, внедряло (пыталось с неясным успехом внедрять), по их настойчивым директивам в эмигрантскую среду их идеологические установки, служило средством тоталитарного контроля над эмиграцией. Это негатив.

Однако, почему “с неясным успехом”? Тут следует заметить, что японские духовные ценности были мало привлекательны для российских эмигрантов. Еще меньшее влияние на эмиграцию, связанную многолетними узами с Китаем, государствами Европы и Соединенными Штатами Америки, имела и вся активная японская пропаганда в пользу большой войны “За установление Нового Порядка в Великой Восточной Азии”, развязанной Японией против этих стран.

Вместе с тем, именно это Бюро в новых, трудных, крайне запутанных внутри- и внешнеполитических условиях середины 30-х-первой половины 40-х годов на Дальнем Востоке, объединило эмиграцию, консолидировало ее, спасло от нового распыления по странам мира, а, возможно, и от массовой насильственной репатриации в СССР. Русских эмигрантов, основная масса которых продолжала проживать именно в Маньчжурии (в 1944 г. – 68 877 человек), попавших под власть тоталитарного государства, могла ожидать судьба национального меньшинства в таком государстве – то есть насильственная ассимиляция или новое изгнание (что, например, имело место в отношении евреев в нацистской Германии).

Но в Маньчжурии, в Китае ничего подобного не произошло. Напротив, русской эмиграции удалось еще более укрепить свои культурные и экономические позиции в крае, способствовать его прогрессу, сделав новые крупные капиталовложения в его экономику.

Роль Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи во всех этих процессах надо признать важной и значительной и пора дать ей объективную оценку.

- ¹ *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999. С. 210, 217, 221.
- ² *Онегина С.В.* Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи // Проблемы Дальнего Востока. М., 1996. № 5.
- ³ *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай. 1920–1950-е годы. Хабаровск, 2003.
- ⁴ *Соловьева Н.А.* Печатные издания харбинской россики. Хабаровск, 2003. С. 6, 7.
- ⁵ *Балакишин П.* Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1. С. 180.
- ⁶ *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 46–49.
- ⁷ *Балакишин П.Н.* Указ. соч. С. 180–181; Рычков Вениамин Вениаминович (1870–1935) окончил Академию Генерального штаба, генерал-лейтенант, участник Первой мировой и Гражданской войны. Награжден боевыми наградами, включая золотое Георгиевское оружие. Первый Начальник Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи.
- ⁸ Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. Харбин, 1942. С. 293.
- ⁹ Положение о Главном Бюро по делам российских эмигрантов, районное бюро, Отделениях Бюро и представительствах Бюро в Маньчжурской империи. Государственный Архив Хабаровского Края (Далее: ГАХК). Ф. 830. Оп. 2. Д. 4. Л. 284.
- ¹⁰ Квантунская область – район в южной Маньчжурии, “арендованный” Японией у Китая после Русско-японской войны с городами Порт-Артур (Риоджун) и Дальним (Дайрен).
- ¹¹ ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 4. Л. 284–286.
- ¹² *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 52.
- ¹³ ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 32. Л. 16.
- ¹⁴ Прослужившие один год получали заштатное пособие за один месяц по последнему окладу; 2 года – за 2 мес.; 3 года – за 3 мес.; 4 года – за 4 мес.; 5 лет – за 6 мес.; 6 лет – за 8 мес.; 7 лет – за 10 мес.; 8 лет – за 12 мес.; 9 лет – за 14 мес.; 10 лет и свыше – за 16 мес. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 4. Л. 294).
- ¹⁵ Там же. Л. 293, 294.
- ¹⁶ ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 32. Л. 15.
- ¹⁷ ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 4. Л. 295.
- ¹⁸ Там же. Л. 42. Цит. по: *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 52.
- ¹⁹ Великая Маньчжурская империя. С. 295.
- ²⁰ Там же. С. 295–296.
- ²¹ Великая Маньчжурская империя. С. 301; ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 14. Л. 22.
- ²² *Бакшеев А.П.* (1873–1946), казак Забайкальского казачьего войска, генерал-лейтенант семеновского производства. Второй Начальник Бюро (1935–1937),

- после смещения был назначен начальником Захинганского Районного бюро. В 1945 г. был ранен в руку, захвачен наступающими частями Советской армии. Увезен в Москву, судим показательным судом и расстрелян.
- 23 Кислицин В.А. (1863–1944) – генерал-майор, участник японско-русской, первой мировой и гражданской войны, георгиевский кавалер. Имел 14 боевых ранений. Третий начальник Бюро (1938–1943). Автор трех книг, посвященных патриотическому воспитанию русской молодежи: В огне гражданской войны. Харбин, 1936; Пантеон воинской доблести и чести. Харбин, 1941; Пути русской молодежи. Харбин, 1944 и других публикаций.
- 24 Власьевский Л.Ф. (1884–1946), генерал-лейтенант семеновского производства. Четвертый Начальник Бюро (1944–1945). По собственному желанию вернулся в СССР. Судим показательным судом и расстрелян.
- 25 *Аурилене Е.Е.* Указ соч. С. 64, 65.
- 26 Великая Маньчжурская империя. С. 301–304; *Аурилене Е.Е.* Указ соч. С. 65.
- 27 Сборник, выпущенный к юбилейной постановке спектакля “Патриот”, осуществленного драматическим ансамблем В.И. Томского. Харбин, 1943. С. 2.
- 28 *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 72.
- 29 Там же. С. 75.
- 30 Двухнедельный литературно-художественный, научно-популярный и общественно-политический журнал. Харбин, 1934–1945. № 1–142.
- 31 Великая Маньчжурская империя. С. 300.
- 32 ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 35. Л. 9; *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 76.
- 33 Там же.
- 34 ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 73. Л. 16.
- 35 Великая Маньчжурская империя. С. 300.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Л.Н. Нежинский. У меня два вопроса. Когда это Бюро официально прекратило свое существование?

Г.В. Мелихов. В 1945 г., с приходом Советской армии было закрыто, работники его арестованы.

Л.Н. Нежинский. Значит, оно просуществовало 11 лет.

Второй вопрос уже другого характера. Ваш доклад называется “Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи”. А дальше такие слова: “Факты и домыслы”. Вы изложили основные факты. С ними, видимо, надо соглашаться.

В чем же состоят домыслы?

Г.В. Мелихов. По оценке советского правительства это была преступная, антисоветская по своим задачам организация (Л.Н. Нежинский: это чьи домыслы были?) Возьмем научную литературу. Петр Балакшин (американский офицер) считает, что “это была грязная японская задумка, направленная против эмиграции”. Долтефен – автор книги о русском фашизме полагает, если в Бюро был Родзаевский, то это вообще фашистская организация.

Белорусский историк Н.Е. Аблова, уже знакомая с архивом Бюро, опорно отрицает важность и полезность Бюро для эмиграции. Позитивные сдвиги определились впервые только в последнее время. Наиболее взвешенная оценка Бюро была у С. Онегиной. Еще более объективная и полная оценка у хабаровского историка Е. Аурилене, которая работала с архивным материалом. Это позволяет мне сказать, что такие домыслы входят в противоречие с фактами.

П.Н. Зырянов. Бюро отслеживало колчаковских генералов и других деятелей, таких, как атаман Семенов, Дитерихс?

Г.В. Мелихов. Нет. Самый выдающийся, замечательный человек, много сделавший для Бюро эмигрантов, это генерал Кислицын. Он был и у Колчака, у Миллера на северном фронте, потом служил на Востоке. Семенов не принимал участия в работе Бюро, эмигрантское большинство отвергало его. Те люди, имена которых вы назвали, не принимали участия в работе Бюро. Это была такая специфическая организация. Конечно, она высоко оценивала все белое движение и т.д. Но названные Вами деятели с Дитерихсом были. Дитерихс организовал Маньчжурский отдел РОВСа. И в 1935 г. японцы изгнали все руководство этого влиятельного союза из Маньчжурии, распустили его Маньчжурский отдел и он в Маньчжурии прекратил свое существование.

Л.Н. Нежинский. Известно, что после Второй мировой войны, когда в Китае началась фактически гражданская война, то российская эмиграция как бы разделилась на несколько направлений. Небольшая часть пожелала вернуться в Россию, фактически в Советский Союз. Люди стали возвращаться, хотя не всем это удалось, и не у всех судьба сложилась после этого потом. Вторая, большая часть, отправилась в другие страны. Немалая часть отправилась в Австралию, убежала от Мао Цзэдуна и его последователей.

Сыграло ли Бюро какую-то роль в направленности остатков этой русской эмиграции в первые послевоенные годы? Или оно уже не играло никакой роли, люди сами выбирали свой путь?

Г.В. Мелихов. Большая часть возвратилась в Советский Союз, а меньшая часть уехала через Шанхай и другие города, и покидая Харбин в 1948, 1949, 1950-м годах (израильтяне – в 1948, поляки – в 1949 г.) большими группами уезжали за границу. Бюро в это время уже не существовало, было Общество советских граждан. Оно стремилось влиять, выступать за возвращение на Родину. Все-таки меньшая часть, это были лишь проценты, а 90% уехало в Россию.

А.К. Соколов. Докладчиком хорошо представлены разные направления деятельности Бюро.

Л.Н. Нежинский. Как выясняется, в последние 10–15 лет часть деятельности нашей российской эмиграции или никак не освещалась, или освещалась с резко заидеологизированных позиций. Считалось, что это в основном были сторонники белогвардейщины, антисоветчики и т.д., нечего было их изучать. Но потом наша линия относительно рассмотрения этого круга проблем поменялась и мы в последние годы занялись изучением этой весьма интересной линии российской эмиграции, тем более что тут были свои проблемы. Дальнейшие судьбы российских эмигрантов зависели, во-первых, от умонастроений, которые их охватили во время пребывания в Китае, в такой своеобразной стране, и особенно в Маньчжоу-го, после занятия этой части Китая японскими интервентами. Их деятельность, их пребывание во многом отличались от пребывания российской эмиграции, допустим, во Франции, в Соединенных Штатах Америки, в Великобритании. Тут были большие особенности, которые играют свою наследственную роль вплоть до наших дней. Ведь там остались потомки эмигрантов, в том числе в Харбине. Они играли свою определенную роль. Это уникально, что там еще существует несколько православных храмов, которые действуют до сих пор. В других странах ничего подобного нет. Только недавно построили новый храм во Франции, потом в Великобритании, и европейская печать сегодня стала объявлять об этом как о сенсации. Здесь же прослежена своеобразная судьба потомков тех русских эмигрантов.

Мы можем поблагодарить докладчика за то, что он нашел эту проблему, поставил ее, предпринял первые шаги к ее освещению.

Е.Ю. Зубкова

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВООРУЖЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В ПРИБАЛТИКЕ. 1944–1949 гг.*

Когда речь заходит об антисоветском движении в Прибалтике, черно-белое видение, свойственное освещению проблем советско-балтийской истории вообще, выступает уже в образе классической дихотомии. В ней нет полутонов, а есть лишь герои и злодеи, жертвы и палачи, правые и виноватые. Традиция эта возникла еще в то время, когда вооруженное сопротивление в Прибалтике было актуальной политической проблемой, и окончательно сложилась в 1960-е годы вместе с появлением первых исторических исследований на данную тему в Советском Союзе и на Западе. Между тем повстанческое движение в Прибалтике, как и феномен сопротивления в целом – явление многослойное, понять которое невозможно, задавшись только одним параметром его измерения. Классическая схема “мы – они” здесь или не работает, или каждый раз требует уточнения имени и позиций контрагентов. Это тот “клубок проблем”, распутывать который удобнее и логичнее не с ответов, а с вопросов.

Что явилось причиной массового сопротивления политике советизации? Почему в трех балтийских республиках масштабы протеста и уровень конфронтации были столь различны? Как соотносились между собой активные и пассивные формы этого сопротивления? Как реагировала Москва на ситуацию в Прибалтике? Наконец, кто они – люди, ушедшие в леса, которых стали называть “лесными братьями”? Во всяком случае, попытки причислить их всех либо к “патриотам”, либо к “бандитам” выглядят не только наивными, но и по меньшей мере неубедительными.

Бесспорно одно: повстанческое движение в Прибалтике было ответом на политику советизации, особенно на сопровождавшие ее репрессии и террор. Аннексия Литвы, Латвии и Эстонии в 1940 г. и последующие попытки инкорпорировать их в советскую систему стали тем вызовом, на который граждане

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 19 октября 2006 г.

балтийских стран ответили активным и пассивным сопротивлением. Вместе с тем стартовой точкой развития активных форм сопротивления советскому режиму (в том числе и повстанческого движения) стал не 1940 г., как того можно было ожидать, а 1944 г.

Первые антисоветские восстания в Прибалтике произошли еще в июне 1941 г., как только там узнали о нападении Германии на Советский Союз. Однако повстанцы, без особых проблем одолевшие остатки советских гарнизонов и отступающих частей Красной армии, сложили оружие, едва появились немецкие войска. Немецкое командование поддерживало активность повстанцев, оказывая им в первую очередь материально-техническую помощь¹. В то же время возникшие в результате восстаний национальные правительства или аналогичные национальные структуры не были признаны немецкой администрацией и вскоре были распущены. Вопреки ожиданиям балтийских патриотов, в странах Балтии был установлен германский оккупационный режим, надежды на освобождение и восстановление независимости оказались не более, чем иллюзией.

Вторая попытка добиться восстановления суверенных государств на территории Прибалтики относится к концу Второй мировой войны, импульсом для развития движения сопротивления послужило тогда стремление не допустить повторной советизации Литвы, Латвии и Эстонии. Антисоветские выступления балтийских партизан начались с того момента, когда советско-германский фронт переместился на территорию Прибалтики, с лета 1944 г. В отличие от ситуации 1940 г., сопротивление – особенно в Литве – приняло тогда массовый характер.

Далеко не все “лесные братья” готовы были с оружием в руках бороться против советской власти. Многие, напуганные предвоенными депортациями и репрессиями и не имеющие никаких гарантий, что ситуация после “второго пришествия” советской власти изменится к лучшему, просто предпочитали пересидеть “смутные времена”. Для этих людей – а таких было большинство – “лесное братство” стало своего рода способом выживания, способом ухода от советской действительности.

Состав “лесного братства” был довольно пестрым, в нем встречались не только “сидельцы” и партизаны-боевики. Причины, заставлявшие людей прятаться от советской власти и особенно от ее силовых структур, были различными – не только террор был тому виной. В лесах скрывались партизаны, организованные в большие отряды и действовавшие мелкими группами. Помимо партизан в Литве находились и отдельные подразделения поль-

ской Армии Крайовой. В тех же лесах можно было встретить немецких военных, отставших от своих частей или оставленных намеренно для проведения диверсионных акций. После освобождения узников немецких лагерей часть бывших заключенных, не ожидая для себя ничего хорошего на родине, предпочитала скрываться от представителей власти. По дорогам, а чаще снова в лесах, бродили группы дезертиров. Вместе с объявлением мобилизации в Красную армию, в бега устремились те, кто подлежал призыву. Наконец, среди “нелегалов” было немало и тех, кто объединялся в шайки и промышлял разбоем. Состав этих банд определить довольно трудно – встречались в них и уголовники-рецидивисты, и те же красноармейцы-дезертиры, и крестьяне. У всей этой разношерстной публики был тем не менее один общий враг – советская власть и ее полномочные представители на местах.

Определить численность “лесных братьев” и вообще всех, кто по тем или иным причинам скрывался от советской власти, довольно сложно, если не сказать почти невозможно. Никакой достоверной статистики на этот счет нет, данные разных источников расходятся. Что касается примерных оценок экспертов, то, по мнению историков Р. Мисиунаса и Р. Таагапера, на пике движения в “лесное братство” было вовлечено от 0,5 до 1 % балтийского населения. Весной 1945 г. численность партизан в Литве доходила до 30 тыс., в Латвии – до 10–15 тыс., в Эстонии – до 10 тыс. человек². Исследования последних лет в целом подтверждают эти оценки. Так, А. Анушаускас полагает, что в ноябре 1944 г. в лесах Литвы скрывались примерно 33 тыс. человек³. Х. Стродс оценивает численность партизан Латвии на тот же период в 20 тыс. человек⁴. По данным М. Лаара, “лесное братство” в Эстонии объединяло на своем пике 15 тыс. человек⁵.

Самый большой резерв для пополнения партизанских отрядов в 1944 и 1945 г. составляли “уклонисты”, то есть люди, уклоняющиеся от мобилизации в Красную армию. Они не являлись на призывные пункты, прятались от военных чиновников, сбегали по дороге в свои части. За 1945 г. в Литве было взято на учет 52 658 “уклонистов”, в Латвии – 4343, в Эстонии – 2343⁶. Эти данные касаются лишь тех, кого органам НКВД удалось раскрыть и вернуть к легальной жизни. Сколько “уклонистов” осталось в лесах – неизвестно.

“Уклонисты” в значительной степени определяли и социальный облик “лесного братства” – оно было преимущественно крестьянским. Помимо крестьян партизанили бывшие военнослужащие, учащиеся гимназий, студенты. Среди командиров партизан-

ских групп, например, в Литве преобладали офицеры бывшей литовской армии (37%), 10% командного состава приходилось на долю бывших полицейских, и столько же (по 10%) составляли учителя и студенты⁷.

Официальные партийные документы характеризовали движение сопротивления в Литве как “кулацко-националистическое”⁸. Это было удобно для поддержания версии о “классовой борьбе” как главном мотиве существования вооруженной оппозиции режиму. Однако сама советская статистика противоречит этой версии. О социальном составе “лесных братьев” в Литве можно получить представление, например, на основании данных об осужденных Военным трибуналом войск НКВД–МВД Литовской ССР.

Согласно этим данным, за вторую половину 1944 г. Военным трибуналом были осуждены как “бандиты” 131 человек, из них по категории “кулаки” проходили всего 9 человек, тогда как 78 попали в категорию “крестьяне-середняки” и 29 – “бедняки”. В 1945 г. среди осужденных 2574 “бандитов” оказалось только 229 кулаков, а середняки и бедняки вместе составили почти 60% осужденных по этой категории – 1293 и 226 человек соответственно. Любопытно, что среди осужденных “бандитов” 327 человек (12,7%) принадлежали к социальной группе “интеллигенция”. Во всяком случае, интеллигентов оказалось больше, чем кулаков⁹.

Получалось, как следовало из выводов председателя Военного трибунала полковника Халявина, что 7,5% “классово чуждого элемента” (помещики, кулаки, духовенство) “сумели вовлечь на свою сторону 92,5% трудового населения” – крестьян, кустарей, учащихся и интеллигенции¹⁰. К слову, помещиков за три года – с 1944 по 1946 – набралось всего 5 человек. Тем не менее их по инерции включали в статистические справки, руководствуясь, по всей видимости, той же установкой (или неосознанным желанием) обязательно подвести антисоветское сопротивление в Литве под мотивацию классовой борьбы.

Крестьянское “лицо” вооруженного движения сопротивления в Прибалтике определялось и местом его дислокации – оно было в полном смысле слова движением “лесных братьев”, то есть развивалось почти исключительно в сельской местности. Попытки распространить активные формы сопротивления на города оказались в целом неудачными, особенно в крупных городах. Города были опорными пунктами советской власти. В сельской местности ситуация, особенно в первое время после окончания военных действий, складывалась не столь однозначно. Поэтому,

пока советская власть была еще не везде, сельский житель по сравнению с городским обладал одним, пусть временным и иллюзорным, но преимуществом – ему было куда бежать. Часто повод для бегства давали сами местные власти. Их некомпетентность и злоупотребления, умноженные на вынесенный еще с довоенных времен страх населения, заставляли многих переходить на нелегальное положение.

Представление о настроениях балтийского населения дают следующие зарисовки повседневной жизни Латвии 1945 г.

Сначала на территорию республики вступили части Красной армии. После этого в сводках время от времени стали появляться сообщения вроде следующего, пришедшего в мае 1945 г.: “Во всех волостях зарегистрированы случаи грабежа местного населения и изнасилования женщин, также ежедневно поступает по несколько жалоб в волисполкомы на то, что лица, одетые в красноармейскую одежду и репатрируемые, угоняют принадлежащий местному населению скот. В ряде волостей лошадьми воинских частей травятся поля, все это отражается на политикоморальном настроении населения. Хотя командованием принимаются суровые меры, но пока эти явления не ликвидированы”¹¹.

Кто были эти “лица, одетые в красноармейскую одежду” – действительно красноармейцы или обычные уголовники, маскирующиеся под красноармейцев – не суть важно. Не столь важно также и то, что данная практика была вовсе не повсеместной. Важно другое: в глазах местного населения человек в красноармейской форме стал олицетворять угрозу.

Власть, которую принесла с собой Красная армия, тоже не сулила ничего хорошего. Поэтому любые ее мероприятия, независимо от их конкретного содержания, воспринимались балтийским населением как направленные против него, во всем виделся подвох. Стоило, например, в одном из уездов Латвии объявить о явке всего мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет на сборные пункты “для проверки”, немедленно распространился слух, что “собранные на пункты для проверки мужчины будут расстреляны или сосланы в Сибирь на каторгу”¹². Нетрудно догадаться, что часть мужчин предпочла не проверять эти слухи на собственном опыте, а просто отправилась “в бега”.

Лицо советской власти представляли ее органы на местах. Собственно для крестьянина советская власть начиналась и заканчивалась в волисполкоме. Местные начальники, со своей стороны, нередко позволяли себе разного рода “вольности”, а практика угроз становилась обычным стилем их работы: крестьян то и дело запугивали судом и прочими карательными санкциями,

строптивных или просто неинформированных объявляли “вредителями” и “врагами народа” и сулили передать их дела “компетентным органам”. Доходило до курьезов. Председатель одного волисполкома решил провести спортивный кросс, в котором должны были принять участие все граждане от 13 до 26 лет. Чтобы население отнеслось к этой инициативе со всей серьезностью, председатель на всякий случай предупредил, что не явившиеся на кросс “будут наказаны по закону военного времени”¹³.

Республиканские власти пытались бороться с самоуправством местных чиновников, но, как правило, безрезультатно: на место проштрафившегося начальника приходил новый, такой же – и все повторялось сначала. Крестьяне в результате оставались опять один на один с произволом местных властей. И если им оставалось откуда-то ждать помощи, то только из “леса”. Не случайно поддержка партизанского движения местным населением была массовой.

Помимо “лесных братьев” существовала еще одна надежда – помощь извне, от стран Запада. “Придут американцы – и все будет по-старому”, – эта присказка, точнее самоубеждение, то и дело проскальзывала в разговорах, помогая людям жить и надеяться на лучшее. Подобные настроения были особенно сильны в первые послевоенные годы. Убеждение, что после победы над Германией начнется раздор между СССР и союзниками, а потом и война, рождало у балтийского населения иллюзию непрямого восстановления старых порядков с помощью США и Великобритании.

Однако время шло – а война “за Прибалтику” все не начиналась. Тем не менее, стоило вспыхнуть какому-нибудь конфликту между Советским Союзом и странами Запада, в Прибалтике сразу вновь появлялись слухи о скорой войне. Например, в связи с начавшейся блокадой Берлина в 1948 г. советские спецслужбы Эстонии зафиксировали: “Враждебные элементы распускают среди населения слухи о том, что якобы в ближайшее время начнется война между Советским Союзом и США. Особенно эти слухи отмечают в сельской местности. В Вырумаском уезде, например, распространился слух, что будто бы русские войска окружили Берлин, а английские и американские военные части, в свою очередь, окружили части Советской армии и сейчас ожидают приказа к открытию военных действий”¹⁴.

Надежда на помощь Запада служила серьезным стимулом для развита повстанческого движения¹⁵. Более того, многие повстанческие организации и группы видели свою задачу главным образом в том, чтобы “подготовить почву” для прихода

англичан или американцев и “продержаться” до этого момента. Ситуация эта была особенно характерной для Эстонии и Латвии. Однако и в Литве партизаны активно использовали “фактор Запада” для поддержания боеспособности своих отрядов и мобилизации новых сил. Отсутствие реальной военной поддержки со стороны западных стран стало одной из главных причин сначала ослабления, а затем и прекращения вооруженного сопротивления политике советизации.

Для советского режима именно вооруженное сопротивление представляло наибольшую угрозу и было главным препятствием на пути осуществления планов по дальнейшему превращению Литвы, Латвии и Эстонии в “советские” республики. Мотивы сопротивления в данном случае не играли определяющей роли. По логике режима, любой человек с оружием в руках, если он не был милиционером, оперативником или красноармейцем, автоматически зачислялся в “бандиты”. Отделить партизан от бандитов, повстанцев от уголовников порой действительно было весьма непросто. Уголовные элементы нередко действовали “под партизан”, чем серьезно компрометировали повстанческое движение в глазах населения. Партизанские лидеры, если в криминале были уличены члены отряда, стремились избавляться от таких людей и даже устраивали показательные суды над ними – в назидание остальным.

Трудности определения географии и масштабов распространения повстанческого движения и уголовного бандитизма в послевоенной Прибалтике связаны кроме того с несовершенством советского законодательства, не разделявшего до 1947 г. антисоветское вооруженное сопротивление и уголовный бандитизм. Однако дело было не только в несовершенстве ведомственной статистики – часто сама жизнь, реальная ситуация смешивали политический и уголовный террор.

Чтобы понять, что представляла из себя “бандитская повседневность”, например, в Литве, достаточно полистать один любопытный документ – “Журнал учета бандпроявлений по Литовской ССР за 1946 г.”. В этой “амбарной книге” день за днем фиксировались происшествия, а в скобках дежурный указывал характер преступления – как тогда было принято. Всего в журнале отмечено 1671 происшествие – с декабря 1945 г. по ноябрь 1946 г. Приведем несколько записей из этой книги всего за несколько дней и только по одному уезду – Паневежскому:

“1 января в деревне Волоне три неизвестных бандита увели с собой, а затем расстреляли крестьян Гарилайтис Алексаса и Каселюнас Пранаса. Поиск банды результатов не дал (убийство).

11 января в деревне Болеши неизвестная бандгруппа численностью 7 человек убила учительницу Баранаускайте. В деревне Жлобишки эта же банда убила зам. председателя сельсовета Сацкунис (теракт).

16 января в деревне Лупяли тремя неизвестными бандитами ограблен и убит крестьянин-середняк Милейка Ионас (убийство).

В ночь на 23 января в деревне Копелсе неизвестными бандитами убита семья крестьянина-новосела в составе: Баранускайте Елены, ее сыновей Альфонсаса – 20 лет, Ализаса – 24 года, Повиласа – 19 лет, Витовуаса – 14 лет и дочери Ванды – 10 лет. Дом бандитами сожжен (теракт)”¹⁶.

Этот документ показывает, что по крайней мере на первичном уровне разница между уголовными и политическими преступлениями фиксировалась. Только принципы классификации были довольно странными: характер преступления определял не только его состав, но и, главным образом, объект, то есть жертва. Если жертвой преступления оказывался советский служащий или крестьянин-новосел, то есть человек, участвовавший в “государственной программе”, то оно квалифицировалось как террористический акт – политическое преступление. Если же аналогичное преступление совершалось по отношению к обычному крестьянину, в этом случае оно считалось просто убийством, то есть уголовщиной. Что касается преступников, то все они проходили по одной категории – “бандиты”.

Смешение политического и уголовного террора происходило еще по одной причине: в Прибалтике, как и на Западной Украине, уголовная составляющая волны насилия была относительно невелика и по всем показателям (количеству преступлений, числу жертв и т.д.) уступала “политическому криминалу”. Так, в 1946 г. из общего числа ликвидированных “антисоветских формирований и групп” (642) почти 65% (415) приходится на Западную Украину. Литва, Латвия и Эстония вместе составили 18%, причем из 117 антисоветских групп 88 пришлось на Литву. На всю остальную территорию СССР (за исключением западной Белоруссии) пришлось чуть более 10% “антисоветских формирований”.

Картина послевоенной уголовной преступности будет прямо противоположной: среди 2895 уголовных банд, ликвидированных в 1946 г. по стране в целом, 2227 (77%) приходится на “старые” республики СССР, тогда как Западная Украина дает только 6% от общего числа уголовных банд, а Прибалтика и того меньше – 5,6%¹⁷.

Несмотря на несовершенство статистических данных, они тем не менее позволяют увидеть довольно наглядно общие

тенденции развития “криминального фона” в разных частях страны. Эти же данные, например, доказывают, что главной проблемой на пути восстановления советских порядков в Прибалтике после войны стало национальное движение сопротивления. Уголовный бандитизм играл при этом скорее роль “сопутствующего” фактора и не имел большого распространения. Другое дело, что партизаны в своей борьбе с режимом нередко действовали как обычные уголовники, терроризируя население и не брезгуя разбоем и грабежом.

Москва не сразу оценила масштаб повстанческого движения в Прибалтике, а также связанные с ним политические риски. На первом этапе – после вступления в Прибалтику частей Красной армии летом 1944 г. и до весны 1945 – Кремль был занят решением иных проблем, связанных с победоносным окончанием войны и послевоенным устройством мира. Уже освобожденная Прибалтика как решенный вопрос отошла в это время на второй план, вникнуть в суть происходящего там было просто недосуг. Предполагалось, что здесь события будут разворачиваться по сценарию, апробированному на других в прошлом оккупированных Германией советских территориях: восстановление органов власти, подсчет ущерба, возвращение беженцев и т.д. Частью этого общего плана была “зачистка” освобожденных районов от остатков немецких воинских частей, диверсионных групп, а также от бывших полицейских, охранников и других лиц, сотрудничавших с немцами. Решение этой задачи проходило по ведомству НКВД и НКГБ.

Так было везде. Однако уже к осени 1944 г. становится очевидно, что ситуация на западных границах СССР, на так называемых новых территориях складывается не так, как предусматривал стандартный сценарий. Сопротивление восстановлению советских порядков там оказалось неожиданно более серьезным и активным, чем то, которое можно было ожидать от “остатков” немецких частей, полицейских и “агентов”. Особенно большое беспокойство у руководства НКВД вызывало положение на Западной Украине и в Литве. В документах этого ведомства появляется новое понятие – “антисоветское подполье и его вооруженные банды”. Это уже не “остатки” и отдельные “агенты”, хотя и “подполье”, и “банды” по-прежнему рассматриваются исключительно как детище германской разведки.

Именно так формулировал задачу нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия, когда 12 октября 1944 г. издал приказ “об очистке территории Литвы от антисоветского подполья и его вооруженных банд, созданных и оставленных германской разведкой”.

Справиться с проблемой, то есть ликвидировать антисоветское подполье в Литве, предполагалось уже в 1945 г. Как оказалось, нарком делал слишком оптимистичные прогнозы.

На высшем государственном уровне проблема вооруженного сопротивления в Прибалтике до лета 1945 г., по-видимому, вообще не обсуждалась, во всяком случае, это обсуждение, если оно и было, не оставило документального следа. Косвенным подтверждением слабой информированности руководства страны о реальной ситуации в Прибалтике служат решения Оргбюро ЦК ВКП(б) от 30 октября 1944 г. Среди задач, поставленных центральным руководством перед партийными властями трех балтийских республик только на четвертой позиции значилось “усиление борьбы против буржуазных националистов”¹⁸. Ни о каком “антисоветском подполье” и тем более “его вооруженных бандах” в этом постановлении не было и речи.

Между тем на территории Прибалтики, особенно в Литве, весной 1945 г. уже разворачивалась настоящая партизанская война. Однако большие потери – как в боях, так и в результате облав и “зачисток” – заставляют партизан сменить тактику. Большие отряды разделяются на более мелкие и мобильные группы, жизнь “лесных братьев” становится более конспириванной: в лесах и на хуторах создается система бункеров, отлаживается система коммуникаций между укрытиями, создается широкая сеть связанных и агентов. Повстанцы стремятся избегать боевых столкновений с воинскими частями. В Латвии и особенно Эстонии вооруженные конфликты “лесных братьев” с войсками практически вообще прекращаются. Главным методом партизанской борьбы становится террор против советских активистов, крестьян-новоселов, нападение на советские учреждения, организация пропагандистских акций, бойкотирование важных государственных кампаний – выборов, подписки на заем, хлебозаготовок и т.д.

Для Кремля 1945 г. – это тоже рубеж. После окончания войны ситуация в Прибалтике выглядит в ином свете, и наличие там вооруженной оппозиции воспринимается уже как политический вызов, а не просто как последствия немецкой оккупации.

Весной и особенно летом 1945 г. в Москву начинает поступать информация об активизации повстанческих сил. На официальном языке они именуется “националистическим подпольем” и “буржуазно-националистическими бандами”. Однако главное не в названии, а в сути: повстанческое движение оценивается как фактор, не только угрожающий стабильности режима, но и ставящий под вопрос само существование советской власти – особенно в глубинке.

“В ряде волостей и сел советской власти не чувствуется”, – приходит сообщение из Литвы¹⁹. “Советская власть в уезде по существу парализована”, – докладывают из Латвии²⁰. “Можно с полной уверенностью сказать, что в доброй половине сел Литвы нет советской власти”, – к такому тревожному выводу приходят “люди из Москвы”, приехавшие изучить обстановку на месте²¹.

Представление о реальной ситуации в сельских районах летом 1945 г. дает следующая зарисовка из повседневной жизни Абренского уезда Латвии. Ее сделал приехавший в уезд из Риги по поручению ЦК компартии Латвии инспектор Я.Я. Диман. В своем отчете он записал:

“Из 57 сельсоветов разгромлены и не работают 24 (несколько из них блокированы и связь с ними потеряна). Разгромлены и сожжены два волостных центра – Берзпилский и Тылженский. Первый из них был разгромлен до нашего приезда, второй – утром, 5 июня, после нашего доклада в этой волости. Сожжены 9 домов, убиты 4 наших работника и ранено 5. По всему уезду идет истребление сельского актива”²².

Ответить на партизанский террор местным представителям власти, а тем более простым активистам часто было просто нечем. “Бандиты нас режут невооруженных, как кроликов”²³, – это достаточно красноречивое признание сделано от имени тех, кто в глазах населения был не чем иным, как советской властью. Когда же власть находится в “положении кролика”, она уже не власть.

Фактической властью во многих уездах летом 1945 г. были не советские чиновники и партийные начальники, а партизаны. Перед лицом партизанской угрозы советская власть на местах выбросила “белый флаг”.

“Кто виноват в том, что сельский актив истребляется невооруженный?” – вопрос, заданный уполномоченным Диманом латвийским властям, вполне можно было адресовать и эстонским, и литовским руководителям. Во всяком случае летом 1945 г. “борьба с бандитизмом” становится задачей номер один для руководства всех трех балтийских республик: она начинает активно обсуждаться, наиболее часто упоминается в отчетах и докладных записках. Республиканские власти, наконец, осознают, что вопрос “кто – кого” имеет к ним непосредственное отношение, и решить его только силами армии и НКВД вряд ли удастся.

Ситуация в Литве, Латвии и Эстонии складывалась по-разному, и хотя тенденции развития повстанческого движения в Прибалтике в целом были довольно сходными, масштаб этого

явления, накал борьбы и острота противостояния отличались самым существенным образом. По всем этим показателям лидировала Литва. По официальным данным только за 1945 г. на территории Литвы за принадлежность к антисоветскому подполью и прочие виды антисоветской деятельности, в том числе и пособничество, было убито, арестовано и легализовано более 40 541 человек, по Латвии эта цифра была почти в 5,7 раз меньше (7016), по Эстонии – в 7 раз меньше (5671). Даже если принять во внимание размер территории и численность населения республик, все равно различия будут значительными²⁴.

24 мая 1945 г. было созвано Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. На заседании обсуждался один вопрос – “Об активизации буржуазно-националистических банд и мерах усиления борьбы с ними”. Оценив обстановку в республике, Бюро постановило: “Считать важнейшей и первоочередной задачей партийных, комсомольских и советских организаций, органов НКВД и НКГБ дальнейшее усиление борьбы с литовскими и польскими буржуазными националистами, быстрее разоблачение и ликвидация буржуазно-националистического подполья и полный разгром кулацко-националистических банд”²⁵.

Отнесем тезис о “кулацком” составе “националистических банд” к обычному пропагандистскому клише и отчасти влиянию идеологических предубеждений. Заслуживает внимания другое: в решении Бюро не упоминается о “немецком следе”: повстанцы уже не рассматриваются исключительно как агенты германской разведки – и масштабы, и продолжительность сопротивления заставляют задуматься больше о внутренних причинах этого явления, нежели искать их вовне.

Автор этого документа – председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литве М.А. Суслов. Он же предложил свою версию причин активизации повстанческого движения в Литве. По сути Суслов признал, что главной причиной национального сопротивления является та политика, которую советский режим начал проводить в Литве – перераспределение земли, наступление на зажиточную часть крестьянства, хлебозаготовки и т.д. В то же время, по мнению Суслова, “корень зла” кроется не в самой этой политике, а в том, что при ее проведении “врагу не была показана наша реальная сила”²⁶. А “реальная сила” – это войска НКВД. “Органы НКВД и НКГБ должным образом не перестроили своей работы в соответствии с новой тактикой врага”, – заключает литовское Бюро ЦК ВКП(б) в своем решении от 24 мая²⁷. Кроме того, недовольство партийных начальников вызвало сокращение численности внутренних войск в республике: в ноябре 1944 г. в Литве

находилось 17 полков войск НКВД и пограничных отрядов, а весной 1945 г. осталось только 7 полков, а армейские части вообще покинули территорию республики²⁸.

Выход из положения по-прежнему виделся в наращивании силовой, репрессивной компоненты. Бюро ЦК ВКП(б) по Литве обратилось к Л.П. Берии со следующей просьбой: 1) усилить кадровый состав НКВД республики за счет направления в Литву работников из других регионов страны; 2) усилить войска НКВД, находящиеся на территории республики; 3) разрешить вывести за пределы Литвы из каждого уезда по 50–60 семей “главарей банд и наиболее злостных бандитов”²⁹. В дополнение предлагалось еще одно новшество – организация открытых показательных процессов над партизанами, “изобличенных в зверствах над населением”. Процессы должны были проводиться на литовском языке³⁰. Специальное решение об организации открытых судебных процессов Бюро примет позднее – 24 июля 1945 г.³¹

Попытки партийного руководства переложить главную ответственность за наличие вооруженного сопротивления в Литве на силовые структуры встретило с их стороны ответную реакцию. В одном из отчетных документов Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР выдвигались встречные обвинения в адрес литовских партийных властей³². Конфликт интересов и ведомственные разборки – в советской практике дело довольно обычное. Однако Москва не стала разбираться тогда в сути конфликта. Информация о ситуации в Литве, поступавшая в центр по разным каналам – партийным или чекистским – была сама по себе настолько тревожной, что требовала принятия экстренных мер.

Летом 1945 г. в Литве побывали сразу две инспекторских группы: одна от НКВД и НКГБ, другая – от ЦК ВКП(б).

Первая проверка была организована по инициативе Л.П. Берия – в июне 1945 г. в республику прибыли заместитель наркома внутренних дел Б.З. Кобулов и заместитель наркома госбезопасности А.Н. Аполлонов. В результате этого визита появился общий план чекистско-войсковых и оперативных мероприятий, направленных на ликвидацию антисоветского подполья и партизанских сил³³.

В соответствии с планом вся территория Литвы была поделена на 7 оперативных секторов, в подчинении которых находились все местные органы НКВД и НКГБ. В пяти наиболее проблемных секторах располагалось по одному полку – пограничному или внутренних войск. Три оставшихся пограничных полка были объединены в одну мобильную оперативную группу, которая по

мере выполнения задачи должна была перебрасываться из одного оперсектора в другой. На один месяц в Литву передислоцировались 9 полков НКВД из Восточной Пруссии. Этим силам предстояло в июне–июле 1945 г. провести широкомасштабную чекистско-войсковую операцию по “зачистке” территории Литвы от нелегалов – партизан, уклонистов, дезертиров и т.д.

Одновременно создавалось три так называемых оперативных, или специальных отряда (по 70–80 человек в каждом). Эти отряды легендировались под партизан, то есть имели соответствующее обмундирование, оружие, а также завербованных агентов из числа бывших партизан. Задача “фальшивых” партизан заключалась в обнаружении мест дислокации партизанских отрядов, ликвидации их руководителей, а также в уничтожении баз продовольствия и боеприпасов.

Для успеха чекистско-войсковой операции ее предполагалось поддержать рядом репрессивных акций в отношении лиц, проживающих легально. В “черный список” из 2500 человек попали люди, проходившие по агентурным разработкам как “активные антисоветские элементы”. Репрессии должны были коснуться и членов семей партизан, участников подполья и тех, кто по данным НКГБ проходили по категориям “немецкие шпионы”, “изменники родины”, “предатели” и прочее. Всего было намечено к выселению 20 тыс. человек³⁴.

Литва должна была стать полностью подконтрольной территорией. Чтобы обеспечить такой контроль, Москва разрешила провести в Литве – “в виде исключения” – полную паспортизацию населения, то есть обеспечить паспортами (“временными удостоверениями единой формы”) сельских жителей республики³⁵.

Мероприятия против партизан, разработанные в НКВД–НКГБ, получили поддержку по партийной линии. В июле 1945 г. в Литву приехала инспекторская группа из ЦК ВКП(б). Результаты инспекторской поездки были доложены секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову. 15 августа 1945 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о ситуации в Литве – постановление “О недостатках и ошибках ЦК КП(б) Литвы в руководстве партийно-политической работой”. В основу постановления легли материалы и выводы инспекторской группы. Партийное руководство Литвы критиковалось за ряд “крупных недостатков”, главный из которых заключался в “нерешительности и отсутствии должной оперативности в борьбе против литовско-немецкого националистического подполья и его вооруженных банд”³⁶. Соответственно главная задача, которую ЦК ВКП(б) ставил перед литовскими руководителями, состояла в том, чтобы это подполье “в кратчай-

ший срок ликвидировать”, а “кулацко-националистические элементы” – изолировать³⁷.

Версия классовой борьбы при объяснении причин существования антисоветского сопротивления в республиках Прибалтики постепенно станет основной. Сначала из партийных документов исчезнет упоминание о немецком “следе” и появится определение – “буржуазно-националистическое подполье и его вооруженные банды”. Окончательно же все точки над “i” поставит постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г.

В этом документе есть пассаж о ликвидации “литовско-немецких националистов”, но о них говорится в прошлом, в контексте “проданной работы”. Будущая задача формулируется как “быстрейшая ликвидация буржуазно-националистического подполья и его вооруженных банд”³⁸. Но смысл постановления не в этом. Главное – в представлении концепта классовой борьбы как определяющего суть происходящего в Прибалтике и соответственно методы решения проблемы. “Политическая обстановка в Литовской ССР характеризуется наличием острой классовой борьбы”³⁹, – такова ключевая установка. С этой позиции оцениваются действия республиканского руководства, которое допустило “серьезные ошибки”.

Текст постановления содержит очевидные сигналы, отсылающие к советскому опыту решения проблемы преодоления сопротивления “классового врага”. Казалось, можно было не сомневаться, что партийными чиновниками на местах эти сигналы будут “прочитаны” правильно. Единственная проблема заключалась в том, что часть балтийских коммунистов (прежде всего из числа коренного населения) не была знакома с советской моделью ведения классовой борьбы на практике. Им предстояло освоить этот опыт заново.

Так обстояло дело в теории. Реальная же картина происходящего в Литве больше напоминала даже не практику времен “великого перелома”, а скорее обстановку Гражданской войны. 1945 и 1946 гг. стали периодом наиболее жесткого противостояния, когда жестокость обеих противоборствующих сторон достигла своего предела. Широко применялись карательные методы и тактика запугивания населения. Со стороны властей – это были высылки, аресты, показательные процессы над “лесными братьями” и крестьянами, обвиненными в пособничестве. Приговоры показательных процессов потом печатались в газетах. Практиковались и такие акции, как демонстрация трупов партизан в публичных местах – под предлогом их идентификации, на опознание приводились родственники, включая детей⁴⁰.

Ужесточение карательной практики режима вызывало ответную реакцию со стороны партизан. “Лесные братья” использовали свои методы устрашения населения, предупреждая о возможных карах для каждого, кто будет сотрудничать с властью. Местное население хорошо знало, что эти предупреждения не были простой угрозой. Под “сотрудничеством с властью” подразумевалось участие в хлебозаготовках, подписке на государственный заем, голосование на выборах.

Советский актив, а также крестьяне-новоселы находились под угрозой партизанского террора постоянно – за “коллорабационизм” партизаны карали строго. В самую сложную ситуацию попадали обычные крестьяне – они находились в положении “между молотом и наковальней”: если саботировать государственные кампании, можно было ожидать репрессивных санкций со стороны властей, а за участие в них наказывали уже “лесные братья”. Рассуждения о том, чьи репрессивные санкции – чекистские или партизанские – были “более оправданными” (а такие попытки встречаются, даже в научной литературе, не говоря уже о публицистике), помимо моральной ущербности, просто лишены смысла – все равно что дискуссии о “белом” и “красном” терроре. Для крестьянина не было выбора между “лучше” и “хуже”, поскольку и в том и в другом случае хуже было некуда. Со всей очевидностью это демонстрирует статистика жертв партизанской войны.

В 1945 г. в Литве было убито 9672 партизан. За тот же период войска НКВД, милиция, бойцы истребительных отрядов потеряли 214 человек убитыми. Потери среди советско-партийного актива составили 575 человек. Среди жертв партизан больше всего – 1630 человек – пришлось на долю тех, кто в статистических справках проходил по категории “другие граждане”⁴¹. Жертв среди них было почти в 3 раза больше, чем среди “активистов”. Эта тенденция сохранилась и в следующем 1946 г.

Особенность противостояния повстанцев и режима заключалась в том, что оно практически исключало компромиссы. Конечная цель повстанцев – восстановление государственного суверенитета – не могла быть принята режимом ни при каких условиях. Если компромиссы случались, то они делались чаще из тактических соображений и носили временный характер. Например, в Латвии в сентябре 1945 г. один из уездных отделов НКВД заключил с партизанами перемирие на 10 дней, которое соблюдалось обеими сторонами⁴². Однако это так называемое Алсвикское перемирие – случай скорее исключительный. Власть могла пойти на компромисс – но лишь с теми, кто был готов отказаться от борьбы и сложить оружие.

Этой цели служили кампании по легализации партизан, которые объявлялись несколько раз. Разрешение на проведение очередной амнистии давала Москва. Кампания по легализации началась с обращения республиканских властей “к народу”. В обращении указывалась определенная дата и объявлялось, что “участники банд, добровольно явившиеся с повинной в органы власти, сдавшие оружие и порвавшие всякую связь с бандитами, будут прощены”⁴³. В Литве первое такое обращение было издано 9 февраля 1945 г. Кроме больших, общереспубликанских кампаний проводились местные акции по легализации партизан и уклонистов. Кампании эти в целом имели успех, после чего ряды “лесного братства” заметно редели. Уклонисты среди явившихся с повинной составляли подавляющее большинство – до 85%⁴⁴. В 1945 г. в Литве таким образом легализовалось 6264 человека, в Латвии – 2632, в Эстонии – 1623⁴⁵. В следующем году поток желающих покинуть леса в Латвии и Эстонии был еще довольно интенсивным (2055 и 1262 человека соответственно). В Литве же таких добровольцев в 1946 г. оказалось почти в 10 раз меньше, чем в 1945 г. – всего 656 человек⁴⁶. Налицо был кризис доверия к власти – и не без причины.

Среди работников МВД и МГБ было распространено предубеждение относительно легализовавшихся партизан: их подозревали в неискренности и сохранении связи с “лесом”. Для них даже название особое придумали – “неразоружившиеся бандиты”. Часть “лесных братьев” действительно использовала возможность перейти на легальное положение, чтобы уже в новом качестве работать на партизан. Но большинство явились с повинной, вовсе не помышляя в дальнейшем о какой бы то ни было конфронтации с властями. Тем не менее многие из них после выхода из “леса” были арестованы, а потом направлены в лагеря. В итоге в Литве процесс “выхода из леса” уже в 1946 г. серьезно затормозился.

В течение 1945–1946 гг. организованные силы вооруженно-сопротивления в Латвии и Эстонии оказались разгромленными. “В настоящее время в Латвии крупных бандитских формирований нет. Действуют лишь мелкие разрозненные группы”, – говорилось об итогах 1946 года в докладной записке Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР, адресованной С.Н. Круглову⁴⁷. “Все крупные бандитские формирования в основном ликвидированы”, – сообщалось о положении дел в Эстонии⁴⁸.

В Литве ситуация была иной. Из итоговых рапортов за 1946 г. следовало, что деятельность антисоветского подполья в респуб-

лике “в значительно мере парализована” – главным образом за счет разгрома ряда повстанческих организаций⁴⁹. Однако ни о какой ликвидации подполья пока не было и речи. И это несмотря на то, что на борьбу с партизанами были брошены большие силы: только численность войск МВД, участвовавших в “борьбе с бандитизмом” в Литве, составила на 1 января 1947 г. 12 571 человек (для сравнения: в Эстонии в тот же период находилось 1725 человек личного состава войск МВД)⁵⁰. Тем не менее приходилось признавать: «В течение 1946 года по всем бандитским формированиям органами и войсками МВД наносились значительные удары. Однако, состав банд пополнялся за счет “резервов”, то есть участников, находящихся на легальном положении»⁵¹.

Проблема “резерва” партизанских сил беспокоила не только чиновников из ГУББ (Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР) – она превратилась в главную головную боль и для литовских руководителей. Те могли получать информацию не по отчетам, а из первых рук, и информация эта не внушала никакого оптимизма. О динамике развития ситуации на фронте “борьбы с бандитизмом” в республике лучше всего говорят цифры, представленные Военным отделом ЦК компартии Литвы. Приведем эти данные:

“На 1 января 1945 г. осталось на учете банд – 170 и в них 7526 бандитов. За 1-ое полугодие 1945 г. было ликвидировано банд – 423. Убито бандитов – 6171. Захвачено – 4989. На 1 июля 1945 г. оставалось на учете 175 бандгрупп и в них 7862 бандита. За 2-ое полугодие 1945 г. было ликвидировано банд – 298. Убито бандитов – 3460. Захвачено – 4620. На 1 января 1946 г. оставалось на учете банд – 134 и в них 2997 бандитов”⁵².

Дальше картина “борьбы с бандитизмом” выглядела аналогично. Получалось, что в конце каждого периода количество ликвидированных партизанских групп, а также численность убитых и арестованных партизан были больше, чем количество состоявших на учете в начале этого периода. В то же время следующий “учетный период” начинался с фиксации новых партизанских сил, результат борьбы с которыми был таким же, как и на предыдущем этапе. Всего же только за четыре месяца 1945 г. “лесных братьев” было уничтожено в три раза больше, чем их состояло на учете 1 января 1945 г.⁵³ Конечно, реальная и учетная численность партизан – это не одно и то же. Но тенденция очевидна: каждый раз они, объявленные ликвидированными, появлялись вновь – возрожденные подобно птице феникс.

Однако подобный поэтический образ вряд ли приходил на ум составлявшему справку начальнику Военного отдела. Его вывод

был прозаичен и прост: “Бандитизм был бы давно ликвидирован, если бы банды не пополнились”⁵⁴. И еще: “Одними военными и оперативными мерами мы не добьемся нужного перелома в политическом положении в Литве”⁵⁵.

Существование “резерва” повстанческих сил заставляло все-таки задуматься о социальной базе антисоветского сопротивления. “Кулацкое подполье” и “остатки враждебных классов” – на этих понятиях, пригодных для пропагандистских агиток, трудно было строить реальную политику. Вести войну с собственным народом, причем руками “чужой” армии, означало только одно: “подполье” и “остатки” не только не исчезнут, но и будут дальше пополнять свои ряды за счет “сочувствующих”.

Поэтому, начиная с 1947 г., тактика борьбы с движением сопротивления меняется. Крупные войсковые операции и “зачистки” постепенно уходят в прошлое. Политика в отношении “лесных братьев” строится по двум основным направлениям: во-первых, разложение повстанческого движения изнутри и, во-вторых, уничтожение его социальной опоры, разрушение связей между “лесом” и “хутором”. Происходит переход от войсковых к чекистским методам борьбы с антисоветским подпольем: ликвидация партизанских групп с помощью оперативных отрядов, легендированных под партизан, “охота” за руководителями “лесных братьев”, вербовка и внедрение в отряды агентов, организация сети “информаторов” и т.д. Только в Литве в 1951 г. численность агентов и осведомителей МГБ достигла 27 700 человек⁵⁶. Как это обычно бывало, многие пошли на сотрудничество с “органами” в результате шантажа и угроз, поэтому отдача от большинства таким образом завербованных осведомителей была невысока. В то же время, значительная часть партизанских и подпольных групп, обнаруженных и ликвидированных в эти годы, стали жертвами деятельности агентов из числа местного населения. Своя агентурная сеть была создана и в Латвии, в нее были вовлечены примерно 2000 человек. Среди них были как “полевые агенты”, работающие под видом партизан, заготовителей, почтальонов и т.д., так и “агенты влияния” – журналисты, учителя, лекторы⁵⁷.

Однако основной удар по национальному движению сопротивления в Прибалтике был нанесен не в результате чекистско-войсковых операций и не благодаря деятельности агентов. Перелом наступил в марте 1949 г., когда состоялись массовые депортации населения из Литвы, Латвии и Эстонии. В результате этих акций повстанческое движение лишилось своей социальной базы. Тысячи крестьян под угрозой высылки тогда бежали в леса. Однако, деморализованные и напуганные, они не могли

рассматриваться как партизанский резерв. Люди уже не хотели бороться, осознав бесперспективность борьбы с заведомо более сильным противником.

Не последнюю роль в снижении активности партизан и настроений сопротивления в целом стало угасание надежды на помощь Запада: время шло, и “период ожидания” закончился. Берлинский кризис 1948 г. продемонстрировал, что даже в условиях жесткой конфронтации западные державы и Сталин предпочли не доводить конфликт до критической черты. Последняя надежда блеснула в 1950 г., когда разгорелась война в Корее, но арена действий была слишком далека, чтобы как-то затронуть Прибалтику.

В 1949 г. начинается новый и последний этап в развитии вооруженного движения сопротивления в Прибалтике – оно идет на спад, теряя своих наиболее активных сторонников, и постепенно прекращается. Сведения о небольших партизанских группах и партизанах-одиночках встречаются в документах МГБ до середины 1950-х годов. Однако повстанческого движения в этот период уже не существует – национальное сопротивление развивается дальше в ненасильственных формах противостояния советскому режиму.

¹ Штромас А. Прибалтийские государства // Проблемы национальных отношений в СССР (по мат-лам западной печати). М., 1989. С. 101–102.

² Misiunas R.J., Taagapera R.J. The Baltic States. Years of Dependence. 1940–1991. California, 1993. P. 83.

³ Anušauskas A. Leieuviq tautos sovietnis naikimas, 1940–1958. Vilnius, 1996. P. 168.

⁴ Strods H. The Latvian Partisan War between 1944 and 1956 // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Arvydas Anušauskas (Ed.). Vilnius, 1999. P. 150.

⁵ Laar M. The Armed Resistance Movement in Estonia from 1944 to 1956 // Ibid. P. 217.

⁶ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 16, 23, 29.

⁷ Gaškaite-Žemaitiene N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953 // The Anti-Soviet Resistance... P. 35.

⁸ РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 24. Л. 109.

⁹ Там же. Д. 32. Л. 78–79.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.

¹² Там же. Л. 10.

¹³ Там же. Д. 10. Л. 101.

¹⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 131. Д. 6. Л. 59.

¹⁵ Vardys V.S. Lithuania under the Soviets. Portrait of the Nation... N.Y., 1965. P. 88; Misiunas R.J., Taagapera R. Op. cit. States. P. 85; Gaškaite-Žemaitiene N. Op. cit. P. 28.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 606. Л. 1–13.

¹⁷ Там же. Д. 709. Л. 64–72.

¹⁸ Там же. Л. 3.

- 19 Там же. Д. 440. Л. 6.
- 20 РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 4. Л. 101.
- 21 Там же. Ф. 17. Оп. 117. Д. 537. Л. 22.
- 22 Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 4. Л. 101.
- 23 Там же.
- 24 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 15, 22, 28.
- 25 РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 1. Л. 109.
- 26 Там же. Л. 19.
- 27 Там же. Д. 1. Л. 108.
- 28 Там же. Д. 2. Л. 19.
- 29 Там же. Л. 110.
- 30 Там же.
- 31 Там же. Л. 135.
- 32 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 440. Л. 6.
- 33 Там же. Л. 9–12.
- 34 Там же. Л. 11.
- 35 Там же. Л. 12. Временные паспорта литовские крестьяне получили на основании распоряжения СНК СССР от 4 окт. 1945 г.
- 36 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 537. Л. 3.
- 37 Там же. Л. 5.
- 38 Там же. Оп. 116. Д. 277. Л. 9, 12.
- 39 Там же. Л. 9.
- 40 *Gaškaite-Zemaitiene N.* Op. cit. P. 30–31.
- 41 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 18.
- 42 История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 342.
- 43 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 499. Л. 58.
- 44 *Gaškaite-Zemaitiene N.* Op. cit. P. 35.
- 45 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 15, 22, 28.
- 46 Там же.
- 47 Там же. Д. 709. Л. 39.
- 48 Там же. Л. 46.
- 49 Там же. Л. 31.
- 50 Там же. Л. 24.
- 51 Там же. Л. 20.
- 52 РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 24. Л. 133.
- 53 Там же. Л. 134.
- 54 Там же.
- 55 Там же. Л. 136.
- 56 *Gaškaite-Zemaitiene N.* Op. cit. P. 36.
- 57 *Strods H.* Op. cit. P. 155.

Ф.И. Новик

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ФРГ (СЕНТЯБРЬ 1955 г.)*

2005 год был богат на юбилейные даты, связанные с Германией. Это – 60-летие победы над фашистской Германией, 50-летие установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ в 1955 г., которому посвящается данная статья, 35-летие подписания Московского договора между СССР и ФРГ в 1970 г., 15-летие воссоединения Германии в 1990 г.

Я давно занимаюсь проблемами отношений нашей страны с Германией, и уже в 1980 г. опубликовала в газете “Советская Россия” статью к 25-летию установления дипломатических отношений СССР с ФРГ. Однако в то время российским исследователям были недоступны архивные документы, и лишь в середине 1990-х годов Архивом внешней политики РФ была предоставлена возможность работы с документами и материалами об установлении дипломатических отношений двух стран. Результаты исследований начали мною впервые вводиться в российскую историографию более десяти лет назад и были опубликованы в журнале “Отечественная история”, в изданной нашим Институтом монографии «“Оттепель” и инерция холодной войны (Германская политика СССР в 1953–1955 гг.)» и в ряде статей в ФРГ¹.

Событие полувековой давности широко отмечалось в Германии и привлекло внимание также и в России. В 2005 г. я принимала участие в Москве и Берлине в трех интересных и представительных международных конференциях, посвященных установлению дипломатических отношений двух стран. Эти конференции, на которых выступали ученые, политические деятели, представители общественности, участники событий 1955 г. из обеих стран, значительно пополнили наши знания по обсуждавшимся вопросам.

15 июня 2005 г. фонд им. Конрада Аденауэра первым откликнулся на это событие и устроил в Берлине многолюдную и широко освещавшуюся в немецкой прессе конференцию “Визит

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 20 октября 2005 г.

Аденауэра в Москву” (у меня есть список ее участников на 10 страницах). Я была единственным иностранным докладчиком на этой конференции и, опираясь на российские архивные документы и материалы, выступила с докладом на немецком языке на тему “Предыстория репатриации немецких военнопленных из СССР”.

Две солидные международные конференции состоялись в Москве. 23 сентября в Институте Европы РАН при участии российского представительства фонда им. Фридриха Эберта (СДПГ) обсуждался широкий круг проблем российско-германских отношений за прошедшие полвека вплоть до наших дней. 4–5 октября в Москве прошла организованная московским представительством фонда им. Конрада Аденауэра (ХДС), Институтом всеобщей истории РАН, Институтом Европы РАН и фондом Единство во имя России конференция, посвященная 50-летию установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Я выступала с докладами и участвовала в дискуссиях на этих двух конференциях.

Знаменательно то, что на каждой из этих конференций состоялись презентации новых книг, вносящих весомый вклад в немецкую и российскую историографию по этой проблеме. Хотелось бы кратко охарактеризовать эти книги.

Книга бывшего переводчика западногерманской делегации на переговорах в Москве, посла в отставке доктора Вернера Килиана “Поездка Аденауэра в Москву”² основывается на богатейшей источниковой базе. Она дает самое полное, реалистическое, документально подтвержденное первоклассными немецкими источниками представление о позициях Аденауэра и его окружения, а также западных правящих кругов по проблемам нормализации отношений с СССР и повествует обо всех перипетиях московских переговоров 1955 г.

Книга “Россия–Германия. Взгляд назад в будущее. К 50-летию установления дипломатических отношений”³ издана в Москве с постраничным параллельным переводом на русский и немецкий языки. Она состоит из двух разделов. В первом разделе “Страницы дипломатической истории” публикуются статьи бывших российских и германских послов, а во втором – “Мысли о прошлом” – аналитические статьи исследователей двух стран.

Третья книга “Визит канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г. Документы и материалы”⁴ публикует на языке оригинала документы из АВП РФ, РГАНИ (Архива внешней политики РФ, Российского государственного архива новейшей истории), Политического архива МИД ФРГ. Это –

стенограммы, записи и иные документы и материалы переговоров в Москве. Многие документы публикуются впервые и даются в сборнике параллельно в российской и германской интерпретации. Например, по пленарным заседаниям публикуются русская и немецкая стенограммы, которые велись отдельно каждой из сторон.

Остановлюсь на анализе событий 50-летней давности по существу.

Уже в начале 1954 г. на Берлинском совещании министров иностранных дел четырех держав, а затем в Заявлении Советского правительства от 15 января 1955 г. советское руководство выражало готовность к нормализации отношений с ФРГ. Издание Президиумом Верховного Совета СССР 25 января 1955 г. Указа о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией создавало благоприятные правовые предпосылки для установления дипломатических отношений с ФРГ. Однако боннское правительство, занятое тогда оформлением вступления страны в НАТО, не проявило позитивной реакции на советские предложения. Представители правящих партий в бундестаге говорили о недопустимости пребывания в Москве двух германских послов и отстаивали курс на единоличное представительство всей Германии со стороны ФРГ, курс, который позднее вошел в историю как «доктрина Хальштейна».

После вовлечения ФРГ в НАТО советское руководство пришло к выводу о необходимости нейтрализовать негативные для СССР и восточноевропейских стран последствия вступления в силу Парижских соглашений. Была создана Организация Варшавского договора. Учитывая также удаление в неопределенное будущее перспективы заключения мирного договора с Германией и объединения расколотой страны, Москва решила внести официальное предложение об установлении дипломатических отношений с ФРГ.

При этом принималось в расчет и то, что заключение Государственного договора с Австрией оказало заметное влияние на перемену настроений западногерманской общественности в пользу нормализации отношений с Советским Союзом. Согласно опросу общественного мнения, в ФРГ летом 1955 г. 93% респондентов высказались за переговоры с СССР⁵.

В мае 1955 г. Министерством иностранных дел СССР была проведена большая подготовительная работа и сформулированы предложения в ЦК КПСС по вопросу об установлении дипломатических отношений с ФРГ. Параллельно в МИДе активно шла подготовка проекта ноты советского правительства правитель-

ству ФРГ, три варианта которой хранятся в фонде министра иностранных дел⁶.

В письме в ЦК СЕПГ (ЦК Социалистической единой партии Германии) от 7 июня Н.С. Хрущев информировал о предстоящей советской инициативе по нормализации отношений с ФРГ. В письме раскрывались причины предстоявшего поворота в советской политике, обусловленные учетом новой обстановки, создавшейся в Европе в связи с вступлением в силу Парижских соглашений. Отмечалась также активизация выступлений западногерманской общественности за установление нормальных отношений с СССР. По мнению советского руководства, “нормализация отношений между СССР и Западной Германией способствовала бы росту движения в Западной Германии против существующей зависимости боннского правительства от США и оказала бы поддержку силам, выступающим за проведение более независимого внешнеполитического курса”⁷.

Как отмечал позднее Председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин, советское правительство, выступая с инициативой об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ, исходило из того, что это “соответствует интересам как Советского Союза, так и Германской Федеральной Республики⁸, способствует укреплению мира в Европе и дальнейшему уменьшению напряженности в международных отношениях”⁹.

Дипломатические отношения с ФРГ были важны для Советского Союза и с точки зрения подтверждения правильности разработанной им ориентации на существование двух германских государств, а также для фактического признания ГДР в качестве равноправного с ФРГ германского государства.

Таковы были основные побудительные мотивы московского руководства при выдвигании предложения о нормализации советско-западногерманских отношений.

7 июня 1955 г. посольство СССР во Франции передало посольству ФРГ в Париже ноту советского правительства правительству ФРГ¹⁰, в которой отмечалось, что “интересы мира и европейской безопасности, равно как национальные интересы советского и немецкого народов, требуют нормализации отношений” между СССР и ФРГ, и предлагалось “установить прямые дипломатические и торговые, а также культурные отношения между обеими странами”. При этом советское правительство “приветствовало бы приезд в Москву в ближайшее время” канцлера ФРГ и других представителей страны для обсуждения вопроса об установлении дипломатических и торговых отношений и рассмотрения связанных с этим проблем.

Уже 8 июня Аденауэр заявил, что он приветствует советское предложение. Однако официальный ответ Бонна был дан лишь 30 июня после всестороннего анализа советских предложений и согласования с американской администрацией вопроса о переговорах с СССР во время поездки К. Аденауэра в США в середине июня. В Бонне было подготовлено два варианта ответной ноты, и после двухдневного обсуждения в правительстве был принят более мягкий проект.

В записке корреспондента “Правды” П. Наумова от 3 июля 1955 года¹¹, направленной для ознакомления Н.С. Хрущеву главным редактором газеты Д.Т. Шепиловым и попавшей также к Н.А. Булганину и к руководству МИДа, раскрывалась подоплека того, как готовилась ответная нота Бонна.

Первоначальный вариант ноты был подготовлен к возвращению К. Аденауэра из США группой экспертов боннского внешнеполитического ведомства – “специалистов по восточным делам”. Затем статс-секретарь В. Хальштейн и министерский директор В. Греве с одобрения министра иностранных дел ФРГ Г. фон Брентано внесли в проект ноты существенные изменения. В частности, в проект были включены три условия, на которых боннское правительство было бы готово вести переговоры с советским руководством: освобождение всех немцев, находившихся в тот момент в плену в СССР; непризнание боннским правительством границы по Одере–Нейсе; непризнание Бонном правительства ГДР. В боннском Кабинете министров в течение двух дней обсуждался проект текста ответной ноты правительства ФРГ. При этом вариант Хальштейна-Греве был отвергнут, а был одобрен первоначальный, более мягкий вариант¹². По существу победила точка зрения тех, кто действительно был заинтересован в нормализации отношений с Советским Союзом.

В ноте от 30 июня правительство ФРГ заявило о согласии “обсудить вопрос об установлении дипломатических, торговых и культурных отношений между обеими странами и изучить связанные с этим вопросы”, и предложило с этой целью провести в Париже неофициальные переговоры между посольствами ФРГ и СССР¹³. Приглашение приехать в Москву пока осталось без ответа.

Вопрос о переговорах в Москве, о дате и их содержании был урегулирован в августе 1955 г. уже после Женевского совещания в верхах четырех держав путем обмена несколькими нотами и на парижских переговорах между посольствами СССР и ФРГ во Франции¹⁴. В ноте от 3 августа советское правительство выразило согласие на то, чтобы между посольствами СССР и ФРГ в

Париже состоялся предварительный обмен мнениями по уточнению вопросов, которые должны будут явиться предметом обсуждения и изучения в Москве. Оно предложило провести переговоры в Москве в конце августа—начале сентября и подчеркнуло, что стороны не должны связывать нормализацию отношений ни с какими предварительными условиями. Боннские политики в публичных выступлениях действительно называли в качестве предварительных условий для нормализации отношений достижение договоренности по тем трем проблемам, которые указывались в жестком варианте проекта ответной ноты ФРГ.

В ноте от 12 августа правительство ФРГ согласилось с советскими предложениями и назвало 9-е сентября в качестве приемлемой даты начала официальных переговоров в Москве. В документе подчеркивалась необходимость обсуждения еще двух проблем: обеспечения “национального единства” Германии и освобождения немцев, которые “еще задерживаются в настоящее время на территории или в сфере влияния Советского Союза или которым чинятся другие препятствия покинуть названную территорию или указанную сферу влияния”.

В ответной ноте от 19 августа советское правительство согласилось с предложенной датой начала переговоров и сообщило, что не видит препятствий к обмену мнениями по вопросу о единстве, равно как и по другим вопросам, интересующим обе стороны. В преддверии этих переговоров послы СССР и ФРГ в Париже прозондировали тот круг проблем, который обе стороны намеревались обсудить в Москве.

Аденауэр, готовясь к поездке в Советский Союз, должен был преодолеть внутри страны сопротивление весьма влиятельных противников замирения с Москвой. Нажим на Аденауэра в период подготовки визита и на самих московских переговорах был настолько силен, что по возвращении из Москвы федеральный канцлер на пресс-конференции в ответ на вопрос журналиста о том, кто был его самым непримиримым противником на московских переговорах, сказал полушутя: “Фон Brentано”. И это соответствовало действительности.

Аденауэр должен был также рассеять недоверие и опасения Запада относительно возможного сближения ФРГ и СССР. В Мюррене, в горах в Швейцарии, где Аденауэр провел свой отпуск в подготовке визита в Москву, он вместе с ведущими представителями МИДа и экспертами сформулировал задачи западногерманской делегации на переговорах в Москве, переданные и трем западным союзникам. В документах содержались три предварительных условия для установления дипломатических отно-

шений с СССР: достижение договоренностей по объединению Германии, по возвращению немецких военнопленных, возврату гражданских лиц в Германию.

Канцлер обещал союзникам проводить жесткую линию и не отступать от политического курса своего правительства. Однако неофициально он реалистически оценивал результаты Женевского совещания в верхах и не ожидал сдвигов в решении германского вопроса на переговорах в Москве. Так в беседе с Президентом ФРГ Теодором Хойсом 5 сентября Аденауэр сказал, что он попытается решить судьбу немецких военнопленных, а перспективы установления дипломатических отношений оценил как неопределенные.

На переговоры в Москву прибыла большая западногерманская делегация во главе с федеральным канцлером Конрадом Аденауэром. Официальная немецкая делегация насчитывала 17 человек. Всего же вместе со служебным персоналом в Москву на двух самолетах и на особом поезде, в котором был даже вагон, специально защищенный от прослушивания, прибыло 142 человека¹⁵. Если бы Аденауэр не был настроен на серьезные и результативные переговоры в СССР, едва ли он привез бы с собой столько людей в Москву.

В состав советской официальной делегации входили Председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин (глава делегации), член Президиума Верховного Совета СССР Н.С. Хрущев, первый заместитель Председателя Совета министров СССР и министр иностранных дел СССР В.М. Молотов, первый заместитель Председателя Совета министров СССР М.Г. Первухин, министр внешней торговли СССР И.Г. Кабанов, заместитель министра иностранных дел СССР В.С. Семенов¹⁶.

Проведенные 9–13 сентября 1955 г. переговоры были чрезвычайно интенсивными. Состоялись четыре пленарных заседания общей продолжительностью 10 часов, встречи в узком составе, беседы министров иностранных дел, неофициальные беседы и т.д. Переговоры оказались сложными для обеих сторон, которые были вынуждены пойти на существенные взаимные компромиссы, отказаться от нереалистических требований и претензий друг к другу.

На первом пленарном заседании глава Советского правительства внес предложение установить дипломатические отношения между СССР и ФРГ, договориться об учреждении посольств в Москве и Бонне и об обмене послами, обменяться мнениями о развитии торгового, научного, культурного, технического сотрудничества¹⁷. Эти вопросы советская делегация счита-

ла центральными на переговорах с западногерманскими партнерами. Н.А. Булганин изложил также советскую позицию по вопросу об объединении Германии. Вопрос же о возвращении в Германию находившихся в заключении в Советском Союзе немецких военных преступников вообще не упоминался.

Иначе были расставлены акценты во вступительном заявлении главы западногерманской делегации¹⁸. Канцлер Аденауэр заявил, что недостаточно “механическим путем установить дипломатические, экономические и культурные отношения”. Действительная нормализация может быть достигнута лишь в случае выявления и устранения тех причин, из-за которых сложились ненормальные отношения между двумя странами.

На первое место канцлер поставил необходимость решения вопроса “об освобождении тех немцев, которые в настоящее время находятся еще в заключении на территории Советского Союза или в странах, находящихся под советским влиянием, или которым так или иначе препятствуют выехать из этих районов”. К. Аденауэр заявил, что невозможно установить нормальные отношения до тех пор, пока этот вопрос остается нерешенным. При этом он подчеркнул, что не ставит какого-либо “предварительного условия”.

Второй проблемой, упомянутой во вступительной речи канцлера, был вопрос о достижении государственного единства Германии. При этом Аденауэр дал понять, что он не намерен ломать копыта по этому вопросу. Канцлер сказал, что это “является обязанностью, вытекающей из совместной ответственности за всю Германию, лежащей на четырех державах”. Он не намерен осложнять женеvский процесс и начинать “двусторонние переговоры независимо от переговоров четырех держав”, но вместе с тем пригласил московских партнеров обсудить эту проблему и попытаться “сделать в этом вопросе шаг вперед”.

Канцлер призвал по указанным двум основным вопросам провести откровенные переговоры, которые “могут быть только началом”. Он выразил пожелание, чтобы по окончании пребывания западногерманской делегации в Москве эти переговоры были продолжены, явно давая тем самым понять, что боннское правительство отнюдь не считает установление дипломатических отношений неременной целью московской встречи.

И весь дальнейший ход московских переговоров был обусловлен этой разницей позиций двух сторон.

Однако уже после первого пленарного заседания Аденауэр заявил на совещании германской делегации, что он согласится на установление дипломатических отношений, если будет достигну-

та договоренность по вопросу о возвращении на родину немецких военнопленных. Остальные вопросы он счел несущественными и отступил тем самым от разработанных в Мюррене директив.

Центральным вопросом советско-западногерманских переговоров в Москве явилась проблема возвращения на родину немецких военнопленных и интернированных лиц, находившихся на территории Советского Союза после окончания войны с Германией. Этот вопрос носил весьма острый характер в первой половине 50-х годов и был окончательно урегулирован лишь при установлении дипломатических отношений в 1955 г.

Советское правительство еще в период подготовки к переговорам с ФРГ понимало, что боннские власти не согласятся на нормализацию отношений без договоренности по вопросу о возвращении немецких военнопленных. Была проведена большая и тщательная предварительная работа по этой проблеме. Еще в 1954 г. Министерство внутренних дел начало собирать всех осужденных военнопленных в один лагерь в европейской части страны¹⁹. Летом 1955 г. эта работа была закончена и появились, наконец, достоверные данные о численности отбывавших наказание в СССР осужденных военных преступников, о репатриации которых предполагалось вести переговоры с ФРГ.

Москва неоднократно информировала руководство ГДР о предстоящих переговорах с ФРГ и их содержании, в том числе и о намерении СССР освободить осужденных немецких военнопленных. Об этом говорилось в упоминавшемся выше письме Н.С. Хрущева в ЦК СЕПГ от 7 июня, где высказывалась также просьба к немецким коллегам изложить свое мнение по этому вопросу. Руководство ГДР поддержало советскую позицию в отношении желательности установления дипломатических отношений с ФРГ.

Н.С. Хрущев сообщил 14 июля 1955 г. в письме В. Ульбрихту и О. Гротеволу о советской готовности на предстоящих переговорах с ФРГ решить вопрос о судьбе немецких военнопленных в СССР и предлагал еще до переговоров с Аденауэром обсудить вопрос об их репатриации²⁰. В письме приводились и конкретные цифры – всего 9531 человек, которых предполагалось передать властям ГДР и ФРГ в соответствии с прежним местом жительства этих людей. Эта цифра довольно близка к той, которая затем была названа на переговорах с Аденауэром в Москве. Обмен мнениями с руководством ГДР по этому вопросу состоялся во время визита в Берлин Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в конце июля.

В утвержденных Центральным Комитетом КПСС “Указаниях к переговорам с Правительственной делегацией Германской

Федеральной Республики” последний, восьмой пункт содержал развернутые на полутора страницах инструкции о советской позиции при обсуждении вопроса о немецких военнопленных²¹. И московская делегация действовала в полном соответствии с этими инструкциями.

Н.А. Булганин разъяснил на втором пленарном заседании, что в СССР нет больше немецких военнопленных. Все они освобождены и отправлены на родину. В Советском Союзе находятся лишь военные “преступники, осужденные советским судом за особо тяжкие преступления против советского народа, против мира и человечности”. Он назвал точное число осужденных на 1 сентября 1955 г. – 9626 человек, о которых может идти речь на переговорах²².

Булганин вновь подчеркнул, что главным вопросом встречи является вопрос об установлении дипломатических отношений. Хрущев и Молотов поддержали его по обоим пунктам.

Хрущев при этом создал трудность для перевода, о которой рассказал бывший переводчик советской делегации В. Сергеев. Хрущев заявил, что если западногерманская сторона не готова к установлению дипломатических, торговых и культурных отношений и хочет подождать, то можно и подождать. Хрущев сказал: “...можно подождать, нам не дуется...” и при этом привстал и похлопал себя сзади по мягкому месту. Этот жест, шокировавший присутствовавших немцев, не требовал устного перевода. Но как следовало это отразить в стенограмме? После размышлений в нашей стенограмме было записано: “... можно подождать, – нам ветер в лицо не дуется...”, в немецкой стенограмме – “...мы также можем подождать, нам при этом ничего не мешает” (“... so koennen wir auch abwarten, uns stoert dabei nichts.”)²³.

Явно рассчитывая на отказ западных немцев, Булганин на втором пленарном заседании отметил, что вопрос о возвращении на родину немецких военных преступников необходимо рассматривать с участием представителей как ФРГ, так и ГДР. “Поскольку мы не думаем, что Правительственная делегация ГФР сочтет для себя желательным в данных условиях такое рассмотрение указанного вопроса с участием представителей ГФР и ГДР, то, очевидно, этот вопрос нецелесообразно делать предметом настоящих переговоров”, – сделал вывод Н.А. Булганин²⁴. Однако на встрече министров иностранных дел 12 сентября Г. фон Brentano выразил согласие на трехсторонние переговоры²⁵ и затем на третьем пленарном заседании подтвердил готовность “рекомендовать своей делегации, чтобы в вопросе о задерживаемых в Советском Союзе лицах стать на такой путь, чтобы этот вопрос

был обсужден представителями трех правительств”²⁶. Однако Аденауэр обошел молчанием это предложение своего министра. После этого советская сторона больше не поднимала вопрос об участии ГДР в переговорах.

После длительных и острых дебатов стало ясно, что боннская делегация, ставя вопрос о возвращении на родину “задерживаемых лиц”, говорила о судьбе немцев, относящихся к разным категориям.

Во-первых, речь шла о возвращении на родину бывших военных преступников, осужденных советскими судами и отбывающих наказание в СССР, то есть об упомянутых 9626 лицах, а также о возвращении чуть более ста немецких специалистов-атомщиков.

Во-вторых, представители ФРГ, ссылаясь на переписку с родными и близкими в Западной Германии, утверждали, будто в Советском Союзе задерживали более ста тысяч немцев, что категорически отрицала советская сторона.

В-третьих, говорилось о необходимости “выяснить судьбу не только тысяч, но сотен тысяч и, может быть, миллионов пропавших без вести немцев”. Этот вопрос советские представители относили к компетенции Красного Креста.

В-четвертых, забота министра иностранных дел Г. фон Брентано “о судьбе немецких людей, которые находятся на территории Советского Союза”, и члена западногерманской делегации, председателя внешнеполитического комитета бундестага К.-Г. Кизингера о “гражданских лицах, которые, например, жили раньше в Восточной Пруссии”, расценивалась советской делегацией как попытка включить в переговоры и вопрос о советских гражданах немецкой национальности.

В-пятых, западногерманская делегация ставила также вопрос о возвращении немцев, задерживаемых “в сфере влияния”, то есть вне территории Советского Союза²⁷. По этому вопросу советская делегация рекомендовала обращаться к правительствам тех стран, где находились немцы этой категории. Решение всего этого комплекса проблем рассматривалось западногерманской делегацией как необходимое условие для нормализации отношений с СССР.

Глава советской делегации, в свою очередь, поставил вопрос о том, что на территории Западной Германии до сих пор находятся свыше ста тысяч из тех многих сотен тысяч мирных советских граждан, которые в годы войны были отправлены на принудительные работы в Германию. Он выразил надежду, что правительство ФРГ “примет надлежащие меры и окажет содействие

возвращению на Родину советских перемещенных граждан”. Канцлер ФРГ заявил, что у него нет никакой информации по этому вопросу, обещал рассмотреть его, выяснить, кто эти переселенцы, и сделать для них все возможное²⁸.

Советская делегация не отказывалась обсуждать и решать вопрос о возвращении немецких граждан на родину. Однако она доказывала, что решение этого вопроса потребует определенного времени, и установление дипломатических отношений как раз будет содействовать достижению позитивного решения. После прямого и откровенного обмена мнениями на всех пленарных заседаниях, на встрече министров иностранных дел, на переговорах глав правительств в узком кругу 12 и утром 13 сентября стороны все же сумели достичь взаимоприемлемой договоренности по этому острейшему вопросу.

Результаты договоренности были изложены Н.С. Хрущевым на четвертом пленарном заседании. Советская сторона дала слово, что 9626 осужденных будут освобождены по амнистии либо переданы правительствам ФРГ и ГДР в зависимости от прежнего места жительства этих людей. Было также дано обещание, что немцы, которые работают в Советском Союзе по контрактам, по истечении сроков контрактов по своему усмотрению возвратятся домой. По данным советской стороны, других категорий немцев в СССР нет, за исключением большой этнической группы немцев – граждан Советского Союза. Московская делегация обещала также проверить данные о якобы задерживаемых в СССР 130 тыс. немцев и просила у немецкой стороны списки этих лиц с адресами. “Мы вам даем слово, что все лица, выявленные по этим спискам, если они действительно являются гражданами немецкого государства, будут возвращены”, – заявил Хрущев²⁹.

Советское правительство сдержало обещание, и в начале 1956 г., по сообщению советской печати, была завершена репатриация бывших немецких военнопленных на родину³⁰.

Таким образом, лишь по истечении 10 лет после капитуляции Германии был, наконец, урегулирован очень болезненный для обеих сторон вопрос и была завершена репатриация из Советского Союза всех немецких военнопленных. Однако в процессе решения этой проблемы в отношениях между СССР и ФРГ возникли другие болезненные гуманитарные проблемы длительного порядка, которые в последующие годы продолжали осложнять взаимоотношения двух стран.

Автор внимательно ознакомился в Архиве внешней политики с неправожденными стенограммами пленарных заседаний правительственных делегаций 9–13 сентября и переговоров министров

иностранных дел двух стран³¹. Эти документы свидетельствуют о том, что на встрече в Москве было два драматических момента, когда, по существу, стоял вопрос о прекращении переговоров.

Первый кризис разразился 12 сентября. Утром на встрече двух министров иностранных дел. В.М. Молотов поднял вопрос об установлении дипломатических отношений. Г. фон Brentano заявил, что германская делегация связывает с этим решение двух вопросов. Один – “о лицах, задержанных на территории Советского Союза и в сфере его влияния”; другой – “сохранение раскола Германии, создавшегося после войны”. Он предложил “рассматривать московскую встречу как первый шаг к дальнейшим стараниям достичь сближения позиций обеих сторон и поручить германской и советской делегациям, которые должны быть для этой цели образованы, продолжить эти переговоры”³². По существу это было недвусмысленное предложение отложить и продолжить позднее переговоры об установлении дипломатических отношений между двумя странами.

В.М. Молотов оценил западногерманскую позицию как неприемлемую для советской делегации. Он отметил важность поднятых немецкой стороной вопросов и сказал, что их рассмотрение потребует длительного времени. Именно поэтому советское правительство предлагает “решить хотя бы один вопрос – вопрос об установлении нормальных дипломатических отношений”. Если главы правительств не смогут договориться по этому вопросу, то, по мнению Молотова, тем более не смогут договориться их представители, имеющие меньше полномочий³³.

После уточнения позиций министры констатировали, что достичь взаимоприемлемого компромисса по проблеме установления дипломатических отношений не представляется возможным, и решили доложить главам делегаций о результатах состоявшихся переговоров.

На третьем пленарном заседании днем 12 сентября оба министра изложили свои указанные выше позиции. После этого атмосфера переговоров значительно накалилась, и дискуссия начала приобретать все более непримиримый и жесткий характер. Главы делегаций упрекали друг друга в отступлении от договоренностей, которые были достигнуты в нотной переписке, предшествовавшей московским переговорам. Н.А. Булганин вновь предложил, не откладывая на будущее, решить основной вопрос – об установлении дипломатических отношений, не отказываясь от обсуждения и других проблем. Он передал западногерманской делегации проект письма, которое Булганин намере-

вался вручить канцлеру ФРГ по поводу установления дипломатических отношений³⁴.

Очень резко выступил Хрущев по этому вопросу, заявив, что «постановка этого вопроса вверх ногами не способствует ... достижению взаимопонимания». К вопросу об установлении дипломатических отношений нет никаких дополнительных вопросов, если имеется желание и добрая воля сторон. Если у западногерманской стороны этого желания и доброй воли нет, то Хрущев предложил разойтись и ждать, когда сложатся благоприятные условия для этого³⁵. Хрущев еще подлил масла в огонь разгоревшейся конфронтации своими эмоциональными и нелестными высказываниями о внешней политике правительства Аденауэра, о милитаризации страны и подготовке армии к войне против Советского Союза.

Аденауэр выразил резкий протест против обвинений Хрущева. В своих воспоминаниях К. Аденауэр отмечал, что он с трудом сдержал себя, чтобы не покинуть конференц-зал. Он считал продолжение дискуссии бессмысленным и вечером 12 сентября даже отдал распоряжение прислать из Гамбурга самолеты для отлета в ФРГ за сутки до намеченной даты³⁶. Однако он сделал это распоряжение по открытому телефону, чтобы довести свое неудовольствие ходом переговоров до советской стороны.

Переговоры не были прерваны в тот момент лишь потому, что вслед за протестом Аденауэра Булганин предложил перенести продолжение дискуссии на следующий день, поскольку оставалось 15 минут до начала приема, который глава советского правительства давал в Кремле в честь федерального канцлера. На прием Аденауэр все же счел необходимым пойти, чтобы не вызывать сильной негативной реакции общественности. И на этом приеме в доверительной личной беседе сидевших рядом двух глав правительств наметились возможности выхода из того тупика, в который зашли переговоры. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что основные решения принимались именно во время неофициальных встреч Булганина, Хрущева и Аденауэра.

Утром 13 сентября вместо запланированного на 10 часов пленарного заседания состоялась встреча делегаций в узком составе, где были в основном найдены развязки по проблеме возвращения на родину немецких военнопленных и было решено продолжить во второй половине дня на пленарном заседании переговоры по вопросу об установлении дипломатических отношений.

На четвертом пленарном заседании был, наконец, урегулирован вопрос об установлении дипломатических отношений, и стороны согласовали тексты писем аутентичного содержания, кото-

рыми должны были обменяться по этому поводу главы правительств обеих стран.

Относительно двух проблем (по которым позиции сторон расходились) было решено, что каждая из сторон вправе изложить свою точку зрения в одностороннем порядке. Молотов предложил на четвертом пленарном заседании, что “если после обмена этими письмами Германское федеральное правительство или Советское правительство найдет нужным сделать заявление по этим вопросам, оно сделает, на это оно имеет полное право, не в виде писем, а в заявлении для печати”³⁷. Со стороны боннской делегации в тот момент возражения не последовало.

На встрече Молотова и Хальштейна³⁸, которым главы делегаций поручили отредактировать и еще раз уточнить тексты двух писем, статс-секретарь вновь поднял вопрос о раздельных заявлениях обеих сторон по вопросам германских границ и претензии ФРГ на единоличное представительство всей Германии и даже предложил два варианта заявления немецкой стороны.

Молотов вначале настаивал на прежней договоренности, но потом пошел навстречу Хальштейну и согласился, чтобы был осуществлен обмен заявлениями на пленарном заседании. Как свидетельствует стенограмма этой встречи, он сказал дословно следующее: “Вы нам письменно вручите это заявление, а мы Вам вручим свое заявление, без адресования, на официальном заседании. Чтобы письмо было все-таки одно, чтобы не было полемики в наших письмах”. Хальштейн дал на это согласие и сказал, что его “лично это очень устраивает”.

Когда после переговоров Молотова и Хальштейна делегации собрались на четвертое пленарное заседание, чтобы утвердить тексты писем, которыми должны были обменяться главы правительств по поводу решения установить дипломатические отношения между СССР и ФРГ, произошел второй инцидент, до предела накаливший атмосферу и вновь поставивший переговоры на грань срыва.

После окончательного согласования текстов писем Аденауэр зачитал и передал советской стороне письменный текст заявления из двух пунктов, где говорилось о том, что “окончательное урегулирование границ Германии предоставляется мирному договору”, и содержалась претензия ФРГ на право представлять весь немецкий народ³⁹.

Н.А. Булганин и Н.С. Хрущев резко выступили с возражениями против того, чтобы это заявление фигурировало в протоколе переговоров. “Мы условились, как говорили об этом тов. Хрущев, тов. Молотов и я, что мы – правительство Герман-

ской Федеральной Республики и правительство СССР – потом оставляем за собой право выступить со своими заявлениями для общественного мнения, кто как хочет, – сказал Булганин. – Мы выступим со своим заявлением. Это должно быть делом каждой стороны, а не делом этой конференции”⁴⁰. По существу тем самым была дезавуирована договоренность Молотова на переговорах с Хальштейном.

В. Хальштейн уточнил, что ранее на пленарном заседании не было достигнуто согласие о том, в какой форме должны быть сделаны два односторонних заявления. И этот вопрос обсуждался на встрече Молотова и Хальштейна, где было решено, что оба заявления будут оглашены устно и одновременно переданы на пленарном заседании. Молотов, видя негативную реакцию высшего советского руководства, не нашел ничего лучшего, как ответить на слова Хальштейна всего одной фразой: “Я первый раз слышу”⁴¹, хотя из приведенных выше выдержек из стенограммы видно, что на встрече Молотова и Хальштейна была достигнута четкая договоренность.

После дальнейшего обмена резкостями с обеих сторон по поводу этого недоразумения Аденауэр проявил в этот критический момент благоразумие и определенное политическое мужество и по настоянию Хрущева и Булганина забрал назад свое заявление.

Федеральный канцлер сделал свое одностороннее заявление на пресс-конференции 14 сентября и послал письмо идентичного содержания Н.А. Булганину, а 16 сентября в газете “Правда” было опубликовано заявление ТАСС, в котором отмечалось, что советское правительство рассматривает ФРГ как часть бывшей Германии и в связи с установлением дипломатических отношений считает необходимым заявить, что “вопрос о границах Германии разрешен Потсдамским соглашением” и что ФРГ “осуществляет свою юрисдикцию на территории, находящейся под ее суверенитетом”.

Эти два кризисных момента на советско-западногерманских переговорах в Москве в сентябре 1955 г., которые до того не освещались в российской историографии, впервые были преданы гласности в статье автора в 1995 г.⁴²

Таким образом, после исчерпания последнего инцидента все спорные вопросы на переговорах в Москве были, наконец, урегулированы.

13 сентября 1955 г. в 21 час 10 минут главы двух правительств подписали письма аутентичного содержания о решении установить дипломатические отношения между СССР и ФРГ и обменялись этими письмами в присутствии советских и иностранных корреспондентов⁴³.

Соглашение об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ вступило в силу после одобрения бундестагом ФРГ 23 сентября и утверждения Президиумом Верховного Совета СССР 24 сентября 1955 г.

Установление дипломатических отношений и решение проблемы возвращения на родину бывших немецких военнопленных явилось важным позитивным шагом в отношениях между СССР и ФРГ, открывавшим путь для нормализации их взаимоотношений и преодоления тяжелого наследия Второй мировой войны. И без этого шага впоследствии был бы невозможен ни договор 1970 г., ни разрядка 1970-х годов. В ФРГ это событие было расценено как самый большой успех внешней политики за весь период канцлерства Аденауэра, а в СССР – как самый большой успех советской внешней политики в 1955 г.

К сожалению, в середине 50-х годов так и не произошла действительная нормализация отношений двух стран. По меткому замечанию В.М. Фалина, прогресс состоял лишь в том, что если раньше не было никаких отношений, то после установления дипломатических отношений были плохие отношения между СССР и ФРГ. Противостояние Запада и Востока и “холодная война” продолжались, процесс размежевания двух германских государств углублялся, и перспективы достижения единства страны становились все более отдаленными. Предстояло преодолеть еще немало кризисов, прежде чем через три с половиной десятилетия объединение Германии стало реальностью.

¹ См.: *Новик Ф.И.* Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ // “Оттепель” и инерция холодной войны (Германская политика СССР в 1953–1955 гг.). М., 2001; *Она же.* Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ // Отечественная история. 1995. № 6; *Nowik F.* Konrad Adenauers Besuch in Moskau // *Kriegsgefangene – Военнопленные.* Duesseldorf, 1995; *Eadem.* Die sowjetische Deutschland-Politik 1953–1955 // *Die sowjetische Deutschland-Politik in der Aera Adenauer. Rhoendorder Gespräche.* Bonn, 1997. Bd. и 16, другие.

² *Kilian W.* Adenauers Reise nach Moskau. Verlag Herder Freiburg im Breisgau 2005.

³ Россия – Германия. Взгляд назад в будущее. К 50-летию установления дипломатических отношений. М., 2005.

⁴ Визит канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г. Док-ты и мат-лы. М., 2005.

⁵ *Gerst W.* Bundesrepublik Deutschland unter Adenauer. В., 1957. S. 386.

⁶ АВР РФ. Ф. 06. Оп. 14. П. 13. Д. 184. Л. 25–49.

⁷ SAPMO BACh, DY 30/3503, Bl. 11.

⁸ Тогдашнее официальное название страны в советских документах и в прессе – Германская Федеральная Республика (сокращенно – ГФР). С конца 1955 года стало употребляться наименование – Федеративная Республика Германии (ФРГ), а с конца 1980-х годов – Федеративная Республика Германия (ФРГ). Последнее название относится и к современной объединенной Германии.

- 9 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. П. 14. Д. 206. Л. 2.
- 10 Текст ноты см.: Правда. 1955. 8 июня.
- 11 ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 114. Л. 173–186.
- 12 Там же. Л. 174, 175.
- 13 Текст ноты см.: Правда. 1955. 6 авг.
- 14 См.: Правда. 1955. 6 и 20 авг.
- 15 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. П. 14. Д. 202. Л. 26–30.
- 16 Правда. 1955. 10 сент.
- 17 Там же.
- 18 См. там же.
- 19 АВП РФ. Ф. 082. Оп. 42. П. 285. Д. 20. Л. 34.
- 20 *Krekel M.W. Verhandlungen in Moskau: Adenauer, die deutsche Frage und die Ruckkehr der Kriegsgefangenen. Bad Honnef, 1996. S. 18.*
- 21 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. П. 14. Д. 203. Л. 30–31.
- 22 Правда. 1955. 11 сент.
- 23 Визит канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г. Док-ты и мат-лы. С. 70.
- 24 Правда. 1955. 11 сент.
- 25 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. П. 14. Д. 207. Л. 5, 23.
- 26 Там же. Д. 206. Л. 62.
- 27 Там же. Л. 29, 61, 87.
- 28 Там же. Л. 82, 83.
- 29 Там же. Л. 94.
- 30 Сб. док-тов по германскому вопросу (нояб. 1955 г. – дек. 1957 г.). С. 117; Известия. 1956. 30 апр.
- 31 См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. П. 14. Д. 206, 207.
- 32 Там же. Д. 207. Л. 8–9 (или: Д. 205. Л. 45–46).
- 33 Там же. Д. 207. Л. 11, 16, 19.
- 34 Там же. Д. 206. Л. 68.
- 35 Там же. Л. 72, 74.
- 36 *Аденауэр К. Воспоминания (1953–1955). Вып. II. С. 275, 277.*
- 37 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. Д. 206. Л. 80.
- 38 Там же. Д. 207. Л. 25–38.
- 39 Там же. Д. 206. Л. 114.
- 40 Там же. Л. 116.
- 41 Там же. Л. 117.
- 42 См.: *Новик Ф.И. Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ // Отечественная история. 1995. № 6.*
- 43 Тексты писем см.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVII, XVIII. С. 27–28.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

И.А. Хормач. Какой резонанс в Восточной Германии имело установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ?

Ф.И. Новик. В ГДР искренне считали, что установление дипломатических отношений – это признание и ГДР как второго германского государства. Когда в Москве будут два посла на равных, то это будет шаг, направленный в принципе на признание

ГДР, которое шло с большим скрипом. В то время ГДР была признана только социалистическими странами.

В душе они одобряли и возвращение военнопленных, и всю политику, и результаты переговоров. Но, конечно, немцы были обижены, потому что реальной договоренностью советское правительство в какой-то мере ущемило их интересы. А именно: еще в начале 1955 г. был договор между СССР и ГДР, который заключили сразу после визита Аденауэра. 14-го числа уехал Аденауэр, а 16-го приехала правительственная делегация ГДР, и заключили большой договор между СССР и ГДР, по существу договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве. Но формулировки “о взаимной помощи” тогда еще полностью не было. Только что создали Варшавский договор, и тогда это положение о взаимной помощи, может быть, в военной сфере, еще подчеркнуто не было. Фактически это был такой же договор, как те, которые заключались с другими странами.

Рабочий вариант договора был подготовлен уже в начале 1955 г. В связи с вариантом Варшавского договора отложили визит германской делегации, чтобы не подчеркивать слишком большое сближение с ГДР. Потом было Женевское совещание. Подписание договора опять отложили, чтобы не подчеркивать сближение с ГДР перед четверкой. После визита Аденауэра в Москву сразу заключили договор.

Так что здесь интересы ГДР были ущемлены, и в документах проскакивает, что недовольство этим было, недовольством тем, что их отстранили от решения их судьбы и судьбы военнопленных.

На переговорах в Москве был такой момент: когда Булганин сказал, что у нас в плену только военные преступники, и мы будем решать вопрос только о них, он заявил дополнительно, что, конечно, этот вопрос, поскольку прежде они жили и там, и там, будет решаться в трехстороннем порядке, на переговорах между СССР, ФРГ и ГДР, но мы считаем, что наши германские коллеги не готовы еще обсуждать в таком составе этот вопрос, и тогда вообще не будем поднимать этот вопрос. И Brentano заявил официально на переговорах с Молотовым, что мы готовы к трехстороннему обсуждению этого вопроса. Но после этого он подтвердил это и на пленарном заседании. Аденауэр не среагировал на это, а наши (видя, что можно нажать, и Аденауэр тоже даст положительный ответ в конце концов на трехсторонних переговорах, но это затянет вопрос о возвращении военнопленных, а соответственно, затянет и вопрос об установлении дипломатических отношений) просто перестали поднимать вопрос этот на

трехсторонних переговорах, что очень обидело ГДР, и уже в 1967 г. Ульбрихт Семенову высказывал недовольство, что вот тогда их отстранили от переговоров (от трехсторонних переговоров) с Западной Германией. То есть были, конечно, моменты недовольства и было, конечно, ущемление интересов ГДР.

Н.Е. Быстрова. Какова была тактика, какова была реакция западных союзников ФРГ со стороны НАТО и Западноевропейского союза на подписание этого договора?

Ф.И. Новик. Это интересный и очень сложный вопрос, потому что когда Аденауэр ехал в Москву, он сказал, что он будет проводить жесткий курс, дал свои директивы, о которых я говорила, и заявил о своей жесткой позиции. Потом, когда он сообщил послу Болену в Москве о том, как идут переговоры, он дал ему понять, что установление дипломатических отношений неопределенное, и буквально на следующий день решили вопрос об установлении дипломатических отношений. Болен послал телеграмму в Вашингтон, говорил о том, что переговоры могут быть безрезультатными. На следующий день оказалось, что они результативны, и Болен оказался в дурацком положении. Американцы дико разозлились, и в прессе начали усиливаться совершенно необоснованные тезисы о возможном Рапалло между Советским Союзом и Германией, о каких-то возможных неофициальных договоренностях и т.д., и Аденауэру потом пришлось долго оправдываться за то, что он сделал в Москве.

Л.Н. Нежинский. Тема очень интересная. Хотя она историческая, но, на мой взгляд, некоторые, я бы сказал, остаточные явления от этого сложного комплекса переговоров, которые вы нам осветили, давали о себе знать еще довольно долго, и вы сделаете очень большое и полезное дело, когда в ваших дальнейших работах раскроете, проанализируете и покажете, как эти остаточные явления сказывались на дальнейших взаимоотношениях не только с Западной, но, если мне память не изменяет, в какой-то мере и с Восточной Германией. В частности, года 2–3 тому назад я читал, как непросто проходил возврат вот этих исследователей-атомщиков, которые были под Сухуми. Очень непросто. Часть их вернулась, а часть – нет. Правда, я не знаю, сколько.

Ф.И. Новик. Там было 27 человек, которых не вернули, и мы были готовы их отдать ГДР, с тем, чтобы там обеспечили, чтобы эти люди не сбежали на Запад и не выдали наши секреты. А ГДР нам этого не гарантировала. Потом все-таки их вернули.

Л.Н. Нежинский. Да, тем более что кое-кто из них, если мне память не изменяет, по-моему, успел здесь жениться на наших

красивых юных женщинах, что, понятно, тоже играло свою роль во всем этом комплексе.

Не так все просто было, как казалось тогда, и с вопросом о возвращении так называемых военнопленных, потому что основная часть была из Германии, но возвращаться эти люди пожелали только в Западную Германию, а в Восточную они возвратиться не спешили.

Это вызывало раздражение у руководства ГДР: как же так, в чем дело? Люди жили, и здесь их родственники живут по-прежнему, в том числе и родители, сестры, братья, кроме того, даже дети были, а они прямым путем двигают в Западную Германию, и там против нас, восточных немцев, начинают всякий коллоброд. И это было.

То есть, при всей бесспорно крупнейшей политической значимости этого события – установления дипломатических отношений, что вы здесь так четко и ярко показали, были более дальние последствия. Они давали о себе знать еще не один десяток лет в наших взаимоотношениях с двумя Германиями.

Ф.И. Новик. Они дают о себе знать даже вплоть до сегодняшнего дня. Более двух миллионов российских немцев и среди них те, кто жил в Восточной Пруссии, сейчас переселились в ФРГ.

Л.Н. Нежинский. Да, вопрос о Восточной Пруссии тоже очень болезненный для немцев до сегодняшнего дня. Это и для нас непростой вопрос.

Безусловно, следует одобрить очень интересный доклад Фаины Ивановны Новик. Весь комплекс поставленных проблем необходимо изучать, разрабатывать и освещать в печатных изданиях.

Ю.П. Бокарев

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ РОЛЬ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ МЕЖДУ США И СССР*

Вторая мировая война означала крах евроцентрического мира. Ослабление традиционных европейских центров силы предоставило Вашингтону возможность влиять на экономическое и политическое развитие западных стран, полагаясь при этом на экономическую мощь как на главный инструмент дипломатии. Однако распространить свое влияние на весь мир США не могли без разрушения Советского Союза в качестве государственного и геополитического образования. Если бы Советскому Союзу удалось распространить свое влияние на весь Европейский континент, то США, несмотря на их экономическое могущество, оказались бы “периферийной нацией”, какой они и были до середины XX в. Поэтому борьба против советского доминирования стала центральной задачей Соединенных Штатов. Реализация этой цели привела к “холодной войне”, победитель в которой, как полагал Збигнев Бжезинский, “добивался подлинного господства на земном шаре”¹.

Большое значение в борьбе против СССР США придавали технологической войне (technological warfare). До распада СССР документы о ней были засекречены. Только с 1990-х годов в США стали появляться публикации о ее содержании и значении (работы П. Швейцера, Н. Крейтора, Р. Пайпса и др.)².

В отечественной историографии нет работ, посвященных технологической войне. Можно сослаться лишь на небольшое пособие для студентов Е.Л. Логинова “Стратегии экономической войны. Конфронтация геоэкономических конкурентов с СССР и Россией”³. В пособии излагаются некоторые аспекты противодействия США проникновению в СССР западных технологий, однако это только одна сторона проблемы.

Технологическая война в системе “холодной войны”. Горбачев любит повторять: «Я покончил с “холодной войной”». Это равносильно утверждению: “Я покончил с Советским Союзом”.

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 20 апреля 2006 г.

Ибо целью США в “холодной войне” было не установление истины в идеологическом споре и не признание советским руководством “общечеловеческих ценностей”, а подрыв политической устойчивости СССР, его военной и экономической силы, в конечном счете – его ликвидация.

Для победы над СССР США недостаточно было добиться уничтожения коммунистического режима, установления лояльного по отношению к США правительства; недостаточно было экономически ослабить СССР, отодвинуть его на периферию научно-технического прогресса. Рано или поздно лидеры СССР осознали бы подлинные геополитические интересы страны и, опираясь на огромный ресурсный потенциал, быстро восстановили бы ее экономическое могущество. Важно было добиться распада СССР на множество враждующих друг с другом государств.

Как писал Бжезинский: “Соединенные Штаты добиваются реорганизации межгосударственных отношений во всей Евразии, чтобы в результате на всем континенте было не одно ведущее государство, а множество средних, относительно стабильных и умеренно сильных, но обязательно более слабых по сравнению с Соединенными Штатами, как по отдельности, так и вместе”⁴.

В самом начале “холодной войны” государственный секретарь США Дин Риск охарактеризовал конфликт между США и Советским Союзом не в идеологических терминах, а в соответствии с концепцией американского геополитика Альфреда Мэхэна – как историческое противостояние между ведущей морской силой США и доминирующей континентальной силой – Советским Союзом⁵.

Идеологические аргументы были всего лишь прикрытием, как и рассчитанная на простых американцев доктрина “предопределенной судьбы”. В XIX в. она обосновывала завоевание Нового Света как предопределенную Богом миссию Соединенных Штатов. В годы “холодной войны” Бог поручил американцам распространять во всему миру демократические ценности и американский образ жизни. По словам американского историка Альберта Вайнберга: “Завоевания по наказу демократии заменили завоевания по наказу Бога”⁶.

Поэтому “холодную войну” нельзя рассматривать только как идеологическую и политическую конфронтацию. Она была явлением многоплановым. Наряду с борьбой за души людей и гонкой вооружений ее составными частями были информационная, психологическая, экономическая и технологическая войны.

Еще Джордж Кеннан в меморандуме 1945 г. наметил разные направления американской послевоенной геостратегии в отно-

шении СССР. Его идеи легли в основу доктрины Трумэна. В литературе эту доктрину обычно изображают как политику сдерживания (containment policy) советской экспансии в Европе и развивающихся странах. На самом деле она включала в себя два компонента:

1. Подрыв способности СССР к распространению своего влияния. Это достигалось путем создания американских военных баз вблизи границ СССР, военной и технологической гонки, провоцирования раскола социалистического лагеря, дискредитации социализма, пропаганды западных ценностей и образа жизни в странах советской ориентации, экономической и политической поддержки любых движений против “русских” и т.д.

2. Дестабилизация государственного строя СССР. Для этого создавалась чрезвычайно гибкая система политического воздействия на Советский Союз. Она допускала быстрые переходы от политической блокады к ведению переговоров и подписанию политических соглашений, от прекращения любых экономических контактов к заключению выгодных для США торговых договоров, от замораживания гуманитарных связей к научно-техническому и культурному сотрудничеству и наоборот. Такие переходы были связаны с тем, насколько политика советского руководства устраивала американские политические круги.

Поэтому периоды “смягчения напряженности” нельзя истолковывать как ослабление конфронтации. Именно в это время широко использовались информационная, экономическая и технологическая войны⁷.

Советское постсталинское руководство, страдавшее прямолинейностью мышления, понимало “холодную войну” только как открытую конфронтацию. Поэтому периоды “разрядки напряженности”, расширения научно-технического сотрудничества оно воспринимало как проявления слабости “американского империализма” и записывало в свой актив. Это помогало Соединенным Штатам проводить скрытые операции, в том числе в технологической сфере.

В первые послевоенные годы США стремились изолировать СССР экономически. Такая политика была связана с концепцией Дж. Кеннана, который считал: “Импорт из нашей страны они [советские лидеры. – Ю.Б.] будут рассматривать как орудие достижения военно-экономической автаркии Советского Союза. Достигнув же этой цели, советское правительство не обязательно сохранит заинтересованность в широком импорте из нашей страны, разве что на условиях, несовместимых с нашими интересами. С другой стороны, если организовать широкий вывоз в

Россию продукции машиностроения, значительная часть наших частных заводов попадет в зависимость от советских заказов ради сохранения производства и занятости. В этом случае русские, если сочтут нужным, будут не колеблясь эксплуатировать эту зависимость, а также использовать свое влияние на организованные группы рабочих, чтобы достигнуть целей, не имеющих ничего общего с интересами нашего народа”⁸.

Однако вскоре концепция Кеннана стала оспариваться. Как писал он в своих мемуарах: “Американскую администрацию не раз упрекали во внезапном прекращении поставок по ленд-лизу летом 1945 года и в непредставлении СССР крупного займа, на который будто бы имели основание рассчитывать советские лидеры. Но эти проблемы тесно связаны с вопросом о будущей торговле между США и СССР и о том, в какой мере СССР должен получать помощь в рамках европейской реконструкции по программе ЮНРРА. Следует отметить, что американское правительство подверглось критике за принятие жесткой линии в этом вопросе, я же подвергался критике за то, что давно советовал это сделать”⁹.

Основные аргументы противников Кеннана сводились к тому, что самоустранение США от участия в строительстве экономики Советского Союза лишит их возможности влиять на этот процесс. Гораздо перспективнее поддерживать с СССР экономические отношения в тех размерах и направлениях, которые будут отвечать интересам Соединенных Штатов. Под влиянием ряда финансистов был издан Меморандум о Национальной Безопасности № 68 от 1950 г. Этот документ открыл путь для строительства при помощи западной технологии более развитого, но и более зависимого от США Советского Союза.

В меморандуме утверждалось, что Советы не могут прогрессировать без западной технологии. Поэтому можно разрешить западным фирмам продолжить передачу технологий СССР. Это будет иметь следующее значение. Во-первых, если требуется ввозить технологию для достижения более эффективного уровня производства, то тогда получатель всегда остается в стороне от “тонкостей операций” и таким образом СССР не будет иметь стимула для создания собственных технологий, окажется в зависимости от западных технологий. Во-вторых, если СССР будет ввозить технологии, ему надо будет зарабатывать или занимать валюту западных стран для ее оплаты. Зарабатывать валюту СССР сможет только экспортируя сырье, что приведет к преимущественно сырьевому развитию советской экономики. Если же СССР будет занимать деньги, то он окажется под конт-

ролем кредиторов. В то же время этот Меморандум представил довод в пользу массивированного усиления оборонной мощи США под предлогом будущей советской угрозы¹⁰.

Так появилась концепция технологической войны, были сформулированы ее направления и задачи: сделать СССР зависимым от западных технологий, превратить его в сырьевую державу.

Технологическую войну нельзя рассматривать как часть экономической войны. У последней своя стратегия и цели. Чаще всего экономическая война определяется как борьба за ресурсы. Однако она включает в себя также выявление “узких мест” в экономике противника с целью их последующего использования. Американские стратеги еще в конце 1940-х годов определили, что наиболее “узким местом” в экономике СССР был недостаток свободно конвертируемой валюты. В последующем это использовалось, во-первых, для стимулирования сырьевого экспорта и тем самым отвлечения сил и средств из других отраслей экономики; во-вторых, для постепенного увеличения задолженности СССР западным державам, втягивания его в “долговую яму”, что заставляло советское руководство идти на экономические и политические уступки.

Понятия “экономическая война” и “технологическая война” различаются и в документах Государственного департамента. Из этого, однако, не следует, что эти войны между собой не связаны. В частности лишая СССР возможности маневрировать финансовыми средствами, заставляя его концентрировать силы на добыче нефти и газа, строительстве беспримерных по протяженности нефте- и газопроводов, США косвенным образом препятствовали развитию у своего противника НИОКР и информационных технологий.

Со второй половины 1960-х годов геополитическое противостояние между США и СССР все больше смещается в сферу экономики, в область “мирного соревнования двух систем”. С приходом в Белый дом Р. Рейгана эта борьба приобрела качественно новый характер.

В начале 1982 г. президент Рейган вместе с главными советниками приступил к разработке стратегии, основанной на атаке на главные, самые слабые экономические места советской системы. “Для этих целей, – вспоминает Каспар Уайнбергер, – была принята широкая стратегия, включающая также и экономическую войну”¹¹. Ее задачи были обозначены в серии секретных директив по национальной безопасности (NSDD), подписанных президентом Рейганом в 1982 и 1983 гг. По многим аспектам эти

директивы означали отказ от политики, которую еще недавно проводила Америка. Принятая Рейганом в ноябре 1982 г., “NSDD-66” объявляла, что цель политики Соединенных Штатов – подрыв советской экономики путем ведения технологической войны и войны за ресурсы.

Решение этой задачи было поручено директору ЦРУ Уильяму Кейси. Лейтенант У. Кейси еще в 1943 г. был консультантом по вопросам экономической войны¹².

В первую очередь Кейси сменил аналитиков ЦРУ. Прежняя аналитика его не устраивала потому что ограничивалась оценками экономического роста и доходов СССР. Для Кейси недостаточно было знать, сколько зарабатывает Москва на экспорте нефти и газа. Он хотел знать, насколько это важно для СССР.

Кейси пригласил к себе аналитиков, имеющих большой опыт реальной конкурентной борьбы на внутреннем рынке США: бизнесменов, экономистов, банкиров, журналистов и т.п., хорошо знающих, как организуются и проводятся стратегические игры по банкротству конкурентов. Эту же идеологию конкурентной борьбы Кейси перенес на мировую арену.

Проанализировав стратегию противодействия Советскому Союзу, Кейси пришел к выводу: традиционная концентрация на сильных сторонах СССР (военная мощь, резервы золота, помощь зарубежным союзникам и т.п.) и противодействие советским угрозам ошибочна. Он предложил качественно другой подход: если мы хотим повергнуть противника, то должны концентрироваться не на сильных, а на слабых точках.

Для того чтобы выявить “точки уязвимости” Советского Союза, Кейси поставил аналитикам задачу по реконструкции не угроз, исходящих от СССР, а самой советской экономической системы. “Замысел заключался в том, чтобы делать ставку на нашу силу и их слабость, – вспоминал Уайнбергер. – А это означало – делать ставку на экономику и технологию”. Это привело к смене приоритетов в военном соперничестве Восток–Запад. США сделали ставку не на количество, а на качество. Уайнбергер верил, что американский технический прогресс в области вооружений не даст Москве никаких шансов. Уайнбергер называл это формой технологической войны¹³.

Определив наиболее уязвимые точки в экономике СССР директор ЦРУ Кейси и министр обороны США Уайнбергер разработали ряд мер по ее разрушению.

К таким мерам относилась навязанная Советскому Союзу беспрецедентная гонка вооружений, включая создание системы СОИ, а также обескровливание советской экономики путем

сокращения поступлений твердой валюты от экспорта энергоносителей.

Другой категорией мер являлись запреты на продажу в СССР технологий, техники и высокотехнологичных товаров. Как пишет П. Швейцер, У. Кейси и К. Уайнбергер оказывали на союзников всяческий нажим, чтобы отрезать Советскому Союзу возможность получать западные технологии¹⁴.

В США был утвержден пятилетний план реализации самых важных задач по подрыву советской экономики. В документе подчеркивалась важная роль “экономической и технологической войн” в политике администрации. “Нью-Йорк таймс” назвала документ мирным дополнением военной стратегии”, представляющим собой “директивы, согласно которым США и их союзники могут объявить экономическую и технологическую войну СССР”¹⁵.

Документ подчеркивал значение ограничения доступа Москвы к технологиям США и других некоммунистических стран. Он содержал также план Пентагона по подрыву советской экономики путем вовлечения Москвы в технологические гонки. С этой целью широко рекламировались работы в области Стратегической оборонной инициативы (СОИ). В целях провоцирования советского руководства во время одного из запусков космический челнок “Шаттл” опустился над Москвой на высоту 80 км. И действительно после такой демонстрации в СССР началась разработка программы “Буран”, потребовавшая миллиарды долларов¹⁶.

Совет национальной безопасности под руководством Уильяма Кларка предпринял ряд исследований, имеющих целью определить новые способы подрыва советской экономики. Руководил исследованиями Норман Бейли. Ему принадлежит создание зернового картеля, объединившего США, Канаду, Австралию и Аргентину с целью ограничения экспорта в СССР¹⁷.

Пришедшая на смену Р. Рейгану новая администрация во главе с Дж. Бушем последовательно проводила разработанную предшественниками стратегию. Ее продолжили и администрация Билла Клинтона и Джорджа Буша-мл., сосредоточившиеся на предотвращении экономического возрождения России в качестве сверхдержавы, способной составить хоть какую-нибудь конкуренцию единственному мировому гегемону – Соединенным Штатам.

КОКОМ (Координационный комитет по контролю за экспортом стратегических товаров в социалистические страны). До середины 1960-х годов СССР не нуждался в импорте западных

технологий. В стране создавались свои образцы новой техники, шло освоение атомной энергии, разрабатывались и производились собственные ЭВМ. Со временем, однако, увеличивалось отставание советских технологий от западных.

Это было связано с множеством причин, коренящихся в самом устройстве советской экономической системы. Это была система мобилизационной экономики, способной к количественному росту, но весьма слабо приспособленной к качественной модернизации. Основой советского экономического роста была мягкость финансовых ограничений в сфере производства, создававшая ненасыщаемый спрос на сырье, комплектующие и конечную продукцию, являлось мощным стимулом количественного роста. В то же время ненасыщаемый спрос не стимулировал технологическое развитие.

Для государственной экономики характерно отсутствие конкуренции. В результате предприятия не были заинтересованы во внедрении новой техники. Были случаи отказа от новых типов станков и оборудования, поскольку их установка и освоение не содействовали выполнению государственного плана.

Экономическая политика СССР сохраняла ориентацию на преимущественное развитие отраслей материального производства, главным образом, тяжелой индустрии. Поэтому уровень зарплаты призван был способствовать притоку рабочих рук в сферу материального производства, включая промышленное строительство, транспортировку сырья и изделий. Торговля, общественное питание и платные услуги никогда не входили в состав приоритетных направлений деятельности, и средств на их развитие выделялось мало.

Кроме того, развитие сферы услуг осуществлялось исключительно средствами государства, под его абсолютным контролем. Это имело двоякие отрицательные последствия. С одной стороны, частное предпринимательство в сфере услуг во всем мире демонстрировало свою гораздо более высокую эффективность, по сравнению с государственным. С другой стороны, допуск частного предпринимателя в сферу услуг мог бы смягчить недовольство населения государственной экономической политикой и способствовать формированию в СССР сектора "цивилизованного" рыночного хозяйства.

Начатые в стране в середине 1960-х годов реформы велись не достаточно продумано. В конечном счете, реформаторы зашли в тупик. Вопрос об эффективности управления они подменили эффективностью тех или иных методов управления. А ведь неэффективными могли быть и экономические методы. Равно как

и административные методы не во всех случаях неэффективны. Главным же было то, что реформаторы решили, что наблюдать за всеми происходящими в экономике процессами невозможно. Но, не владея полной информацией об этих процессах, нельзя внедрять автоматизированные системы управления.

Большие проблемы существовали в области регионального развития страны. Например, интересы Западно-Сибирского нефтегазового ТПК и Западно-Сибирского региона в целом находились в довольно остром противоречии. Инвестиции и новейшие технологии направлялись, в основном, в нефтегазовый комплекс, и потому целый ряд отраслей и территорий региона оставались неразвитыми.

В результате всех этих причин начиная со второй половины 1960-х годов СССР все больше нуждался в западных технологиях, без которых страна уже была не в состоянии сохранять свой статус сверхдержавы.

Импорт западных технологий приносил Советскому Союзу огромную экономическую пользу. По утверждению Стефа Галпера, – директора межуправленческого комитета по делам передачи технологий, – данные разведки говорили о том, что “Советский Союз принял стратегическое решение избегать расходов на исследования и разработки, обеспечив себе доступ к западной технологии, благодаря краже и нелегальным закупкам ее. Для сбора данных, касающихся потребностей в технологиях в отдельных производствах, русские организовали многочисленные группы. Они принимали решения, отдавая предпочтение украденным технологиям. Импорт техники и технологий означал для страны десятки миллиардов долларов экономии ежегодно на исследованиях и научных разработках”. Москва не крадя все технологии подряд. Специалисты сначала оценивали, которая из технологий может больше всего пригодиться как в гражданском, так и в военном секторе. Кейси и Уайнбергер считали, что не нужно сосредотачиваться на сокрытии всех технологий, а лишь тех, что весьма интересовали Советский Союз: “Они искали технологии, которые активно стимулировали бы их развитие”¹⁸.

С 1976 до 1980 г., благодаря нелегальному приобретению западной технологии, только министерство авиапромышленности сэкономило 800 млн долларов на исследованиях и научных разработках¹⁹.

Противодействие утечке западных технологий в СССР было выделено в отдельный проект. В его рамках была создана Комиссия по контролю передачи технологий (КОКОМ) – влиятельная международная организация, находящаяся под контро-

лем США. Формально она не имела статуса международной организации и ее решения носили рекомендательный характер. Но к тем, кто этими рекомендациями пренебрегал, применялись суровые экономические санкции.

КОКОМ был создан в 1949 г. для объединения взглядов стран Запада на торговлю технологиями с советским блоком. Это было скрытое образование, о внутренней деятельности которого знает лишь небольшая горстка избранных. Американская делегация под руководством заместителя госсекретаря Джеймса Бакли и заместителя министра обороны Фреда Айкла предложила введение в КОКОМ трех изменений. Во-первых, США хотели еще сильнее подчеркнуть запрет на продажу стратегических технологий в СССР, включая и новейшие компьютеры и электронное оборудование, полупроводники и технологию металлургических процессов. Кроме того, они хотели ограничить строительство западных промышленных предприятий на территории советского блока, чтобы современными методами не могли воспользоваться советские армия и железные дороги. Во-вторых, США предложили, чтобы все контракты с советским блоком на сумму 100 млн долларов или более автоматически представлялись для утверждения в КОКОМ с целью избежать возможной передачи секретных технологий. Это, по сути, давало бы Вашингтону право вето при всех европейских торговых договорах с Москвой. Третье предложение составляла первая со времени возникновения КОКОМ попытка наложить эмбарго на как можно большее количество технологий и товаров. Американская делегация добивалась создания строго секретного списка. Франция и Англия выразили желание присоединиться к американским предложениям, но Западная Германия не проявляла никакого желания сделать это. Отсюда следовало, что нужно повременить с объявлением экономической войны или начать ее без сотрудничества с Западной Европой²⁰.

Создавая КОКОМ, американцы полагали, что никакие меры, включая соглашения о контроле над вооружениями, не могли бы сдерживать развитие вооруженных сил СССР более эффективно, чем тщательно разработанное и строго соблюдаемое всеми союзниками эмбарго на оборудование и технологию военного и “двойного” назначения. Импорт из западных стран вносил существенный вклад в модернизацию советской индустрии и, следовательно, тесно связанного с ней советского ВПК. Работая с исчерпывающими списками подлежащих эмбарго товаров и располагая властью и персоналом для проведения в жизнь своих рекомендаций.

КОКОМ действовал весьма эффективно. Постоянно пересматривался список контролируемых технологий и материалов. Если в 1975 г. в общем списке промышленных товаров, продаваемых Советскому Союзу, изделия высокой технологии составляли почти 33%, то в 1983 г. их доля снизилась до 5,4%. В первую очередь была блокирована передача технологий, связанных с добычей и транспортировкой нефти и газа. В частности, выяснилось, что США обладало монополией почти на все технологии бурения. На них тут же были наложены ограничения. В октябре 1981 г. Таможенное управление США приступило к операции "Exodus", направленной на предотвращение продажи американских технологий Москве²¹.

Официальная пропаганда не скрывала, что деятельность КОКОМ направлена на то, чтобы предотвратить "советскую угрозу" не позволяя социалистическим странам совершенствовать свой военный потенциал за счет западной техники и технологии. Вместе с тем запреты и ограничения, налагаемые комитетом, преследовали и более глубокую цель: изолировать соцстраны в сфере международной торговли, лишить доступа к достижениям научно-технического прогресса, нанести ущерб их экономике.

В американском конгрессе была принята специальная поправка к закону о помощи другим государствам. Она предусматривала расширение санкций против тех американских союзников, которые нарушат запреты КОКОМ. В поправке говорилось: "Соединенные Штаты прекращают экономическую и финансовую помощь всем странам, экспортирующим в Советский Союз или его сателлитам товары, которые могут быть использованы как военные материалы"²².

Одновременно США продолжали ужесточать технологическую блокаду СССР, надеясь остановить добычу энергоносителей на новых месторождениях и нанести ущерб другим отраслям советской экономики. Американцы даже подбрасывали технологическую дезинформацию и бракованные детали. Дело доходило до остановок предприятий из-за таких "экономических диверсий". В 1975 г. 32,7% наименований экспорта из США в СССР составляли высокие технологии (общая сумма 219 млн). В 1983 г. эти показатели снизились до 5,4% и 39 млн. В 1983 г. таможенники западных стран задержали почти полторы тысячи нелегальных технологических пересылок на сумму 200 млн долларов. Но остановить вывоз технологий в СССР не удалось. Зато, по справедливому мнению П. Швейцера, под предлогом борьбы с Советским Союзом США добились контроля за движением технологий во всем мире. Это господство можно было использо-

вать в своих экономических интересах, что было немаловажно в условиях экономического кризиса²³.

Характерно, что, выступая монолитом против социализма, сам КОКОМ был полон внутренних противоречий. О них тоже следовало помнить, готовясь в той или иной форме сотрудничать с этой “добровольной” организацией или даже стать ее членом. Да, конечно, решения КОКОМ не имели обязательной силы для стран – членов Комитета и подлежат исполнению на основе так называемых моральных обязательств. Однако санкции против “нарушителей” могли быть весьма серьезными.

Особенно острыми были противоречия внутри КОКОМ между США и Японией. Эта страна вступила в КОКОМ под прямым давлением США в ноябре 1952 г., а в марте 1954 г. подписала с США Соглашение о помощи по программе взаимного обеспечения безопасности, в соответствии с которым Япония не может выйти из Комитета, не расторгнув предварительно данное Соглашение. Пункт “Д” Соглашения о помощи налагал на японское правительство обязательства по государственному управлению экспортом в страны, представляющие потенциальную угрозу национальной безопасности Японии и США.

Много шума вызвало вмешательство КОКОМ в дело о продаже прецизионных японских станков Советскому Союзу. Под предлогом того, что эти станки могли быть использованы СССР для обработки лопастей гребных винтов подводных лодок, к фирме-изготовителю были применены весьма жесткие экономические санкции. Всему западному миру была показана сила этой организации, статус которой был не оформлен официально опубликованным договором, а принимаемые решения носили, как заявлялось, лишь рекомендательный характер.

В истории КОКОМ были периоды и смягчения, и ужесточения “режима”. Так, в 1954 и 1958 годах под давлением союзников США были вынуждены пойти на сокращение списков КОКОМ, не изменив, однако, собственных экспортных ограничений. Это поставило американские компании на мировых рынках в неблагоприятные условия и вызвало их недовольство. Под нажимом собственных предпринимателей США были вынуждены ввести “селективный” подход. Затем был период “похолодания”.

В начале 1970-х годов “разрядка” вынудила ведущие государства Запада пересмотреть торговую политику по отношению к соцстранам. Запретительные списки КОКОМ в 1974–1975 гг. были сокращены до 125 позиций. Участились и “исключения”. Если в 1950-е годы они были крайне редки и делались в основном по просьбам западноевропейских фирм, то к середине 1970-х годов

до половины всех “исключений” из списков составляли заявки американских компаний.

Новый виток “холодной войны” принес новые ужесточения. В 1979 г. конгресс США принял закон об управлении экспортом и значительно расширил список запрещенных к поставке товаров. Усилился нажим на союзников. В законе прямо указывалось, что Президент должен проводить периодические встречи с руководителями других участников КОКОМ для создания более “эффективной процедуры принудительного исполнения многостороннего контроля”.

Особенно жестким режим работы КОКОМ стал с приходом в Белый дом администрации Рейгана. В конце января 1988 г. в запретительные списки КОКОМ были включены 300 тыс. изделий, разбитых на 150 товарных групп. Строгости санкций коснулись и иностранных (по отношению к США), и собственных товаропроизводителей. Нарушителям запрета торговли с соцстранами “стратегическими” товарами в США грозило судебное разбирательство, штрафы в размере до 250 тыс. долларов и другие меры вплоть до лишения свободы сроком на 10 лет.

Одновременно американское руководство разработало программу технической дезинформации с целью противодействовать утечке технологий в СССР.

На фоне распада организации Варшавского договора, а затем и СССР аббревиатура КОКОМ стала звучать особенно часто.

Технологическая война набирала обороты, что требовало от Советского Союза эффективных мер экономического противодействия. Однако хоть сколько-нибудь эффективной экономической политики в СССР Ю.В. Андроповым и М.С. Горбачевым разработано не было.

Тем не менее, полностью предотвратить доступ СССР к западным технологиям США не удалось. Деятельность КОКОМ имела лишь ограниченный успех. Иное дело, что и для СССР импорт западных технологий не решал проблемы безопасности. Он только оттягивал решение, глвной задачи: превратить СССР из страны крадущей и ввозящей технологии в страну их производящую и вывозящую.

Arms race. Гонка вооружений. Основные события технологической войны связаны с гонкой вооружений. С момента создания атомной бомбы обороноспособность страны стала в большей мере зависеть от развития военных технологий, чем от количественного роста оружейных арсеналов. Политическое и военное руководство СССР так и не смогло осознать этого факта, поскольку критерием успеха признавалось количество пусковых

шахт, дальность межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и мощность ядерных зарядов, а не точность наведения боеголовок на цель, степень защиты МБР от обнаружения, создание новых типов оружия.

С этим количественным подходом было связано решение СССР о прекращении с 31 марта 1958 г. в одностороннем порядке всех испытаний атомного и водородного оружия, чему предшествовала в конце февраля–середине марта серия испытаний на Новой Земле, позволившая СССР поставить на вооружение ядерные заряды мощностью около одного миллиона тонн тротила. Впрочем, осенью 1958 г. в связи с созданием советскими учеными еще более мощных ядерных зарядов испытания пришлось возобновить²⁴.

Этот количественный подход лежал в основе военно-стратегической доктрины СССР, согласно которой вооруженные силы страны должны обладать “оборонительной достаточностью”. В частности ядерные вооружения должны поддерживаться на таком количественном уровне, чтобы иметь надежные средства для нанесения ответного удара в случае ядерного нападения. Случаи, когда применение ядерного оружия первыми становилось необходимым для того, чтобы избежать поражения, полностью исключались. Доктрина не предусматривала возможности создания противником таких видов оружия, когда ответный удар становился невозможным или неэффективным, равно как и таких видов оружия, которые обеспечивали победу без применения ядерных сил или даже любого традиционного оружия вообще.

На примитивном количественном подходе основывалась сравнительная оценка ядерных сил США и СССР, а также широко распространенное в отечественной литературе мнение о том, что СССР быстро преодолевал отставание от США в области ядерных вооружений.

Следствием такого подхода было постоянное технологическое отставание СССР от США в области создания стратегических вооружений. Даже если ограничиться только ядерным оружием, средствами его доставки и обнаружения, активно разрабатывавшимся в СССР, отставание составит в среднем 5 лет. При этом никакой тенденции к сокращению отставания не обнаруживалось (см. таблицу 1).

В наиболее важной области – совершенствовании эффективности ядерных боеголовок – отставание достигало 10 лет. Например, головная часть американской ракеты Minuteman 1, развернутой в 1962 г., по мощности и забрасываемой массе соответствовала боеголовке советской ракеты SS-N-8 мод 1, развернутой

Таблица 1. Гонка вооружений 1945–1984 гг.

Виды вооружений	США	СССР	Отставание
Атомная бомба	1945	1949	4 года
Межконтинентальный бомбардировщик	1948	1955	7 лет
Реактивный бомбардировщик	1951	1954	3 года
Водородная бомба	1952	1953	1 год
Межконтинентальная баллистическая ракета	1958	1957	–1 год
Антиракеты	1956	1961	5 лет
Фоторазведка со спутников	1960	1962	2 года
Системы раннего предупреждения	1960	1967	7 лет
БР на подводных лодках	1960	1964	4 года
Твердотопливная МБР	1962	1966	4 года
Противоспутниковое оружие	1963	1968	5 лет
Разделяющиеся боеголовки индивидуального наведения	1970	1975	5 лет
Компьютерная система распознавания МБР	1975	1981	6 лет
Бомбардировщики-невидимки	1981	н.д.	н.д.
Высокоточные средства доставки	1984	н.д.	н.д.

Источник: *Макнамара Р.* Путем ошибок к катастрофе. Опыт выживания в первом веке ядерной эры. М., 1988. С. 61, 131; *Nuclear Weapons Databook: US Nuclear Forces and Capabilities.* Ballinger Publishing Company, 1984; *Berrnan R., Baker J.* Soviet Strategic Forces: Requirements and Responses. The Brookings Institution, 1982.

в 1973 г.; эффективность боеголовки для РГЧ ИН американской ракеты Poseidon, поступившей на вооружение в 1971 г., примерно соответствовала боеголовке для ПГЧ ИН советской ракеты SS-N-18 мод 3, развернутой в 1978 г.²⁵

Часто встречающееся в литературе утверждение о том, что, в отличие от США, СССР сумел создать эффективную систему ПРО вокруг Москвы, вызывает большие сомнения. В 1961 г. СССР провел успешное испытание противоракеты ПР В-1000, развивавшей скорость до 1000 м/сек и осуществлявшей перехват цели на высоте до 25 км. Но эти характеристики не гарантировали перехват баллистической ракеты, летевшей на высоте 1320 км со скоростью 7780 м/сек и достигавшей высоты 25 км лишь над самой целью. Тем не менее СССР приступил к осуществлению проекта А-35 системы ПРО вокруг Москвы. Американцы же, располагавшие более совершенной антиракетой DM-15C Nike-Zeus, развивавшей скорость до 3000 м/сек, перехватывавшей МБР на высоте до 570 км и на расстоянии за 640 км до цели²⁶, пришли к выводу о том, что построенная на ее основе система ПРО эффективна для защиты точечных объектов, но не сможет отразить массивное ядерное нападение на крупный город. Мате-

риалы, обнародованные в ходе дискуссии по проекту “звездных войн”, этот вывод подтвердили²⁷.

Только в деле испытания МБР СССР на один год опередил США. Но на это были свои причины. В 1950–начале 1960-х годов США размещали свои ядерные силы, направленные против СССР, на военных базах в Западной Европе и Турции. Поэтому основным средством их доставки были стратегические бомбардировщики и баллистические ракеты средней дальности. СССР же мог достичь территории противника только с помощью МБР.

Значение технологической войны в области вооружений резко возросло с началом советско-американских переговоров о сокращении стратегических вооружений. Идя на эти переговоры, руководство СССР и США преследовали разные цели. В СССР наивно рассчитывали с помощью этих переговоров сократить расходы на изнуряющую гонку вооружений. В США же расчет строился на уменьшении примитивной ударной мощи ядерных сил в пользу более технологичных и гибких видов оружия. Поэтому еще в 1964 г. отдельные представители администрации США зондировали отношение СССР к “замораживанию” стратегических наступательных и оборонительных систем. Но реакция СССР была отрицательной²⁸.

Только после отстранения Хрущева переговоры стали возможны. Конечно, в середине 1960-х годов СССР далеко не достиг военно-стратегического паритета с США, но проводимая новым руководством экономическая реформа придавала большое значение финансовым вопросам. Переговоры с США обещали огромную экономию средств при сохранении необходимого для национальной безопасности уровня вооружений. Поэтому отношение к ним изменилось.

В апреле 1966 г. Роберт Макнамара изложил А.Ф. Добрынину американскую оборонительную концепцию, согласно которой США должны иметь достаточно средств, чтобы выдержать внезапный ядерный удар, сохранив способность ответного удара с непоправимым ущербом для противника. Если и СССР придерживается такой же концепции, то имеющихся у сторон ракетно-ядерных сил для этого достаточно. Макнамара заявил, что в Вашингтоне думают установить взаимопонимание с СССР в области ракетно-ядерных средств, имея в виду две цели: уменьшение риска для национальной безопасности каждой из сторон и сокращение расходов на вооружение. Одновременно аналогичную беседу провел с Громько посол США в СССР Л. Томпсон.

Зондаж позиции советского руководства дал положительные результаты и 27 января 1967 г. Линдон Джонсон направил офици-

альное предложение СССР провести переговоры об ограничении стратегических вооружений (ОСВ). Советское руководство приняло предложение. Однако начать переговоры помешали внешнеполитические события. Во время визита А.Н. Косыгина в США в июне 1967 г. к трениям, связанным с вьетнамской войной, добавилась война на Ближнем Востоке, вызвавшая новый виток конфронтации между СССР и США. Как вспоминал Джонсон: “Каждый раз, когда я поднимал вопрос об ОСВ, он (Косыгин. — Ю.Б.) менял тему на события на Ближнем Востоке”²⁹.

Только 1 июня 1968 г. в Москве было официально объявлено, что СССР и США условились вступить в переговоры об ограничении и сокращении стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Однако планировавшийся на 30 августа визит Джонсона в Ленинград не состоялся из-за ввода войск ОВД в Чехословакию.

Вступивший в должность президента 20 января 1969 г. Ричард Никсон поставил одной из задач своей внешней политики переход “от эры конфронтации к эре переговоров” между Западом и Востоком. Никсону принадлежит своеобразная тактика ведения переговоров. Американская делегация должна так формулировать свои предложения, чтобы отклонение их СССР было ударом по его престижу, а принятие отвечало американским интересам. Если решение было в интересах СССР, США должны выдвигать такие условия его принятия, которые были бы выгодны американцам. Переговоры должны сопровождаться зондированием позиции СССР по “обводным каналам”. Для этого надо использовать как официальных лиц, так и неофициальных посредников (парламентариев, ученых, военных и т.п.). Чтобы заставить СССР идти на уступки, полезно использовать “резкие или даже дерзкие приемы”³⁰.

Иной была тактика советской стороны. С самого начала она настаивала на “конфиденциальности” переговоров, не разрешалось даже ведение официальных протоколов заседаний. Это создало над ходом переговоров завесу секретности. Советское руководство было верно своей традиции держать общественность в стороне от принимаемых решений. В результате не только широкие общественные круги, но и ведущие советские специалисты в области вооружений были лишены возможности составить свое мнение о ходе переговоров.

Информационная политика советской стороны была неудачна не только потому, что не позволяла верхам корректировать свое поведение на переговорах в соответствии со здоровыми предложениями общественности. Беда была и в том, что амери-

канская сторона допускала “просачивание” информации в тех случаях, когда ей это было выгодно. В результате советская позиция представляла в глазах общественности не в лучшем свете.

Первые встречи советской и американской делегаций происходили в Хельсинки с 17 ноября до 22 декабря 1969 г. Советскую делегацию возглавлял В.С. Семенов, а американскую – Джордж Смит. Американцы были лучше подготовлены к переговорам. Они вели разговор на заранее заготовленную тему и одновременно в нескольких группах. Анализируя варианты ответов на одни и те же вопросы членов советской делегации, американцы корректировали свое поведение. Для этого составлялись инструктивные материалы: “Контроль над вооружениями: ответы на утверждения со стороны Советского Союза”³¹.

Советская делегация страдала недостаточностью знаний военно-технических вопросов, что сразу же было подмечено и использовано американцами. Это было связано с действовавшим в СССР режимом секретности. Как признавался В.Л. Исраэлян, возглавлявший делегацию по запрещению химических вооружений, он даже “не знал, обладает ли Советский Союз таким оружием”³². Кроме того, члены советской делегации были скованы полученными перед отъездом жесткими инструкциями и боялись попасть в немилость из-за их нарушения или случайной выдачи американцам секретных сведений.

Встречи в Хельсинки позволили выявить позиции сторон. Советская делегация предлагала ограничить МБР, баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) и т.н. “ядерные средства передового базирования”, включая стратегические бомбардировщики. На ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) советская делегация не настаивала. Американцы же не желали обсуждать вопрос о стратегических бомбардировщиках, являвшихся угрозой для советской, но не американской стороны, а предлагали сократить все ракетные вооружения, включая МБР и БРПЛ, ракеты промежуточной и средней дальности, крылатые ракеты подводных лодок, а также ПРО и противовоздушные системы обороны. То есть СССР сразу раскрыл все карты, США же запросили значительно больше того, чего реально добивались, чтобы иметь возможность торговаться.

Следующий раунд переговоров происходил в Вене в апреле 1970 г. В это время в печать просочились сведения о появлении в США ракет с разделяющимися головными частями с боеголовками индивидуального наведения (РГЧ ИН). Этот новый вид оружия США были намерены развернуть после сокращения МБР.

К удивлению американцев, советская делегация не придала никакого значения появлению крылатых ракет.

Предложения советской делегации на венском рауте не содержали ничего принципиально нового. Американская же делегация проявила гораздо большую гибкость. Она предложила два варианта договоренностей. В первом случае сторонам предлагалось иметь не более 1710 пусковых шахт МБР и установок для запуска БРПЛ (как позже выяснилось, в то время это соответствовало числу этих видов СНВ у США). Во втором случае предлагалось сокращение числа пусковых шахт МБР и установок для запуска БРПЛ до 1000. Мобильные пусковые установки МБР, разрабатывавшиеся в СССР, предлагалось запретить. Допускалась замена пусковых шахт МБР на установки для запуска БРПЛ, но не наоборот, что давало преимущество американцам, располагавшим сетью военно-морских баз вблизи границ Советского Союза.

Советская делегация не хотела предоставлять американцам односторонние преимущества. Но Л.И. Брежнев спешил подписать договор во что бы то ни стало. Сравнительно легко ему удалось склонить на свою сторону работников МИДа. Однако военное руководство продолжало возражать. Брежневу пришлось прибегнуть к грубому нажиму на специально собранном в его кабинете на Старой площади совещании, где, наряду с дипломатами, присутствовали министр обороны А.А. Гречко, главком ВМФ С.Г. Горшков и другие высшие руководители вооруженных сил. Брежнев и работники МИДа уговаривали военных в течение пяти часов³³.

26 мая 1972 г. в Москве Брежнев и Никсон подписали пакет договоренностей, получивших название временного соглашения, поскольку их действие истекало в мае 1977 г. Временное соглашение включало договор ОСВ-1 и соглашение по ПРО. Переговоры в Женеве было решено продолжить и разработать постоянное соглашение по ограничению, а затем и сокращению стратегических наступательных вооружений.

Договор ОСВ-1 и соглашение по ПРО поставили СССР в неравное положение. США сохранили почти четырехкратное преимущество в стратегических бомбардировщиках (600 у США против 160 у СССР) и других самолетах-носителях ядерного оружия. Даже если бы СССР ликвидировал количественный разрыв, это ничего бы ему не дало. Американские бомбардировщики располагались в местах передового базирования, тогда как у СССР не было баз в непосредственной близости от территории США (за исключением баз на Камчатке, угрожавших только Аляске).

“Замораживание” числа пусковых шахт МБР на уровне 1608 для СССР и 1054 для США создавало опасную иллюзию советского превосходства. Если США действительно имели столько пусковых шахт, то СССР включил в их число и непригодные для новых типов МБР, а также ложные, созданные еще по распоряжению Хрущева. Узнав об этом от советских перебежчиков, американцы поспешили заявить, что будут рассматривать “нарушением духа временного соглашения, если Советский Союз расширит и углубит в общем более, чем на 30% шахты для стратегических ракет”³⁴. Чтобы не поставить под угрозу “разрядку”, СССР был вынужден с этим считаться.

Еще хуже обстояли дела с баллистическими ракетами подводных лодок. В течение пятилетнего срока СССР мог их увеличить до 950, а США – до 740. Но при этом не принимались в расчет БРПЛ Великобритании и Франции. Поздно спохватившись, глава советской делегации Семенов заявил о том, что если число БРПЛ США и их союзников по НАТО превысит 800, то СССР “будет иметь право” увеличить число своих БРПЛ³⁵. Тем самым советские переговорщики признали, что дали себя обмануть и, чтобы поправить дело, не остановятся перед нарушением ОСВ-1. Заявление было тем более не нужным, что поступить в соответствии с ним руководство СССР не решилось.

Но самое главное заключалось в том, что соглашение не касалось ракет наземного базирования среднего радиуса действия (РСД), способных нести ядерные боеголовки. Если РСД США, размещенные на военных базах в Западной Европе и Окинаве, поражали цели на значительной части советской территории, то РСД СССР создавали угрозу только западноевропейским союзникам США. Кроме того, США сохранили все свои стратегические бомбардировщики и носители ядерного оружия передового базирования. Это создавало им внушительный военный перевес.

“Разрядка” не привела к снижению военных расходов и государственных военных заказов как в СССР, так и в США. Американцы компенсировали меньшее число пусковых шахт, приняв на вооружение ракеты с РГЧ ИН. Они активно разрабатывали проекты крылатых ракет-носителей ядерных зарядов. СССР, стремившийся преодолеть свое отставание от США, развернул масштабную программу стратегического перевооружения. В 1972 г. на советских полигонах начались испытания новых типов МБР. Два из них предназначались для оснащения РГЧ ИН, разработку которых СССР был вынужден производить.

В такой обстановке 22 ноября 1972 г. в Женеве начались советско-американские переговоры ОСВ-2. Советскую делегацию

первоначально возглавлял В.С. Семенов, а на заключительном этапе В.П. Карпов. В состав делегации входили представители МИД (О.А. Гриневский и В.П. Карпов), Минобороны (И.И. Белецкий, В.П. Стародубов, К.А. Трусов и Г.И. Устинов) и военно-промышленного комплекса (П.С. Плешаков и А.Н. Щукин). Главы американской делегации менялись часто. Ими последовательно были Дж. Смит, А. Джонсон, П. Уорнке и Р. Эрл. Государственный департамент представляли С. Грейбл, К. Клоссон, Г. Окун и Ф. Перез; Министерство обороны – Г. Браун, Дж. Джонсон, П. Нитце, Э. Рауни и Дж. Сигниэс.

Официальные протоколы не велись. Наиболее достоверными источниками, создававшимися непосредственно в ходе переговоров, являются тексты заявлений и других документов, которыми делегации обменивались друг с другом, а также рабочие записи, которые вели советская и американская делегации для своего внутреннего пользования.

Предложения советской стороны сводились к следующему: 1) На пусковые шахты МБР и установки для запуска БРПЛ сохранить прежние ограничения. Мобильные стартовые устройства рассматривать наравне с пусковыми шахтами МБР. 2) Не разрабатывать новые типы стратегических бомбардировщиков и ограничить число имеющихся на вооружении с обязательством не использовать их в качестве носителей ядерного оружия. 3) Запретить крылатые ракеты с дальностью свыше 600 км. 4) Ликвидировать зарубежные базы подводных лодок с баллистическими ракетами и ограничить их акваторию. 5) Авианосцы с самолетами-носителями ядерного оружия вывести за согласованные рубежи и численно ограничить. Самолеты-носители ядерного оружия и ракеты с ядерными зарядами наземного базирования среднего радиуса действия вывести на национальные территории, а их зарубежные базы ликвидировать.

Предложения американской делегации сводились к следующему: 1) Установить равный для обеих сторон уровень для “центральных систем” (пусковые установки МБР, БРПЛ и тяжелые бомбардировщики) в 2350 единиц. 2) Установить подуровень для пусковых установок МБР. 3) Ограничить суммарный “забрасываемый вес” МБР. 4) Заморозить испытания РГЧ ИН.

Советские предложения были неприемлемы для американской делегации, а американские – для советской. Переговоры зашли в тупик, вывести их из которого могла только встреча “в верхах”. В декабре 1973 г. во время визита Брежнева в США были подписаны “Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений”.

Было объявлено о намерении сторон продолжить переговоры и подписать постоянное соглашение по ограничению стратегических наступательных вооружений в 1974 г. на основе одинаковой безопасности сторон и “недопустимости односторонних преимуществ”. Ничего конкретного “Основные принципы...” не содержали и потому не выводили из тупика, а только усложняли задачи переговорщиков.

Переговоры возобновились, но шли туго, стороны упорно держались за свои позиции, не шли на компромиссы. В июле 1974 г. в Москве состоялась новая встреча “в верхах”. В ходе ее Брежнев и Никсон подписали протокол к договору, по которому стороны ограничили свое право развертывания ПРО одним районом, вместо двух. Это прибавило Брежневу славы миротворца, но увеличило уязвимость пусковых шахт СССР.

Тем временем застой на переговорах продолжался, и перспективы становились неопределенными в связи с тем, что подписавший временное соглашение и последующие документы Никсон подал в отставку из-за Уотергейтского скандала. Осенью 1974 г. Джеральд Форд направил в Москву Генри Киссинджера. В ходе переговоров СССР снял свое требование о ликвидации зарубежных баз и ядерных средств передового базирования. В ответ американская сторона согласилась на равные “потолки” для носителей РГЧ ИН. СССР допустил более важную для его государственной безопасности уступку, чем США.

Во время встречи с Фордом в ноябре 1974 г. во Владивостоке Брежнев пошел на новые уступки. Главной из них было согласие оставить за рамками нового договора все американские ядерные средства передового базирования, а также ядерное оружие союзников США в ответ на отказ американцев от требования об ограничении советских тяжелых ракет и на их оснащение РГЧ ИН. О том, насколько эта уступка была невыгодна СССР, свидетельствует тот факт, что даже министр обороны Гречко энергично возражал против нее, хотя ранее, при заключении договора СНВ-1, он уступил Брежневу.

Советские уступки позволили сдвинуть с мертвой точки переговоры по ОСВ. Во Владивостоке были достигнуты следующие договоренности: 1) Временное соглашение останется в силе до октября 1977 г. 2) Новое соглашение будет действовать в период с октября 1977 до 31 декабря 1985 г. 3) Обе стороны будут располагать согласованными суммарными количествами стратегического оружия. 4) Переговоры о новом соглашении возобновятся в Женеве в январе 1975 г. 5) Не позднее 1980–1981 гг. должны на-

чатся переговоры о дальнейших ограничениях и сокращении стратегических вооружений на период после 1985 г.

В результате весь 1975 г. переговоры в Женеве топтались на месте. Лишь в январе 1976 г. в Москву вновь приехал Киссинджер. Как опытный политик, он быстро установил, что готовность СССР идти на дальнейшие уступки сильно переоценена, что если в США есть оппозиция владивостокским договоренностям, то такая же оппозиция им есть и в СССР. Поэтому Киссинджер выступил с примиряющими предложениями о запрещении развертывания крылатых ракет наземного и морского базирования с дальностью действия свыше 600 км, а также о приравнивании тяжелых бомбардировщиков с крылатыми ракетами к СНВ с РГЧ ИН.

Вернувшись в США, Киссинджер заявил, что выполнение владивостокской договоренности потребует от СССР демонтажа значительного количества стратегических средств, тогда как запланированные уровни ядерных вооружений не требуют от США какого-либо их сокращения или изменения. Так впервые в тактику переговоров был внесен важный момент, связанный с весьма обременительным для Советского Союза уничтожением части СНВ.

В ходе избирательной кампании 1976 г. политические конкуренты обвинили Форда в мягкотелости и уступчивости по отношению к СССР. Это вынудило президента заявить, что он отказывается от проведения в отношении Советского Союза политики “разрядки” и будет действовать “с позиции силы”. США действительно могли выбирать между этими двумя политическими линиями, ибо, обладая стратегическим преимуществом перед СССР изначально, они увеличили его после подписания договора ОСВ-1 и соглашения по ПРО. Однако Брежнев уже не мог отказаться от разрядки, ставшей важной частью его международного имиджа, и на протяжении 1976 г. неоднократно затрагивал эту тему в своих выступлениях.

Поворот политики Форда не привел республиканцев к успеху. В программе же демократа Джимми Картера проблема СНВ не была на первом месте. Поэтому к переговорам об ОСВ стороны вернулись только в 1977 г. При этом американская сторона выдвинула новые предложения, не учитывавшие ранее достигнутые договоренности. Эти предложения излагались в двух вариантах.

По первому варианту, названному “всеобъемлющим”, предлагалось сократить установленные во Владивостоке суммарные уровни стратегических носителей с 2400 до 2000–1800 единиц, а количество пусковых установок с ракетами с РГЧ ИН – с 1320 до

1200–1100 единиц. Запрещались создание, испытание и развертывание новых типов МБР, а также модификация имеющихся типов. Предлагалось также запретить создание, испытание и развертывание мобильных пусковых установок МБР, установить предельный подуровень для МБР с РГЧ ИН в 550 единиц и сократить до 150 число пусковых установок для крупных МБР. Дальность полета крылатых ракет ограничивалась 2500 км. Численность же крылатых ракет, а также БРПЛ и стратегических бомбардировщиков не лимитировалась.

“Всеобъемлющий” вариант предложений Картера весьма откровенно был направлен на получение США новых односторонних преимуществ и дальнейший подрыв советских стратегических сил. Американские предложения значительно сокращали (по тяжелым МБР с РГЧ ИН – более, чем вдвое) основу советских стратегических сил – МБР. Одновременно они открывали дорогу активно развивавшемуся в США типу стратегических вооружений – крылатым ракетам большой дальности. Ограничение дальности полета крылатых ракет также отвечало интересам американцев. 2500 км было достаточно для того, чтобы контролировать с территории ФРГ советское пространство до берегов Волги. Однако такое ограничение не позволяло советским крылатым ракетам достичь территории США.

“Альтернативный” вариант американских предложений заключался в том, что вопрос о крылатых ракетах и тяжелых бомбардировщиках не рассматривался, а остальные вопросы решались в духе владивостокских договоренностей.

Однако во время визита Сайруса Вэнса в марте 1977 г. в Москву все американские предложения в категорической форме были отвергнуты. В то же время советская сторона не выдвинула никаких своих предложений.

Это стало причиной мощной антисоветской кампании в западных СМИ. Она началась с пресс-конференции Вэнса. Нарушив конфиденциальность переговоров, он представил дело так, будто США проявили огромную готовность к компромиссам, а СССР занял неуступчивую позицию. Вэнс также раскрыл содержание американских предложений, которые были представлены западной прессой как “равноправные”, а все остальные стали оцениваться как “односторонние уступки русским”. Попытки советских дипломатов рассказать, как с их точки зрения обстояли дела, были неумелыми и потому не произвели впечатления на западную общественность.

В результате Пентагон ускорил продвижение новых военных программ. В июне 1977 г. Картер принял решение об оснащении

МБР “Минитмен-3” новыми РГЧ ИН “Мк-12”. Тогда же на совещании группы ядерного планирования НАТО в Оттаве США предложили западноевропейским союзникам согласиться с размещением на их территории крылатых ракет большой дальности наземного базирования. Предложение было принято. Затем последовало заявление о создании нейтронной бомбы. Наконец, 26 августа Картер подписал директиву о наращивании военной мощи США и НАТО.

В этой обстановке правящие круги СССР были вынуждены пойти гораздо дальше в уступках США, чем это предусматривалось владивостокскими соглашениями. Первая попытка договориться была предпринята 18–20 мая 1977 г. во время встречи в Женеве А.А. Громыко и Вэнса. Советский министр иностранных дел предложил подписать “рамочный” договор, а в дополнение к нему специальный протокол, учитывавший позицию американской стороны. В сентябре того же года Громыко дважды встречался с Картером. Он согласился на требование американцев запретить разработку новых типов МБР и модернизацию старых. Однако американцы решили, что этого недостаточно. Они продолжали настаивать на уничтожении СССР половины его тяжелых ракет³⁶.

При этом любые изменения в области советского стратегического оружия американцы сопровождали выдвиганием новых требований. Например, в июле 1978 г. во время испытаний РС-20 была использована новая кодировка телеметрической информации. Американцы немедленно выдвинули требование запретить “преднамеренное препятствование доступу к телеметрической информации” с борта МБР противника³⁷.

Убедившись в том, что СССР ни в каком случае не может отказаться от политики разрядки, США с середины 1978 г. обогатили свою стратегию ведения переговоров концепцией “увязывания”. Ее изобретателем был сенатор Говард Бейкер, который с 1978 г. стал посещать переговоры об ОСВ в Женеве. Выступая перед советской делегацией, он заявил, что с завершением переговоров и подписанием договора СНВ-2 трудности для СССР не кончатся. Предстоит ратификация договора Конгрессом, где она будет “увязана” с проблемами вмешательства Советского Союза в дела развивающихся стран и “наращивания военной мощи” стран Варшавского договора.

В июне 1978 г. сенаторы Бейкер и Дж. Гарн направили Картеру письмо, в котором говорилось, что Сенат “крайне отрицательно отнесется к ратификации договора ОСВ-2”, если внешняя политика СССР будет продолжать “вызывать глубокое беспо-

койство” в США. Белый дом охотно воспринял эту позицию и американская дипломатия стала все чаще “увязывать” подписание договора с теми или иными внешнеполитическими проблемами, решение которых зависело от позиции СССР. Выступая в Технологическом институте штата Джорджия 20 февраля 1979 г. Картер заявил, что рассматривает будущий договор об ОСЭ “в контексте общих отношений с СССР и бурных событий во многих регионах мира”³⁸.

Заключительный этап переговоров об ОСВ характеризовался ускоренной сдачей СССР своих позиций. В этой связи характерна отставка неуступчивого Семенова с поста главы советской делегации и замена его управляемым Карповым.

Отстранение Семенова сделало возможным создание канала А.Ф. Добрынин – Вэнс. На их регулярных встречах шло уточнение и притирка позиций обеих сторон, а также выработка тех конкретных формулировок, относительно которых делегации придерживались разных позиций. Согласованные тексты документов парафировались Карповым и Эрлом. В середине июня работа была завершена.

18 июня 1979 г. в Вене Брежнев и Картер подписали четыре документа: договор ОСВ-2, протокол к нему, совместное заявление о принципах и основах последующих переговоров об ОСВ, согласованные заявления и общие понимания в связи с договором ОСВ-2. Договор не был ратифицирован, но стороны приняли на себя обязательства по добровольному соблюдению его условий.

Договор ограничивал общее число четырех видов СНВ (МБР, БРПЛ, тяжелых бомбардировщиков и баллистических ракет “воздух-земля”) предельным суммарным уровнем в 2400 единиц, а с 1 января 1981 г. – 2250 единиц. Предельное число пусковых шахт и мобильных стартовых комплексов МБР с РГЧ ИН, стартовых устройств БРПЛ с РГЧ ИН, а также тяжелых бомбардировщиков с крылатыми ракетами, имеющих дальность полета свыше 600 км, устанавливалось на уровне 1320 единиц. В составе этого предельного подуровня каждая сторона не могла иметь более 1200 пусковых установок МБР и БРПЛ с РГЧ ИН, в том числе не более 820 пусковых установок МБР с РГЧ ИН. Договор запрещал переоборудование пусковых установок легких МБР в пусковые установки тяжелых МБР, увеличение числа боеголовок на МБР, создание более одного нового вида МБР, оснащение нового вида МБР более 10 боеголовками, испытание МБР более чем с 14 боеголовками, оснащение существующих тяжелых бомбардировщиков более чем 20 крылатыми ракетами большой

Таблица 2. Количество СНВ СССР и США на 18 июня 1979 г. по принятой при подписании договора ОСВ-2 системе подсчета

Типы пусковых установок	СССР	США
Общий уровень пусковых установок		
Пусковые установки МБР	1398	1054
Пусковые установки БРПЛ	950	656
Тяжелые бомбардировщики	156	573
Всего	2504	2283
Предельный уровень до 1981 г.	2400	2400
Предельный уровень с 1981 г.	2250	2250
Подуровень для пусковых установок с РГЧ ИН и ТБ с КР б.д.	–	–
Пусковые установки МБР с РГЧ ИН	608	550
Пусковые установки БРПЛ	144	496
ТБ с крылатыми ракетами большой дальности	0	3
Всего	752	1049
Предельный подуровень	1320	1320

Источник: *Стародубов В.П. Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство. М., 2001. С. 305.*

дальности и оснащение новых видов тяжелых бомбардировщиков более чем 28 крылатыми ракетами большой дальности.

В литературе считается, что договор СНВ-2 устанавливал примерный паритет по стратегическим наступательным вооружениям между США и СССР. Но это иллюзия, возникшая благодаря тому, что американцам удалось навязать советской стороне выгодную для них систему подсчета СНВ. За единицу СНВ принималась одна т.н. “пусковая установка”. Ею считались: пусковая шахта, наземное мобильное стартовое устройство МБР, пусковое устройство БРПЛ или тяжелый бомбардировщик. При такой системе подсчетов СССР не только превосходил США по числу СНВ, но и на 104 единицы (а с 1981 г. – на 254 единицы) превышал их допустимое по договору СНВ-2 число, что создавало для СССР проблему уничтожения “лишних” СНВ (см. таблицу 2).

Технологическое отставание СССР от США заметно и при такой системе подсчета. По соотношению носителей РГЧ ИН США почти в полтора раза превосходили СССР, а тяжелых бомбардировщиков с крылатыми ракетами большой дальности Советский Союз вообще не имел. Однако это не показывало истинных размеров отставания.

Между числом “пусковых установок” и реальной мощностью СНВ нельзя поставить знак равенства. Понятно, пусковые шахты с обычной МБР и с МБР, оснащенной РГЧ ИН, обладают различной наступательной мощностью. Но и две пусковые шахты с

МБР, оснащенными РГЧ ИН, необязательно сопоставимы. Огромную роль играют число боеголовок МБР, их взрывная сила, а также расстояние от места запуска до цели. В условиях термоядерной войны решающее значение может иметь время полета ракет. Наконец, поражающая мощь СНВ существенно зависит от точности их наведения на цель и степени защищенности от средств ПРО противника, а также других внешних факторов. Важны также возможности раннего обнаружения и уничтожения СНВ противника.

Поэтому, чтобы равенство сторон действительно соблюдалось, необходим паритет, как минимум, по трем параметрам: 1) ударная мощь, 2) размещение и 3) средства обнаружения и наведения на цель. В таблице 3 приведены собранные по разным источникам сведения об изменении советско-американского "паритета" в 1970–1980 гг. К сожалению, это неполные данные. В частности количество боеголовок значительно преуменьшено,

Таблица 3. Изменение советско-американского "паритета" по СНВ

Виды вооружений	СССР			США		
	1970	1975	1980	1970	1975	1980
Ядерные боезаряды						
Стратегические	1800	2800	6000	4000	8500	10 100
В том числе:						
Боеголовки МБР	1600	2500	5500	1800	6100	7300
Прочие боезаряды	200	300	500	2200	2400	2800
Тактические			н. д.			14 900
Боеголовки ракет ср. дал.			н. д.			10 900
Боеголовки крылатых ракет	–	–	н. д.			1500
Авиационные бомбы	200	300	500	2200	2400	2800
Боеголовки антиракет			600			2500
Всего	1800	2800	6600	4000	8500	25 000
Средства доставки						
МБР с РГЧ ИН	0	30	752	260	880	1046
Прочие МБР	1300	1497	646	794	174	8
БР средней дальности	200	300	500	2200	2400	2800
Атомные субмарины с БР	2	12	25	41	41	41
Обычные субмарины с БР	67	148	137	–	–	–
Бомбардировщики	145	135	156	550	400	573
Средства наведения и обнаружения	–	–	–	–	–	–
РЛС раннего предупреждения	1	2	3	3	6	8

Источники: Nuclear Weapons Databook: US Nuclear Forces and Capabilities. Ballinger Publishing Company, 1984; Berman R., Baker J. Soviet Strategic Forces: Requirements and Responses. The Brookings Institution, 1982; World Armament and Disarmament. Stockholm International Peace Research Institut Yearbook, 1985. L., 1985.

так как показаны только боеголовки пусковых установок. Сведения о количестве складированных и предназначенных для перезарядки боеголовок в официальных документах не приводятся. По оценкам Ассоциации по контролю над вооружениями в 1985 г. в США они составляли около 10 тыс., а в СССР – около 5 тыс.

Неравноправие сторон бросается в глаза. США превосходили СССР и по числу боеголовок, и по современным средствам их доставки, и по системам раннего обнаружения, слежения и наведения на цель. Стратегический “паритет” достигался только благодаря наличию у СССР большого числа устаревших типов СНВ, от которых США своевременно избавлялись. Формально договор не запрещал СССР заменять устаревшие формы СНВ современными. Однако возможности для этого ограничивались тем, что большие средства советского военного бюджета отвлекались на выполнение условий СНВ-2 по уничтожению части МБР.

Подписав договор СНВ-2, СССР существенно ограничил свои возможности нанесения удара по территории США, так как это можно было сделать только с помощью МБР и БРПЛ, число, типы и оснащение которых РГЧ ИН были строго лимитированы. Для США же договор открывал беспредельные возможности нанесения ядерных ударов по территории СССР как баллистическими ракетами средней дальности, так и тяжелыми бомбардировщиками, оснащенными бомбами и крылатыми ракетами с дальностью до 600 км. Количество этих видов вооружения не лимитировалось.

США немедленно развили успех. Не успели высохнуть чернила на подписях под договором ОСВ-2, как на сессии НАТО в Брюсселе в декабре 1979 г. было принято решение о размещении в Западной Европе 572 американских ракет средней дальности, в том числе 108 баллистических ракет “Першинг-2” и 464 крылатых ракет GLCM. Они были способны поражать советские объекты до берегов Волги и 65% намеченных американцами военных целей. О наращивании ядерных сил США и НАТО в Западной Европе дает представление таблица 4.

Помимо увеличения военной уязвимости, договор значительно ухудшил геополитическое положение СССР. До его подписания Советский Союз пользовался репутацией защитника всех национально-освободительных движений, геополитического противовеса американской политической и экономической экспансии. После подписания СССР значительно сократил свое присутствие в горячих точках мира.

Таблица 4. Ядерные вооружения НАТО и США в Западной Европе

Типы вооружений	1970	1975	1980
Ядерные боезаряды	1800 ед.	3300	5500
БР средней дальности	–	150	572
Крылатые ракеты	–	50	464
Прочие ракеты с ядерными боеголовками	800 ед.	1000	895
Бомбардировщики (США и Великобритания)	200 ед.	350	670
Прочие ядерные вооружения	500 ед.	700	870

Источник: World Armament and Disarmament. Stockholm International Peace Research Institut Yearbook, 1985.

Таким образом, начав с относительно небольших уступок в области стратегических вооружений, СССР постепенно поставил под угрозу свою государственную безопасность, а затем был вынужден отступить перед США и в области внешней политики.

Вопросы военной стратегии никогда не являлись в СССР предметом общественного обсуждения. Более того, они фактически никогда не обсуждались на заседаниях высшего законодательного органа СССР – его Верховного Совета или его комиссий. Решения по ключевым вопросам национальной безопасности СССР принимались его высшим руководством на основе рекомендаций, предложенных представителями советского военно-промышленного комплекса и военных и разведывательных ведомств. Последние трактовали понятие “оборонной достаточности” в соответствии с полученными ими данными о технологическом превосходстве противника, среди которых только часть была истиной. Поэтому в 1970-е годы наряду с дальнейшим увеличением ядерного арсенала СССР продолжал создавать новые типы танкового, артиллерийского, химического и других вооружений, развернул широкомасштабное строительство военно-морского флота, способного действовать в Мировом океане.

Развитие флота потребовало создания военных и военно-морских баз на территории стран, находящихся на тысячи миль от границ СССР и его союзников. Данные о количестве этих баз и о расходах на их содержание до настоящего времени не опубликованы в российской печати и научных исследованиях. Можно лишь сказать, что в 1960–1980-е годы базы (сюда включены и ремонтные базы для военно-морских судов) находились с различной продолжительностью на территории Алжира, Кубы, Египта, Ирака, Ливии, Корейской Народно-Демократической Республики, Мозамбика, Северного и Южного Йемена, Сирии, Сомали и др. СССР оказывал экономическую и военную поддержку пра-

вительствам стран, на территории которых находились его базы.

23 марта 1983 г. Президент США Р. Рейган объявил о решении начать реализацию широкомасштабной программы по созданию эшелонированной системы противоракетной обороны (ПРО) с элементами космического базирования. Впоследствии президентская инициатива получила название “Стратегическая оборонная Инициатива” (СОИ), на полуофициальном жаргоне она именовалась не иначе как “Звездные войны”. Последнее название интересно тем, что оно отражало первоначальный и довольно примитивный уровень понимания руководством США проблемы.

Но организаторы этой программы рассчитывали не только на ее военный аспект. Их основная задача была несколько иной – втянуть Советский Союз в новую изнуряющую технологическую гонку вооружений, заставить его провести аналогичные дорогостоящие работы, оттянуть финансовые и материальные ресурсы от развития других, более опасных для США, советских военных систем.

Демонстративное заключение в 1985–1987 гг. договоров с союзниками о сотрудничестве в программе СОИ должно было придать большую достоверность ведущимся работам и лишь подстегнула Москву к дорогостоящим ответным действиям.

Именно в целях провоцирования Советского Союза к новым финансовым затратам был осуществлен один из запусков космического челнока “Шаттл”, который опустился над Москвой на высоту до 80 км. Этот демарш вызвал не только шок у российского руководства, но и подвигнул к ускоренной разработке программы “Буран”, на которую были затрачены миллиарды долларов³⁹. По оценкам западных аналитиков, только на предварительные научно-исследовательские работы за первые шесть лет реализации программы СОИ было израсходовано более 80 млрд долларов в ценах тех лет⁴⁰.

Определить объем расходов СССР на военные цели как за весь период “холодной войны”, так и в отдельные годы является задачей едва ли разрешимой. Официальные цифры никогда не отражали их реальных размеров, поскольку многие военные программы шли по другим статьям государственного бюджета и были “спрятаны” в расходы на гражданские цели. По подсчетам Комиссии У. Пальме, удельный вес военных расходов СССР составлял в 1960 г. 12,4% его национального дохода, в 1970 г. – 12% и в 1980 г. – 5,6%. А.И. Степанов полагает, что прямые военные расходы СССР с 1947 по 1991 г. составили в долларах США 1993 г. 10 039 млрд, что составляет 12,6% национального дохода

за эти годы. Более реальное представление, на наш взгляд, об истинных размерах военных расходов СССР в годы “холодной войны” могут дать расчеты Международного института стратегических исследований в Лондоне, который оценивал военные расходы СССР в конце 1980-х годов в объеме 17,6% валового национального продукта.

США израсходовали за годы “холодной войны” на военные цели 9471 млрд или 5,6% их национального дохода. Таким образом, более богатые США израсходовали на военные цели меньше, чем СССР. Это объясняется большей эффективностью американской экономики, сумевшей лучше использовать новейшие достижения научно-технического прогресса, так и тем, что доля США в расходах на поддержание необходимого военного потенциала НАТО составляла 30%, в то время как доля СССР в военных расходах стран Варшавского договора составляла 80%.

Очевидно, что выдержать военно-политическое противостояние с таким мощным экономическим соперником в течение сорока пяти лет СССР смог лишь благодаря сверхмилитаризации своей экономики и поддержанию низкого – по стандартам развитых промышленных стран – жизненного уровня своего населения. Лучшие научные кадры, новейшие научно-технологические достижения внедрялись в ВПК. Концентрация материальных и интеллектуальных ресурсов на одном-двух направлениях (сначала – создание ядерного оружия, а затем – ракетно-космической техники) требовали максимальной мобилизации и концентрации материальных и финансовых ресурсов, которые отвлекались от развития гражданских отраслей экономики и социальных сфер. Результатом такой политики был разрыв между ВПК и гражданскими сферами экономики, который не смогли преодолеть ни использование военных технологий двойного назначения, ни “подключение” предприятий ВПК к производству продукции гражданского назначения.

В 1970-х годах сложившийся ранее “анклавный” характер функционирования военной экономики, включая прежде всего производство вооружения, боевой техники и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) стал разрушаться. Многие достижения, полученные в военной сфере, широко использовались в сфере гражданской экономики. С совершенствованием и усложнением военной технологии и вооружений встал вопрос о человеке, творческая и ответственная деятельность которого является главным условием успешной деятельности ВПК и поддержания боеспособности вооруженных

сил на необходимом для эпохи глобального военного противостояния уровне. А это требовало повышения жизненного уровня людей, их профессиональной подготовки и общей культуры.

Иначе говоря, развитие советского ВПК способствовало научно-техническому развитию СССР в целом. Напротив, разрушение ВПК влекло за собой ухудшение экономического потенциала и геополитических позиций СССР, что выражалось, в частности, в невозможности бесперебойного и достаточного военного и экономического обеспечения своих союзников в странах третьего мира. Результатом последнего явилось падение дружественных СССР политических режимов в ряде стран “социалистической ориентации” в 70–80-е годы (Гана, Алжир, Никарагуа и др.)»⁴¹.

Считается, что навязанная США и их союзниками гонка вооружений неимоверно истощили силы советского государства. Однако до сих пор этот разделяемый многими тезис так и не нашел фактического подтверждения.

Начнем с того, что до сих пор неизвестны подлинные цифры расходов на оборону СССР. Публиковавшиеся в СССР военные бюджеты выглядели откровенным издевательством. Так, в течение 20 лет с 1968 по 1987 г., официальные расходы СССР на оборону из средств бюджета составляли от 16,7 до 20,2 млрд рублей. По официальному обменному курсу это составляло менее 15 млрд долларов в год. На фоне военных расходов бюджета США многие высшие государственные и даже военные деятели предпочитали открещиваться от официальных бюджетных данных.

Одним из первых это сделал министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, заявивший в мае 1988 г., что военные расходы СССР составляют 19% от ВВП. Затем, в апреле 1990 г., президент Михаил Горбачев округлил эту цифру до 20%.

Наибольший интерес у экспертов по военным расходам вызвало заявление в конце 1991 г. начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР генерала армии Владимира Лобова, объявившего, что военные расходы СССР составляют одну треть и даже более от ВВП. Данные генерала Лобова американские специалисты определили как соответствующие 260 млрд рублей в ценах 1988 г., то есть свыше 300 млрд долларов по официальному обменному курсу того времени. Хотя ни один из авторов вышеприведенных оценок никак их не обосновывал, эти оценки охотно принимались на веру общественностью. Почему-то считалось, что оценки в 200–260 млрд рублей (300 млрд долларов) и 20–30% от ВВП более отвечали здравому смыслу.

Исходя из считавшегося в те годы аксиомой военного паритета между СССР и США как бы следовало, что и расходы обоих государств в этой сфере должны быть примерно одинаковы. Если США тратили на военные нужды около 300 млрд долларов в год, значит, и СССР должен был тратить примерно столько же. Аналогичным образом определялась и доля военных затрат в советском ВВП. Если, как тогда считал Госкомстат, американская экономика была вдвое больше советской, то это как бы подразумевало, что доля военных затрат в советском ВВП должна была быть, соответственно, вдвое больше. Если же, как утверждали некоторые экономисты, советский ВВП уступал американскому вчетверо, отсюда следовало, что и доля советских военных расходов была в четыре раза больше, то есть 24–25% от ВВП (американский военный бюджет составлял в 1986 г. 6% от ВВП).

Следует отметить, что ни правительство, ни сами военные не отвергали полученные такими ненаучными способами оценки. Премьер-министр Николай Рыжков заверял, например, что в правительстве разрабатывается методика сопоставления советских военных расходов с западными, и что через год-полтора такая методика будет готова. Маршал Сергей Ахромеев, активный участник дискуссии по военному бюджету, обещал, что через год-два военный бюджет СССР будет представляться с такой же степенью детализации, как и бюджет США.

Однако ни новой статистики, ни обоснованной методики расчета советских военных расходов так и не появилось. Тем временем никем не опровергаемые критики ВПК наполнили СМИ новыми, уже совершенно фантастическими измышлениями. Утверждалось, например, что “гонка вооружений привела к деформированию всей экономики СССР, в котором ВПК составлял до 80% всего промышленного производства”⁴².

Не говоря уже о вымышленных 80%, здесь все поставлено с ног на голову. Именно гражданская промышленность и сельское хозяйство, поставленные вне конкуренции, обнаружили весьма слабую заинтересованность в модернизации. Советский же ВПК был единственной в СССР отраслью хозяйства, способной производить конкурентоспособную продукцию. Именно из ВПК в гражданские отрасли передавались высокие технологии и наукоемкая продукция (легкие сверхпрочные сплавы, реактивная авиация, корабли на воздушной подушке и с подводными крыльями, атомные электростанции, ледоходы с атомными двигателями и т.д.). Только ВПК оказался способным, как это требовалось в постиндустриальную эпоху, к постоянному обновлению производственно-технической базы и выпускаемой продукции. Так что

дело было не в том, что ВПК отбирал средства у гражданской промышленности, а в том, что большая часть выделяемых на модернизацию капитальных вложений гражданской промышленностью не осваивалась.

Никем не обращалось внимание на то, что советский ВПК частично находился на самообеспечении (ему принадлежали сельскохозяйственные предприятия, предприятия пищевой и легкой промышленности). Никто не пытался определить сколько гражданской продукции произвели и реализовали предприятия ВПК.

Не разобравшись в сути дела, поощряемые СМИ, власти решились на сокращение военных расходов. В мае 1989 г. М.С. Горбачев заявил, что военные расходы составят в 1989 г. 77,3 млрд рублей. В принятом президентом решении расходы на оборону к 1991 г. должны были уменьшиться на 14,3%. Планы дальнейшего сокращения были обнародованы Н.И. Рыжковым в докладе на I съезде народных депутатов СССР: “Мы намерены настойчиво идти по пути разоружения, добиваться, чтобы удельный вес расходов на оборону в национальном доходе сократить к 1995 г. в 1,5–2 раза”⁴³.

Однако не сокращение бюджетных расходов, а плохо продуманная конверсия и закрытие многих предприятий привели к разрушению ВПК, оставив страну беззащитной перед геополитическими противниками. К росту же гражданского производства это не привело. Скорее наоборот, разрушение ВПК углубило кризис всего народного хозяйства СССР. Кроме того, расходы на конверсию были весьма значительными. Уничтожая ВПК, СССР не только лишил себя обороноспособности, но и потерял гораздо больше средств, чем шло на его содержание.

Между тем в США огромный ВПК не только не мешает, а наоборот, содействует развитию экономики. Он не только создает рабочие места, но и стимулирует развитие гражданского производства для насыщения громадного спроса, предъявляемого работниками ВПК. В этой связи показателен штат Вашингтон, основу экономики которого до Второй мировой войны составляли сельское и лесное хозяйство. Сначала строительство военно-морских баз против Японии, затем военная авиационная промышленность и производство плутония для ядерных боеголовок стратегических ракет превратили этот штат в один из наиболее развитых в отношении гражданской экономики в США.

Причины поражения СССР в технологической войне. Можно понять сенатора Доула, который писал, что “падение советской

империи не было ни неизбежным, ни predetermined объективными историческими силами”⁴⁴. И не столько лидерство Запада, хотя это имеет место быть, а полное “безлидерство” Москвы помогло им выиграть историческое сражение. Брежневское и последующее руководство СССР оказалось не способным не только рассчитать реальное соотношение сил на международной арене, оно оказалось не в состоянии осознать и сдвиги, произошедшие внутри страны⁴⁵.

Действительно, проблема заключалась не в самом противостоянии, поскольку оно было идеологически неизбежным, а в искусстве противостояния, которым не обладало советское руководство.

Финансово-экономический кризис, поразивший Советский Союз в 1980-е годы явился одновременно следствием как неэффективной экономической системы, так и целенаправленной подрывной деятельности США. Существенное снижение доходов в десятки миллиардов долларов и вынужденный рост расходов вынудило советское руководство обратиться за помощью к западным кредиторам. Для нейтрализации этих попыток американская администрация предприняла ряд мер, которые должны были продемонстрировать неплатежеспособность Советского Союза и побудить западных инвесторов и кредиторов к отказу от предоставления СССР новых кредитов.

Активное продвижение благородных идей гласности, демократии, свободы было направлено не столько на установление демократии, сколько на разрушение стабильности советского государства, политической, идеологической, экономической и социальной базы советской власти.

Экономическое отставание отрицательно сказывалось на внутреннем социально-экономическом развитии СССР и его союзников. В условиях ожесточенной идеологической и психологической борьбы низкий (по западным стандартам) жизненный уровень населения в СССР был мощным аргументом антисоветской и антикоммунистической пропаганды.

В немалой степени на научное и техническое отставание СССР оказал влияние культурный кругозор и интеллектуальный уровень его руководителей, для которых было порою трудно уяснить подлинное значение и последствия для экономики страны и ее социального развития новейших достижений (в таких, например, отраслях науки, как геновая инженерия). От решения руководителей в условиях жесткого централизованного планирования часто зависела судьба направлений и школ научных исследований⁴⁶.

В настоящее время рассекречены и приводятся оценки экспертов США о роли научно-технических факторов в поражении СССР: “Советы, если хотят увеличить или удержать на нынешнем уровне производство некоторых видов натурального сырья, должны привлекать капитал и технологию с Запада. В восполнении существующих дефицитов, а также в развитии технологического прогресса важную роль может сыграть импорт. Советский Союз имеет щедрые залежи энергетического сырья, которые может экспортировать. Но стоимость их добычи растет, советская экономика плохо приспособлена к повышению производительности и техническому прогрессу”.

СССР будет вынужден импортировать западное оборудование, необходимое для добычи газа и угля, чтобы уменьшить падение добычи, а также открывать и разрабатывать новые запасы. Оборудование для укладки труб большого диаметра производится лишь на Западе. По нашим оценкам, Советам на строительстве проектируемых газопроводов до конца восьмидесятых годов будут нужны по крайней мере 15–20 млн тонн импортных стальных труб. Они также будут нуждаться в современном оборудовании для добычи – компрессорах большого объема и, вероятно, турбинах большой мощности.

Другим искусственным приемом в экономической войне стали ненужные закупки Союзом ССР зерна за границей, часть из которого оказывалась просто невостребованной и, соответственно, погибала. Отечественного зерна почему-то ежегодно “не хватало”. В 1981–1982 гг. было закуплено столько пшеницы, что мировой рынок дрогнул. Но денег тогда не считали, а полученные награды требовали умалчивания о случаях засоренности и зараженности купленного не по самым дешевым ценам зерна, гибели его значительных партий.

Важный рычаг здесь – технологическая блокада, создание механизма для того чтобы не допустить Советский Союз к новейшей высокой технологии в масштабе всего зависящего от Вашингтона и Запада мира.

В том же направлении действовало и блокирование поставок советского газа на европейский рынок. По оценкам американских экспертов, только две нитки газопровода, через которые планировалось поставлять газ в Европу, должны были приносить Советскому Союзу от 15 млрд долларов до 20 млрд долларов ежегодно. К. Уайнбергер вспоминает: “Мы и в самом деле считали, что должны остановить осуществление проекта или хотя бы задержать его. Иначе он дал бы им стратегическое преимущество и огромный приток средств”. Причем “снижение цен на нефть

стало еще более актуальным, поскольку цены на природный газ ориентировались на цену на нефть. Чем ниже цена на нефть, тем меньше финансовой пользы Советскому Союзу от экспорта и нефти, и газа”⁴⁷.

Как пишет в своей книге П. Швейцер, самым большим советским экономическим предприятием был проект под названием “Уренгой-6”. Он должен был стать наиболее серьезным объектом в торговле Запада и Востока. Для этого нужен был подземный газопровод, тянущийся около 5500 км из Уренгоя на севере Сибири до советско-чехословацкой границы. Там он соединялся бы с западноевропейской газовой системой, уходившей во Францию, Италию и Западную Германию. По первоначальному проекту газопровод имел две нити.

Кремль, не располагая технологией и соответствующей техникой, в 1979 г. обратился за западной помощью. Западная Европа, заинтересованная поставками газа, начала переговоры с Москвой, предложившей гарантированные цены на газ на 25 лет. Как и раньше, западные банки выразили согласие на финансирование закупок оборудования, необходимого для строительства газопровода, а также самого строительства при пониженных процентных ставках, гарантированных правительствами. Вместе с тем западные предприятия предложили продажу высококлассного оборудования за будущие поставки природного газа. Но реализация условий требовала сложных технологий прибрежного бурения, которые были собственностью “General Electric”, “Dresser Industries”, “Schlumberger” и “Velco”.

Президент Рейган запретил Америке делиться технологиями и участвовать в строительстве газопровода. Это решение ударило приблизительно по шестидесяти американским фирмам, но оно приостановило планы разработки нефтяных и газовых месторождений СССР. Наложение Америкой эмбарго также перечеркнуло японские планы добычи нефти на Сахалине.

Таким образом, американским аналитикам удалось нащупать самую уязвимую точку СССР – слабое развитие технологий, нефтегазовая ориентация экспорта.

Директор ЦРУ У. Кейси так оценивал советскую экономику: “Это мафиозная экономика. Они крадут у нас технологии, необходимые для их выживания. Единственный путь, которым они могут добыть твердую валюту, – это экспорт нефти по высоким ценам. Это все так запутано, что если мы хорошо разыграем нашу карту, то колосс рухнет”.

С учетом установления нового порядка в мировой финансовой системе возможности Соединенных Штатов позволяли при-

дать экономической войне против СССР характер не просто каких-либо отдельных санкций, а глобальной финансово-экономической спецоперации.

Политика экономической войны со стороны Запада наложилась на неэффективность экономической политики советского руководства. Как пишет Р. Пайпс, вместо того чтобы обогащать страну, как полагалось бы классическому империализму, советский империализм крайне истощает ее ресурсы⁴⁸.

Американские аналитики по этому поводу сделали следующий вывод. Если впредь еще меньшие фонды будут отпускаться на приобретение оборудования, промышленные предприятия неизбежно будут устаревать и изнашиваться. Даже в обычных условиях советская промышленность эксплуатирует оборудование вдвое дольше, чем в западных странах. Сможет ли Советский Союз просуществовать с экономикой, характеризующейся спадом почти всех производственных показателей? Безусловно, да. Сможет ли он при таких обстоятельствах оставаться великой державой с притязаниями на мировую гегемонию? Конечно, нет⁴⁹.

* * *

Оценивая эффект технологической войны США против СССР, можно сказать следующее. Технологическая война против СССР явилась высшей точкой в экономической войне США против СССР, обеспечившей их победу в “холодной войне” и установление мирового лидерства. История технологической войны тесно связана с формированием американской глобальной политики.

В период до середины 1960-х годов эта война не оказывала на страну существенного воздействия. Но с превращением СССР в “энергетическую сверхдержаву”, когда руководство СССР, связав свои надежды на возрождение страны с развитием экономических отношений с западными странами, дало втянуть себя в финансовый кризис, роль технологической войны в крушении Советского Союза оказалась значительной.

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2000. С. 16.

² Schweizer P. Reagan's war. N.Y., 1991; Крейттор Н. Геополитика холодной войны // [http://p.elections.ru ip.messages/](http://p.elections.ru/ip.messages/); Пайпс Р. Выжить недостаточно. Советская действительность и будущее Америки. Benson, 1984.

³ Логинов Е.Л. Стратегии экономической войны. Конфронтация геоэкономических конкурентов с СССР и Россией. М., 2005.

⁴ Бжезинский З. Указ. соч. С. 126.

- ⁵ Крейтор Н. Геополитика холодной войны // (<http://ip.elections.ru/ip/messages/101/2234.html?H19992116>).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 121.
- ⁸ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 172.
- ⁹ Там же. С. 172.
- ¹⁰ <http://www.rus-sky.org/history/library/sutton1>
- ¹¹ Швейцер П. Победа: роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995.
- ¹² Там же. С. 13.
- ¹³ Там же. С. 6.
- ¹⁴ Швейцер П. Указ. соч. С. 36.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Логинов Е.Л. Указ. соч. С. 68.
- ¹⁷ Швейцер П. Указ. соч. С. 46.
- ¹⁸ Шубин А.В. От “застоя” к реформам СССР в 1977–1985 гг. М., 2001.
- ¹⁹ Швейцер П. Указ. соч. С. 29.
- ²⁰ Там же. С. 44.
- ²¹ Пайнс Р. Указ. соч. С. 320.
- ²² The Economist. 1981. Apr.; The Economist. 1979. May.
- ²³ Шубин А.В. Указ. соч. С. 767.
- ²⁴ Россия делает сама. М., 1994. С. 219–222.
- ²⁵ Сайкс Линн Р., Дэвис Дэн М. О мощности советских стратегических вооружений // В мире науки (Scientific American. Издание на русском языке). 1987. № 3. С. 13.
- ²⁶ Kroulik J., Ruzicka B. *Wojenske Rakety*. Praha, 1985. P. 562–567.
- ²⁷ См.: Бете Х. А., Гарвин Р.Л., Готфрид К, Кендэл Г.У. Противоракетная оборона с элементами космического базирования // В мире науки (Scientific American. Издание на русском языке). 1985. № 7. С. 66–67; Panofsky W. Strategic Defence Initiative: Perception is Reality // Physics Today. 1985, June (Vol. 38, N 6. P. 34–45).
- ²⁸ Стародубов В.П. Сверхдержавы XX века. Стратегическое противоборство. М., 2001. С. 216–218.
- ²⁹ Там же. С. 219.
- ³⁰ Nixon R. How to negotiate with Moscow. N.Y., 1988.
- ³¹ Израэлян. Дипломаты лицом к лицу. М., 1999. С. 300.
- ³² Там же.
- ³³ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. С. 210.
- ³⁴ New York Times. 1972. July 26.
- ³⁵ Стародубов В.П. Указ. соч. С. 257–258.
- ³⁶ Громыко А.А. Памятное. М., 1990. Кн. 2. С. 311–314.
- ³⁷ Стародубов В.П. Указ. соч. С. 297–298.
- ³⁸ The Economist, 1979. Apr.
- ³⁹ Швейцер П. Указ. соч. С. 35.
- ⁴⁰ Фомин А.Н. Грабли, но импортные // http://www.duel.ra/200123/*23_5_1.
- ⁴¹ Наумов И.В. Международные аспекты распада СССР. Причины и последствия распада / Выборы в России. 2000. № 1 // <http://www.vybory.ru/nauka/0100/naumov.php3>.
- ⁴² Логинов Е.Л. Указ. соч. С. 69.
- ⁴³ См.: Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999. С. 110.

- 44 Первый съезд народных депутатов СССР: Стеногр. отчет. М., 1986. Т. 1. С. 48.
- 45 Арин О. Распад социализма в СССР. Кто развалил социализм // <http://www.olegann.com/index.html>
- 46 <http://www.vybory.ru/nauka/01100/naumov.php3>.
- 47 Ларин Н. Война против советского бюджета // http://www.soglasie.org/a20-10-99_5html.
- 48 Пайнс Р. Указ. соч. С. 124.
- 49 Там же. С. 135.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Л.Н. Нежинский. Может быть, правильнее было бы назвать ваш доклад “Технологические связи между США и СССР в послевоенные годы”, потому что название “Технологическая война...” несколько односторонне. Во многих случаях это была не столько война, сколько контакты, причем стремились обернуть их в свою пользу и американская, и советская стороны. Связи разные. Да, были противоречия, но были и контакты, которые, в общем-то, оказывали какое-то позитивное воздействие и на развитие нашей экономики, и экономики США.

Ю.П. Бокарев. Термин “технологическая война” принадлежит самим американцам, и я привел лишь один из документов 1950 г., где он встречается, и где задачи технологической войны поставлены. Это не исключает технологических контактов (а они тоже были) весьма полезных для обеих сторон, но все эти контакты не должны были противоречить задачам технологической войны. Доклад посвящен именно технологической войне, а не развитию технологических связей, которые я не отрицаю. Американцы нам передавали некоторые, лимитированные КОКОМом технологии, мы в ответ передавали сырье. Это не мешало ведению технологической войны, именно войны, то есть ведению целенаправленных действий, направленных на подрыв противника.

Я мог бы еще привести документ из администрации Рональда Рейгана, где об этом тоже прямо говорится. Но борьба велась.

Л.Н. Нежинский. Борьба-то велась своеобразно, но было и по-другому, и были какие-то взаимные немалые перетяжки, и иногда они превышали главную линию противостояния.

Ю.П. Бокарев. Хорошо, если они превышали. Но трудно так сказать, что они в действительности перетянули. США добились своей цели – привязали нашу страну к своим технологиям.

Л.Н. Нежинский. Особенно это было видно в области военных технологий. Тут американцы использовали все, что знали о

наших технологических отраслях, но и мы много знали о том, что у них делается, и использовали это активно. Это было не менее двух третей действий нашей разведывательной службы, ибо понимали, что это значит для страны, для экономики, для государства и общества.

Ю.П. Бокарев. Считаю, что доклад короткий, я не стал на этом останавливаться. Особый сюжет – о технологической войне в области вооружений.

Скажем, здесь была попытка (и она осуществилась) как бы заставить Советский Союз тратить большие деньги на разработку технологий. Иногда навязывалось ложное направление, как, например, СОИ, а иногда это было вполне реальное направление, такое, как, например, пилотируемый спускаемый корабль. На “Буран” были затрачены миллиарды долларов, но его так и не запустили в производство.

Потом, что это такое, когда Советский Союз и Соединенные Штаты договариваются о сокращении стратегических ядерных вооружений: вот столько-то пусковых шахт, столько-то ракет. После этого Соединенные Штаты предлагают технологию ракет с разделяющимися боеголовками. Это их инициатива. И мы опять вынуждены технологически догонять, опять пытаемся что-то противопоставить, тратим гигантские суммы. Позже были установлены ограничения на ракеты с разделяющимися боеголовками. Запретили. Тогда появились крылатые ракеты. Опять мы что-то вынуждены предлагать. Инициатива все время исходит со стороны Соединенных Штатов. В американских документах говорится, что ставка была сделана на финансовое изматывание, на подрыв советской системы.

А.К. Соколов. Когда вы формулировали выводы, то говорили, что дело в технологическом отставании, ссылаясь на отсутствие в Советском Союзе конкуренции. Конкуренция была налицо. Речь шла о конкуренции между двумя державами. Вот она – конкуренция. Но в то же время вы говорили, что советская экономика в соревновании двух систем была обречена. Значит, причины были глубже отставания. Дело было не в конкуренции.

Ю.П. Бокарев. Конкуренция между США и СССР была мощным стимулом экономического развития Советского Союза. Но это не затрагивало всей экономики, а только определенную ее часть. Для того чтобы развивать современные технологии, скажем, не военного характера, или военного, но не выходящего на уровень конкуренции со второй сверхдержавой, нужна была внутренняя конкуренция – конкуренция между самими предприятиями внутри страны, а не между странами. А она отсутствовала.

Представьте себе ситуацию, когда, скажем, Госплан выясняет, что для развития какой-то отрасли нужно закупить такую-то технологию. Выделяются средства, технология поступает. На заводе ее складывают во дворе. Она лежит несколько лет, часто портится от таких условий и не устанавливается. Возможно ли такое в условиях Запада, где конкуренция просто вынуждает быстро менять технологии? Ведь Советский Союз – уникальная страна.

Л.Н. Нежинский. Тут вступает не фактор технологического сотрудничества и противостояния, а социально-политическое устройство как главный фактор.

Ю.П. Бокарев. Да, две системы соревновались. Эта конкуренция действительно двигала вперед и науку. Но все сферы экономической жизни она не затрагивала. Внутренней конкуренции не было, и в результате советская экономика являла собой очень сложную картину. На Западе в последние годы существования Советского Союза совершается постиндустриальная революция. Появляются страны технологического ядра – скажем, Соединенные Штаты. Появляются страны первого технологического эшелона с передовой технологией, но не торгующие ею. Они сами покупают технологии, но их экономика вооружена новейшей западной технологией. Появляются страны второго эшелона, где происходит переход от устаревшей технологии к более новой. Третий эшелон – страны с устаревшей технологией, где еще этот переход не начался.

К какому эшелону отнести Советский Союз и Россию как наследницу Советского Союза? Да ни к какому! Советский Союз оказался в уникальной ситуации страны с множественностью технологических укладов. И это следствие отсутствия внутренней конкуренции.

В.А. Шестаков. А если иначе поставить вопрос? Докладчику не дали возможности развернуться во всю ширь. Поэтому тот вопрос, который уже возникал раньше: если это не инструмент войны, то все-таки война США против СССР или война между СССР и США, то есть США–СССР. Это один аспект. И второй. Это все-таки результат недомыслия или генетическая предопределенность?

Ю.П. Бокарев. Последний вопрос – очень сложный, но я попытаюсь на него ответить.

Первое. Война велась как бы с двух сторон. В этой войне Советский Союз выступает в позиции обороняющегося. Он ворует технологии, и это – способ обороны.

В.А. Шестаков. Война требует очень многого: в том числе каких-то юридических моментов. И мне кажется, что это просто инструмент “холодной войны” или поливойны. Правильно?

Ю.П. Бокарев. Да. Я говорил о том, что “холодная война” включает элементы технологические. Но юридические документы также налицо – директивы Президентов США.

В.А. Шестаков. И еще вопрос о технологической предопределенности.

Ю.П. Бокарев. Да. Вообще вопрос политического руководства в Советском Союзе был очень болезненным. И квалификация руководства в верхних эшелонах власти тоже сказывалась на экономике страны. Известный американский политик сказал, что “проиграла не столько ваша система, проиграли ваши лидеры”.

Если взять только самую советскую систему, то мне кажется, что у нее есть определенные с дореволюционной экономикой корни. (П.Н. Зырянов: бесспорно). И поэтому какая-то генетичность здесь есть, она передается из поколения в поколение от одной системы к другой, в частности, проявляется и сейчас.

А.К. Соколов. Я пытаюсь вас на рынок навести, на конкуренцию, говорить о результате конкуренции, не только конкуренции, но экономических вопросов в целом, которые сейчас остро встают.

Почему экономические реформы потерпели неудачу? Почему Китай дал такой пример, такой ход экономического развития, экономических реформ, таких его темпов?

Ю.П. Бокарев. Важный вопрос – почему те же самые меры в Китае дали результаты, а у нас не дали?

Аренда предприятий, аренда земли, переход к мелкому крестьянскому хозяйству, к кооперативу – для Китая это основа хозяйственного возрождения. Для нас же они не сыграли существенной роли в развитии экономики. У нас кооператив моментально превращается в организацию по переводу денег на запад. Он получает лицензию на торговлю за рубежом, заводит там счета. Что касается арендных отношений, то первоначально какое-то движение было, но потом оно заглохло, потому что практически ничего не давало тем, кто работал на этих предприятиях. Вот система.

Можно так периодизировать экономическую историю: страны с аграрной экономикой, страны с индустриальной экономикой, страны с постиндустриальной экономикой. В этом плане Советский Союз и Соединенные Штаты были одинаково в ряду стран с индустриальной экономикой. Но вот в области социальных отношений здесь уже начинается большая разница. Собственно сама организация социальных отношений в нашей стране была источником сохраняющейся, а позже и углубляющейся отсталости нашей страны от стран развитого Запада.

А.К. Соколов. У вас какие-то спорные утверждения по поводу экономической отсталости в исторической ретроспективе.

Ю.П. Бокарев. Здесь есть противоречия, но это противоречия самой исторической действительности.

П.Н. Зырянов. Связь экономической системы дореволюционной и советской является бесспорной. В отличие от многих стран Запада, в России всегда существовал мощный сектор экономики, в том числе и промышленный сектор. Это были казенные заводы, которые в основном работали на армию. Они финансировались государством, вся их продукция поступала в распоряжение казны. На этих заводах была очень своеобразная экономика – производство финансировалось, но никогда речь не шла о себестоимости, о цене, о выгоде. После революции, несмотря на всю идеологическую риторику, эти принципы были перенесены на всю экономику: сначала на промышленность, а потом и на сельское хозяйство с момента коллективизации.

У нас потому сейчас не все ладится в экономике, что мы ничего не сделали для ограничения этого хозяйства хотя бы в аграрном секторе. Наше сельское хозяйство всегда основывалось “на двух китах”, между которыми было соперничество: это крупное землевладение и мелкое крестьянское хозяйство. В советские годы мелкое хозяйство было совершенно задавлено. Когда у нас политические декорации сменились и представилась возможность вернуться к здоровым устоям сельского хозяйства, то ставка опять была сделана на крупное хозяйство. В этом одна из причин, почему у нас сельское хозяйство находится в таком застойном состоянии и в том, что мы не можем развернуть свое производство так, как Китай.

Л.Н. Нежинский. Ю.П. Бокарев поставил проблему, которая, конечно, выходит далеко за рамки заявленной темы. Речь идет не только о технологической войне или сотрудничестве между Советским Союзом и США в послевоенные десятилетия, то есть в период, который наши историки характеризуют как период так называемой “холодной войны” – именно так называемой. Потому что какая она была “холодная”, когда шла война в Корее, где погибли миллионы людей, когда была война во Вьетнаме, где погибли сотни тысяч людей и т.д.? Но фактически поставлена проблема, которая нуждается в дальнейшем углубленном изучении и освещении.

Речь идет о сущности и оправданности или, если хотите, неоправданности той социально-экономической системы, которая существовала в Советском Союзе, а, кстати, и в довоенное время, и после войны, а особенно в послевоенные десятилетия, о ее

проблемах, о ее промахах и достижениях, и о каких-то ее промахах и неудачах. Это сегодня все признают и докладчик это признает в сравнении, то есть в компаративистском плане с развитием той социально-экономической системы, которая существовала, в частности, в Соединенных Штатах Америки в послевоенные десятилетия.

Там тоже было не все так просто, как мы все знаем, там были свои проблемы, но они находили свои пути к их разрешению.

У нас эти пути очень слабо прокладывались и не находили своего разрешения. Это привело к тому, что мы имели в конце концов в СССР во второй половине 80-х годов, а также в самом начале 90-х годов.

Следует и дальше разрабатывать этот комплекс проблем, продумав какие-то магистральные его направления.

Ибо одно дело, скажем, в области развития сельского хозяйства в Советском Союзе или того же фермерского хозяйства в Соединенных Штатах Америки, и совсем другое дело – развитие военной технологии в СССР и в Соединенных Штатах Америки, ибо это очень серьезные, в значительной мере разные направления, которые развивались на разной основе. И нам крайне важно начинать анализировать, какие же пути прошел Советский Союз в этом направлении и какие пути прошли те же Соединенные Штаты Америки.

Я не касаюсь общих вопросов – о сущности социально-экономического устройства государственного, общественного и разницы между ними в Советском Союзе и Соединенных Штатах Америки. Это отдельная магистральная проблема и важно постепенно прилагать усилия для нашего научного, объективного изучения и освещения этих проблем.

Но что касается сотрудничества в области технологий и в этой связи экономического развития, то будет правильно, если вы в ближайшее время продумаете это направление ваших дальнейших исследований этого комплекса проблем, ибо он, конечно, чрезвычайно важен, чрезвычайно актуален и в историческом, и в научно-познавательном современном значении этой темы. Конечно, работы по этой проблематике для нас чрезвычайно важны и необходимы.

А.П. Федоровых

**ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ
В РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ:
НЕПРОСТОЙ ПУТЬ ОТ КОНФРОНТАЦИИ
К ДИАЛОГУ (1991–2000 гг.)***

Среди множества проблем постсоветской истории России и стран СНГ проблемы, связанные с развитием взаимоотношений между Российской Федерацией и Украиной, несомненно, занимают особое место. Рассмотрение и всестороннее их изучение весьма актуально и имеет большую практическую значимость, особенно в свете событий последнего времени. В свою очередь, из всех вопросов, во многом определявших характер российско-украинских отношений в течение первого постсоветского десятилетия, проблема статуса Черноморского флота бывшего СССР и его главной военно-морской базы – города Севастополя, является, пожалуй, наименее изученной (несмотря на активное ее обсуждение на межгосударственном и общественном уровнях, и немалое количество различной литературы на эту тему).

Поэтому, а также ввиду того, что проблема Черноморского флота РФ и по сей день не является окончательно разрешенной на межгосударственном уровне, целесообразно воспроизвести, опираясь на общеисторический контекст, хронологическую последовательность событий и обстоятельства возникновения основных межгосударственных правовых актов по проблемам Черноморского флота и Севастополя. Ведь именно на основе их объективной оценки и всестороннего рассмотрения должна формироваться позиция сторон, участвующих в полемике по вопросу о нахождении части вооруженных сил России на территории сопредельного государства, о статусе города Севастополя, Крымской автономии и русскоязычного населения южных областей Украины. Это, несомненно, важные проблемы международной политики, которые в определенных условиях способны до преде-

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 16 ноября 2006 г.

ла обострить и без того сложные отношения между двумя братскими народами.

В судьбе Вооруженных сил бывшего СССР определяющее значение имели события 1991 г., когда наряду с “парадом суверенитетов” бывших советских республик начал неукоснительно проводиться в жизнь принцип “новым независимым государствам – собственные вооруженные формирования”. Наиболее болезненно процесс раздела и определения статуса советского наследства проходил в Украине. Опасность создавшейся ситуации во многом была обусловлена тем, что после распада Советского Союза на ее территории оказалась большая часть вооружения и объектов Краснознаменного Черноморского флота – крупнейшей, более чем 100-тысячной стратегической группировки бывшего единого ВМФ СССР.

С распадом Советского Союза Черноморский флот оказался в крайне сложном положении. Ситуация складывалась следующим образом: 8 декабря в Беловежской пуще руководители России, Украины и Белоруссии подписали Соглашение о Содружестве Независимых Государств¹. СССР окончательно прекратил свое существование. Этому предшествовало совещание в союзном Министерстве обороны, на котором главы оборонных ведомств суверенных государств, еще входивших в состав СССР, договорились о долевом участии в формировании военного бюджета страны. Уже тогда Украина твердо заявила о намерении создать собственную армию.

Окончательную ясность в сложившуюся ситуацию внесла встреча глав государств Содружества, состоявшаяся 30 декабря 1991 г. в Минске. В ходе встречи страны-участницы СНГ подписали ряд документов по военным вопросам в соответствии с которыми Министерство обороны бывшего Советского Союза подлежало ликвидации, а вместо него создавалось Главное командование Вооруженных сил Содружества Независимых Государств. Государства СНГ получили право создавать собственные вооруженные силы на базе частей и подразделений Вооруженных сил СССР, которые дислоцировались на территории этих государств, за исключением тех из них, которые признавались “стратегическими силами” и должны были остаться под объединенным командованием СНГ².

Черноморский флот был отнесен к стратегическим силам, ему были поставлены задачи, отражающие интересы всего СНГ. Однако, практически сразу, Украина “интерпретировала” достигнутое соглашение в свою пользу. Военное и политическое руководство Украины настаивало на собственном праве опреде-

лять, что входит в состав стратегических сил, а что нет. Исходя из этого, как стратегическое подразделение рассматривался не весь Флот, а лишь та его часть, которая имела ядерное оружие, или решала задачи “глобального сдерживания”, что противоречило тексту соглашения, подписанного в декабре 1991 г. Украинские политики заявляли, что Украина внесла свой вклад в строительство ВМФ бывшего Советского Союза и имеет полное право требовать свою долю этих сил, которая определялась даже как большая, чем Черноморский флот³.

Флот имел статус оперативно-стратегического объединения. Однако именно этот статус, реализация которого возможна только при сохранении единства флота и его структуры как объединения, политическим руководством Украины и ее министерством обороны был подвергнут ревизии. Украина изначально взяла курс на раздел Черноморского флота, что, в сложившихся условиях, означало его фактическое уничтожение. С этим не могло согласиться руководство России как правопреемницы Союза, а также моряки Черноморского флота. Началось противостояние, продлившееся в общей сложности более пяти лет, во время которого стороны несколько раз оказывались на пороге открытой конфронтации.

1992 ГОД: КРИЗИС И НАЧАЛО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Самым напряженным был 1992 г. 3 января Президент Украины Л.М. Кравчук заявил о начале строительства вооруженных сил Украины. 5 января украинское правительство начало приводить к присяге на верность Украине войска, дислоцированные в республике. По сообщениям печати, в большинстве частей и соединений принятие присяги прошло в целом спокойно. Исключение составили некоторые стратегические части и Черноморский флот, командование которых отказалось выполнять решение украинских властей.

Командующий Черноморским флотом адмирал И.В. Касатонов занял позицию, основанную на ранее достигнутых на высшем уровне договоренностях, а также подкрепленную мнением Военного Совета Флота. Было решено не принимать украинскую присягу до тех пор, пока руководители России и Украины не решат окончательно вопрос о статусе Флота. Получив соответствующее распоряжение Министерства обороны Украины, адмирал И.В. Касатонов заявил, что Черноморский флот подчиняется командованию Военно-морского флота

бывшего СССР–СНГ и не будет выполнять приказов Министерства обороны Украины⁴.

По всей видимости, у военных и политических лидеров России в начале 1992 г. не было единого мнения относительно будущей судьбы Черноморского флота. В этой связи весьма примечательным является то, что официальная реакция Москвы на указанные события последовала лишь после того, как И. Касатонов и Военный совет Флота однозначно отказались принимать новую присягу.

В начале января 1992 г. для решения комплекса военно-политических вопросов с бывшими союзными республиками по распоряжению Президента России Б.Н. Ельцина и Председателя Верховного Совета Р.И. Хасбулатова была сформирована государственная делегация РФ, поездка которой в Киев оказалась в целом безрезультатной, если не считать достигнутой 5 января договоренности: Москва признает реальность формирования на Украине собственной армии и ее право на собственный флот. Киев же соглашается на следующие условия: Черноморский флот останется под единым командованием и будет решать задачи в интересах всего Содружества, но на его базе из части сил будут созданы военно-морские силы Украины⁵.

Однако, несмотря на достигнутые договоренности, под влиянием радикально настроенных политических сил, украинское руководство взяло курс на раскол Черноморского флота и создание явочным порядком ВМС Украины. Главным направлением его деятельности стала организация приема частью военнослужащих Черноморского флота присяги на верность Украине. Причем делалось это не только в нарушение достигнутых договоренностей, в том числе в ходе недавней встречи глав государств СНГ в Москве, но и в нарушение порядка и правил приема военной присяги, установленных как существующим законодательством Украины, так и Соглашением о военной присяге в стратегических силах СНГ, которое было подписано главами государств-участников Содружества и в частности президентом Украины Л.М. Кравчуком 16 января 1992 г.⁶

Указанные события разворачивались на фоне нарастающей политической напряженности в Крыму и сопровождались многочисленными митингами населения крымских городов в поддержку референдума о статусе полуострова. Параллельно с этим, в эскалацию напряженности вокруг Черноморского флота постепенно втягивались представители высших властей Украины и России.

5 апреля 1992 г. указом Л. Кравчука “О неотложных мерах по строительству Вооруженных сил Украины” предписывалось сформировать ВМС Украины на базе сил Черноморского флота, дислоцирующихся на территории Украины⁷. В Севастополь из столицы Украины прибыла многочисленная делегация во главе с заместителем председателя Верховного Совета Украины В. Дурдинцом для реализации этого указа. Эти действия вызвали соответствующую реакцию руководства России: 7 апреля выходит указ президента Б.Н. Ельцина “О переходе под юрисдикцию Российской Федерации Черноморского флота”. Этим Указом также предписывалось Министерству иностранных дел РФ совместно с Министерством Обороны “немедленно приступить к переговорам с Украиной с целью определения условий базирования кораблей и судов Черноморского флота в портах Украины и передачи их части в состав Вооруженных сил Украины”. Указ обязывал поднять на кораблях и судах Черноморского флота российский Андреевский флаг⁸.

9 апреля 1992 г. Верховный Совет Украины в своей резолюции резко осудил указ Президента России. Многими депутатами украинского парламента, особенно представителями националистического движения “Рух”, этот указ был воспринят как объявление войны. Звучали призывы арестовать командующего И.В. Касатонова и призвать на помощь ООН и силы НАТО.

Таким образом, стороны находились на грани открытого конфликта, угрожавшего выходом Украины из СНГ и распадом этой организации. Ни одна из сторон не была заинтересована в подобном развитии событий. В этих условиях руководители двух государств отказались от осуществления каких-либо действий, которые могли бы еще более осложнить ситуацию. Состоялись телефонные переговоры президентов Украины и России, в ходе которых была достигнута договоренность об образовании Согласительной комиссии по решению спорных вопросов относительно Крыма и Черноморского флота. Президенты также приняли решение о приостановке действия своих указов по Черноморскому флоту.

29 апреля 1992 г. в Одессе состоялась встреча делегаций Украины и России по вопросу Черноморского флота. Их возглавляли первый заместитель председателя Верховного Совета Украины В. Дурдинец и заместитель председателя Верховного Совета РФ Ю. Яров. Стороны поручили рабочей группе разработать принципы подготовки межгосударственного соглашения по Черноморскому флоту. Была достигнута договоренность о проведении следующей встречи в середине мая 1992 г. Президенты

двух стран, в свою очередь, объявили о двустороннем моратории на исполнение своих указов⁹.

7 мая 1992 г. Президент РФ Б. Ельцин подписал Указ “О создании Вооруженных сил Российской Федерации”. Таким образом, в политике российского руководства произошел формальный отказ от концепции единых Вооруженных сил СНГ. Данный шаг был вызван складывающейся на постсоветском пространстве политической ситуацией, характеризовавшейся процессом активного формирования национальных вооруженных сил в бывших советских республиках, которые теперь оставались “едиными” только на бумаге. Это событие оказало непосредственное влияние на дальнейшее развитие ситуации на Черноморском флоте и на ход переговоров по вопросу его статуса. Российское руководство получило возможность четко обозначить свою позицию по данному вопросу, а Министерство обороны и командование ВМФ РФ – активно вмешиваться в ход переговорного процесса.

ДАГОМЫССКИЕ И ЯЛТИНСКИЕ ДОГОВОРЕННОСТИ – ПЕРВАЯ ПОПЫТКА НОРМАЛИЗАЦИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: КУРС НА РАЗДЕЛ ФЛОТА

Формально “война указов” Президентов России и Украины завершилась встречей 23 июня 1992 г. Бориса Ельцина и Леонида Кравчука в Дагомысе, решение о проведении которой было принято на переговорах государственных делегаций России и Украины в Одессе. Тогда было подписано соглашение о принципах дальнейшего развития межгосударственных взаимоотношений, в котором, в частности, указывалось на необходимость продолжения переговорного процесса по созданию подразделений ВМФ России и ВМС Украины на базе Черноморского Флота. Стороны договорились о создании на базе Черноморского флота двух флотов – российского и украинского, однако в течение “переходного периода” Черноморский флот должен был оставаться под объединенным командованием, а военнослужащие, призванные для прохождения службы на нем – приводиться к присяге того государства, гражданами которого они являются. Таким образом, на официальном уровне был закреплен курс на раздел Черноморского флота между двумя государствами¹⁰.

Результаты Дагомысской встречи были оценены сторонами с оптимизмом, однако в действительности они не положили конец серьезным разногласиям между ними. В российско-украинских отношениях появилась тенденция к различной трактовке принятых совместно решений. В частности, украинская сторона, говоря о результатах встречи, делала акцент на будущем разделе, российская – на временном сохранении единства Флота.

По окончании Дагомысских переговоров разгорелась настоящая борьба за флот между командованием Черноморского флота и военно-политическим руководством Украины. Уже через несколько дней после подписания соглашений произошли инциденты, ставшие причиной взаимных обвинений сторон в нарушении достигнутых договоренностей. В частности, 21 июля 1992 г. сторожевой корабль СКР-112 бригады охраны водного района Крымской военно-морской базы несанкционированно покинул ее, поднял украинский флаг и направился в сторону Одессы. Впоследствии командир судна объяснял свои действия “протестом против невыносимых условий службы”, которые создавались для украинских моряков на Черноморском флоте. (Аналогичный случай произошел и с участием противников принятия украинской присяги, когда 5 апреля 1992 г. из Донузлава в Севастополь был уведен сторожевик МПК-116)¹¹.

В ответ МИД РФ передал украинской стороне специальную ноту, в которой выражалась озабоченность в связи с инцидентом и содержалось требование немедленного возвращения корабля на базу. Президент России Б. Ельцин, узнав о произошедших событиях, прокомментировал их так: “Черноморский флот – единственный вопрос, который мы с Леонидом Кравчуком не решили после Дагомыса. Видимо надо опять встречаться с президентом Украины, поскольку на другом уровне эту проблему не решить”¹².

3 августа 1992 г. в Мухалатке близ Ялты состоялись российско-украинские переговоры на высшем уровне. В состав украинской делегации вошли министр иностранных дел А. Зленко, министр обороны К. Морозов, заместитель председателя ВС В. Дурдинец и председатель ВС Крыма Н.В. Багров. Российскую сторону представляли заместитель председателя ВС Ю. Яров, председатель комитета по СНГ В. Машиц, министр обороны П. Грачев и министр иностранных дел А. Козырев. Стороны договорились, что в течение трех лет вопрос о разделе Черноморского флота будет решен (раздел планировалось провести после истечения срока “переходного периода”, который должен

был продлиться до 1995 г. включительно). В результате переговоров Президенты России и Украины подписали так называемое Ялтинское соглашение, речь в котором шла о принципах формирования ВМФ России и ВМС Украины на базе Черноморского флота бывшего СССР. Согласно новым договоренностям, Черноморский флот выводился из состава стратегических сил и Объединенных Вооруженных сил СНГ и переходил непосредственно в подчинение Президентов Украины и России на весь переходный период. Он становится Объединенным флотом России и Украины с объединенным командованием. Командующий Флотом назначается и освобождается от должности по согласованию Президентами России и Украины¹³. Стороны также договорились о совместном базировании Флота, и о том, что комплектование его личным составом будет осуществляться Украиной и Россией в равной пропорции (50% на 50%). Было подтверждено решение, согласно которому в течение переходного периода военнослужащие двух стран должны будут приводиться к присяге того государства, гражданами которого они являются. Россия и Украина также брали на себя равные обязательства по финансированию Флота. Кроме этого, на встрече были выработаны основные принципы будущего широкомасштабного договора между двумя странами¹⁴.

НАЧАЛО “ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА” – ОТ ЯЛТЫ ДО МАССАНДРЫ. ВСТРЕЧА В ЗАВИДОВО

Новые соглашения по Черноморскому флоту вступали в силу с 1 октября 1992 г. В целом ситуацию удалось временно нормализовать. До начала “переходного периода” стороны не проявляли большой активности. Осенью 1992 г. корабли Флота участвовали в миротворческих операциях в районе Сухуми, в зоне грузино-абхазского конфликта, по итогам которых командование получило благодарность министров обороны России и Украины.

Однако, несмотря на то, что переговоры в Ялте способствовали некоторому смягчению разногласий между двумя государствами и в определенной мере разрядили обстановку, сложившуюся на самом Флоте, многие проблемы остались нерешенными. Кроме этого большой проблемой было осуществление принципа двоевластия в управлении Флотом, с одной стороны, продолжали развиваться структуры ВМС Украины, с другой стороны,

несмотря на заявление о равноправном участии сторон в управлении Флотом, основные его рычаги оставались под контролем Москвы.

Наиболее ярко это проявилось во время событий в Абхазии осенью 1992–весной 1993 г. Первые операции Флота в зоне грузино-абхазского конфликта проходили с санкции обоих президентов. Однако очень скоро ситуация изменилась и корабли Флота стали использоваться командованием ВМФ России самостоятельно. Это вызвало протест украинской стороны. 2 апреля было распространено заявление Министерства обороны Украины, в котором Министерство обороны России и командование Черноморского флота обвинялись в систематическом нарушении Ялтинских соглашений (что выражалось в участии граждан Украины в решении “неизвестных задач по приказам из Москвы” в зоне грузино-абхазского конфликта)¹⁵. Использование подразделений Флота без согласия Киева вызывало неоднократные угрозы со стороны Украины денонсировать Ялтинские соглашения. Однако, следует сказать, что и украинская сторона в лице Министерства обороны Украины и командования ВМС Украины, неоднократно нарушала условия Ялтинских договоренностей, продолжая активную деятельность по установлению контроля над “своей” частью флота не дожидаясь завершения переходного периода.

Новое обострение спора вокруг флота также было во многом связано с ужесточением Россией своей позиции относительно вывоза с территории Украины ядерного оружия. 5 апреля 1993 г. было обнародовано заявление российского Правительства, в котором украинская сторона была обвинена в умышленном затягивании ратификации договора СТАРТ-1 (СНВ-1) и присоединения к договору о нераспространении ядерного оружия¹⁶. Ситуация осложнялась также тем, что в начале 1993 г. стала очевидной проблема раздела береговой инфраструктуры флота. Этот вопрос обсуждался на очередном раунде российско-украинских переговоров 11 апреля. Как и прежде стороны были склонны по-разному трактовать условия договоренностей. Украинская делегация отказалась обсуждать вопрос о статусе береговой инфраструктуры Черноморского флота, объекты которой, по мнению украинской стороны, должны были комплектоваться призывниками только из Украины. Речь шла о том, что в последующем разделе подлежат только корабли, но не инфраструктура, которая принадлежит Украине¹⁷.

На данном этапе переговорного процесса одной из основных причин разногласий между сторонами также стал вопрос о фи-

нансировании Флота. Рассматривая события конца 1992–первой половины 1993 г., ряд исследователей отмечают, что первоначально Украина и Россия устроили своеобразное “соревнование” – кто больше даст денег Флоту. Вначале лидером была Украина, однако, в условиях стремительной инфляции доля Украины в содержании Флота неуклонно сокращалась. В апреле 1993 г. Б. Ельцин подписал указ о повышении денежного довольствия военнослужащим Флота. Это нанесло серьезный удар по ВМС Украины, где денежное довольствие осталось прежним. Поэтому, так как финансирование Флота осуществлялось через банковские структуры Украины, украинское Министерство обороны попыталось взять под контроль процесс распределения средств, одновременно значительно сократив свое участие в финансировании Флота¹⁸.

Эти действия украинской стороны вызвали ответную реакцию на Флоте: в период с 18 мая по 1 июня 1993 г. российские военно-морские флаги самовольно подняли более 200 кораблей Флота. Официально командование Флота отмежевалось от акций по подъему флагов однако не сделало попыток пресечь ее. Таким образом, для Украины сложилась угрожающая ситуация – она фактически оказалась перед лицом “потери Черноморского флота”. Украинское политическое и военное руководство было не способно противостоять этому процессу и прежде всего потому, что к этому времени Украина оказалась в состоянии глубокого экономического кризиса. В первую очередь это касалось ее энергетического комплекса. На этом фоне произошло возобновление российско-украинских переговоров на высшем уровне.

17 июня Президенты России и Украины встретились в Завидово. Итогом этой встречи стало так называемое “Московское” соглашение глав двух государств “О неотложных мерах по формированию ВМФ России и ВМС Украины на базе Черноморского флота”, которое подлежало ратификации. В нем президенты подтвердили решение о будущем разделе Черноморского флота по схеме 50 на 50 в период с 1993 по 1995 г. включительно, при этом речь шла о разделе не только кораблей, но и береговой инфраструктуры. Тем самым подчеркивалось, что Россия сохраняет за собой базу в Севастополе. Также подтверждалось, что финансирование Флота до раздела должно осуществляться в равных долях (впоследствии Украина оказалась неспособной выполнять свою часть обязательств и Российская Федерация полностью приняла на себя содержание Флота)¹⁹.

Несмотря на то, что никаких конкретных решений в ходе этой встречи принято не было, многими аналитиками ее результаты трактовались как несомненный успех ельцинской дипломатии. Это было связано с тем, что в ходе переговоров двух президентов в Завидово впервые на таком высоком уровне был поднят вопрос о долге Украины за российские энергоносители. Вслед за визитом Л. Кравчука в Москву, в столицу Украины для обсуждения вопросов, связанных с поставками российских нефти и газа нанес визит российский премьер В.С. Черномырдин. Российская сторона согласилась предоставить Украине кредит в размере 250 млрд рублей. Кроме того, были подписаны договора о таможенном сотрудничестве и развитии нефтегазовой промышленности²⁰.

Сами по себе московские переговоры не внесли ничего нового (по сравнению с ялтинскими) в процесс решения проблемы. Кроме этого их результаты вызвали крайнее недовольство на Черноморском флоте и в Крыму.

Ситуация осложнялась также тем, что переговоры российского и украинского президентов проходили на фоне резкого обострения политического противостояния между российским парламентом и главой исполнительной власти. Верховный Совет РФ расценил решения Московской встречи как идущие в разрез с интересами России и как серьезный повод для вмешательства законодателей во внешнеполитическую деятельность исполнительной власти. Депутаты Верховного Совета попытались взять на себя инициативу в решении проблемы Севастополя и Черноморского флота.

9 июля 1993 г. Верховный Совет России рассмотрел вопрос о Севастополе и принял постановление № 5359-1 о статусе города, в котором объявлялось о его переходе под российскую юрисдикцию. Верховным Советом РФ также было принято Постановление “О финансировании и обеспечении Черноморского флота”²¹. Эти действия получили резко отрицательную оценку Б. Ельцина, которая по смыслу практически совпала с украинскими заявлениями по этому поводу: Президиум Верховного Совета Украины назвал постановление ВС РФ “беспрецедентным”, не имеющим юридической силы и не вызывающим каких-либо правовых последствий для Украины²².

Всеобщее недовольство нерешенностью проблемы статуса Черноморского флота помноженное на нарастание внутривнутриполитического кризиса в РФ заставило президента Б. Ельцина форсировать переговорный процесс.

МАССАНДРОВСКИЙ САММИТ: ПРИНЯТИЕ “СУДЬБОНОСНЫХ” РЕШЕНИЙ

3 сентября 1993 г. в Массандре состоялась еще одна встреча президентов Украины и России по вопросу судьбы Черноморского флота. Накануне встречи большинство обозревателей, занимавшихся темой российско-украинских отношений, не ожидало чего-либо принципиально нового. Однако не только для наблюдателей, но и для многих участников переговоров их результаты оказались неожиданными. Как отмечал в своих мемуарах исполнявший в то время обязанности спикера крымского парламента Н.В. Багров (который был неизменным участником российско-украинских переговоров по Флоту): “...все началось не с проблемы Флота, а с долгов Украины за нефть и газ. Поскольку тогда убедительные ответы украинскому руководству дать было трудно, возникла идея – заплатить за долги частью Флота... Мы все оказались к этому не готовы и Л. Кучма, который возглавлял делегацию, заявил В. Черномырдину, что такой вопрос он без президента не уполномочен решать. Пригласили президентов, и тогда Б. Ельцин сказал, что готов покупать Черноморский флот, а Л. Кравчук – что продавать...”²³. Стороны пришли к соглашению, что большая часть украинской половины Флота (около 30%) будет выкуплена Россией в обмен на поставки энергоносителей Украине. Однако ни о порядке, ни о сроках этого процесса речь не шла. Было достигнуто и подписано президентами лишь предварительное соглашение, которое подлежало дальнейшему уточнению и ратификации двумя парламентами. На встрече также обсуждался вопрос о ядерном оружии, находящемся на территории Украины. Было решено, что украинская сторона передаст все размещенное на ее территории ядерное оружие России для последующего его уничтожения за компенсацию в виде топлива для украинских атомных станций²⁴.

Решения, принятые в ходе переговоров в Массандре вызвали повышенное внимание к себе в России, на Украине и в мире, однако без особого энтузиазма были встречены в Севастополе и на Черноморском флоте. Бытовало мнение, что новые договоренности, как ранее – Дагомыские, Ялтинские и Московские, не приведут к скорому решению проблемы. Согласно проведенным осенью 1993 г. социологическим исследованиям, 65% военнослужащих Флота полагали, что Массандровские договоренности не поставят точку в вопросе о Флоте²⁵. Так в действительности и произошло. Обстановка вокруг Флота продолжала обостряться. Почти ежедневно происходили новые инциденты, связанные с

разделом флотского имущества, ответственность за которые стороны возлагали друг на друга. Создавшееся положение и особенно инцидент с попыткой захвата украинскими пограничниками разведывательного корабля “Челикен” и аналогичные события в апреле 1994 г. в Одессе стали темой телефонных переговоров между В. Черномырдиным и Л. Кравчуком. По итогам этих переговоров было принято совместное решение о проведении в срочном порядке нового раунда переговоров на высшем уровне²⁶.

ОТ МАССАНДРЫ ДО СОЧИ: ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОСТИ И ТЕРРИТОРИЙ – ПРОБЛЕМА СЕВАСТОПОЛЯ

15 апреля 1994 г. в Москве президенты России и Украины подписали Соглашение о поэтапном урегулировании проблемы Черноморского флота, согласно которому: “Ст. 1. Военно-морские силы Украины и Черноморский флот Российской Федерации базируются отдельно. Ст. 2. Украине остается 15–20% кораблей и судов Черноморского флота. Ст. 3. В течение 10 дней подготовить Соглашение о параметрах такого разделения...”²⁷. Согласно заявлению Президента Украины Л. Кравчука, в этот же день, 15 апреля с Президентом России была достигнута окончательная договоренность о создании базы российского Черноморского флота на территории Украины.

Спустя неделю министр обороны РФ П. Грачев встретился со своим украинским коллегой В. Радецким для разработки конкретных пунктов соглашения. Корабли Черноморского флота были распределены следующим образом: из 833 кораблей и судов Украина получила 164 корабля, Россия – остальное. В целом доля украинской стороны (с учетом вспомогательного флота) составила 18,3%. В результате украинские ВМС приобретали в общей сложности 165 кораблей и судов различного класса, у российской стороны оставалось 669 единиц²⁸. В противоположность соглашению по флоту не удалось, однако, достигнуть договоренности по его базированию. П. Грачев настаивал на том, что Севастополь должен оставаться главной базой Российского Черноморского флота; при этом украинские ВМС не должны базироваться в этом порту и даже в Крыму. В свою очередь украинская делегация категорически возражала против раздельного базирования флотов и предложила проект их совместного базирования в Севастополе, что противоречило Ст. 1 Соглашения. При этом

как и прежде собственностью Украины объявлялась вся инфраструктура Черноморского флота. Для размещения базы Черноморского флота РФ предлагался только Донузлав. Таким образом, вместе с прекращением совместного управления Флотом и установлением Россией фактического контроля над ним обострилась проблема его базирования и статуса Флота на территории другого государства. С появлением новых разногласий двух сторон по принципиальным вопросам переговорный процесс вновь зашел в тупик. Вследствие этого третья статья Соглашения так и не была выполнена.

Таким образом, Массандровское соглашение, как и предыдущие, не разрешило конкретных вопросов о сроках и параметрах раздела Черноморского флота. Оставались открытыми проблемы его базирования и будущего статуса. СМИ России и Украины неоднократно сообщали в 1994–95 гг. о том, что неурегулированные вопросы, возможно, будут решены в ходе обсуждения Договора о дружбе и сотрудничестве между двумя странами, однако дальше устных заявлений российских и украинских официальных лиц переговорный процесс в этом направлении не продвинулся.

В течение 1994 г. продолжились переговоры правительственных делегаций России и Украины по вопросу итогового документа о разделе Черноморского флота. В частности, 17 ноября 1994 г. в Москве при закрытых дверях прошла встреча вице-премьеров России и Украины О. Сосковца и Е. Марчука. Рассматривался целый ряд аспектов российско-украинских отношений, в том числе и проблема Флота. Заявлений для прессы не последовало, однако, по словам посла по особым поручениям МИДа РФ Ю.В. Дубинина, положение с Черноморским флотом было «...даже хуже, чем в целом с переговорным процессом между Украиной и Россией»²⁹.

Следует сказать, что к тому моменту сам по себе многолетний процесс переговоров между двумя государствами по проблеме Черноморского флота и Севастополя (проводимый зачастую без учета реалий складывающейся на Флоте и в Крыму политической и социально-экономической ситуации и сопровождавшийся стихийным разделом плавсостава, береговой инфраструктуры и в целом военной организации Флота, который осуществлялся зачастую насильственными методами) крайне отрицательно сказался на общем уровне боеспособности Флота, его количественном и качественном составе. Несмотря на тяжелое экономическое положение, в котором оказалась Украина, и отсутствие средств украинское руководство стремилось как можно больше

объектов инфраструктуры Флота переподчинить себе. Это стало камнем преткновения в ходе переговорного процесса.

К весне 1995 г. общеполитическая ситуация вокруг Флота претерпела существенные изменения. К этому времени Россия уже в течение нескольких месяцев вела крупномасштабные боевые действия в Чечне. Это значительно ослабляло внимание соответствующих государственных институтов и российского общественного мнения к проблеме Черноморского флота и Севастополя. При этом политическое руководство России вынуждено было считаться с дружественной позицией Украины в чеченском вопросе, лидеры которой неоднократно подчеркивали, что Чечня – это внутреннее дело России, надеясь на ответную позицию российских политиков в отношении Крыма. Большое значение имело также то, что Киев в марте 1995 г. установил полный контроль над ситуацией на полуострове и прежде всего над деятельностью местной исполнительной власти (Постановлением от 17 марта 1995 г. Верховный Совет Украины отменил Конституцию и институт президентства в Крыму)³⁰.

1995 г. стал годом наибольших уступок российской стороны Украине в ходе переговорного процесса по проблеме Севастополя и Черноморского флота. В январе 1995 г. после долгих согласований обе стороны организовали очередной, шестой по счету, раунд российско-украинских переговоров по данной проблеме. Было подписано очередное соглашение между РФ и Украиной. Вновь было оговорено, что России передается 81,7% кораблей, Украине – 18,3%. (Ту долю кораблей, которая превышает российские 50%, Москва намерена выкупить у Украины.) При этом российская сторона дала принципиальное согласие на размещение подразделений ВМС Украины в Севастополе. 8 февраля 1995 г. между Украиной и Россией была достигнута окончательная договоренность – Севастополь не будет, как того добивалась прежде российская делегация, “базой ВМФ РФ”, а “в Севастополе будет находиться лишь его основная часть”. Стороны также обязались ускорить процесс раздела баз и береговой инфраструктуры Флота. Был парафирован договор о дружбе и сотрудничестве между Украиной и Российской Федерацией.

Основываясь на достигнутых договоренностях, в течение весны-лета 1995 г. Министерство обороны РФ развернуло активную деятельность по сокращению военного присутствия России на Украине и в Крыму. Следует особо отметить тот факт, что уже к моменту распада СССР организационно-штатная структура Черноморского флота была значительно “раздута” и во многом не соответствовала существовавшему уровню финансирования и

материально-технического обеспечения. В этих условиях передача значительной части объектов Флота Украине снимала с Министерства обороны РФ заботы об их обеспечении и поддержании боеготовности.

Говоря о сложившейся на тот момент ситуации, некоторые российские и западные аналитики объясняли столь быстрый уход Черноморского флота РФ из своих баз экономической нецелесообразностью его присутствия там в силу условий, навязываемых Украиной. При этом последняя оказалась явно неготовой взять на свой баланс отходящую ей собственность Флота. В то же время была распространена точка зрения, согласно которой фактическое уничтожение Черноморского флота есть сознательная политика официального Киева, за которой стоят интересы не только Украины, но и Запада, прежде всего США и блока НАТО. В связи с этим часто цитировалось заявление командующего 6-м флотом США (сделанное весной 1995 г. вслед за американским госсекретарем) о том, что отныне Черное море является сферой прямых национальных интересов его страны³¹.

СОЧИНСКИЕ ДОГОВОРЕННОСТИ И КРАХ НАДЕЖД НА БЫСТРОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА. ИТОГОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ 1997 г. ПУТЬ ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ПАРТНЕРСТВУ И ОБРАТНО

Изменившаяся к лету 1995 г. общеполитическая ситуация вокруг Флота, несомненно, отразилась на характере итоговых договоренностей, подписанных 9 июня в Сочи в ходе очередной встречи президентов России и Украины. Основным документом сочинских переговоров – “Соглашение между РФ и Украиной по Черноморскому флоту” констатировал “совпадение интересов двух государств в бассейне Черного моря”. Стороны подтвердили принятое ранее решение создать два флота: России передавалось 81,7% кораблей и судов Черноморского флота, Украине – 18,3%.

Новые договоренности зафиксировали ряд принципиальных моментов. В частности Ст. 2 Соглашения определяла, что “Основная база ЧФ Российской Федерации с размещением в ней штаба ЧФ РФ находится в Севастополе”, при этом “Черноморский флот использует объекты ЧФ в г. Севастополь и другие пункты базирования и места дислокации корабельного состава,

авиации, береговых войск, объектов оперативного, боевого, технического и тылового обеспечения в Крыму”. Техническую сторону вопроса должны были оговорить Правительства России и Украины “имея в виду ранее достигнутую договоренность о разделе указанного имущества в соотношении 50 на 50%”. Согласно Ст. 8: “РФ участвует в развитии социально-экономической сферы г. Севастополь и других населенных пунктов, где будет дислоцироваться ЧФ...” Другие статьи Соглашения провозглашали принцип свободного определения дальнейшей судьбы для офицеров и мичманов Флота. Также было заявлено, что стороны продолжат дальнейшие переговоры по проблеме ЧФ и, в частности, разработку правового статуса и условий пребывания ЧФ на территории Украины, порядок определения взаиморасчетов, связанных с урегулированием проблем Флота и по другим вопросам. Для наблюдения за выполнением достигнутых договоренностей была создана смешанная российско-украинская комиссия в составе государственных делегаций РФ и Украины по переговорам о Флоте³².

Однако следует отметить, что в данном документе, как и в предыдущих не нашел отражение целый ряд весьма важных вопросов, что явилось в дальнейшем причиной новых осложнений во взаимоотношениях двух стран.

31 декабря 1995 г. завершился установленный Ялтинскими соглашениями от 3 августа 1992 г. “переходный период” в определении судьбы Флота. Однако, фактически, не смотря на все усилия, к этому моменту российской и украинской сторонам не удалось согласовать решения, определяющие статус Флота РФ на территории Украины после переходного периода и параметры окончательного раздела Флота.

В конце 1995 г. переговорный процесс по проблеме Флота вновь зашел в тупик. Помимо прочего, основной причиной этого стало растущее недовольство представителей российских властей и Министерство обороны РФ политикой уступок Украине, которую проводили в ходе переговоров Главком ВМФ РФ Ф. Громов и глава российской делегации О. Сосковец³³.

Основной, по-прежнему, оставалась проблема статуса Флота на территории Украины и условия базирования Флота. Ст. 17 Конституции Украины, принятой в 1996 г., запрещала размещение иностранных военных баз на территории государства, однако специально для “существующих баз” было сделано исключение: одно из так называемых переходных положений Конституции (п. 14) гласило: “Использование существующих военных баз на территории Украины для временного пребывания иностранных воинских

формирований возможно на условиях аренды в порядке, определенном международными договорами Украины, ратифицированными Верховной радой Украины”³⁴. Судя по сообщениям прессы, это положение в целом не встретило недовольства российской стороны и несмотря на резкие протесты общественности Севастополя и отдельных представителей Министерства обороны РФ, было воспринято с удовлетворением. Тем не менее, российская сторона до последнего времени избегала термина “аренда” и говорила об “использовании Севастополя как базы своего флота”³⁵.

Очередной кризис в российско-украинских отношениях был частично преодолен только к весне 1997 г. Инициатором возобновления диалога была российская сторона. Причиной, побудившей российских политиков искать новые пути нормализации отношений с Украиной и впоследствии идти на серьезные уступки при подписании договоренностей стало появление нового фактора, непосредственно влияющего на ход переговоров между двумя странами. Этим фактором явилась активизация взаимоотношений Украины с США и блоком НАТО. Возможный альянс Украины и НАТО вызвал большую озабоченность внешнеполитического ведомства России и заставил активизировать процесс поиска решения по Севастополю и Флоту. Первоначально позиция российской стороны состояла в том, что сначала две страны должны урегулировать все спорные вопросы и только затем подписывать широкомасштабный договор, однако, в конце марта 1997 г. Б. Ельцин заявил о возможности решить все вопросы непосредственно в ходе обсуждения основополагающего документа на высшем уровне³⁶.

28 мая 1997 г. в ходе визита главы правительства России В. Черномырдина в Киев и его встречи с премьер-министром Украины П. Лазаренко в рамках подготовки к подписанию “Большого” Договора о дружбе и сотрудничестве между двумя странами были подписаны три межправительственных соглашения по Черноморскому флоту: “О статусе и условиях пребывания Черноморского флота России на территории Украины”, “О параметрах раздела ЧФ”, “О взаиморасчетах, связанных с разделом Черноморского флота и пребыванием ЧФ России на территории Украины”. Тем самым был формально завершён многолетний (пять с половиной лет) “процесс определения судьбы Черноморского флота бывшего СССР”. В соответствии с этими соглашениями Российская Федерация арендовала базу, акваторию и инфраструктуру Флота сроком на 20 лет (с возможностью продления срока аренды каждые следующие пять лет при условии взаимного согласия сторон)³⁷.

С одной стороны российская сторона сохраняла за собой несомненное преимущество, получив возможность впредь рассматривать соглашения по Черноморскому флоту с позиций долгосрочной исторической перспективы и сохранения так называемого “пакетного” принципа их действия. Эта позиция основывалась на том, что соглашения по Флоту заключались на 20 лет с возможностью пролонгации. В едином “пакете” с ними был подписан общеполитический Договор (с признанием нерушимости существующих границ) на 10 лет, также предусматривавший возможность пролонгации каждый раз на последующие десять лет. В случае возникновения в будущем ситуации, при которой Украина уклонялась бы от продления соглашений по Флоту под вопросом, одновременно оказывалось под вопросом продление действия общеполитического Договора. Это могло бы вновь реанимировать проблему Севастополя, осложнить отношения Украины с Россией и достижение ее стратегической цели – интеграцию в европейские структуры.

Однако, при этом Россия отказалась от формулировки “главная база Флота – г. Севастополь” и от жесткого понимания принципа раздельного базирования Флота в ВМСУ. Согласно договоренностям оставшиеся 525 боевых кораблей и судов обеспечения Флота делятся между Россией и Украиной в соотношении 50 на 50. При этом украинская сторона передавала российской в порядке взаиморасчетов 117 кораблей и судов, в счет погашения долга по российским кредитам³⁸. 12 июня, в День независимости России, на всех кораблях Флота вместо военно-морских флагов бывшего СССР были торжественно подняты флаги ВМФ РФ, что должно было символизировать завершение долгого периода неопределенности в судьбе Черноморского флота. 31 мая состоялся первый официальный визит на Украину Президента РФ Б. Ельцина, по итогам которого президенты двух подписали Договор “О дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной”³⁹, формально ставивший окончательную точку в решении проблемы Флота и российско-украинских отношений. Украинский парламент ратифицировал эти документы 24 марта 1998 г., Государственная дума – 18 июня 1999 г.⁴⁰

Следует отметить, что новые российско-украинские соглашения по Флоту во многом повторили судьбу всех предшествующих. В период с весны 1997 по начало 2000 г. практически, кроме подъема Андреевских флагов, ни один вопрос до конца не был решен. Из предполагаемых к подписанию соглашений, конкретизирующих базовые документы, заключенные на уровне государ-

ственного руководства, окончательные договоренности были достигнуты лишь по трети от их общего количества. Не начал полноценно действовать ни один из двух десятков документов механизма реализации соглашений. Не был создан работоспособный механизм взаиморасчетов между двумя сторонами, а также определения юридического статуса военнослужащих Флота. Вскоре прекратилась деятельность смешанной российско-украинской комиссии по Черноморскому флоту. При этом во властных руководящих структурах Севастополя не было создано действенных органов, в том числе аналитических, постоянно занимающихся этой работой и отвечающих за ее реализацию. Деятельность консульских служб России оказалась малоэффективной. Ситуация усугублялась также тем, что действия украинской стороны после подписания итоговых соглашений на различных уровнях и по различным вопросам зачастую были продолжением прежней деструктивной политики направленной на ревизию достигнутых договоренностей, изменение их отдельных пунктов. В итоге, к концу 1998 г. ситуация на Черноморском флоте вновь оказалась близкой к дестабилизации. В частности Украинские власти заблокировали счета воинских частей Флота в Севастополе и Феодосии, а также санкционировали отключение электропитания ряда объектов ЧФ, мотивируя это тем, что долги Флота коммунальным предприятиям составляют 600 тыс. гривен – около 150 тыс. долларов (при том, что к этому времени долг самой Украины только одному “Газпрому” превысил 2 млрд долларов, что в 13 000 раз превышало долг военных моряков). Проблему взаиморасчетов между Россией и Украиной, возникшую ввиду пребывания в Крыму Черноморского флота РФ, удалось полностью разрешить только к августу 2001 г., чему во многом способствовала встреча президентов двух стран – В. Путина и Л. Кучмы в Севастополе⁴¹. Тем самым в общих чертах был окончательно завершён многолетний процесс “определения флотской судьбы”.

Согласно данным, опубликованным в начале 2002 г., в состав Черноморского флота Российской Федерации входит более 50 боевых кораблей, свыше 120 вспомогательных судов, около 430 единиц боевой техники и вооружения. Авиация Флота насчитывает около 90 самолетов и вертолетов. В соответствии с соглашениями о размещении ЧФ на территории Украины, в Крыму находится воинская группировка не менее 25 000 человек, 24-х артсистем калибром более 100 мм, 132-х бронемашин, 22-х боевых самолетов. ВМС Украины насчитывают около 40 боевых кораблей и катеров и около 80 вспомогательных

судов. Следует отметить, что к этому времени командованию обоих флотов в целом удалось после почти десятилетней конфронтации наладить конструктивное сотрудничество. Это стало возможным во многом по тому, что, не смотря на все сложности, на межгосударственном уровне было принято политическое решение, поставившее точку в процесс определения судьбы Черноморского флота бывшего СССР. Начиная с 1999 г. Флот и ВМС Украины проводят ежегодные совместные учения в рамках программы “Фарватер мира” и решают общие задачи в бассейне Черного моря. Тем не менее, и по сей день остаются достаточно сложные спорные вопросы, связанные с базированием обоих контингентов, военными доктринами двух стран, статусом главной базы Флота – Севастополя, отношением к партнерству с НАТО и т.д., а значит точка в переговорном процессе по проблеме Флота все еще не поставлена⁴².

XX столетие в целом стало одним из наиболее сложных периодов в истории Российского государства. Страна пережила несколько революций и войн, распад Российской империи и Союза ССР. Это привело к разрушению исторически сложившейся целостности Российского государства. Оно утратило многие стратегически важные территории, в том числе Крым и Севастополь с преимущественно русским населением. Возникла реальная угроза потери Черноморского флота, обеспечивавшего безопасность морских границ государства на Юге. В результате ослабли позиции и защищенность Российской Федерации в регионе Черного моря. Это совпало с обострением ситуации и кризисом федеративных отношений на Северном Кавказе, представлявших угрозу для целостности государства. Исходя из положения Конституции Российской Федерации о сохранении целостности и неприкосновенности ее территории⁴³. В одном из Посланий Федеральному Собранию Президента России В.В. Путина подчеркивается, что “по-настоящему сильное государство – это еще и прочная федерация”⁴⁴. Это предполагает всестороннее развитие и укрепление федеративных отношений, при обеспечении их надежной защиты от внутренних и внешних угроз. После распада СССР проблема сохранения государственно-территориальной целостности Российской Федерации, как в свое время отмечал известный политик и специалист в области федеративных и международных отношений Р.Г. Абдулатипов, “является ключевой для современного этапа развития России”⁴⁵. Поэтому научный анализ событий, связанных с распадом Российской империи и СССР, особенно остро проявивших себя в регионе Черного моря, имеет важное теоретическое и практическое значение. В соот-

ветствие с Морской Доктриной Российской Федерации, утвержденной Президентом России В.В. Путиным, защита территории Российской Федерации с морских направлений, ее суверенитета на внутренние морские воды, территориальное море, включая регион Черного моря, “относится к категории высших государственных приоритетов”⁴⁶. При этом в документе поставлена задача сохранить базирование Черноморского флота в Севастополе на длительную перспективу. По итогам Совещания по военно-дипломатическим вопросам Азово-Черноморского региона 17 сентября 2003 г. Президент РФ подчеркнул, что это зона стратегических интересов России, которая “обеспечивает прямой выход России к важнейшим глобальным транспортным маршрутам, в том числе энергетическим”. В то же время реальными вызовами безопасности Российской Федерации в Азово-Черноморском регионе являются активность террористических структур, этническая преступность и нелегальная иммиграция. С целью укрепления позиций Российской Федерации в регионе принято решение о создании дополнительно пункта базирования Черноморского флота в Новороссийске. В то же время подчеркивалось, что решение о развитии системы базирования Черноморского флота на Кавказском побережье России “не значит, что мы не будем оставлять нашу основную базу в Севастополе”⁴⁷.

ИТОГИ И ВЫВОДЫ

Проблема Черноморского флота и его Главной базы – Севастополя являлась одной из наиболее сложных внешне и внутриполитических проблем для Российской Федерации в ходе первого постсоветского десятилетия ее истории. Это объяснялось серьезными политическими, экономическими и военно-стратегическими интересами РФ в регионе Черного моря, а также острой триполитической борьбой по вопросу о принадлежности Крыма и Севастополя. Перед Российской Федерацией объективно стояла задача недопущения неконтролируемого варианта развития событий и поиска политических путей решения вопроса Черноморского флота и Севастополя.

Опыт политико-правового решения проблемы Черноморского флота в XX столетии свидетельствует, что это стало возможным благодаря урегулированию межгосударственных отношений между Россией и Украиной на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве, отказа сторон от предъявления друг

другу территориальных претензий, достижения взаимоприемлемого компромисса.

Разрешение проблемы Черноморского флота имело важное значение для укрепления федеративных и национальных отношений в России, особенно в регионе Северного Кавказа, развития двусторонних российско-украинских отношений, сохранения стабильности в целом в регионе Черного моря. Принципиальная позиция России позволила избежать вмешательства в процесс урегулирования проблемы Флота “третьих” стран, как это имело место в начале XX столетия в условиях распада единого российского государства.

В то же время без качественного улучшения российско-украинских двусторонних отношений, согласования их военно-политических устремлений нахождение Черноморского флота России на территории Украины во многом теряет свое значение по причинам военно-политического и экономического характера. Однако, нет оснований полагать, что ныне существующие военно-политические ориентиры двух стран в ближайшем будущем радикально изменятся в сторону их сближения в военной и внешнеполитической сфере. В этих условиях статус Черноморского флота и Севастополя, находящихся на территории Украины к 2017 г. по истечению установленных итоговыми соглашениями 1997 г. сроков аренды военно-морских баз, для России вновь может стать серьезной военно-политической и моральной проблемой.

¹ Россия–Украина (1990–2000): Док-ты и мат-лы. М., 2002. Т. 1. С. 33–37.

² “Несокрушимая и легендарная” в огне политических баталий 1985–1993 гг. М., 1994. С. 265–271; Шапошников Е.И. Выбор. М., 1995. С. 143–144.

³ *Clarck D.L.* The Battle of the Black Sea Fleet // Radio Free Europe Real Life Research report. 1992. An. 31/05. P. 54; Мальгин А. Крымский узел: Очерки политической истории Крымского полуострова (1989–1999). Симферополь, 2000. С. 21; Савченко Н.А. Анатомия необъявленной войны (Крым, Севастополь, Флот). Киев, 1997. С. 12–13.

⁴ Горбачев С.П. Три года в третьей обороне: 1991–199... (трилогия). Севастополь, 1995. Кн. 1. С. 72–83.

⁵ Черноморский флот России (Исторический очерк). Симферополь, 2002. С. 384; Горбачев С.П. Указ. соч. С. 116.

⁶ Касатонов И.В. Записки командующего Черноморским флотом. М., 2002. С. 122–125, 136–146; Савченко Н.А. Указ. соч. С. 24.

⁷ Россия–Украина... Т. 1. С. 55–56.

⁸ Там же. С. 57; Флаг Родины. 1992. 10 апр.

⁹ Чикин А.М. На разломе. Черноморский флот: хроника противостояния (1992–1995 гг.). СПб., 1998. С. 17–19; Касатонов И.В. Указ. соч. С. 230–232.

¹⁰ Россия–Украина... Т. 1. С. 82–86; Чикин А.М. Указ. соч. С. 19–20; Черноморский флот России... С. 387–388.

- 11 Там же; *Горбачев С.П.* Указ. соч. С. 262.
- 12 Несокрушимая и легендарная... С. 400–402; Независимая газета. 1992. 24 июля.
- 13 *Чикин А.М.* Указ. соч. С. 20–26; Несокрушимая и легендарная... С. 402–405; ЧФ, г. Севастополь и некоторые проблемы российско-украинских отношений... Сб. док-тов. М., 1997. С. 8–9.
- 14 Россия–Украина... С. 91–94, 103–105; *Савченко Н.А.* Указ. соч. С. 84–95; *Касатонов И.В.* Указ. соч. С. 291–302; Независимая Газета. 1992. 4 авг.
- 15 *Чикин А.М.* Указ. соч. С. 41–42; Остров Крым. 1993. № 7.
- 16 См.: Независимая Газета. 1993. 14 апр.
- 17 Флаг Родины. 1993. № 70.
- 18 *Мальгин А.* Указ. соч. С. 26–27; Независимая Газета. 1993. 14 апр.; *Савченко Н.А.* Указ. соч. С. 107–112.
- 19 Россия–Украина... Т. 1. С. 203–204; ЧФ, г. Севастополь и некоторые проблемы российско-украинских отношений... С. 9.
- 20 Независимая Газета. 1993. 19 июня.
- 21 Флаг Родины. 1993. 13 июля.
- 22 Россия, Крым и Город Русской славы Севастополь. Сб. док-тов. М., 1998. С. 113; ЧФ, г. Севастополь и некоторые проблемы российско-украинских отношений... С. 28–29; Флаг Родины. 1993. № 129; Голос Украины. 1993. 16 июля.
- 23 *Багров Н.В.* Крым: время надежд и тревог. Симферополь, 1996. С. 301.
- 24 Там же; *Чикин А.М.* Указ. соч. С. 50–55; Флаг Родины. 1993. № 167; Крымская Правда. 1993. 7 сент.; Голос Украины. 1993. 10 сент.
- 25 *Чикин А.М.* Указ. соч. С. 56.
- 26 *Ustina M.* Black Sea Fleet dispute apparently over. Transition, 28.07.95. 1995. P. 33; *Чикин А.М.* Указ. соч. С. 73–75.
- 27 Россия–Украина... Т.1. С. 323–324; Флаг Родины. 1994. № 72.
- 28 Там же; *Чикин А.М.* Указ. соч. С. 78; *Савченко Н.А.* Указ. соч. С. 176.
- 29 Россия–Украина... Т.1. С. 324.
- 30 *Мальгин А.* Указ соч. С. 39; Крымские Известия. 1995. № 52.
- 31 *Чикин А.М.* Указ. соч. С. 98–103, 106–107; Флаг Родины. 1995. № 41, № 55; *Ustina Marcus.* Op. cit. Голос Избирателя. 1995. № 12; Куда направлены стратегические интересы Украины // Независимая Газета. 1996. 22 окт.; *Мяло К.Г.* Россия в последних войнах XX века. М., 2002. С. 144–146.
- 32 Россия–Украина... С. 438–440; Российская Газета. 1995. 14 июня; Слава Севастополя. 1995. № 114–115; *Мальгин А.* Указ. соч. С. 39–40; *Чикин А.М.* Указ. соч. С. 109–110.
- 33 Коммерсант-Daily. 1995. 21 нояб.
- 34 См.: Конституция Украины. Разд. XV. Ст. 14.
- 35 Российская община Севастополя. 1995. № 15; *Мальгин А.* Указ. соч. С. 42.
- 36 Коммерсант-Daily. 1997. 1 апр.
- 37 Россия–Украина... Т. 2. С. 125–142.
- 38 Там же.
- 39 Там же. С. 145–163.
- 40 Черноморский флот России... С. 397; Урядовий Кур'єр. 1997. 3, 6 черв.
- 41 Независимая Газета. 1998. 4 нояб.; РФ сегодня. 2000. № 7. С. 48–50; Эхо Планеты. 2001. № 32; Черноморский флот России... С. 401–402.
- 42 Остров Крым. 1999 № 2; *Мальгин А.* Указ. соч. С. 48; Коммерсант-Власть. 2002. № 17–18.

- ⁴³ Конституция Российской Федерации. Ст. 5. М.; 1999. С. 4
- ⁴⁴ Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2001. 4 апр.
- ⁴⁵ Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М.; 2000. С. 122.
- ⁴⁶ Морская Доктрина Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 27 июля 2001 года. // Морской сборник. 2001. № 9. С. 5.
- ⁴⁷ Интервью Президента России В.В. Путина РИА “Новости” в г. Ейске 17 сент. 2003 г.

О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОЖИВАНИЕ В СОСТАВЕ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА (на примере русского этноса)*

В последнее время становится все более актуальным вопрос о праве народов на самостоятельное проживание на своей этнической территории, земле, где тот или иной этнос составляет абсолютное большинство населения в течение значительного отрезка времени, где это большинство сложилось в результате естественного хода исторических и этнических процессов.

К сожалению, в настоящее время в мире по этой проблеме господствует иная точка зрения. Негласно установился такой порядок, когда те или иные политические границы, раз возникшие, уже не поддаются изменениям и существуют независимо от того, какие этносы и в каком соотношении расселяются на тех или иных территориях.

Вообще, территориальные споры возникают в результате многих различных причин. Это: 1) Этнические причины, когда те или иные этнические территории одного народа оказались в составе политических границ другого. 2) Военные причины, когда территориальное размежевание производится по “линии фронта”, а все другие обстоятельства не принимаются во внимание (например, размежевание 20-х годов XX в. на Украине или в Прибалтике). 3) Религиозные факторы, которые в наши дни практически не принимаются во внимание (существуют на Балканах). 4) Экономические причины – желание проживать в составе экономически более сильного государства. Они широко использовались после Первой мировой войны (референдумы в Силезии, Восточной Пруссии). 5) Результат ликвидации колоний (в Африке, Азии). 6) Следствие отсутствия своевременной демаркации границы (споры России с Китаем и с Японией).

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 7 ноября 2004 г.

В ходе распада СССР в основу пограничного размежевания был положен самый несовременный и абсолютно недемократический принцип разделения по линии существующих административных границ. При этом их возникновение в результате волевых и случайных решений не принималось во внимание.

На повестку дня даже не был поставлен вопрос об урегулировании границ преимущественно по этническому признаку. В частности, огромные чисто русские этнические территории вошли в состав соседних государственных образований. Речь идет об Украине, Казахстане, и отчасти – республиках Прибалтики.

Право личности и любого народа проживать в составе единого государства, границы которого устанавливались бы в ходе референдумов, даже не обсуждалось и не ставилось на повестку дня. За рубежами России в момент распада СССР проживало более 25 млн человек этнических русских, а к началу XXI в. – осталось 18 млн (как реакция на такой ход событий).

При этом заселенные русскими еще в XVII–XVIII вв. Южная Сибирь и Земля Уральских казаков вошли в состав Казахстана, хотя в 1939 г. казахи (во всем Казахстане) составляли около 39% населения, а русские с обрусевшими украинцами – более 43%. И к 2000 г. отсюда было вытеснено около 2 млн русских, а их доля в общем числе жителей этой республики понизилась до 30%.

К Украине отошли Крым, южная часть бывшей области Войска Донского, Путивльский район и т.д. И с 1989 по 1999 г. численность русских на Украине снизилась с 11,4 до 8,3 млн человек (с 22 до 17%).

До 1975 г. каждый этнос, хотя бы теоретически, имел право на самоопределение на своей этнической территории. Оно возникло постепенно, окончательно оформившись в конце XVIII в., и просуществовало до 1975 г. (до так называемого Хельсинского совещания).

Ныне такое право негласно отвергается. Хотя народы, активно борющиеся за независимость, особенно если господствующий этнос не обладает достаточной силой, создают свои незаконные государственные образования. В перспективе эти народы могут (и должны) получить право на самоопределение (Абхазия, Карабах, Южная Осетия, Приднестровье, Косово, народы Южного Судана и др.). В Западной Европе земли ряда этносов, не воссоединившиеся с основной этнической территорией, хотя бы получили широкую внутреннюю автономию (австрийцы Южного

Тироля, область Вила-де-Аосте в Италии, немецкие районы Бельгии, баски в Испании и т.д.).

Наши политические лидеры с начала 90-х годов всецело разделяют идею о необходимости политического размежевания по старым, когда-то случайно возникшим административным границам. Они с гордостью говорят, что это позволило им избежать “югославского варианта” распада государства. При этом они не борются (или хотя бы словесно не выступают) за воссоединение в составе единого государственного образования русского народа.

Они бросили многомиллионную армию бывших соотечественников на произвол судьбы, создав таким образом условия, которые делают почти невозможным их возвращение на свою историческую родину.

Правда, многие этносы (как, к сожалению, русские) постепенно или сразу смирились с тем, что значительные их территории вошли в состав иных государственных образований, хотя оставшиеся там жители подвергаются различным формам национальной дискриминации. Здесь следует назвать венгров (одна треть их проживает в Румынии, Сербии и Словакии), сербов (проживали в Славонии, Хорватии и были выселены оттуда), австрийцев Южного Тироля, немцев в Бельгии и во Франции.

Кроме русских, на просторах бывшего СССР не могут объединиться в одном государстве осетины, лезгины, аварцы, армяне. Сложилась такая ситуация, когда на территории бывшего СССР ни один ущемленный этнос не может получить даже внутреннюю автономию.

Сербы после распада Югославии (в отличие от русских) попытались объединить все сербские в этническом отношении земли в составе единого государства – и проиграли. И в существующих условиях это было закономерно и вполне предсказуемо.

Тогда они постарались на оставленных за ними территориях расселить сербских беженцев. Для этого они хотели потеснить албанцев Косова, которые заселили эту землю в основном уже в XX в. И опять сербы проиграли.

Все дело в том, что ныне борьба за объединение на своих в этническом отношении землях считается незаконной. Президент Сербии С. Милошевич был объявлен преступником № 1. А Косово, колыбель сербского народа, где еще во второй половине XIX в. они составляли 70% всех жителей, фактически отделилось от Сербии. Сербы оттуда почти целиком исчезли – были изгнаны.

Таким образом, в данном случае явочным порядком победило право численно преобладающего этноса (более 90%) на самостоятельное существование. Но это стало возможным только в результате активной борьбы за свои права.

По-существу, то же самое произошло в Абхазии, Карабахе или Приднестровье. Если же такой борьбы нет в ее активной форме, то законными являются любые способы национальной дискриминации.

Ярким примером тому является нынешняя Россия. Она легко, сразу и без всяких демократических процедур (референдумы, опросы населения и т.д.) отказалась от каких бы то ни было прав на все этнические территории за пределами РФ. Она практически допустила любые формы притеснения русских на отданных другим народам землях.

В этом смысле наиболее показательна ситуация в Казахстане. Здесь в течение 1988–1998 гг. республику покинуло более 1,6 млн русских жителей. И одновременно сюда прибыло более 1 млн казахов из Китая и Монголии. Если до переписи 1989 г. казахи составляли около 40% всех жителей этой республики, то в 1999 г. более 53% (прирост с 6,5 до 8 млн человек). Русские же достигали в 1989 г. более 37% (6,1 млн человек), а в 1999 г. – только 30% (4,5 млн человек). А все славяне составили в 1989 г. 44% (7,2 млн человек), а в 1999 г. – 35% – 5,2 млн)¹. Тем не менее, и теперь на севере и востоке Казахстана абсолютно преобладает русское население. И непонятно, почему в наши дни интересы 35% жителей Казахстана никак не учитываются. Где здесь права личности? Где хотя бы призрачная возможность добиться внутренней автономии?

Рассмотрим, как развивались этнодемографические процессы на примере Косово и Восточно-Казахстанской области Казахстана.

В Косово сербы составляли еще в 60-е годы XIX в. почти 70% общего народонаселения, а албанцы с турками – лишь 20%². В 1991 г. сербов оставалось здесь лишь 15% (300 тыс. человек), а албанцев стало 85%³. Ныне сербов там практически не осталось. Косово превратилось в албанскую этническую территорию, в результате в первую очередь более высокого естественного прироста у албанцев, а также их притока сюда из соседней Албании и изгнания отсюда сербов.

Образовав этническое большинство, албанцы начали успешно бороться за полную независимость и, в конечном счете, преуспели в этом. И, по нашему мнению, они имеют на это полное право, и вряд ли теперь удастся вернуть их в состав Сербии даже на льготных условиях.

Сейчас албанцы также успешно выступают за автономию в составе Македонии и фактически добились этого на своей этнической территории в составе этой республики. А сербы, по нашему мнению, точно так же имеют полное право на земли в бывшей Славонии, Сербской Крайне и Боснии.

В Казахстане и Восточно-Казахстанской области с середины XVIII в. доминировали русские (районы Бухтармы, бывшего Усть-Каменогорского уезда до реки Иртыш) в северной ее части. А на юге (в бывшем Зайсанском приставстве) – преобладали казахи. Земли, занятые тут русскими, ранее входили в состав Джунгарии, уничтоженной в 60-е годы XVIII в. китайцами.

Русская этническая территория здесь доходила до реки Иртыш. В 70-е годы XIX в. эти земли частично вошли в состав созданного здесь Степного края. А в 1921 г. дополнительно к этому многие русские земли, где проживало более 630 тыс. человек русского населения, были включены в состав Казахстана (части Ишимского, Омского и Змеиногорского уездов)⁴.

В этническом отношении на территории всей Восточно-Казахстанской области казахи составляли в 1897 г. – 66,7%, в 1920 г. – 43,8%, в 1926 г. – 44,5%, в 1939 г. – 21,5%, в 1959 г. – 18,9% и в 1989 г. – 27,2% всех жителей. Русских же здесь оказалось в 1897 г. – 28,4%, в 1920 г. – 51,8%, в 1939 г. – 68,7%, в 1959 г. – 70,9% и в 1989 г. – 65,9%. Украинцы достигали в 1897 г. – 4,1%, в 1920 г. – 2,9%, в 1939 г. – 5%, в 1959 г. – 2,3% и в 1989 г. – 1,7%⁵.

Однако в Бухгарминском уезде русские составляли в 1897 г. – 60,1%, украинцы – 9,8%, а казахи – 29,7%, а в 1926 г. – соответственно 58,4%, 7,6% и 31,0%. Иначе говоря, здесь преобладали русские⁶.

Тем не менее, даже крайне слабые и непоследовательные формы борьбы русских за любую форму внутренней автономии решительно пресекаются при полном бездействии властей России.

В результате – русские покидают свои земли, а русский язык так и не стал государственным, наряду с казахским.

В конечном счете, то, чего добились косовские албанцы, активно выступив за свои права, так и не смогли получить русские в Казахстане и других республиках бывшего СССР, даже там, где они с XVIII в. абсолютно доминировали. И в результате – размеры русских этнических территорий быстро сокращаются и многие из них уже фактически утрачены русским этносом.

Таблица 1 демонстрирует динамику численности и размещения русских на территории бывшего СССР в 90-е годы XX в. и в более раннее время (с начала XVIII в.). Мы видим, что следствием распада СССР явилось прямое сокращение численности (на 11 млн человек) и удельного веса (с 50,8 до 48,3%) русского населения в границах бывшего СССР. До этого с начала XVIII в. доля русских здесь непрерывно росла, достигнув своего высшего показателя в 1959 г. – 54,7%.

В границах современной России численность русских уменьшилась на 4 млн человек (с 81,5 до 79,8%). При этом за счет притока мигрантов русское население выросло почти на 3,7 млн человек, а из-за естественной убыли – уменьшилось почти на 8 млн человек. Огромный рост смертности, обусловленный тяжелым экономическим положением, привел страну к такому состоянию. Причем, миграция с 2000 г. почти сошла на нет, а смертность еще более выросла⁷.

В республиках Прибалтики и в Молдавии численность и удельный вес русских сократились сравнительно умеренно. Русское население все еще преобладает в Латгалии и в северо-восточной Эстонии.

В Армении, Азербайджане и Грузии довольно немногочисленное русское население почти исчезло (в Грузии его доля сократилась с 6,8 до 1,3%, Азербайджане – с 5,6 до 1,8% и в Армении – с 1,6 до 0,2%). Русское население было в этих республиках сравнительно многочисленным уже в 40–50-е годы (в Азербайджане в 1939 г. – 16,5% или более 0,5 млн человек, в Грузии в 1939 г. – 10,1% или 0,4 млн человек и в Армении в 1939 г. – 0,1 млн человек или 4,0%).

На Украине в 90-е годы отмечалось сильнейшее сокращение численности и удельного веса русских. В 1989 г. их было здесь более 22% общего числа всех жителей, а в 2001 г. – только 17% (уменьшение с 11,4 до 8,3 млн человек). Поскольку иммиграция русских в Россию была незначительной, такое положение вещей было вызвано отрицательным естественным приростом и переходом очень большого числа русских в состав украинцев.

В 2001 г. русское население пока еще оставалось доминирующим только в Крыму, но этот процесс на Украине быстро набирает обороты и в самое ближайшее время доля русских в этой республике еще более сократится, а в Крыму они станут этническим меньшинством.

А вот с территории Казахстана и особенно – Средней Азии в 90-е годы отмечался массовый исход русского населения. Только

в 90-е годы численность русских здесь уменьшилась на одну треть (с 9,7 до 6,2 млн человек). Удельный вес русских в этом регионе в 1939 г. был значительно выше, чем в 1999 г. В Таджикистане они составляли в 1939 г. – 9,1%, в 1959 г. – 13,3%, в 1989 г. – 7,6% и в 1999 г. – 3,2%, в Узбекистане – соответственно 11,7%, 13,5%, 8,3% и 4,9%.

К началу XXI в. значительное русское население сохранилось только в Казахстане (30%) и Киргизии (13%). Русская этническая территория сохраняется лишь на северо-востоке Казахстана, хотя и здесь преобладание русских уменьшается быстрыми темпами.

Таблица 2 показывает, как изменялись численность и удельный вес русского населения в субъектах федерации и всего Северного Кавказа. В целом в этом большом регионе доля русского населения в общем числе жителей увеличивалась с конца XVIII в. по 1959 г. (1795 г. – 9%, 1897 г. – 37%, 1939 г. – 68%, 1959 г. – 71%)⁸.

Абсолютная же численность русских росла по 1989 г. (7991 тыс. человек), хотя удельный вес и понизился до 59,9%. А к 2002 г. численность русских упала на 300 тыс. человек (с 8,0 до 7,7 млн человек), а доля снизилась до 53%.

На Северном Кавказе, таким образом, стремительно убывает абсолютная и относительная численность русских. Сжимается и их этническая территория. В 2002 г. они уже доминировали только в Ставропольском (82%) и Краснодарском (87%) краях и в республике Адыгее (65%).

В Дагестане русские в 1959–1970 гг. превышали 20% всех жителей, в 1989 г. их оставалось здесь 9%, а в 2002 г. – около 5%.

В Чеченской и Ингушской республиках доля русских в 1939 г. равнялась 29%, в 1959 г. – 49%, в 1970 г. – 35%, в 1979 г. – 29%, в 1989 г. – 23% и в 2002 г. – около 3%. При этом большую часть русских в этих республиках составляют военнослужащие, о чем говорит небольшой процент женщин (из 46 тыс. человек только 10 тыс. приходилось на женский пол). В 1957 г. территория Чечни была резко расширена за счет Ставропольского края, в течение 60–90-х годов русское население и здесь, и на территории остальной Чечни почти исчезло. В 1959 г. было 350 тыс. человек, в 1979 г. – 340 тыс., в 1989 г. – 290 тыс. (Именно тут на равнинной части у реки Терек в 60–90-е годы исчезает русское население и русская этническая территория, возникшая здесь еще в XVI в., терекские казаки).

В Северной Осетии доля русских в 1959 г. почти достигла 40%, а в 2002 г. она снизилась до 20% (численность упала со 189 до 165 тыс. чел.).

В Кабардино-Балкарии русских в 1959 г. было почти 40%, а в 2002 г. – только 25%, а в Карачаево-Черкессии – в 1939–1989 гг. они достигали 40% всех жителей (в 1939 г. – почти 50%), а в 2002 г. – только 34%.

В начале 20-х годов XX в. в состав этих национально-государственных образований вошла значительная часть земель бывших кубанских и терских казаков, и к 2002 г. она заметно сократилась.

Доля русских понижается и республиках Поволжья и Приуралья, хотя и далеко не так сильно, как на Северном Кавказе. В Башкирии в 90-е годы она упала с 39,3 до 36,2%, хотя в 30–70-е годы превышала 40%.

В Татарстане отмечается снижение с 43,2 до 39,5%, хотя в XVIII в. она достигла почти 50%.

Небольшое повышение удельного веса русских наблюдалось только на Севере (при сокращении абсолютной численности). В Карелии в 90-е годы был зарегистрирован прирост с 73,7 до 76,6%, в республике Коми – с 57,7 до 59,6%, в Удмуртии – с 58,8 до 60,1%, в Еврейской республике – с 83,2 до 90,1%, в Агинском Бурятском округе – с 79,4 до 80,3%.

Все сказанное свидетельствует о том, что в 90-е годы XX в. в РФ в условиях почти повсеместного падения уровня воспроизводства, особенно у славянских и финно-угорских этносов, наблюдается не только сохранение, но и повышение естественного прироста у мусульманского населения (в основном на Северном Кавказе).

Его доля увеличивается с 9 до 10% всех жителей России. И есть все основания полагать, что эта тенденция сохранится и впредь. А это означает, что на территории бывшего СССР не только продолжается сокращение численности русских и размеров русской этнической территории. Этот процесс затронет в еще большей мере и многие регионы России (особенно Северный Кавказ и Поволжье).

Все это является прямым следствием распада СССР, резкого понижения жизненного уровня населения России и других республик бывшего СССР. За реформы приходится платить слишком высокую цену, причем не известно, куда они нас приведут. Все еще не проведена необходимая работа по научному определению того, насколько целесообразными были преобразования 90-х годов, что они дали народам нашей бывшей страны и что от них следует ожидать.

Таблица 1. Численность и удельный вес русского населения в республиках бывшего СССР в XVIII–XX вв. (в границах современных республик), тыс. чел., %^{*1}

Республики	1719 г.	1795 г.	1857 г.	1917 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1989 г.	1999–2002 ² гг.
тыс. чел.									
Россия	11 058	19 713	50 956	68 855	72 611	83 928	97 864	119 873	115 889
Украина	54	249	2833	3620	2707	4886	7901	11356	8334
Белоруссия	–	40	414	1461	485	536	660	1342	1142
Узбекистан	–	–	30	90	244	744	1092	1653	1150
Таджикистан	–	–	8	45	6	135	263	388	173
Туркмения	–	–	28	40	75	233	263	534	180
Казахстан	13	84	505	1281	1280	2447	3972	6228	4480
Киргизия	–	–	17	92	116	303	624	917	603
Грузия	–	–	109	189	96	309	408	341	140
Азербайджан	–	–	96	224	220	528	501	392	142
Армения	–	–	38	29	21	51	56	52	8
Литва	–	2	139	175	67	101	231	344	301
Латвия	2	27	155	228	194	187	556	906	783
Эстония	1	4	38	47	38	48	240	475	404
Молдавия	–	–	91	132	218	173	293	562	501
Итого	11 128	20 118	55457	76 507	78 375	100 609	114 114	145 162	134 209
%									
Россия	84,1	81,6	75,5	72,4	77,5	83,0	83,3	81,5	79,8
Украина	0,9	2,4	9,6	9,3	7,3	11,8	16,9	22,1	17,3
Белоруссия	–	1,2	6,2	14,5	5,9	6,0	8,2	13,2	11,4
Узбекистан	–	–	0,9	2,1	4,5	11,7	13,5	8,3	4,9
Таджикистан	–	–	1,0	4,4	0,7	5,1	13,3	7,6	3,2
Туркмения	–	–	3,0	3,8	7,7	18,6	17,3	9,5	3,9

Таблица 1. (окончание)

Республики	1719 г.	1795 г.	1857 г.	1917 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1989 г.	1999–2002 ² гг.
%									
Казахстан	1,2	5,6	11,7	21,7	20,6	40,2	42,7	37,8	30,0
Киргизия	–	–	2,6	10,7	11,7	20,8	30,2	21,5	12,5
Грузия	–	–	5,7	7,5	3,6	3,7	10,1	6,3	1,3
Азербайджан	–	–	5,3	8,4	9,5	16,5	13,5	5,6	1,8
Армения	–	–	4,8	2,2	2,3	4,0	3,2	1,6	0,2
Литва	–	0,1	5,1	6,9	2,6	3,4	8,5	9,4	8,1
Латвия	0,2	3,1	8,0	9,6	10,3	9,6	26,6	34,0	32,3
Эстония	0,1	0,8	3,9	4,2	3,8	4,6	20,1	30,3	28,0
Молдавия	–	–	6,4	6,5	5,4	7,1	10,2	13,0	11,5
Итого	42,7	44,8	44,2	44,3	46,9	52,5	54,7	50,8	48,3

¹ Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). СПб., 1996. С. 279; Тархов С.А. Население Украины. Итоги переписи 2001 года. География. 2003. № 43 (722). 16–23 нояб. С. 4–11; Алексеенко А. Казахстан в зеркале переписей населения // Население и общество. 2000. № 47. Авг. С. 1–3; Щербатова Е. Первая национальная перепись населения Киргизии // Население и общество. 2000. № 47. Авг. С. 4; Шахотко Л. Население Белоруссии по переписи 1999 г. // Население и общество. 2000. № 49. Окт. С. 1–4; Демографическая ситуация и формирование общего рынка труда государств – участников СНГ. Аналитический доклад экономик СНГ. М., 2001. Вып. 5. С. 37; Эберхард П.Г. География населения России. СПб. 2003. С. 262; Тишков В. О переписи, о русских и нерусских // Независимая газета. 2003. № 242 (3075). 11 нояб. С. 2; Сколько русских в Средней Азии // АиФ. 2005. № 21 (1282). Май. С. 64.

² Попытка учесть размеры демографических потерь русского народа в 90-е годы XX в. неоднократно предпринимались, но, как правило, весьма существенно занижалась. Госкомстат России оценил их в 1998 г. в 2,9 млн человек только в рубежах современной России (Население России. 1999. М. 2000. С. 134).

Ближе всех к решению проблемы подошел М. Тульский, который оценил размеры потерь в рубежах бывшего СССР в 10 млн человек. Однако и он не смог определить, насколько сильно уменьшилось русское население Украины. Это показала перепись 2001 г. (см. подробнее: Эберхард П.Г. Указ. соч. С. 246–248). Как показывают наши данные на конец 2002 г., общие потери русского этноса составили 11 млн чел., в том числе соответственно в России – 4 млн, на Украине – 3,1 млн, в Казахстане – 1,7 млн, в Узбекистане – 0,5 млн и в прочих республиках бывшего СССР – 1,7 млн чел. Видимо, размеры потерь еще более велики, так как кроме России и Украины, использованы данные 1999 г. по другим республикам бывшего СССР.

Таблица 2. Численность и удельный вес русских в автономных образованиях России, тыс. чел., %¹

Территория	1762	1920	1939	1959	1970	1979	1989	2002
тыс. чел.								
Республики								
Россия	–	–	83 928	97 864	107 748	113 522	119 873	115 898
в том числе:								
Башкирия	29	1053	1283	1418	1546	1548	1548	1491
Бурятия	19	... ²	373	503	597	648	726	666
Дагестан ³	–	32	133	214	210	190	156	121
Кабардино-Балкария	–	...	129	163	219	234	241	227
Калмыкия	–	52	101	103	123	126	122	98
Карелия	53	100	297	413	486	522	582	549
Коми	6	32	70	390	512	630	722	607
Мари	14	135	368	310	321	335	356	346
Мордовия	97	720	720	591	607	591	586	541
Северная Осетия	–	33	123	179	202	201	189	166
Татарстан	148	1205	1252	1254	1229	1516	1575	1493
Тува	–	69	88	97	99	62
Удмуртия	94	281	683	759	810	870	945	944
Чечено-Ингушетия	–	...	201	348	367	336	294	47
Чувашия	27	83	242	264	299	338	357	349
Якутия	3	15	147	215	314	430	550	381
Немцев Поволжья	–	8	156	–	–	–	–	–
Крымская (Украина)	–	318	559	858	1221	1461	1630	1450
Области								
Адыгейская	–	...	173	220	277	286	294	289
Горно-Алтайская	–	...	115	110	110	109	115	117
Еврейская	–	...	75	127	144	159	178	172
Карачаево-Черкесская	–	...	124	142	162	156	176	150

Таблица 2. (окончание)

Территория	1762	1920	1939	1959	1970	1979	1989	2002
тыс. чел.								
Хакасская Округа	209	315	349	396	450	438
Агинский Бурятский	16	29	29	29	32	25
Коми-Пермяцкий	49	71	76	60	57	52
Корякский	21	17	20	23	25	13
Ненецкий	31	31	25	31	36	26
Таймырский	7	22	25	31	37	23
Усть-Ордынский	74	75	86	77	77	74
Ханты-Мансийский	67	90	299	424	850	947
Чукотский	6	28	71	96	108	28
Эвенкийский	5	6	8	10	17	11
Ямало-Ненецкий	21	28	38	94	293	298
%								
Республики								
Россия	84,7	77,1	83,0	83,3	82,8	82,6	81,5	79,8
в том числе:								
Башкирия	15,7	36,3	40,6	42,4	40,5	40,3	39,3	36,2
Бурятия	25,9	...	72,0	74,5	73,5	72,0	69,9	67,8
Дагестан	–	4,2	14,3	20,1	14,7	11,6	9,2	4,7
Кабардино-Балкария	–	...	35,9	38,7	37,2	35,1	32,0	25,1
Калмыкия	–	37,9	45,7	55,9	45,8	42,6	37,8	33,6
Карелия	25,0	43,9	63,2	63,4	68,1	71,6	73,7	76,6
Коми	11,9	16,6	22,0	48,4	53,1	57,2	57,7	59,6
Мари	18,7	40,0	46,1	47,8	46,9	47,5	47,6	47,5
Мордовия	69,7	60,0	60,5	59,1	58,1	59,7	60,8	60,8
Северная Осетия	–	23,8	37,2	39,7	36,8	33,9	29,9	19,1

Татарстан	48,1	41,2	42,9	43,9	42,4	44,0	43,2	39,5
Тува	–	...	17,2	40,4	38,3	36,2	32,0	20,1
Удмуртия	47,4	41,2	55,7	56,8	57,1	58,3	58,8	60,1
Чечено-Ингушетия	–	...	28,8	49,0	34,5	29,1	23,1	3,0
Чувашия	12,9	11,2	22,4	24,0	24,5	26,0	26,7	26,5
Якутия	4,0	6,2	35,5	44,2	47,3	50,4	50,3	40,1
Немцев Поволжья	...	1,8	25,7	–	–	–	–	–
Крымская (Украина)	–	44,1	49,6	71,4	67,3	68,4	67,0	59,0
Области								
Адыгейская	–	...	71,1	70,4	71,8	70,6	68,1	64,6
Горно-Алтайская	70,5	69,8	65,5	63,3	60,2	57,4
Еврейская	68,9	78,1	83,7	84,1	83,2	90,1
Карачаево-Черкесская	–	...	49,4	51,0	47,0	45,1	42,4	34,2
Хакасская	75,7	76,5	78,3	79,5	79,4	80,3
Округа								
Агинский Бурятский	44,3	58,9	43,2	42,2	40,8	35,2
Коми-Пермяцкий	29,1	32,9	35,8	34,1	35,8	23,4
Корякский	53,2	60,7	63,1	61,5	62,5	50,4
Ненецкий	68,0	68,8	64,1	65,9	65,9	62,4
Таймырский	47,7	65,3	66,9	68,0	66,1	58,5
Усть-Ордынский	56,3	56,4	56,8	58,0	56,6	54,4
Ханты-Мансийский	72,6	72,5	76,9	74,2	66,3	66,1
Чукотский	24,2	60,6	70,3	68,9	65,9	51,8
Эвенкийский	51,5	58,2	60,6	65,0	67,3	62,1
Ямало-Ненецкий	43,8	44,6	46,9	59,1	59,2	58,9

¹ Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). СПб., 1996. С. 280–281; Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. Т. 4. Кн. 1. С. 25–122.

² Не получены сопоставимые результаты.

³ В 1867 г. в Дагестане было русских 5,8 тыс. человек или 1,3% населения, в 1897 г. – 13,1 тыс. или 2,3% (Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб., 1996. С. 199, 203, 207).

- ¹ *Алексеевко А.* Казахстан в зеркале переписей населения. Население и общество. № 47. Авг. 2000. С. 1–4.
- ² *Gopcevic S.* Die ethnographischer Verhältnisse Makedoniens und Altserbiens – Mitteilungen aus Justus perthes geographischer Anstalt. 1989. Bd. 35.Gotha. S. 57–68.
- ³ Восточная Европа. Путеводитель. 1997. С. 774.
- ⁴ Административно-территориальный состав СССР на 1 июля 1925 и 1 июля 1926 года в сопоставлении с довоенным делением России. Л., 1926. С. 60–91.
- ⁵ *Кабузан В.М.* Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). СПб., 1996. С. 299.
- ⁶ *Алексеевко Н.В., Алексеевко А.Н.* Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999.
- ⁷ В этой связи русским писателем А. Солженицыным было справедливо отмечено, что демографическая проблема совершенно не заботит нынешние российские власти. Они даже не задумываются над необходимостью создания таких условий жизни, которые в состоянии обеспечить выживание нации (*Солженицын А.И.* Двести лет вместе (1795–1995). М., 2001. Ч. I. С. 69).
- ⁸ *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб., 1996. С. 145; Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. С. 57–71.

К.А. Аверьянов

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ МОСКОВСКИХ УЛИЦ*

Несмотря на то что литература по истории российской столицы насчитывает не одну тысячу книг и статей, ряд тем многовекового развития города остается практически вне поля зрения исследователей. Одной из них является история московских улиц. Речь идет о времени их возникновения, происхождении названий, многочисленных переименованиях и т.п. О том насколько эта проблематика является неразработанной, свидетельствует лишь один пример – в настоящий момент ни в одном, даже официальном, перечне улиц современной Москвы нельзя найти абсолютно всех существующих улиц.

Литература по истории названий московских улиц крайне скудна. Если исключить различные официальные и неофициальные справочники и указатели, в буквальном смысле хватит пальцев обеих рук, чтобы перечислить все более или менее заметные исследования и работы по этой теме. К ним следует отнести различные изыскания известного москвовед И.М. Снегирева, опубликованные в 1842–1873 гг., работу историка А.А. Мартынова “Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями”, книгу межевого инженера А.Н. Петунина “Пути сообщения в городе Москве”¹. В советский период данную проблематику продолжили книга П.Н. Миллера и П.В. Сытина “Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы”, ряд трудов П.В. Сытина, одним из которых является его книга “Откуда произошли названия улиц Москвы”. Наиболее известным для широкого читателя стал вышедший в 1972–1988 гг. пятью изданиями и написанный в популярном ключе справочник “Имена московских улиц” (сначала под редакцией секретаря Моссовета А.М. Пегова, а затем Ю.К. Ефремова). Более серьезным стал изданный архивным управлением Мосгорисполкома “Указатель

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 7 июня 2007 г.

улиц г. Москвы. 1917–1982 гг.” К ним следует добавить работы Г.П. Смолицкой и М.В. Горбаневского по московской топонимике, а также сборник “Географические названия в Москве”². Из изданий последнего периода укажем на составленный коллективом авторов топонимический словарь-справочник “Улицы Москвы. Старые и новые названия”³.

Перейдем непосредственно к заявленной теме.

Как известно, первое летописное известие о Москве относится к 1147 г. Однако наиболее ранние сведения об отдельных московских улицах дошли до нас лишь от XV в., то есть спустя три столетия после возникновения города. В своем большинстве – это летописные известия о многочисленных московских пожарах, в которых отмечались пределы распространения огня.

В этой связи возникает вполне закономерный вопрос – какая из московских улиц наиболее древняя? В последнее время в популярной литературе сложился весьма устойчивый миф, что ею является Арбат. Поводом для него стал широко отмечавшийся в 1993 г. 500-летний юбилей первого летописного упоминания этой одной из самых знаменитых московских улиц. Действительно, в Воскресенской летописи находим сообщение о пожаре 28 июля 1493 г., когда “выгоре... и Борис Глеб на Орбате”⁴. В данном случае речь идет о церкви св. Бориса и Глеба, впервые упоминаемой летописцем под 1453 г. и находившейся близ нынешних Арбатских ворот. Но взглянув на карту города, легко заметить, что к современному Арбату она не имеет никакого отношения. В XV–XVII вв. Арбатом именовалась современная Воздвиженка. Нынешний же Арбат вплоть до строительства стены Земляного города в конце XVI в. в состав города не входил и являлся лишь частью дороги на Смоленск. В середине XVII в. царь Алексей Михайлович приказал переименовать эту улицу в черте Белого города в Смоленскую. Однако это название оказалось не слишком удачным и в пределах Белого города она позднее стала именоваться Воздвиженкой – по стоявшему на ней Крестовоздвиженскому монастырю. Что же касается ее продолжения в черте Земляного города – она сохранила свое прежнее название.

Другой древнейшей улицей Москвы, которые исследователи считают Большую (или Великую) улицу, которая шла от Кремля вдоль Москвы-реки к устью Яузы и хорошо прослеживается на планах Москвы на территории позднейшего Зарядья. Впервые она упоминается той же Воскресенской летописью при описании пожара 1468 г.⁵ Однако имеются основания полагать, что употребляемое летописцем выражение “Большая улица” не является именем собственным и представляет собой лишь нарицательное

выражение, указывающее на относительную ширину или длину улицы. Считать так заставляет дошедшая до нас духовная грамота князя И.Ю. Патрикеева, составленная около 1499 г., в которой упоминаются его “месты загородские (то есть за пределами Кремля. – К.А.) за Неглимною... конец Боровитцкого мосту, по обе стороны Большие улицы (нынешней улицы Знаменки. – К.А.)”⁶. Окончательно же нас укрепляет в этом мнении факт, что и в более позднее время многие другие московские улицы известны с подобным определением.

Просматривая различные летописи, приходим к выводу, что древнейшей московской улицей, чье название ранее всех упоминается в источниках, следует признать нынешнюю Варварку. В опубликованном М.Н. Тихомировым отрывке из “Владимирского летописца” – памятника, дошедшего в списках второй половины XVI в. – под 1434 г. читаем: “Того же лета месяца ноября 12 день преставися раб божий Максим, иже Христа уродивый, положен бысть у Бориса и Глеба на Варварьской улице за торгом”⁷. Данное упоминание Варварки летописцем носит довольно случайный характер. Выше мы говорили о том, что одноименная церковь существовала в XV в. и на Арбате (позднейшей Воздвиженке). Москвичам надо было как-то различать храмы с одинаковым посвящением, и поэтому летописцу пришлось указывать названия улиц, на которых они стояли. Но этот пример – скорее исключение. Москвичи предпочитали различать одноименные храмы по частям города или отдельным урочищам. Так, в XV в. в городе существовали две церкви во имя “всех святых”, одна из которых имела определение: “в Чертолье”, а другая: “на Кулишках”.

Подобная традиция различать одноименные храмы не по улицам, а по другим признакам является показателем чрезвычайной неустойчивости тогдашних уличных названий. Во многом это было связано с тогдашним характером застройки Москвы – улицы, состоявшие сплошь из деревянных строений, после очередного пожара нередко меняли свои направления. Так, при описании пожара 1564 г. улица Петровка показана направо от Воскресенской церкви. Затем она оказалась налево от нее. Еще большую неустойчивость имели ответвлявшиеся от главных улиц переулки и тупики. Они то появлялись на карте города, то исчезали, меняли свое направление. Отчасти этому способствовал рельеф местности. Равнина, на которой расположился город, пересекалась многочисленными речками и ручьями с болотистыми берегами, глубокими оврагами (такими, как, к примеру, Сивцев Вражек), а также холмами. Все это приводило к тому, что

городская застройка не являлась сплошной. Побывавшие в Москве иностранцы отмечали, что там, где кончалась одна улица, другая начиналась не сразу, а в промежутке сменялась пустырем⁸. Свою роль в изменении направлений московских улиц играли противопожарные мероприятия правительства. После каждого крупного пожара власти вновь вспоминали о планировке улиц и переулков. Имеется известие, что при прокладке одной новой улицы, по распоряжению Ивана IV, было сломано множество дворов, а сами работы закончены в четыре дня⁹.

Неустойчивость названий московских улиц в XV в. подтверждает и такой источник, как Уставная губная московская запись об уголовном суде и подсудности в Москве с округой, более известная среди исследователей как “Запись о душегубстве”. В ней названы всего три московские улицы: Великая, Варьская и Стретьнская. При описании границ внутригородских судебных округов авторы документа предпочитали давать “привязки” не столько к улицам, сколько к природным объектам или частям города¹⁰.

Но даже если направление той или иной улицы, или переулка устанавливалось окончательно, это не означало, что самое название прочно закреплялось за ними. В этом отношении весьма показательна грамота Ивана III 1504 г., выделившего своему сыну Юрию пригородное сельцо Сущево (его название отразилось в именах современных Суцевской и Новосуцевской улиц, Суцевского вала). К этому владению были “приданы” и городские дворы, которые следовало отделить от остального города. Иван III так определял границу: “...дорогою Олешинскую к городу на ту улицу, что идет к городу мимо Петръ святыи чудотворец, верх Неглимны до Рождественского переулка, да не дошод Петра святого, мимо Юрьи святыи, каменую церковь, к Суцову на Дмитровскую дорогу, да через ту Юрьевскую улицу тем же Рождественским переулком до лавок до хлебных, что стоят на той улице, что идет улица от города мимо Василии святыи на Могилицах к лавкам къ хлебным, да от лавок тою ж улицею прямо, мимо Федосей святыи, на поле, на Тферскую дорогу, да Тферскую дорогою до Суцовой межи”¹¹. Эта топография требует расшифровки. Петр Святый – это Петровский монастырь на Петровке; Рождественский переулок – нынешний Столешников переулок; Юрьи Святый – Георгиевский монастырь на углу Георгиевского переулка и Большой Дмитровки; хлебные лавки стояли примерно там, где позднее было построено здание Моссовета; Василий Святый стоял на месте дома № 23 по Тверской улице; Феодосей Святый – церковь потом называвшаяся во имя

Дмитрия Солунского, стоявшая на углу Тверской улицы и внутреннего проезда Тверского бульвара. Таким образом, к 1504 г. уже существовали нынешние улицы Петровка, Большая Дмитровка и Тверская, но названий они еще не имели, и поэтому Ивану III пришлось прибегнуть к длинным описаниям, чтобы уточнить о каких улицах идет речь.

Грамота 1504 г. интересна еще и тем, что Иван III, описывая местонахождение тех или иных улиц, применял три признака, по которым еще долго устанавливались уличные названия в Москве: 1) по находившейся на улице церкви, 2) по дороге, вдоль которой ставились дома, 3) по известным всем москвичам строениям, например, хлебным лавкам. Эти признаки оставались господствующими в номенклатуре московских улиц вплоть до XVIII в.

Более или менее четко направления главных московских улиц сформировались лишь к рубежу XVI–XVII вв. Это было связано со строительством стен Китай-города (1534–1538), Белого города (1585–1591) и Земляного города (1591). По трем линиям городских укреплений были устроены проездные ворота, которые и дали названия проходившим через них улицам. Уже на Петровом плане Москвы 1597 г. впервые появляются надписи ворот Земляного города, проходивших по линии современного Садового кольца: Никитские, Тверские, Дмитровские, Петровские и т.д. Названия ворот закрепляли собой и названия улиц, отходивших от них.

Однако в ситуации, когда на углах улиц не было прибито никаких табличек, процесс закрепления названий основных улиц растянулся более чем на столетие. Насколько трудно прививались названия улиц свидетельствует перепись Москвы 1620 г. Судя по ней, многие улицы имели по несколько названий, как правило, обозначавших отдельные отрезки. К примеру, нынешняя Мясницкая улица имела такие определения: 1) “у Пречистой Гребневския в улице”, 2) “по Фроловской улице”, 3) “в Казенной улице”. Следующая по времени московская перепись 1638 г. свидетельствует о крайней неустойчивости уличных названий. Согласно этому источнику, та же Мясницкая улица именовалась “Евпловкой” и “Егупьевской улицей”.

Значительная часть улиц и подавляющее число переулков вообще не имели никаких названий. Показателем этого является перепись 1620 г., где упоминаются лишь 16 названий улиц и 12 – переулков. И хотя источник дошел до нас не полностью и не охватывает всей тогдашней Москвы, общая картина представляется весьма показательной. Как и в XV в. по-прежнему господствуют описательные названия. В переписи 1620 г. читаем такие

определения: “у Рождества на Кулишках на большой улице возле Рыбного ряду” (о позднейшей улице Солянке), “у Пятницы на Кулишках на большой улице” (о ней же), “с Покровки от Николы в переулоч” (о нынешнем Златоустинском переулочке), “у Гавриила Великого в переулочке” (о современном Архангельском переулочке). Подобные примеры видим и в переписи 1638 г.: “улица позади патриарша Осадного двора” (в Зарядье), “в переулочке от Большой Покровской улицы на низ к Кулишкам” (о Лубянском проезде).

В этой связи возникает вопрос – как при неустойчивости названий улиц, а также при их почти полном отсутствии у переулочков москвичи ориентировались в городе? Выход был найден в том, что адреса обыкновенно обозначались по церковным приходам, например: “у Преображения на Глинницах”, “у Всех Святых на Кулишках”, “у Николы в Мыльниках” и т.д. Судя по ружной разметной книге 1699 г., опубликованной И.Е. Забелиным, в Москве (за исключением Кремля) имелось чуть более 170 приходо¹².

К середине XVII в. относятся первые попытки регулирования уличных названий. Наиболее ранний известный нам указ о переименовании московских улиц датируется 17 апреля 1658 г. Царь Алексей Михайлович распорядился переименовать ворота в Кремле и Белом городе, а также две улицы в Белом городе: Чертольскую в Пречистенку, а Арбат в Смоленскую улицу¹³. Это распоряжение было вызвано тем, что монарх часто ездил молиться в Новодевичий монастырь перед Пречистой Смоленской иконой Божьей матери. От Кремля его путь лежал по Чертольской улице, а упоминание черта было непристойным по дороге в обитель.

Правда, первый опыт переименований оказался не слишком удачным. Если новые названия кремлевских ворот: Спасские и Троицкие (вместо Фроловских и Курятных) закрепились, то переименование Боровицких ворот в Предтеченские не привилось. Так было и с Мясницкими воротами Белого города, которые государь повелел именовать Фроловскими (по соседней церкви), – новое название не прижилось. Что касается имен улиц – название Пречистенка закрепилось в московской топонимике, а Смоленскую улицу позднее стали именовать Воздвиженкой.

Следующий шаг в деле упорядочения названий улиц относится к XVIII в. В 1722 г. город в полицейском отношении был разделен на 12 команд. К 1775 г. Москва состояла уже не из команд, а полицейских частей. Первоначально их было 14, а в 1784 г. стало 20. Размежевание города дало возможность ввести в 1784 г. нумерацию домовладений (так называемые “городские” адреса).

Однако она велась не по улицам, а по отдельным домовладениям в пределах каждой из частей.

Следствием перемен в административном управлении стало постепенное закрепление уличной номенклатуры. Помимо улиц названия постепенно получают и прежде безымянные переулки. Основания для их наименования были различными: нередко имя переулку давала стоявшая в нем церковь, очень часто он получал свое название по дому наиболее заметного домовладельца. К примеру, известный Лаврушинский переулок получил название по находившемуся в нем в 1760 г. дому купеческой вдовы Анисьи Матвеевны Лаврушиной. Но эти названия были еще довольно неустойчивы. Так, Еропкинский переулок (между Пречистенкой и Остоженкой) в начале XVIII в. именовался Сонцовым, затем Шеншиновым (по дому в 1728 г. солдата лейб-гвардии Преображенского полка Алексея Леонтьевича Шеншина), и, наконец, получил нынешнее название по усадьбе в 1770 г. генерал-аншефа Петра Дмитриевича Еропкина. Большие перемены в московскую топонимику внес знаменитый пожар 1812 г. Во многих опустошенных огнем кварталах переулки вместо прежних получили новые названия – по домовладельцам уже “послепожарного” времени. К этому следует добавить, что существовала вариантность написания названий – так, нынешний Козицкий переулок, получивший имя от дома в 1793 г. статской советницы Екатерины Ивановны Козицкой (урожденной Мясниковой) из-за специфического московского “аканья” даже в официальных бумагах писался как Казицкий.

Фиксация уличных названий приводит к тому, что прежние адреса по приходам постепенно начинают выходить из употребления. Правда, при этом следует упомянуть еще об одной черте тогдашней московской топонимики. В пределах одной полицейской части улицы и переулки имели различные названия, однако у них были свои двойники в других частях города. Так, в середине XIX в. Знаменские переулки существовали в Городской, Тверской, Сретенской, Мещанской и Пятницкой частях города. Поэтому на протяжении всего XIX в. на почтовых адресах нередко указывались переулок и соседняя улица, например “Тверская, Гнездниковский переулок, собственный дом” (адрес 1891 г.).

Важнейшим этапом в развитии московской топонимики явилась вторая половина XIX в. Выше уже упоминалось, что в конце XVIII в. в Москве была введена нумерация домовладений по полицейским частям. Поскольку эти номера были обязательны при совершении различных сделок с недвижимостью и при сборе городского налога, с начала XIX в. на домах появляются

таблички с указанием улицы и номера домовладения. Последние, однако, обозначали не порядковый номер дома от начала улицы, а цифру, под которой то или иное домовладение значилось в кадастре.

Насколько эта система была неудобна для москвичей и приезжих, покажем на примере Тверской улицы. Она начиналась от Воскресенской площади (ныне площадь Революции) и заканчивалась у Триумфальных ворот. При этом дома с 1 по 43 входили в Тверскую часть, а затем левая сторона улицы значилась в Арбатской части, а правая – в Сретенской. Какие же номера были указаны на домах этой улицы? В ее начале дом № 1 по левой стороне значился под №№ 325 и 304, стоявший напротив дом № 2 имел №№ 342 и 323. Находившийся в конце Тверской части дом № 43 имел №№ 169 и 185, а дом № 42 на правой стороне имел №№ 448, 449, 450, 417, 418 и 419. Следующий дом № 44 на правой стороне (отсюда начиналась Сретенская часть) имел №№ 1 и 1. Противоположный дом № 45 (входил в Арбатскую часть) имел №№ 604 и 725. Уже у Триумфальных ворот дом № 79 по левой стороне улицы имел №№ 483 и 562, а противоположный № 70 имел №№ 63 и 68. Потребовалось бы много места для того, чтобы объяснить в подробностях, отчего возникла такая непоследовательность в номерах. Для нас гораздо важнее иное – москвичи в первой половине XIX в. не пользовались существовавшей нумерацией домов, предпочитая указывать их владельцев.

Между тем в Петербурге, который с самого начала строился по европейскому образцу, уже давно существовала привычная нам система нумерации домов. В середине XIX в. ее постепенно начинают вводить и в Москве – сначала в центре города, а затем по окраинам. Эта, простая на первый взгляд, работа растянулась на два десятилетия. Потребовалось много усилий на собирание сведений о числе улиц и находившихся на них домов, составление нивелирного плана города и т.п. Понять всю сложность этой деятельности может только тот, кто непосредственно сталкивался с составлением кадастра. Ее итогом стала перепись города 1882 г. – первый и единственный в истории Москвы опыт подобного мероприятия. В результате были полностью переписаны все улицы, переулки, площади города, введена привычная нам нумерация домов.

Следующим шагом стало произведенное в 1886–1899 гг. “регулирование” всех проездов в пределах городской черты, определившее их очертания (“красные линии”). В ходе этой работы проводилась планировка незастроенных участков и пустырей, на которых прокладывались новые улицы и переулки.

Им необходимо было присваивать новые названия. Параллельно предпринимались попытки устранения одноименности уже существующих улиц.

Вторая половина XIX в. стала временем интенсивного строительства в Москве, особенно усилившегося к концу столетия. Если в 1882 г. территория города составляла около 65 кв. верст, то к 1901 г., когда Николаем II был утвержден новый городской план, общая площадь Москвы возросла до 80,5 кв. верст, а в так называемых муниципальных границах составила уже 91,49 кв. верст. Московские пригороды фактически начали сливаться с Первопрестольной. В бывших подмосковных поселках уже существовали свои названия улиц, нередко совпадавшие с имеющимися в городе, поэтому им нужно подыскивать новые имена.

Особенностью это периода стало расширение уличной номенклатуры. Если вплоть до XVIII в. в Москве существовали лишь улицы и переулки (тупики тогда называли “тупыми переулками”), а также несколько площадей, то в следующем столетии к ним добавились устроенные на месте бывших укреплений бульвары и валы, по берегам Москвы-реки и Яузы набережные, а также проезды, проспекты, шоссе, просеки.

Другой особенностью этого периода явилось появление впервые в городе на рубеже XIX–XX вв. “мемориальных названий”: улицам стали присваивать имена с целью увековечить какие-либо события или память лиц, которые зачастую никогда не были связаны с той или иной улицей. Едва ли не первой в этом ряду стала Долгоруковская улица, названная в честь московского генерал-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова (1810–1891), управлявшего городом на протяжении четверти века. На московских окраинах улицы предпочитали называть именами известных писателей. Так, в Черкизове на рубеже XIX–XX вв. появились Гоголевская, Лермонтовская и Пушкинская улицы, в Преображенском – Некрасовская улица и т.п. В 1912 г. пышно отмечался столетний юбилей войны с Наполеоном. В память о Бородинском сражении в Дорогомилове (через него проходит дорога на Бородино) появились две Бородинские улицы и три переулка, Кутузовские переулок и проезд, Багратионовский переулок. Как увидим, эта тенденция наберет огромный размах уже через несколько лет – вскоре после революционных событий 1917 г.

Во многом именно последние стали поворотным этапом в развитии московской топонимики. Уже через несколько дней после Февральской революции на одном из заседаний Московской городской думы гласный Думы И.А. Шамин предложил переиме-

новать Воскресенскую площадь, на которой находилось здание Думы и где в это время происходили все наиболее массовые демонстрации, в площадь Революции. Другой член Думы Г.А. Погребцов, поддержав саму идею переименования, предложил свой вариант – площадь Свободы. Однако официального решения по этому поводу так принято и не было.

Ситуация изменилась через год – после переезда советского правительства в Москву в марте 1918 г. Уже 12 апреля 1918 г. на заседании Совнаркома был принят известный декрет “О памятниках Республики”, предусматривавший снятие памятников, воздвигнутых “в честь царей и их слуг”. Отдельный пункт постановления, подписанного В.И. Лениным, А.В. Луначарским и И.В. Сталиным, поручал специально созданной комиссии “спешно подготовить... замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т.п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России”. Первоначально планировалось, что вся эта работа будет завершена к первомайскому празднику 1918 г. Но времени оказалось чрезвычайно мало и в части переименования московских улиц дело фактически “спустили на тормозах”. 1 мая 1918 г. была переименована в площадь Революции лишь Воскресенская площадь. Тем не менее, руководство партии большевиков не думало отказываться от своих планов. Уже на следующий день после подавления мятежа левых эсеров Совнарком по инициативе В.И. Ленина принимает предложенную им резолюцию, в которой президиуму Моссовета и другим организациям предписывалось принять меры “для энергичного надзора за выполнением декрета и проведением его в Москве в жизнь немедленно, с обязательством два раза в неделю давать доклад об этом Председателю СНК”¹⁴.

С этого момента в Москве началась буквально вакханалия переименований. В 1918–1919 гг. в городе появились улицы Большая и Малая Коммунистические, Баррикадная, Трудовая, Рабочая, Добровольческая, площади Борьбы, Восстания, Революции, Советская и т.п. При этом авторы подобных переименований не всегда замечали двусмысленности некоторых новых названий и на карте Москвы появились Коммунистический и Крестьянский тупики.

Целый ряд названий был дан в честь деятелей революционного движения. В Москве появились улицы Бакунинская, Верхняя и Нижняя Радищевские, Карла Маркса, Бауманская, Володарская, площадь Свердлова и т.п. Еще при жизни В.И. Ленина его имя было увековечено в Заставе Ильича и Ульяновской улицах.

Но поскольку набор подобных названий был довольно ограниченным, авторам подобных переименований приходилось проявлять незаурядную фантазию. Особенно этим отличалась партийная организация Рогожско-Симоновского района. Так, в 1919 г. 3-я Рогожская улица была переименована в Вековую улицу. В конце 1930-х годов это переименование пытались объяснить тем, что улица существовала уже столетие. Но в действительности она была переименована “в честь века пролетарских революций”. Довольно большое число улиц было названо в честь деятелей “районного масштаба”. На карте Москвы появились Абельмановская застава (в память Н.С. Абельмана, убитого во время левозэсеровского мятежа 1918 г.), Квесисская улица (в память члена Бутырского райкома Ю.К. Квесиса), площадь Прямикова (в честь Н.Н. Прямикова, председателя военно-революционного комитета Рогожско-Симоновского района), Добрынинская улица (в память П.Г. Добрынина, погибшего в октябре 1917 г.). О многих лицах, удостоившихся подобной чести, уже через несколько лет трудно было сыскать хоть какие-то внятные сведения. Насколько формальными были подобные переименования показывает пример уже 1922 г., когда Троицкий переулок (между Остоженкой и Пречистенкой) был переименован в Померанцев – в память об участнике октябрьских боев 1917 г. в Москве А.А. Померанцеве. Долгое время считалось, что он погиб в ходе боев, однако он был лишь ранен и прожил долгую жизнь, скончавшись в 1979 г.

Подобная эпидемия переименований вслед за Москвой охватила всю страну. В своем романе “Россия, кровью умытая” (1924) писатель Артем Веселый отобразил типичную картинку 1919 г.: “Спешно переименовывались улицы: Бондарная – Коммунистическая, Торговая – Красноармейская, Обжорный ряд – Советский. Вшивую площадь и ту припочли – сроду на ней галахи в орлянку резались, вшей на солнышке били – площадь Парижской коммуны... Заведующий отделом управления, вчерашний телеграфист Пеньтюшкин, большой был искусник на такие штучки... Даже самые глухие и жителями забытые переулки – Заплатанный и Песочный – были переименованы в Дарьяльский и Демократический”¹⁵.

Однако у столицы в отличие от остальной страны была одна особенность. Переименованиями в ней занимался не Моссовет, а созданные в районах комиссии. Поскольку с соседями своих действий они, как правило, не согласовывали, в городе вскоре оказалось множество улиц с одинаковыми названиями. К примеру, одних только Октябрьских оказалось 11 улиц и три площади.

Такая одноименность улиц создавала ощутимые неудобства для городских служб. В начале 1921 г. для того чтобы разобраться со всеми переименованиями первых революционных лет Моссоветом была создана специальная комиссия, куда вошли представители милиции, почты, губернского управления музеями, отдела благоустройства, Коммунального музея и общества “Старая Москва”. Занявшись ревизией, комиссия отменила большинство решений райсоветов, оставив в силе только 64 переименования. 22 июня 1921 г. президиум Моссовета издал постановление “О порядке переименования улиц, проездов и площадей города Москвы”. Впредь устанавливался порядок, по которому дальнейшие переименования должны были производиться исключительно президиумом Моссовета.

Затем началась плановая работа по приведению в порядок перечня московских улиц. В духе времени перед комиссией была поставлена цель изгнания из обихода названий, в какой-либо мере связанных с памятью о “проклятом царском режиме”.

Но при этом главным в ее работе стало устранение существовавшей одноименности московских улиц. Чтобы не наводнить город еще большим количеством новых названий, способных сбить с толку всех даже хорошо знавших Москву, комиссия решила понятие “одноименность” толковать расширительно. Были оставлены без изменений те одноименные названия, которые различались порядковыми числительными (Первая, Вторая и т.д. улицы) или такими же прилагательными (Большой, Малый, Нижний, Верхний и т.д. переулки). Кроме того было решено оставить одноименные прилагательные к разным городским проездам (например, Октябрьская улица, площадь, проезд, переулок и т.п.). Но такая одноименность допускалась лишь в случаях их близкого соседства. При выборе новых названий комиссии было предложено руководствоваться “археологическими данными”. Поэтому для устранения одноименности они давались, как правило, по прежним названиям, существовавшим еще в XVIII в. (многие из них происходили от домовладельцев того времени), либо по соседним объектам.

Итоги работы комиссии, после согласований с райсоветами, были утверждены постановлением Моссовета от 7 июня 1922 г., которым было переименовано 477 улиц, то есть примерно четверть из имевшихся тогда примерно 2 тыс. улиц, то есть приблизительно четверть от общего числа. Правда, не все оказались согласными с решениями комиссии. Ряд оппонентов выступал против привязки названий к истории улиц, в частности, к именам прежних владельцев. Под их нажимом Моссоветом 12 августа 1924 г. были

переименованы 63 улицы и переулка, а 17 декабря 1925 г. – еще 81 улица.

На этом массовые переименования улиц на несколько десятилетий закончились. В последующее время они носили единичный характер и производились, как правило, в память наиболее видных деятелей партийного руководства (в 1934 г. Мясницкая улица была переименована в улицу Кирова, в 1935 г. Ильинка стала улицей Куйбышева), а с конца 1930-х годов – первых Героев Советского Союза. В этом же ряду стоят улицы, названные в честь советских писателей (в 1932 г. Тверская была переименована в улицу Горького, в 1933 г. Всехсвятская улица стала улицей Серафимовича – при этом они получили названия еще при жизни указанных лиц).

Приблизительно с середины 1950-х годов все чаще улицы стали называть именами известных людей. Толчком к этому послужил отмечавшийся в 1957 г. 40-летний юбилей советской власти, когда появился целый ряд названий, связанных с участниками революции 1917 г. и Гражданской войны. Ветошный переулок стал проездом Сапунова, Большой Казенный переулок превратился в улицу Аркадия Гайдара, 3-й Николощеповский переулок был переименован в проезд Шломина и т.д. Затем последовали очередные юбилеи победы в Великой Отечественной войне, битвы под Москвой и т.п.

В 1960 г. произошло одно из самых значительных в истории Москвы увеличений ее площади (более чем в 2,3 раза – с 379,4 до 886,5 кв. км). Согласно указам Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 августа 1960 г. и 11 ноября 1961 г., граница города была установлена по Московской кольцевой автомобильной дороге. В черту столицы вошли пять подмосковных городов: Тушино, Бабушкин, Кунцево, Люблино, Перово и масса ближайших подмосковных поселков (Ленино, Бирюлево, Чертаново, Очаково и др.), сел и деревень. Названия многих улиц в них совпадали с московскими. В итоге в Москве оказалось 20 Советских улиц, 19 Московских, 18 Центральных, 17 Школьных, 16 Полевых, 15 Пионерских, 11 Пушкинских и т.д. – всего до 800 одноименных улиц (примерно из 4 тыс. существовавших на тот момент). Это создало большие трудности для городских служб, и в 1962 г. тогдашний председатель Моссовета В.Ф. Промыслов предложил комиссии по наименованиям улиц (ее возглавлял секретарь исполкома Моссовета А.М. Пегов) приступить к ликвидации одноименности улиц.

Сразу потребовалась масса новых названий. Ситуацию в определенной мере усугубляло массовое жилищное строительство

на вновь присоединенных к городу территориях, где ежегодно возникали все новые и новые улицы. Однако набор привычных идеологических названий (Октябрьская, Мира, Революции, Комсомольская, 8 марта, 1 мая и т.п.) был исчерпан. Не помогли и нейтральные названия типа: Весенняя, Тихая, Зеленая и т.п. Их запас был также ограничен. Тогда в практику был введен принцип географической ориентации. Его суть заключалась в том, что в определенных частях Москвы (по направлению от Кремля) улицы стали получать названия по городам, рекам, озерам и т.п., расположенным в том же направлении, но за пределами столицы. Так в северной части города появились улицы Верхоянская, Вологодская, Дудинская, Магаданская, Мезенская, Таймырская. Здесь же – улицы по названиям объектов ближнего Подмосковья: Лобненская, Учинская, Федоскинская. В юго-восточном направлении находим улицы Волжскую, Жигулевскую, Рязскую, Ставропольскую, Тамбовскую, Ташкентскую, Рязанский проспект, Самаркандский бульвар и т.п. Такая группировка названий в определенной мере была призвана помочь ориентированию в огромном мегаполисе.

Как ни странно, этот принцип наименований улиц в Москве появился достаточно случайно. В составе города Бабушкина, вошедшего в 1960 г. в черту столицы, имелась улица Кирова. Но такое же название имела одна из главных московских магистралей (ныне Мясницкая улица). Понятно, что улицу на северо-восточной окраине нужно было переименовывать. Однако трогать фигуру С.М. Кирова, чье имя входило в обязательный набор советской топонимики, было опасно. И тут кто-то вспомнил, что он родился в городе Уржуме. Так появилась на свет Уржумская улица, которая, к слову, находится к северо-востоку от Москвы.

Позднее для наименования улиц кроме географически ориентированных топонимов стали использовать названия, связанные с ними тематически. Так, на севере города возникли названия, связанные с именами исследователей Арктики: улица Амундсена, Берингов проезд, проезд Дежнева и т.д. В западной части ряд улиц назван именами героев Отечественной войны 1812 г. Впрочем, иногда подобные “привязки” были довольно искусственными. На юго-востоке города находится Есенинский бульвар. Основанием для этого послужило то, что поэт родился в селе Константинове под Рязанью. Там же имеется улица Федора Полетаева, Героя Советского Союза, сражавшегося в рядах итальянского сопротивления, родившегося в селе Катино Рязанской области.

Вместе с тем, в начале 1960-х годов у руководства Моссовета возникает желание окончательно избавиться от названий, проис-

ходивших от фамилий домовладельцев, а также имевших хоть какие-то намеки на церковное происхождение. Начались переименования: Гагаринский переулочек в 1962 г. стал улицей Рылеева, а в 1968 г. 1-й Зачатьевский переулочек превратился в улицу Дмитриевского (в честь Героя Советского Союза). Подобная практика особенно развилась в 1970-е–1980-е годы, когда некролога в газете “Правда” было достаточно для того, чтобы на карте города появилась новая улица. При этом существовала определенная иерархия. Если имена академиков присваивались, как правило, улицам в районах новой застройки, то для увековечивания памяти военачальников улицы переименовывались. Так, с карты Москвы полностью исчезли все улицы Октябрьского поля (бывшего Ходынского). Другой любопытной особенностью того времени было то, что если на долю того или иного лица доставался переулочек, при переименовании он обычно преобразовывался в улицу, несмотря на размеры.

В итоге Москва постепенно все более и более превращалась в своеобразный “поминальник”. При этом для многих жителей столицы было порой неясно – в честь кого была названа та или иная улица. Поэтому в московской топонимике появились ранее несвойственные ей указания на род деятельности того или иного человека – улица академика Петровского, улица маршала Бирюзова и т.д. В Москве оказались два названия, связанные с именем Островского – одно было дано в честь известного драматурга XIX в., другое – в память автора романа “Как закалялась сталь”. Поэтому первую из этих улиц стали именовать улицей А.Н. Островского, а вторую – переулком Н.А. Островского.

Многочисленные переименования улиц привели к утрате многих коренных московских названий, которые фиксируются источниками еще с XVII–XVIII вв.: Покровки, Маросейки, Якиманки, Остоженки и т.д. Все это вызывало определенное недовольство москвичей.

Вопрос о возвращении исторических названий возник в середине 1980-х годов с началом Перестройки. В 1986 г. Метростроевскую улицу вновь переименовали в Остоженку, Фрунзенский вал – в Хамовнический. Но на этом дело остановилось. За следующие четыре года была лишь упразднена площадь Л.И. Брежнева (1988), улицу К.У. Черненко (именно так, с инициалами, она писалась в официальных документах) переименовали в Хабаровскую, а улица Жданова вновь стала Рождественкой (1989).

Перелом в этом вопросе произошел после избрания в 1990 г. нового состава Моссовета. Уже в ноябре 1990 г. был утвержден первый пакет переименований из 27 названий, второй из 40 на-

званий – в апреле 1992 г., третий – в мае 1993 г. Всего было переименовано около 150 улиц – в основном в пределах Садового кольца. На карте Москвы вновь появились Тверская, Покровка, Дмитровка, Маросейка, Якиманка, Пречистенка, Красные ворота, Варварка и т.д.

Правда, при этом следует отметить, что многие из этих переименований остались “на бумаге” – не были изготовлены уличные таблички, не были внесены исправления в официальные документы и т.п. Поэтому вскоре после разгона Моссовета во время октябрьских событий 1993 г. стали высказываться предложения считать недействительными решения о переименовании улиц, принятые распущенным Моссоветом. В частности, на этом настаивал Ю.М. Лужков, указывавший на финансовую сторону вопроса. Но решения Моссовета имели юридическую силу и мэр столицы вынужден был летом 1994 г. поставить вопрос о возвращенных названиях на заседании московского правительства. Мнения разделились. В итоге решено было провести опрос москвичей, который показал, что 58% жителей столицы согласны с переименованиями. 25 октября 1994 г. Ю.М. Лужков подписал постановление правительства Москвы о возвращении всех исторических названий, принятых Моссоветом в 1990–1993 гг. При этом одновременно был введен мораторий на дальнейшие переименования¹⁶.

8 октября 1997 г. Московской городской думой был принят закон “О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы”. Самыми существенными пунктами в нем стало то, что новые названия впредь не должны повторяться на карте города, а присвоение улицам имен тех или иных лиц может даваться только новым улицам и по истечении не менее десяти лет со дня кончины. Правда, и здесь имелись исключения. В 2004 г. новая улица в Южном Бутове получила имя в память Президента Чеченской Республики Ахмада Кадырова (1951–2004), погибшего в результате теракта. Что касается моратория на переименования, он был нарушен Ю.М. Лужковым в 2005 г., когда улица Войтовича была переименована в Старообрядческую, а в 2006 г. 2-я улица Усиевича стала называться улицей авиаконструктора Яковлева. В 2000-е годы на карте города появилось еще несколько новых улиц, но все они были образованы из проектируемых проездов. При этом некоторые из новых улиц получили названия, исчезнувшие с карты Москвы в начале 1990-х годов. В частности, в 1994 г. улица Татьяны Макаровой (летчица, Герой Советского Союза) стала именоваться Болотной улицей. Но в 2005 г., к 60-летию победы в Великой Отечествен-

ной войне, ее имя вновь было присвоено новой улице в Восточном округе. Одновременно там же снова появилась улица Дмитриевского (командир танковой роты, Герой Советского Союза), чье имя носил ранее 1-й Зачатьевский переулок.

Вопрос о названиях улиц всегда остро воспринимался общественностью. В частности, в канун 200-летней годовщины со дня рождения А.С. Пушкина поднимался вопрос о том, что после возвращения Пушкинской улице (это имя она получила к 100-летию со дня гибели поэта) исторического названия Большая Дмитровка в городе не осталось улицы, названной в память великого русского поэта, чья жизнь и творчество были тесно связаны с Москвой. Можно привести и другие подобные примеры. Действующий мораторий на переименования улиц лишь законсервировал этот вопрос.

Гораздо более сложной представляется другая проблема. В настоящее время отсутствует полный перечень всех московских улиц. Связано это с тем, что их учет ведет Бюро технической инвентаризации, в списке которого имеются данные о чуть более 3400 московских улицах, переулках, площадях и т.п. Но в действительности улиц гораздо больше. Не считая множества безымянных внутриквартальных проездов, целый ряд реально существующих улиц не проходит по данным БТИ, поскольку стоящие на них дома имеют нумерацию по соседним улицам. Очевидно, настало время проведения новой инвентаризации всех имеющихся городских проездов, подобно тому, как это было сделано во время единственной подобной переписи 1882 г. Но это уже – дело будущего.

¹ *Снегирев И.М.* Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1865. Т. 1; 1873. Т. 2; *Он же.* Московские урочища, древние и новые. М., 1852; *Он же.* Никольская улица в Китай-городе. М., 1853; *Он же.* Прогулка по Покровской улице. М., 1856; *Мартынов А.А.* Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М., 1878; *Петунин А.Н.* Пути сообщения в городе Москве. М., 1915.

² *Миллер П.Н., Сытин П.В.* Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы. М., 1938; *Сытин П.В.* Из истории московских улиц. М., 1948; *Он же.* Прошлое в названиях улиц. М., 1946; Имена московских улиц. М., 1988; Указатель улиц г. Москвы. 1917–1982 гг. М., 1988. Ч. 1–5; *Смолицкая Г.П.* Названия московских улиц. М., 1996; *Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В.* Топонимия Москвы. М., 1982.

³ Улицы Москвы. Старые и новые названия. М., 2003.

⁴ Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. VIII. С. 226.

⁵ Там же. С. 154.

⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее: ДДГ). № 86. С. 347.

- ⁷ *Тихомиров М.Н.* Из “Владимирского летописца” // Исторические записки. М., 1945. Т. 15. С. 284.
- ⁸ *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 113.
- ⁹ История Москвы. М., 1952. Т. I. С. 236.
- ¹⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в. М., 1964. № 12. Т. III. С. 28.
- ¹¹ ДДГ. № 92. С. 371.
- ¹² Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891. Ч. II. С. 495–530.
- ¹³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. I, № 226. С. 450–451.
- ¹⁴ Декреты советской власти. М., 1959. Т. II: 17 марта – 10 июля 1918 г. № 52. С. 95–97.
- ¹⁵ *Веселый А.* Избранные произведения. М., 1958. С. 480.
- ¹⁶ *Муравьев В.* Московские улицы. Секреты переименований. М., 2006. С. 68–80.

А.С. Сенявский

О КОМАНДИРОВКЕ В КИТАЙСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ

В период с 10 по 20 сентября 2006 г. А.С. Сенявский и И.В. Быстрова находились в служебной командировке в КНР, в Пекин по приглашению китайской Академии общественных наук АОН. За это время мы провели ряд встреч, консультаций, выступили с докладами перед сотрудниками ряда научно-исследовательских институтов АОН Китая (Институт Восточной Европы, России и Средней Азии; Институт всемирной истории; Институт марксизма и другие), А.С. Сенявский прочитал лекцию для руководства АОН.

В ходе бесед с китайскими коллегами мы постарались выявить структуру организации китайской науки, тенденции в развитии общественных наук, а также основные области интереса китайских ученых применительно к российской истории XX в. и доминирующие у них исследовательские подходы.

В настоящее время академическая наука делится на две большие структуры, одна из которых занимается естественными науками, тогда как общественные науки сосредоточены в структуре Академии общественных наук. В свою очередь, АОН КНР подразделяется на пять отделений: 1) отделение марксизма (только что созданное), 2) отделение литературы, истории, философии; 3) отделение юридических наук; 4) отделение экономических наук; 5) отделение международных проблем. Данная информация была получена в устной форме, поэтому названия отделений могут быть не вполне точны.

У нас вызвало удивление, что при крайне либеральном характере развития китайской экономики наблюдается резкое усиление роли марксистской идеологии в обществе и в науке, носящей официально монопольный характер, о чем свидетельствует и недавнее создание отделения марксизма в составе АОН. Заметно усиление идеологического диктата в науке и по общей атмосфере разнообразных – официальных и неофициальных – встреч с

китайскими коллегами: в конце 1990-х годов она была гораздо более “либеральной”.

Как правило, на встречах с нами в научно-исследовательских институтах присутствовало от 15 до 25 сотрудников китайских учреждений, в основном профессора, а также докторанты, аспиранты и т.п., которые проявляли живой интерес к России, в основном к истории XX в. и современности.

В последние десятилетия основным иностранным языком, который изучают в Китае, был английский. Изучение русского считается “неперспективным”. Поэтому, если многие из встречавшихся с нами специалистов старшего и среднего поколения владеют русским, некоторые – весьма неплохо, то среди молодежи – лишь единицы. В каждой из наших аудиторий находились люди, учившиеся в СССР, которые задавали вопросы и вели беседу на русском, однако для основной части участников наших встреч приходилось делать синхронный перевод, который осуществляли или наши сопровождающие (двое молодых специалистов), или кто-то из их старших коллег, владевших русским гораздо лучше.

По просьбе руководства Академии общественных наук КНР А.С. Сеньянский сделал специальный доклад по российской истории XX в. для руководства АОН, директоров институтов и других руководящих работников учреждений, входящих в структуру АОН. Это было завершающее, и, пожалуй, ключевое, самое ответственное и сложное мероприятие всей программы нашего пребывания в Пекине. Особую ответственность налагал уровень аудитории, которая состояла из высшей гуманитарно-идеологической и административной элиты КНР, в том числе в нее входили и члены ЦК КПК. Сложность заключалась в “спонтанности” данного мероприятия: оно не планировалось заранее, и о встрече и просьбе сделать доклад или прочитать лекцию было сообщено накануне, поздно вечером. При этом был обозначен ряд ключевых вопросов, на которых китайские коллеги просили сосредоточить внимание: революция 1917 г., личность Сталина и его эпоха, причины кризиса социализма и распада СССР, ряд проблем постсоветского периода. Понятно, что это крайне широкий диапазон проблем, которые, во-первых, взаимосвязаны и требуют освещения в контексте всей российской истории; а, во-вторых, требуют для изложения, даже конспективного, значительного времени, тогда как оно изначально было ограничено полутора часами. В результате я принял решение концентрированно, конспективно изложить собственную концепцию российского исторического процесса в XX в., в контексте которой и прояснил китайским коллегам наиболее интересовавшие их вопросы. Лекция

длилась почти два часа (с синхронным переводом, который осуществлял профессиональный переводчик) и еще около часа пришлось отвечать на дополнительные вопросы.

Можно констатировать, что интерес китайских ученых (а также идеологов и политиков) к российской истории XX в. весьма значителен, что связано, очевидно, с внутренними китайскими проблемами и стремлением учесть исторический опыт соседней страны, на которую Китай ориентировался в середине XX в. Этот интерес связан также с наличием в современном Китае многих аналогичных советскому и постсоветскому периодам социально-экономических и политических проблем. Именно поэтому многочисленные вопросы, которые задавались китайскими коллегами, сосредоточивались вокруг проблем революции 1917 г., нэпа, индустриализации и коллективизации, крушения социализма и распада СССР, а также оценки в российской историографии роли ключевых деятелей советской истории (В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, М.С. Горбачева).

Следует отметить, что, несмотря на усиление диктата марксистской идеологии в общественных науках, в них все еще сохраняется определенный плюрализм мнений, о чем свидетельствуют и разнообразие вопросов и реплик в ходе наших встреч, и существование такой формы научной жизни, как научные дискуссии. В частности, нам сообщили, что в течение 2006 г. по российской истории в АОН было проведено две дискуссии: 1) дискуссия о переосмыслении роли Сталина в российской историографии и в российском общественном сознании; 2) о реальных масштабах репрессий в СССР 1937–1939 гг. Китайские коллеги отмечают рост позитивной оценки Сталина в социологических опросах в России. Некоторые китайские историки связывают это с негативной оценкой результатов постсоветских реформ, а также с усилением роли государства в период президентства В.В. Путина. По характеру вопросов можно констатировать неплохую информированность китайских коллег как о состоянии современной российской историографии, так и о тенденциях в развитии современного российского общества. Некоторые из них отмечают, что регулярно читают российскую и мировую прессу о России, а также собственно научную российскую литературу. Это заметно и по представленным на книжных стендах в институтах переводным работам советских и российских историков, а также по собственным китайским работам на российскую тематику, многие из которых имеют компилятивный характер относительно российских “первоисточников”.

В характере всей совокупности заданных нам вопросов прослеживается очень сильное влияние официальной марксистской

идеологии “с китайской спецификой”, при том что нельзя свести мнение китайских ученых к какой-либо единой позиции. Следует также отметить стремление объективно разобраться в ключевых проблемах российской истории, опираясь на документы, факты, статистику. При этом ряд ведущих сотрудников Академии марксизма (в составе АОН) явно ориентирован на старые идеологические клише “Краткого курса” с налетом китайской специфики. Особенно китайских обществоведов-идеологов интересовало то, насколько сегодня в России изучают историю международного коммунистического и рабочего движения, и свертывание исследований этих проблем в России вызвало у них откровенное разочарование.

Что касается конкретно-исторических проблем истории России XX в., здесь существует реальная перспектива для сотрудничества с китайскими коллегами, особенно с теми, кто менее подвержен жесткому идеологическому диктату.

Естественно, нас интересовали не только научные проблемы, но и образ жизни современных китайцев, особенности развития страны, ее культуры и т.д. Выделенные нам для сопровождения два молодых человека были, мягко говоря, “ненавязчивы”: у них было немало своих дел, и мы не настаивали, чтобы они нас опекали. Незнание китайского, конечно, создавало определенные затруднения (тем более, что и английским в массе своей пекинцы не владеют, а понять даже немногих знающих язык прохожих с их произношением английских слов тоже более чем сложно). Но, купив пекинскую карту с иероглифами и параллельной латинской транскрипцией названий, вполне удавалось ориентироваться в городе. Здесь оказали помощь некоторые старшие китайские коллеги, объяснившие возможные маршруты, написавшие китайские названия и номера транспорта. Но лучше всего “осваивать” незнакомый город пешком, тогда чувствуется весь колорит жизни. Поскольку гостиница находилась в центре Пекина, в “шаговой доступности” были и многие достопримечательности столицы (старый город, площадь Тяньаньмэнь, и главный дворцовый комплекс – Старый Императорский дворец), и центральные, быстро преобразующиеся районы, и остатки традиционных одноэтажных китайских кварталов, которых, вероятно, в ближайшие годы просто не останется.

Конечно, Китай – это “другая планета”. При том что в современном Пекине очень чувствуются космополитические тенденции “глобализации”, которые проявляются и в массовом стандартном строительстве как жилых кварталов, так и офисных небоскребов, и в товарном наборе супермаркетов, и в наступлении

предприятий фаст-фуд, и в разнообразии марок заграничных автомобилей, и т.д., и т.п. Поражает динамика этого наступления космополитического “индустриализма”. Для меня это была вторая поездка в эту страну (первый раз был в КНР в 1999 г. – в Шанхае и Пекине), и в первую поездку потряс Шанхай своими темпами и масштабами развития, тогда как Пекин в 1999 г. по внешним проявлениям показался “провинциальным”. Теперь, в 2006 г., Пекин произвел подобное семилетней давности Шанхаю впечатление – крайняя динамичность и масштабность перемен. Весь город – сплошная строительная площадка, причем строительные работы не прекращаются ни днем, ни ночью. Огромное количество дешевой рабочей силы, притекающей в город из деревни, удаётся занять на неквалифицированной и мало-квалифицированной работе, в том числе в строительстве, и здесь – один из источников быстрого развития страны, все еще находящейся на раннеиндустриальной стадии. Но темпы и результаты впечатляют: в Пекине сносят старое, традиционное китайское жильё целыми кварталами, расчищая их под высотную застройку. Появились целые улицы небоскребов, причем ультрасовременных и по фасаду, и по “начинке” (коллеги приглашали нас в один из элитных ресторанов, находившихся в таком здании). Явный толчок стройиндустрии города дала также Олимпиада, хотя и без нее, вероятно, темпы были бы ненамного ниже.

При этом на улицах – смешение эпох и стилей. Патриархальность старых кварталов соседствует с офисными кварталами из небоскребов, велосипед – с новейшими марками автомобилей, атмосфера “коммунальности” в скверах с делающими китайскую гимнастику пенсионерами, танцующей под магнитофон молодежью, играющими в какие-то китайские игры людьми – с вышколенными менеджерами банков и офисов и т.п. Основным транспортом остается велосипед, хотя на некоторых улицах – автомобильные пробки, машин очень много. Общественный транспорт достаточно развит.

Остаются кварталы с многочисленными лавочками и магазинчиками. Сувениры однообразны, и большинство аналогов легко можно найти в магазинах китайских товаров в Москве, например, на ВВЦ. Хотя однажды удалось увидеть в лавчонке действительно оригинальную антикварную вещь – изящный набор металлической посуды с инкрустацией, но стоило это очень дорого, да и с вывозом из КНР антиквариата могли возникнуть проблемы. Пришлось отказаться. Продукты лучше покупать в супермаркетах, хотя там – дорого. А сувениры – в специальных комплексах для иностранцев, помня при этом, что китайские тор-

говцы – самые “ушлые”, они взвинчивают цены в 3, 5 или даже 10 раз, и нужно торговаться, в разы снижая цену, а потом неоднократно взаимными “уступками” приближаясь к реальной цене. Но все равно – надуют, и уж в убыток себе точно не продадут! “Нагреть” иностранца – вид национального “спорта” и “дело чести” для китайского торговца. Причем по отношениям к иностранцам у китайцев – жесткая солидарность. Когда во время прошлого приезда меня сопровождала переводчица, девочка-аспирантка, и говорила, когда торговцы цену резко завышали, те упрекали ее за нарушение этой “солидарности”, что она не позволяет поживиться за счет “чужака”.

Питались мы в основном в ресторане по типу “шведского стола” при гостинице с фиксированной оплатой и относительно большим выбором китайских блюд. Нож и ложку можно было получить, специально попросив официанта, а вилок не было “по определению”. Но китайскую пищу лучше есть палочками, хотя чтобы ее есть – нужно иметь хороший желудок, причем проблем все равно вряд ли удастся избежать. Поэтому лучше избегать наиболее острых блюд, по возможности потребляя “европейскую” или хотя бы “нейтральную” китайскую пищу. И прихватить с собой соответствующие лекарства. В Пекине плохая питьевая вода: лучше покупать бутылки, а, в крайнем случае, когда используешь из-под крана – обязательно кипятить. Тяжела и пекинская атмосфера: хотя сентябрь – лучшее время в Пекине, и стояла теплая, комфортная погода, выдавались дни, когда над городом стоял плотный липкий смог, и дышать было тяжело.

Что касается культурной программы в Пекине, то она была вполне традиционна для иностранцев: удалось (самостоятельно) осмотреть два основных пекинских дворцовых комплекса, Храм Неба, а также съездить на экскурсии на Великую китайскую стену и в погребальный дворцовый комплекс китайских императоров примерно в 70 км от Пекина. Архитектура богатейшая, но своеобразная и однообразная. От нее быстро устаешь. А вот подземный погребальный комплекс (с соответствующим ему наземным дворцовым комплексом) впечатляет: удивление и вопросы вызывают технологии, с помощью которых могли создать подобные сооружения в средневековье. Интересны и дворцово-парковые ансамбли.

При всей симпатии к Востоку, и к китайской культуре в частности, остается впечатление: это – абсолютно чужое. Хотя это – мое личное впечатление. Но что важно: это “чужое” самодостаточно, очень быстро развивается, абсолютно не принимает и легко “переваривает” все инородное, и находится рядом с нами на самой протяженной границе...

И.В. Быстрова

НАУЧНАЯ КОМАНДИРОВКА В ПАРИЖ

По линии Российской Академии наук, по приглашению Дома наук о человеке состоялась поездка в Париж для работы по научной проблематике “Военно-промышленные системы в условиях холодной войны (1945–1991 гг.): опыт СССР и Франции”. Главной задачей поездки было ознакомление с работами французских исследователей по истории военной промышленности Франции.

Организация пребывания в Париже со стороны Дома наук о человеке заслуживает большой благодарности. Принимающая сторона обеспечила жилье в центральной части города, талоны на питание по сниженным ценам в столовой в здании этой организации, возможность бесплатного ксерокопирования научной литературы, доступ в Интернет в общем компьютерном зале, специальный пропуск, дающий право на бесплатный вход во многие музеи. Главным человеком, через которого шла вся организационная работа, была любезная Соня Кольпар, с которой мы активно переписывались еще до отъезда и обговаривали все детали пути в Париж, поселения и т.д. Именно она организовала ряд встреч с французскими учеными, занимающимися близкой по теме проблематикой, пригласила посетить прием в Мэрии Парижа в честь иностранных ученых, работавших по различным программам обмена. Соня довольно бегло говорит по-русски (так же, как и хозяйка квартиры в районе площади Бастилии, предоставленной для проживания). Это также хорошо характеризует организаторов, которые стараются облегчить проблемы общения на иностранном языке для приглашенных ученых.

Главным консультантом по научной части был Жак Сапир из Высшей школы исследований в области социальных наук – известный ученый, специалист по проблемам вооруженных сил, как историческим, так и современным. Это очень энергичный человек, давно и тесно связанный с нашей страной (ранее приходилось встречать его на семинарах). Он делает одновременно тысячу дел. Жак свободно говорит по-английски, он стажировался в США и имеет большие международные научные контакты. Владение иностранными языками не относится к числу сильных

сторон французов, и с большинством из них приходится объясняться только по-французски. Жак Сапир является одним из исключений, что значительно расширило горизонты общения.

Жак дал немало ценных советов по поиску нужных источников по теме. В частности, по его рекомендации я начала работать в библиотеке Института политических исследований Национального фонда политических наук (сокращенно – расхожее название – Сьянс ПО), которая расположена в 5–7 минутах ходьбы от офиса Дома наук о человеке (бульвар Распай). Можно было брать там книги, уносить в офис и ксерокопировать бесплатно.

Сьянс ПО – это учебное заведение, и я получила приятную возможность работать среди французской молодежи, наблюдать за их поведением и стилем работы. Невольно сравнивала их с российскими студентами, которых я постоянно наблюдаю, поскольку в течение ряда лет преподаю историю России XX века в РГГУ. Бросилось в глаза, что в читальных залах все до единого работают на персональных компьютерах, которые приносят с собой (кроме того, в зале находится много компьютеров, через которые можно зайти в каталог библиотеки, найти и затем заказать нужные издания). В отличие от российских студентов и ученых, в читальном зале французы не разговаривают, стоит тишина и никто не мешает другим работать (хотя в целом французы очень общительны и контактны, и любят знакомиться на улицах и в общественных местах более активно, чем русские). При этом нужно отметить, что французские ученые довольно не пунктуальны, и очень часто опаздывают на встречи, даже деловые.

Кроме того, Сьянс ПО оказалась ареной политической борьбы на выборах Президента Франции, которые проводились как раз в это время в Париже. Один из кандидатов в президенты Ле Пен приезжал в Институт и устроил там предвыборный митинг.

Вообще политическая и личностная борьба на выборах была крайне активной, кругом висели плакаты многочисленных кандидатов, по телевидению постоянно транслировались дебаты, порой переходившие в перепалки и сражения. Главные кандидаты Сегален Руаяль и Николя Саркози долгое время шли вровень в этой борьбе, поэтому она носила особенно напряженный характер. Французы в целом известны своей повышенной социальной активностью и очень непосредственно выражают свой протест – недаром национальным символом служит петух! На улицах очень часто можно видеть шумные и красочные демонстрации по различным поводам, что заметно отличает французскую столицу от большинства европейских городов.

Писать о духе Парижа, Эйфелевой башне, которая очень выигрывает от непосредственного контакта с ней, о набережных Сены, помпезности Елисейских полей, и мрачной изысканной красоте Нотр-Дама – дело неблагодарное. Поскольку кто только об этом не писал! Париж действительно уникален, но чтобы это почувствовать, нужно в нем пожить, поездить в транспорте на работу вместе с его жителями, погрузиться в море французского языка (поскольку на других языках с тобой никто говорить не станет), а не просто пробежать с экскурсией по достопримечательностям. Надо отметить, что мне исключительно повезло с погодой. Все обычно стараются приехать в Париж в мае (как говорила Соня Кольпар, в это время в Доме наук о человеке наблюдается “переизбыток” ученых, очереди в компьютерном зале, не хватает квартир для поселения и т.д.). А в 2007 г. в марте было очень холодно (так что все распустившиеся было цветы в садике у Эйфелевой башни замерзли, и соловьи пели на морозе), но уже в апреле стало очень тепло, даже жарко (до 25–27 градусов), и город стал буквально утопать в цветущих каштанах, как это ему полагается делать на месяц позже.

Пригороды, замки, сады, дух истории царит в Париже и его окрестностях. Большинство старых зданий ремонтируются очень слабо, состояние коммунального хозяйства оставляет желать лучшего, в городе запрещено строительство высотных зданий. Все это позволяет сохранить уникальный исторический облик и дух города. Общеизвестно, что жизнь в Париже не затихает ни днем, ни ночью, причем в последнем случае она принимает шумно-развеселый характер (Площадь Бастилии в этом отношении очень известна). Но зато становится сразу ясно, что ты находишься в Париже, а не в каком-нибудь другом скучном европейском городе! Кстати, из окна мансарды, где я проживала, был виден луч прожектора, который по вечерам вертится на верхушке Эйфелевой башни. Вечерний Париж с этой самой башни выглядит еще более волшебно, чем днем: очень удачно подсвечиваются здания, магистрали, обозначая рельефы города.

Одно из самых сильных впечатлений – это французские женщины. Жизнь в Париже позволяет визуально подтвердить распространенное мнение, что нигде дамы не одеваются с таким вкусом и изысканностью. Они избегают “нигилизма” в одежде и даже подчеркнутого пренебрежения к ней, которое царит в большинстве европейских стран. И вообще французские женщины производят неожиданно большое впечатление как хрупкие, но сильные и цельные натуры с очень сильно выраженными чертами “фемининности”.

Однако в силу специфики разрабатываемой мною темы объектами профессиональных контактов были, как всегда, мужчины. Во время командировки удалось трижды встретиться с видным специалистом по проблемам военной промышленности Франции Жан-Полем Эбером, сотрудником Высшей школы исследований в области социальных наук, который подарил одну из своих книг и любезно ответил на все вопросы. Также состоялась беседа с Эриком Лаиллем, профессором Высшего Института технологии и менеджмента, который ответил на вопросы об особенностях организации военной системы во Франции. Ранее он работал в министерстве обороны, и смог поделиться любопытными наблюдениями и воспоминаниями об особенностях национального самосознания французов, в частности, по поводу их стремления иметь собственную сильную независимую военную организацию. Рассуждения Э. Лаилля во многом подтвердили сведения на этот счет, почерпнутые мною ранее из научной литературы.

В свою очередь, Седрик Дюран, бывший ученик Ж. Сапира, который работает в университете Лион 1, просил меня выступить консультантом по проблематике военной промышленности СССР и современной России. Молодой французский исследователь получил ответы на все свои вопросы. Таким образом, контакты носили двусторонний и взаимообразный характер.

Также интересным был контакт с Кристианом Дюмоном, ветераном промышленности сухопутных вооружений Франции, который рассказал о собранной им коллекции фотографий бронетехники из различных стран (в том числе из СССР) и подарил книгу по истории французской военной техники. Кристиан уже ранее посещал нашу страну как турист и контактировал с работниками Музея Вооруженных сил в Москве. Мы обменялись мнениями по различным вопросам отношений между нашими странами, а также по вопросам развития военной техники.

Одним из интересных общественных мероприятий был упоминавшийся уже выше прием иностранных ученых в Мэрии Парижа. На приеме, проводившемся в роскошном здании в Отель де Вилль, присутствовало несколько десятков ученых различных стран и континентов. Среди них встретилось несколько русских, в основном молодые ученые-аспиранты. Официальные речи, как положено, завершились изысканным банкетом с шампанским и трюфелями, а также живой музыкой. Прием начался в 6 часов и закончился около 8; большинство ученых было одето по-будничному, хотя некоторые дамы были в платьях (но не вечерних). Все проходило в неформальной обстановке, что характерно в целом для международного научного сообщества.

В целом научные результаты поездки, продолжавшейся 31 день, были весьма удовлетворительными: удалось завязать контакты с рядом французских специалистов, которые на международных конференциях обычно держатся довольно обособленно, выявить и отсканировать значительный объем литературы (все материалы были высланы в специальной коробке за счет Дома наук о человеке и прибыли в Москву через две недели), определить основные архивы, где находятся материалы по проблематике военно-промышленной истории Франции периода холодной войны (архив Министерства обороны Франции, коллекции Библиотеки Ф. Миттерана и др.). По итогам работы была написана научная статья и отправлена Ж.-П. Эберу в конце 2007 г. для публикации в интернет-издании.

А.В. Виноградов, В.А. Невежин

НАУЧНАЯ КОМАНДИРОВКА В РЕСПУБЛИКУ БЕЛАРУСЬ

С 17 по 25 сентября 2007 г. делегация ИРИ РАН в составе к.и.н. А.В. Виноградова и д.и.н. В.А. Невежина находилась в научной командировке в Республике Беларусь (г. Минск) в рамках эквивалентного обмена между РАН и Национальной академией наук Беларуси. В роли принимающей организации выступал Институт истории НАН Беларуси.

Целью командировки являлась работа в библиотеках и научные контакты с коллегами, работающими по двум исследовательским темам: “Русско-крымские отношения 70-х–90-х гг. XVI в.” (А.В. Виноградов) и “Вторая мировая война в новейшей белорусской историографии” (В.А. Невежин). По обеим темам членами делегации производилась работа в Национальной библиотеке Республики Беларусь. Эта Библиотека открылась совсем недавно. Она оснащена по последнему слову техники (прежде всего, имеет электронно-поисковую систему по истории Республики Беларусь; удобную форму ксерокопирования печатных материалов, что значительно облегчает научно-поисковую работу).

В.А. Невежин также посетил Национальный Архив Республики Беларусь, ознакомился с его руководством и издательской деятельностью.

Помимо поисковой работы члены делегации имели возможность непосредственного общения со своими белорусскими коллегами-историками.

17–18 сентября А.В. Виноградов встречался с ведущими специалистами по публикации Литовской метрики (ЛМ) в Центре истории Беларуси в средние века и раннее новое время к.и.н. А.И. Грушей (зав. сектором) и к.и.н. В.С. Мянжинским. Он имел возможность ознакомиться с подготовленными белорусскими коллегами методическими рекомендациями по публикации Литовской метрики.

19 сентября члены делегации ИРИ РАН по приглашению дирекции Института истории НАН Беларуси приняли участие в “круглом столе” “Российские революции 1917 г. и Беларусь”,

организованном Институте истории НАН Беларуси и редакцией “Белорусского исторического журнала”. В.А. Невежин на этом “круглом столе” выступил с кратким сообщением о современном состоянии изучения Революций 1917 г. сотрудниками ИРИ РАН.

На этом научном форуме была представлена точка зрения государственного руководства Республики Беларусь о значении Октябрьской революции 1917 г. как определяющего фактора в достижении белорусским народом государственной самостоятельности. Оно, таким образом, исходит из государственно-правовой преемственности современного Белорусского государства от БССР.

Согласно другой точке зрения, представители которой находились на “круглом столе” в меньшинстве, важное место в достижении национальной государственности отводится т.н. “Белорусской Социалистической Громаде” (1917–1918 гг.).

После проведения научного форума состоялась встреча членов делегации с директором Института д.и.н., проф. А.А. Коваленей. В ходе встречи ему по поручению заместителя директора по международным связям к.и.н. Л.П. Колодниковой были переданы новейшие публикации ИРИ РАН.

24 сентября члены делегации присутствовали на заседании Отдела военной истории и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси, посвященном изучению проблем Второй мировой войны. В.А. Невежин проинформировал белорусских коллег об основных направлениях изучения Второй мировой войны сотрудниками ИРИ РАН.

Белорусские коллеги исходят из определяющего вклада белорусского народа в достижении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Это касается как особого характера партизанского движения в Беларуси, принявшего всенародный размах, так и фактора наибольших людских потерь ее среди союзных республик. Вместе с тем белорусские историки не замалчивают проблему белорусского коллаборационизма и сложных взаимоотношений советского партизанского движения с вооруженными формированиями Армии Крайовой, действовавшей в Западной Белоруссии.

25 сентября А.В. Виноградов выступил на заседании Центра по истории Беларуси в средние века и раннее новое время с докладом “Посольские документы 6-й книги записей ЛМ”. Кроме того, по поручению руководителя группы ИРИ РАН по публикации Литовской Метрики д.и.н. М.Е. Бычковой зачитал ее доклад “Кириллические тексты Литовской Метрики в современных публикациях литовских историков”.

В изучении истории Великого княжества Литовского белорусскими историками есть ряд особенностей. Структуры, не входящие в состав БАН (так называемые “неформалы”), рассматривают ВКЛ как предтечу белорусской государственности. Точка зрения руководства Республики Беларусь исходит из сложившейся в советское время концепции истории ВКЛ, согласно которой определяющим было господство в этом государственном образовании польской феодальной верхушки и шляхты; последняя включала в себя белорусское по происхождению дворянство.

В ходе заседания состоялась дискуссия о принципах публикации Литовской Метрики в Беларуси, Литве и России.

Во время командировки члены делегации имели возможность встречаться и обсуждать интересующие научные проблемы с академиком НАН д.и.н. Н.П. Костюком, д.и.н., заведующим Отделом военной истории и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси д.и.н. А.М. Литвиным, сотрудниками этого же отдела к.и.н. В.И. Кузьменко, И.Ю. Воронковой, главным редактором “Белорусского исторического журнала” к.и.н. В.Ф. Кушнером.

В ходе командировки произведен обмен научной и справочной литературой. От директора Института истории НАН Беларуси д.и.н., проф. Ковалени в дар ИРИ РАН получены: энциклопедический справочник “Современная Беларусь” (Минск, 2006–2007. Т. 1–3) и сборник документов “Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.)” (Минск, 2007). В.А. Невежин подготовил текст рецензии на этот документальный сборник, направленный для публикации в “Белорусском историческом журнале”.

Белорусские коллеги проявили заинтересованность в дальнейшем научном сотрудничестве с Институтом российской истории РАН. Выражено намерение восстановить практику регулярного участия в проводимых обоими Институтами научных конференциях, а также в подготовке совместных научных трудов.

Вместе с тем, в результате непосредственных личных контактов выяснилось, что совместная публикация Литовской Метрики силами ИРИ РАН и Института истории НАН Беларуси не представляется возможной, поскольку имеются определенные организационно-технические затруднения (отсутствует единая группа или центр по изучению данного свода документов).

Двусторонний интерес проявлен к перспективам совместной разработки истории дипломатических связей Великого Княжества Литовского и Русского государства. Однако в Центре истории Беларуси в средние века и раннее новое время Института исто-

рии НАН Беларуси данная проблематика специально не разрабатывается. Помимо этого, исследование истории внешней политики Великого княжества Литовского в Беларуси в настоящее время, как правило, осуществляется структурами, находящимися вне системы Национальной академии наук.

Однако в целом можно считать состоявшуюся командировку плодотворной. Ее итоги свидетельствуют о необходимости поддержания и дальнейшего развития научных обменов и связей между ИРИ РАН и Институтом истории НАН Беларуси.

С.А. Мезин

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ КУЛЬТУР В ИЗДАНИЯХ ЦЕНТРА ПО ИЗУЧЕНИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

С 1994 г. в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН проводятся ежегодные “круглые столы” по теме “Россия и мир глазами друг друга”. Отчеты о заседаниях “круглого стола” регулярно публикуются на страницах журнала “Отечественная история”¹. Материалы конференций легли в основу шести сборников и коллективной монографии². Ответственным редактором этих изданий и организатором “круглых столов” является руководитель Центра А.В. Голубев, который сумел привлечь к изучению проблем взаимовосприятия культур не только своих коллег по Институту, но и специалистов различных профилей (историков, филологов, культурологов) из многих академических и вузовских центров Москвы, Петербурга и других городов. Хотя многие из названных изданий уже получили отклик в печати³, уникальный комплекс исследований проблемы “Россия и внешний мир” заслуживает отдельного рассмотрения.

Повышению исследовательского интереса к истории культурных коммуникаций и инокультурных представлений способствовала общественно-политическая ситуация, сложившаяся в нашей стране к середине 1990-х годов. Она характеризовалась невиданной дотоле открытостью российского общества, которая вызывала как эйфорию единения с внешним миром на основе общечеловеческих ценностей, так и тревогу за стремительно падающий международный престиж России и размывание базовых национальных ценностей. Расширение научных контактов с зарубежными коллегами, большая доступность иностранной литературы, возрастающий интерес к изучению отраженной действительности также способствовали актуализации названных проб-

лем. Значительно повысился интерес к Россике, которая открывала новые возможности для изучения некоторых аспектов отечественной истории, делала взгляд на прошлое стереоскопичным. А с другой стороны, активное освоение внешнего мира требовало исторического осмысления “русского взгляда” на мир. За последние полтора-два десятилетия проблемы отраженной действительности, образов стран и народов, диалога культур выделились в самостоятельное направление, что отражает расширение проблемного поля и методов исследования отечественной исторической науки и вхождение ее в мировое сообщество гуманитарных наук. Рассматриваемые издания внесли заметный вклад в развитие этого направления.

В сборнике 1996 г. “Россия и Европа в XIX–XX веках: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур” уже наметились сквозные темы рецензируемых изданий: Россия и мир в зеркале журналистики, формирование внешнеполитических стереотипов в XX в., Россия и Великобритания глазами друг друга; определился костяк авторов, которые будут задавать тон и в последующих изданиях. Однако первый сборник ограничен сравнительно узкими хронологическими и тематическими рамками. В сборнике 1997 г. “Россия и внешний мир: диалог культур” происходит расширение проблемно-хронологического поля: здесь образы “иного” в России рассматриваются в гораздо более глубокой исторической перспективе (от XII до конца XX в.), а русско-немецко-английская тематика дополняется работами, касающимися восприятия украинских, польских, голландских, американских реалий⁴.

Авторы коллективной монографии “Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века” (1998 г.)⁵ пошли по пути углубленного изучения одной темы: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. Эта тема чрезвычайно актуальна, ибо речь идет о периоде, очерченном двумя мировыми войнами. Примечательно, что 1917 год не стал в данном случае рубежным, ибо мифологические по сути внешнеполитические стереотипы благополучно пережили революцию, хотя их конкретное наполнение и механизм формирования изменились. Противостояние Западу выступает как архетип русского общественного сознания, как “судьба” России. Авторы объясняют это догоняющим развитием страны, ее модернизацией, протекавшей в виде европеизации, что приводило к болезненному отказу от “своего”. По мнению авторов, противостояние выступает как *универсальная* характе-

ристика модернизации общества. Конфликт и противостояние выступают как “*наиболее продуктивная форма культурного диалога*” (Курсив мой. – С.М.)⁶. Соглашаясь с приемлемостью этой теоретической формулы для ситуации русско-европейского культурного диалога, все-таки поставлю под сомнение ее универсальность (модернизация не везде в мире выступала в виде заимствования и европеизации). Диалог культур, как в свое время показал Ю.М. Лотман, подразумевает рост враждебности к “дающей”, доминирующей стороне, “бунт периферии против центра”⁷. Однако, по логике авторов монографии получается, что едва ли не оптимальной формой культурного диалога является война, с чем уже никак нельзя согласиться.

Конечно, реальная картина отношения различных слоев русского населения к Западу была более богатой и разнообразной. Авторы приходят к выводу, что “в 1900–1917 г. в России господствовали полицентричные представления о внешнем мире, что до начала войны определило сосуществование как позитивных, так и негативных установок в отношении Запада. В середине 1914 г. явный перевес получает антигерманская установка, однако к 1917 г. она в какой-то мере уступает место недовольству политической союзных России Англии и Франции”⁸. В советской России на формирование внешнеполитических стереотипов работала хорошо отлаженная пропагандистская машина. Уже в 1920–1930-е годы официальная пропаганда сформировала картину мира, составленную “из набора довольно устойчивых стереотипов, которые в момент своего возникновения в какой-то степени отражали подлинную ситуацию, но скоро оторвались от постоянно изменявшейся реальности”⁹. В этой картине СССР занимал исключительное место в мире, являлся притягательным центром для мирового пролетариата и народов, борющихся за независимость, был позитивной альтернативой “кризисному” Западу, оплотом высочайшей духовной культуры.

Говоря о динамике образа Запада в Советской России, авторы выделяют три слоя советского общества, представлявших различные уровни внешнеполитических представлений: политическая элита, интеллектуальная элита, массы. Весьма интересный, подчас уникальный материал собран авторами для характеристики массовых представлений о внешнем мире, которые, как и в дореволюционное время, часто носили мифологический характер, но вместе с тем находились под сильным влиянием официальной пропаганды. Проблемы восприятия внешнего мира отходят на задний план в тех разделах монографии, где речь идет об отношении к Западу военной и интеллектуальной элит, ибо

внимание авторов сосредоточено на оценке советской военной элитой общей геостратегической ситуации в Европе и на проблеме отношения интеллектуальной элиты к внешней политике партийного руководства.

Заключительная глава монографии посвящена характеристике образа врага в сознании участников мировых войн. Объединение в одном блоке материала первой и второй мировых войн позволило авторам выделить общие черты и различия в представлениях о противнике. Общим было развитие образа врага “от преимущественно пропагандистского, абстрактно-стереотипного, сформированного на расстоянии через официальные каналы информации, прессу, специальные агитационно-пропагандистские материалы, к более конкретно-бытовому, личностно-эмоциональному образу, который возникал у армии и народа в первую очередь при прямом соприкосновении с противником”¹⁰. Однако если в Первой мировой войне первоначальный стереотип “врага-зверя” переходил в образ “врага-человека”, с которым можно и побрататься, то во Второй мировой войне образы врага-машины, врага-зверя доминировали. Эволюционизировали и образы союзников, формировавшиеся под влиянием вековых стереотипов, официальной пропаганды и политических реалий военного времени.

Сотрудничество многих авторов в коллективной монографии позволяет мобилизовать богатый и разнообразный материал, осветить различные аспекты большой темы. Однако авторы иногда отходят от сквозной проблематики взаимовосприятия, переключаясь на традиционное освещение внешнеполитических вопросов. Например, в разделе «Синдром “наступательной войны” в пропаганде начала 1940-х гг.» убедительно показано, что Советский Союз с мая 1941 г. начал активную подготовку к наступательной войне, но к “образу другого” этот материал имеет весьма отдаленное отношение. Подобные “вставки” имеются и в других частях монографии.

С 2000 г. началось издание сборников под общим названием “Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия”.

Первый выпуск сборника открывается разделом о русско-европейском отражении в период Московской Руси (XV–XVII вв.). Статьи второго раздела сборника указывают на то, что в XVIII – первой половине XIX в. русско-европейский культурный диалог приобрел особое значение для жизни России. Следующий блок посвящен вопросам российско-американского отражения второй половины XIX–начала XX столетия. В заключительном разделе сборника речь идет о том, что в конфликтных ситуациях стереотипы и мифы взаимных представлений народов друг о друге при-

обретают острое политическое звучание, становятся основой для создания образа врага.

Второй выпуск сборника “Россия и мир” также отличается тематическим разнообразием и широкими хронологическими рамками. Книга снабжена предисловием, которое помогает сориентироваться в его тематике и констатирует то общее, что связывает все исследования: «материалы... выпуска воссоздают историю взаимовосприятия России и соседних или взаимодействующих с нею государств и народов как своего рода диалог культур и менталитетов, чреватый то “конфликтом интерпретаций”, то политико-идеологическим противостоянием, то непосредственным военным конфликтом». Первые три раздела сборника касаются культурных и политических аспектов русско-европейского диалога культур. Завершающий раздел издания, целиком посвященный эволюции образа Японии в российском обществе, в определенной степени является его “изюминкой”.

Широтой хронологических рамок (с VI до начала XX в.) и разнообразием анализируемых этнических образов отмечен третий выпуск сборника. В четвертом выпуске речь идет о проблемах взаимовосприятия культур в XX в. Специальные разделы посвящены российско-германскому и российско-американскому отражению. В этом выпуске появляются работы американских авторов о восприятии Советской России заокеанскими очевидцами в 1920–30-х годах.

К сожалению, в последних выпусках издатели отказались от именных указателей, что весьма затруднило работу с книгой. Увы, оставляет желать лучшего и техническое исполнение книг, которые буквально рассыпаются при прочтении.

Высокий научный уровень рецензируемых изданий во многом определяется пристальным вниманием многих авторов к теоретическим проблемам взаимовосприятия культур. Уже в сборнике 1996 г. И.Г. Яковенко наметил связь восприятия “иного” с цивилизационными и ментальными основами конкретно-исторического социума. О ментальных основах разделения мира на “свое” и “чужое” писал Л.Н. Пушкарев. Он рассмотрел диалектику этих понятий в мировосприятии европейцев от античности до современности, указал на значение вероисповедального, национального и классового принципов в разделении окружающего мира на “своих” и “чужих”. Пафос статьи (очень характерный для гуманитарной литературы 1990-х годов) – в утверждении возможности преодоления наиболее одиозных отрицательных стереотипов в отношении других народов¹¹. Конкретизируя влияние социальной организации на формирование образа врага,

В.А. Невежин пишет: «Моделирование процессов возникновения “образа врага” во взаимоотношениях различных стран и народов привело исследователей к пониманию того, что в основе этих процессов находится неверное восприятие – “взаимная мисперцепция”. Механизм ее действия в упрощенном виде выглядит следующим образом: неверные образы внешнего мира, как правило, навязываются “сверху”, проникая затем в массовое сознание. Считается, что тоталитарная система, аналогом которой являлся сталинский режим, в большой степени была подвержена стереотипному мышлению, а поэтому более склонна к мисперцепциям»¹².

Более частный вопрос о влиянии ментальных установок на культурный выбор рассматривается в спорной статье Н.Ю. Балониной¹³. Рассуждая о влиянии немецкой ментальности на становление образа науки в России, автор приходит к выводу, что для России исторически более логичным было присоединение к католическому варианту образования и науки, направленному на гуманитарное знание. Однако парадоксальным образом имперские амбиции Петра I обусловили преимущественное внимание к протестантской этике, философии и науке. Думается, что выбор в данном случае был обусловлен более прагматическими соображениями: явными военно-техническими успехами протестантских стран к началу XVIII в., а также более устойчивыми традициями общения русских с европейцами-протестантами. Что же касается имперских амбиций, то они более успешно реализовались именно в католическом мире (абсолютистская Франция, империя Габсбургов и т.д.).

Осмыслению закономерностей, связанных с формированием и функционированием представлений об иных народах, странах, культурах в российском обществе XIX–XX вв., посвящена совместная статья А.В. Голубева и П.С. Куприянова¹⁴. Авторы традиционно и вполне справедливо указывают на стереотипы как на главные “кирпичики”, из которых строятся представления об “ином”. Стереотипы определяются как упрощенные, схематизированные, эмоционально насыщенные представления социальных групп и их представителей. При этом выделяются этнические, внешнеполитические и инокультурные стереотипы. Последние определяются авторами как наиболее “наполненные”, ибо содержат сведения об иной национальной истории, культуре и современности. На основе инокультурных стереотипов возникают образы, которые являются более высоким уровнем восприятия. Они гораздо адекватнее отражают “иную” реальность и обязательно включают в себя индивидуальный авторский опыт. В изучении инокультурных стереотипов во

главу угла ставится проблема их соотношения с реальностью. Хотелось бы специально подчеркнуть важность этого положения. Широко распространенное в современной гуманитарной науке представление о субъективности любой научной реконструкции ставит под сомнение саму постановку вопроса истинности. Как следствие — появление работ, в которых анализ инокультурных представлений носит риторический характер и почти никак не соотносится с породившей их реальностью¹⁵. Конечно, верность стереотипов связана с адекватностью наших представлений о прошлом. Но автор настоящей рецензии (наверное, как и авторы статьи) не сомневается, что изучение исторического контекста, в котором происходит формирование и функционирование стереотипа, является главным смыслом исследования этой своеобразной формы образа “другого”. Весьма интересным представляется и вопрос о столкновении стереотипов с реальностью, например, во время путешествия. Справедливо отмечая необычайную устойчивость стереотипов, авторы указывают, что только установка на анализ и рефлексию позволяет путешественнику преодолеть интеллектуальную инерцию и более адекватно характеризовать образ того или иного народа.

Необычайная устойчивость стереотипов показана авторами на примере отношения российского общества XX в. к Западу. Несмотря на внутренние и внешние потрясения, на возрастающую открытость России, роль стереотипов в массовых представлениях о внешнем мире остается существенной.

Заслуживает внимания и такое не отмеченное авторами свойство инокультурных стереотипов, как отражение в “перевернутом” виде реалий и проблем сформировавшего их общества. Это качество стереотипных этнических представлений, конечно, более касается доиндустриального общества, однако и в XX веке отрицательный образ “чужого” нередко внедрялся для решения внутренних проблем.

В статье Ю.И. Игрицкого “Россия и Запад: корни стереотипов” указывается на то, что некоторые исследователи стараются не замечать: *реальные истоки* отрицательных европейских стереотипов России. Автор не без оснований полагает, что “константа отношения к государству в России, а потом в Советском Союзе как к всевластному колоссу, авторитарному, а в течение какого-то времени тоталитарному, определяет отношение очень большого, вероятно, доминирующего вектора общественного мнения Запада к нашей стране и нашему народу”¹⁶.

В рецензируемых сборниках можно выделить ряд сквозных тем, которые с успехом раскрываются в ряде статей отдельных

авторов. Е.И. Малето анализирует представления русских средневековых авторов о Западе и Востоке, выделяя в них известный “реализм” и толерантность. В статьях Л.Е. Морозовой и А.П. Богданова рассматриваются проблемы русско-европейского культурного и политического диалога в XVII в.¹⁷ К сожалению, я не могу разделить ни некоторого антиевропейского пафоса статей Морозовой, ни утверждений Богданова, полагающего, что накануне петровских реформ Россия уже была высококультурной европейской страной, “великой державой”. Работы О.Г. Агеевой посвящены конкретным проблемам русско-европейского культурного диалога в период реформ Петра I¹⁸. Среди них хотелось бы выделить новаторскую по постановке вопроса и по богатству использованного архивного материала статью “Европейские образцы и церемониалы русского императорского двора XVIII в.”, которая позволяет считать автора крупнейшим специалистом по истории русского императорского двора XVIII в.¹⁹

В статье П.С. Куприянова «Образы “дикарей” в записках русских путешественников начала XIX в.: абстракции и реальность» речь идет о том, как в сознании путешественников идеальные представления о “добром дикаре”, свойственные литературе века Просвещения, сталкивались с реалиями из жизни народов островов Тихого океана²⁰. Автор справедливо указывает на то, что внешний мир оценивался человеком века Просвещения (европейцем) в рамках дихотомии “дикость” – “цивилизация” (как вариант – “варварство” – цивилизация). Однако трактовка взглядов Дидро, данная на основании одного из его памфлетов, представляется не вполне адекватной. Дидро отнюдь не был апологетом “золотого века” первобытности и противником цивилизации. Напротив, в 1760–1770-х годах под некоторым влиянием шотландской исторической школы философ создает свою концепцию “цивилизации” как естественного, длительного, детерминированный многими факторами процесса, исключающего искусственные скачки, но допускающего политическое регулирование. Именно в сочинениях Дидро и близких к нему авторов просветительский универсализм начинает уступать место пониманию необходимости развития “цивилизации” на национальной основе²¹.

Весьма интересными видятся статьи С.А. Козлова, рассказывающие о том, как немецкий рационализм и русские разгильдяйство и необязательность (автор заменяет их эвфемизмом “авось”) сталкивались при попытке теоретического и практического решения задач хозяйственного развития России конца XVIII–второй половины XIX в.²²

В сериях статей, посвященных русско-американским сюжетам, выделяются своей основательностью работы А.В. Голубева, В.И. Журавлевой, А.В. Павловской, С.В. Листикова²³.

Содержательные статьи В.Э. Молодякова, Л.В. Жуковой и Е.С. Сенявской дают представление о том, что в России знали о Японии и как относились к ней с XVII до середины XX в.²⁴

Разнообразным вопросам русско-французского отражения посвящены статьи Е.Ю. Артемовой, М.В. Губиной, О.Б. Поляковой. Правда, попытка последнего автора дать общую картину русско-французского культурного диалога XVIII–первой половины XIX в. вылилась в популярный очерк, не лишенный отдельных неточностей.

Как уже отмечалось, на страницах сборников много внимания уделено механизмам создания, функционирования и эволюции образа врага в войнах XX в. Хотелось бы обратить внимание читателей на статьи Е.С. Сенявской²⁵. При разнообразии сюжетов, связанных с представлениями советских солдат о врагах (финнах, немцах, афганцах и т.д.) работы этого автора отличаются разнообразием введения в оборот новых источников. Автор пытается взглянуть на события с позиций обеих враждующих сторон, умея сочетать патриотизм со строгой научностью.

Как и все издания подобного рода, рецензируемые сборники содержат статьи, отличающиеся по своему научному уровню, но работы таких авторов, как Л.Н. Пушкарев, А.В. Голубев, А.А. Невежин, Е.С. Сенявская и др. задают в них тон и определяют общий высокий уровень. Тематическая широта сборников и междисциплинарный характер также способствуют их притягательности для читателей, специализирующихся в различных областях гуманитарного знания: историков, литературоведов и языковедов, культурологов, политологов...

Стирая искусственные границы между отечественной и всеобщей историей, остро и правдиво освещая проблемы взаимовосприятия народов, тщательно подбирая тематику материалов и постоянно расширяя круг авторов, редколлегия и коллектив авторов сборников во главе с А.В. Голубевым, несомненно, вносят вклад в большое и полезное дело изучения диалога культур. Хотелось бы надеяться, что издание будет продолжено на основании материалов уже состоявшихся и будущих “круглых столов”.

¹ См.: Отечественная история. 1995. № 3; 1998. № 3; 1999. № 1, 6; 2001. № 2, 6; 2007. № 5.

² Россия и Европа в XIX–XX веках: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997; Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании

- российского общества первой половины XX века. М., 1998; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2000. Вып. 1; М., 2002. Вып. 2; М., 2006. Вып. 3; М., 2007. Вып. 4.
- ³ См. рецензии Ар.А. Улуяна, М.М. Наринского, В.И. Журавлевой, С.А. Мезина, С.В. Журавлева: Отечественная история. 1998. № 5; 1999. № 6; 2000. № 2; 2004. № 6; Историкографический сборник. Саратов, 2004. Вып. 21.
- ⁴ Россия и Европа в XIX–XX веках...; Россия и внешний мир...
- ⁵ Авторский коллектив: А.В. Голубев, М.М. Кудюкина, С.Т. Минаков, В.А. Невежин, Е.Н. Рудая, А.Ю. Саран, Е.С. Сенявская, Е.Ю. Сергеев, И.Г. Яковенко.
- ⁶ Россия и Запад. С. 30–31.
- ⁷ См.: *Лотман Ю.М.* Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 125–126.
- ⁸ Россия и Запад. С. 76.
- ⁹ Там же. С. 107.
- ¹⁰ Там же. С. 332.
- ¹¹ Россия и внешний мир...
- ¹² Там же. С. 83.
- ¹³ Россия и внешний мир...
- ¹⁴ Россия и Европа в XIX–XX веках...
- ¹⁵ См., например: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
- ¹⁶ Россия и внешний мир... С. 218.
- ¹⁷ *Малето Е.И.* Зарубежный Восток в восприятии русских путешественников XII–XV вв. (по матералам хождений) // Россия и внешний мир...; *Она же.* Западный мир глазами русских путешественников XV в. // Россия и мир глазами друг друга... Вып. 1; *Морозова Л.Е.* Образ “чужого” в эпоху Смутного времени начала XVII в. // Россия и внешний мир...; *Она же.* Иностранцы об изменениях в образе жизни русских людей (конец XV–XVI в.) // Россия и мир глазами друг друга... Вып. 1; *Она же.* Два взгляда Сигизмунда III на российское государство // Россия и мир глазами друг друга... Вып. 2; *Она же.* Московская Русь в польских и литовских сочинениях о Смуте // Россия и мир глазами друг друга... Вып. 3; *Богданов А.П.* Русь и Вселенная в период формирования имперской концепции (последняя четверть XVII в.) // Россия и внешний мир...; *Он же.* Европейский историк в России XVII в. // Россия и мир глазами друг друга... Вып. 1; *Он же.* Россия накануне империи: политические концепции и реальность последней четверти XVII века // Россия и мир глазами друг друга... Вып. 2; *Он же.* Геополитическая структура мира в понимании русского ученого XVIII в. // Россия и мир глазами друг друга... Вып. 3.
- ¹⁸ *Агеева О.Г.* Восприятие русского зодчества петровской эпохи западно-европейскими дипломатами // Россия и внешний мир...; *Она же.* Петр I глазами западноевропейских мемуаристов начала XVIII в. // Россия и мир глазами друг друга... Вып. 1; *Она же.* Европейские образцы и церемониалы русского императорского двора XVIII в. // Россия и мир глазами друг друга... Вып. 3.
- ¹⁹ См. также: *Агеева О.Г.* Европеизация русского двора 1700–1796 гг. М., 2006.
- ²⁰ Россия и мир глазами друг друга... Вып. 3.
- ²¹ *Dulac G.* Diderot et le “mirage russe”: quelques préliminaires à l’étude de son travail politique de Pétersbourg // *Le Mirage russe au XVIII siècle* / Éd. S. Karp et L. Wolff. Ferney (Voltaire) 2001; *Годжи Д.* Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004.

- ²² *Козлов С.А.* Проблема немецкого “ratio” и русского “авось” на страницах отечественной печати дореформенной эпохи // *Россия и мир глазами друг друга...* Вып. 1; *Козлов С.А.* От надежд к краху иллюзий: иностранные сельские работники в Центральной России после реформы 1861 г. // *Россия и мир глазами друг друга...* Вып. 3.
- ²³ *Голубев А.В.* “Царь Китаю не верит...” Союзники в представлении российско-го общества 1914–1945 гг. // *Россия и мир глазами друг друга...* Вып. 1; *Он же.* Америка в советской карикатуре 1920–30-х годов // *Россия и мир глазами друг друга...* Вып. 4; *Журавлева В.И.* “Как помочь России?” Россия и американское общество в конце XIX в. // *Россия и мир глазами друг друга...* Вып. 1; *Она же.* Уартон Баркер – “адвокат” России, или как сформировать общественное мнение в США // *Россия и мир глазами друг друга...* Вып. 4; *Павловская А.В.* Поререформенная Россия глазами современников-англичан // *Россия и Европа в XIX–XX веках...*; *Она же.* Русская тема в американской прессе второй половины XIX в. // *Россия и мир глазами друг друга...* Вып. 1; *Листиков С.В.* Американский дипломат о революционной России. События февраля–октября 1917 г. глазами М. Саммерса // *Россия и мир глазами друг друга...* Вып. 1.
- ²⁴ *Молодяков В.Э.* Япония в русском сознании и русской культуре конца XIX – начала XX в. // *Россия и мир глазами друг друга...* Вып. 2; *Жукова Л.В.* Восприятие Японии в России накануне русско-японской войны // *Там же*; *Сенявская Е.С.* Япония – противник России в войнах XX в. // *Там же.*
- ²⁵ *Сенявская Е.С.* “Исламское общество Афганистана глазами воинов-афганцев” // *Россия и внешний мир...*; *Она же.* Финны во Второй мировой войне: взгляд с двух сторон // *Россия и мир глазами друг друга...* Вып. 1; *Она же.* Сталинградские письма немецких и советских солдат: компаративный анализ ментальностей // *Россия и мир глазами друг друга...* Вып. 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, занимается историей русских княжеств XIV в., историей Москвы и Подмосковья.

Анисимов Максим Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИРИ РАН. Основное направление научных исследований – внешняя политика и деятельность дипломатии России середины XVIII в.

Бокарев Юрий Павлович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Главные направления исследований: компаративная история, социально-экономическая история, геополитика, математические методы моделирования исторических процессов, источниковедение.

Буганов Александр Викторович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Занимается проблемами исторического и национального сознания русского народа XIX–XX вв.

Быстрова Ирина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: история России XX века, военная история, история международных отношений, история военно-промышленных комплексов в XX в.

Бычкова Маргарита Евгеньевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, специалист по генеалогии, источниковедению, археографии, политической истории России XV–XVI вв.

Виноградов Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН. Основные направления исследований – история внешней политики Русского государства XVI–XVII вв., политическая история Крымского ханства, Великого княжества Литовского.

Гросул Владислав Якимович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИРИ РАН. Специализи-

зируется в области истории общественных отношений в XVIII–XX вв.

Зубкова Елена Юрьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Область интересов: социальная и политическая история СССР послевоенного времени.

Кабузан Владимир Максимович (1932–2008) – доктор исторических наук, специалист по исторической географии, демографии и этнической статистике России XVIII–XX вв.

Мезин Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Чернышевского. Среди научных интересов С.А. Мезина – франко-российские культурные связи, французская Россия.

Мелихов Георгий Васильевич – доктор исторических наук, китаевед. Ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Специалист по внешней политике России, советско-китайским и русско-китайским отношениям, истории и культуре российской эмиграции в Китае.

Невежин Владимир Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, специализируется на проблемах отечественной истории, историографии и источниковедения.

Новик Фаина Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, специалист по истории послевоенной внешней политики и международных отношений, известный исследователь российско-германских отношений второй половины XX в.

Поляков Юрий Александрович – действительный член РАН, профессор, действительный член РАЕН. В настоящее время – советник РАН, руководитель центра изучения территории и населения России, председатель Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии.

Румянцева Вера Степановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН. Специалист по истории России XVI–XVII вв., занимается проблемами культуры, просвещения, религиозных движений, историей Церкви и патриаршества, отечественной историографией.

Рыбаченок Ирина Сергеевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Основные направления исследований – русская история, источниковедение, историография, история внешней политики, периодическая печать, историческая биография.

Сенявский Александр Спартакович – доктор исторических наук, руководитель центра “Россия, СССР в истории XX века”,

специалист в области российской истории XX в., теории и методологии исторических исследований, исторической урбанистики и исторической демографии, экономической и социальной истории.

Федоровых Андрей Павлович – аспирант Института российской истории РАН Центра “Россия, СССР в истории XX века”.

Хоруженко Олег Игоревич – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИРИ РАН. Специализация: источниковедение, археография, вспомогательные исторические дисциплины.

Научное издание

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

Выпуск 8

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Н.В. Коваленко*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Ардова*
Корректоры *Э.Д. Алексеева,
Е.А. Желнова, Т.А. Печко*

Подписано к печати 24.08.2009
Формат 60 × 90¹/₁₆, Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл. печ. л. 24,0. Усл.кр.-отт. 24,0
Уч.-издл. 24,4. Тип. зак. 4118

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-036761-6

